

АРХИВ ТРОЦКОГО

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СССР

1923-1927

ТОМ 3

«ТЕРРА» - «TERRA»
1990

Архив Троцкого

Том III, часть 2

Харьков «ОКО»
2002

ББК 63.3(2)714

А 87
УДК 93/99

*Материалы публикуются с любезного разрешения администрации
Хогтонской библиотеки Гарвардского университета
и Международного института социальной истории (Амстердам)*

Документы для публикации подготовлены к печати
д-ром ист. наук *Ю. Г. Фельштинским* и д-ром ист. наук *Г. И. Чернявским*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук **Юрий Георгиевич Фельштинский** (*Бостон, США*);
д-р ист. наук, проф. **Георгий Иосифович Чернявский** (*Балтимор, США*);
д-р ист. наук, доц. **Михаил Георгиевич Станчев** (*Харьков, Украина*);
канд. ист. наук, доц. **Владимир Михайлович Духопельников** (*Харьков, Украина*);
д-р ист. наук **Валерий Васильевич Лантух** (*Харьков, Украина*);
д-р ист. наук, проф. **Аркадий Исаакович Эпштейн** (*Харьков, Украина*);
д-р ист. наук, проф. **Любомир Найда** (*Гарвардский университет, США*);
канд. ист. наук, доц. **Юрий Петрович Волосник** (*Харьков, Украина*).

А 87 **АРХИВ ТРОЦКОГО:** Т. 1—3 / Научные редакторы тома *Г. И. Чернявский, Ю. Г. Фельштинский, М. Г. Станчев.*— Харьков: Око, 2002.— Т. 3.
Ч. 2.— 2002.— 484 с.— [Коммунистическая оппозиция в СССР]
ISBN 966—526—031—6.
ISBN 966—526—063—4 (т.3)
УДК 93/99

В третью книгу 3-томного собрания документов из Архива Л. Д. Троцкого, хранящегося в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (США), вошли материалы, охватывающие период с августа по сентябрь 1928 г. Данный трехтомник продолжает документальную серию публикаций «Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923 — 1927 гг.».

Подавляющая часть документов данного издания публикуется впервые.

А 0503020500 — 64 Без обьяв.
2001

ББК 63.3(2)714

ISBN 966—526—063—5 (т. 3)
ISBN 966—526—031—6

© Подготовка документов.
Ю. Г. Фельштинский, 2000.
© Оформление обложки.
Издательство «ОКО», 2002.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Документы, публикуемые в четвертом томе, охватывают октябрь—декабрь 1928 г. Ими завершается публикация архивов Троцкого, связанных с деятельностью коммунистической оппозиции до высылки Л. Д. Троцкого из СССР. Том построен в соответствии с археографическими принципами и методами, сформулированными в первом, втором и третьем томах издания. Примечания третьего и четвертого томов содержат сплошную нумерацию, а именной и географической указатели к третьему и четвертому томам помещены в конце четвертого тома.

Материалы архива Троцкого хранятся в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (США) и публикуются с любезного разрешения администрации библиотеки.

В виде приложения в том включена брошюра Троцкого «Новый курс» (для приложения примечания и указатели не составлялись).

Ю. Г. Фельштинский

Г. И. Чернявский

М. Г. Станчев

ПОЗОРНАЯ ПОЛИТИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Москва

1 октября 1928 года

Число сосланных большевиков-ленинцев приближается к тысяче. Верность ленинской линии оплачивается дорогой ценой. Товарищи, отдавшие свою жизнь и здоровье делу революции, старые большевики-подпольщики, герои Красной армии, участники Октября снова брошены в дебри сибирской тайги, к пустынным границам Китая и Афганистана.

ГПУ не довольствуется тем, что осуждает ленинцев на медленную физическую смерть. Непрекращающиеся издевательства, бессмысленные и бесцельные — таков удел товарищей, сохранивших верность ленинизму.

Мы не знаем и сотой доли того, что приходится переносить ссылкой товарищам. Письма не доставляются. Телеграммы протеста, в том числе и адресованные в ЦК ВКП или в прокуратуру, задерживаются местными органами ГПУ. Но и те отдельные факты, которые вам известны, говорят о неслыханном режиме ссылки, в которой находятся большевики-ленинцы (опозиция) в СССР.

Приведем несколько примеров:

Тов. Зарге выслан в Обдорск, за полярным кругом. Выслан туда по этапу, вместе с ворами, убийцами, спекулянтами. По дороге побывал в десятке тюрем и изоляторов, причем в одном только Свердловском изоляторе провел свыше месяца, ночуя под нарами из-за недостатка места. Отобраны и не возвращены все его вещи, в том числе часы, полученные в Красной Армии, как боевая награда.

В своем заявлении, поданном в ЦК ВКП, т. Зарге пишет:

... те, кто осуждены по 107 статье (спекулянты), при всех условиях, даже при конфискации имущества, пользуются покровительством советской тюремной и геппусской администрации. Поездка в ссылку без конвоя, «за свой счет», получение за плату ресторанных обедов, покупка мест на нарах у «шпаны», полная обеспеченность. Шпионам, растратчикам, взяточни-

кам разрешены частые свидания, переписка, передача денег. Оппозиционеры всего этого лишены.»

Вот к каким выводам пришел т. Зарге, понаблюдав советские тюрьмы.

Не менее возмутительна история, разыгравшаяся в селе Кудымкор (Урал). Когда к одному из сосланных туда товарищей приехала жена (член партии), то ей предложили немедленно уехать. Товарищу даже не позволили проводить ее до станции, хотя такое разрешение было выдано одной участнице взрыва партийного клуба в Ленинграде.

Когда четверо Кудымкорских ссыльных-большевиков (Вязниковцев и др.) пожаловались на неслыханную грубость и незаконные поступки заведующего почтой (матерная ругань, отказ выдать полученные письма и пр.), то вместо того, чтобы одернуть зарвавшегося самодура, жаловавшихся т[оварищи] предали суду и приговорили к году тюремного заключения за оскорбление начальства. Пока этот неслыханный приговор был отменен по приказанию из Москвы, товарищам пришлось проделывать несколько сот верст по этапу и отсидеть 2 месяца в тюрьме.

Один из организаторов московского восстания в октябре 1917 г., тов. В. М. Смирнов приговорен к тюремному заключению за 5-минутное опоздание на регистрацию в ГПУ.

Комсомолец т. Грязнов, сосланный в глухое село Тобольского округа, лишен пособия и фактически обречен на голодную смерть.

Тяжелобольных: старейшего большевика, политкаторжанина Виленского-Сибирякова, руководителя КИМа тов. Вуйовича и многих других сослали в места, где отсутствует достаточная медицинская помощь и не разрешают даже кратковременной отлучки с места ссылки (Крайний Север), для лечения.

Эти примеры бессмысленных издевательств, нелепых жестокостей и тупого бюрократизма — только малая часть того, что происходит в действительности.

Бессовестно лжет тот, кто говорит, что такая политика вызывается интересами Советской страны. Наоборот, она подрывает авторитет СССР в глазах всего мирового пролетариата. Она отталкивает рабочих, которые вместо классовой политики видят поблажки арестованным спекулянтам и жестокую расправу с рабочими-большевиками.

Нынешнее руководство помиловало шахтинских контрреволюционеров на том основании, что они-де еще принесут пользу Советской Власти, хотя совершенно непонятно, в чем проявится полезность этих предателей.

В то же время сотни большевиков, которые действительно понадобятся в тяжелый момент и партии и рабочему классу, которые, не в пример единогласно голосующим чиновникам, грудью станут защищать СССР от врагов, 90% ссыльных, либо подпольщики, либо участники гражданской войны, — эти большевики обречены на медленное умирание в далекой ссылке.

Милости — шахтинцам и расправа с большевиками-ленинцами — вот линия нынешнего руководства.

Это линия, сползающая с пролетарских позиций. Эта линия ведет к термидору. Революционный рабочий должен напирать все силы в борьбе против этой гибельной линии.

Требуем прекращения бессмысленных издевательств и репрессий. Требуем возвращения ссыльных большевиков.

И. ВРАЧЕВ⁴⁴⁵. ПИСЬМО К. РАДЕКУ

Вологда, 2 октября 1928 г.

Дорогой Карл Бернардович!

Как писал уже в открытке тотчас по получении Вашего письма от 16/IX, я тоже смеялся, читая Ваше письмо. Да и как не смеяться. Вы объявляете меня противником реформы и сторонником... второй революции. Я уже писал Вам в открытке, что это так же основательно, как и обвинение нас с Вами в социал-демократизме. Впрочем, давайте сначала устраним то, что основано на недоразумении.

Вы пишете, будто я ссылаюсь на неизвестное Вам письмо нашего друга к Л[ьву] Д[авидови]чу, которое я определяю как «пятаковское с оттеночком сафаровщины». В конце письма Вы возвращаетесь к этому же вопросу, заявляя, что «на основе критики» нельзя «в дальнейшем болтать о подготовке пятакщины».

Если бы Вы прочли более внимательно то, что я писал, то в Вашем письме не было бы таких строк. В самом деле. Я писал Вам: «Вы совершенно справедливо говорили о влиянии децистов в нашей среде. Верно, это есть, как есть у нас и влияние пятакщины и даже сафаровщины. А Вы, как будто, этого не замечаете. Я допускаю, что когда Вы писали свое письмо,

то Вам не все было известно по этой части. Теперь-то Вы, надеюсь, осведомлены о настроениях Ищенко, Теплова, Серебрякова, а главное, знаете наверно, что наш известный и влиятельный друг⁴⁴⁶ прислал Л[ьву] Д[авидови]чу [Троцкому] письмо, по оценке Л. Д. [Троцкого] «совершенно предпятаковское с оттеночком сафаровщины».

Таким образом не я оцениваю письмо нашего друга как пятакское, а Лев Дав[идович], и притом не как пятакское, а как предпятаковское. Ввиду важности вопроса я приведу более расширенную цитату по этому вопросу; Лев Дав[идович] пишет А. Г. Белобородову: «...От нашего приятеля... получил я из Москвы неслыханное письмо, совершенно предпятаковское с оттеночком сафаровщины. Меня даже слегка стошнило...»

«Письмо мое от 9/5 писалось так, чтобы дать ему возможность отступить без полемики. Возможно, что это была ошибка, истолкованная им как «колебание». Во всяком случае, он зашел далеко...»

К сожалению, письма этого у меня нет, и я не могу указать даты; приведенное же выписано из письма тов. Белобородова.

Согласитесь, дорогой друг Карл Бернардович, что Вы зря подозревали меня, если не в распространении неверных сведений, то скороспелых и легкомысленных выводов. Я достаточно уважаю того, о ком идет речь, чтобы распространять о нем сплетни. Я бы не стал даже затрагивать вопроса, если бы сведения не исходили из столь авторитетного источника. Да, наконец, я бы не стал распространять сомнительных сведений и в силу политической вредности этого. Скажу больше. Даже об этом документально мне известном факте я до сих пор сообщил только Вам и Льву Семеновичу. По этим же сообщениям я намеренно ничего не писал Вам и Леониду Петровичу, несмотря на то, что после личной беседы с ним мне стало ясно, что он уже отошел от нашего движения, по крайней мере, на данной стадии. Как видите, я в этих вопросах очень лоялен (может быть, даже больше, чем следует).

А теперь перехожу к основному вопросу. Вначале я думал, что мне придется пространно отвечать Вам, благодаря чему и задержался с ответом на целую неделю. Но сейчас я не вижу потребности в большом количестве строк.

Вы пишете: «поскольку мы стоим на точке зрения реформы, а не революции, то без того, чтоб в самой партии и даже

в аппарате нашлись силы, борющиеся за реформу, никакой реформы быть не может».

Отвечаю: я с этим согласен. Да и нельзя не согласиться с этим потому, что мы делаем ставку не на потрясения или катастрофы, не на вторую революцию, а на исправление политики посредством партийной, а через это и государственной реформы. Только так стоит вопрос. Вы помните примеры Льва Давыдовича с Перселем. Да, мы Персели советского государства. Цепь нынешнего политического режима в Англии проходит через такие звенья: Чемберлен, Макдональд, Персель. Макдональд без Перселя ничто. Персель связан с масса-ми, но Персель — реформист. Когда всеобщая стачка в Англии грозила превратиться в большой революционный пожар, Персель помогал Макдональду тушить этот пожар. Так и мы. Мы говорим, что происходит сползание с рельс пролетарской политики, что пролетарская диктатура у нас, испытывая жесточайшее давление чуждых классов, значительно ослабляет силу своего сопротивления, что все это таит в себе величайшие опасности, но т. к. мы не считаем, что давление капиталистических сил уже привело к перерождению власти, к утрате ее рабочего характера, то мы не зовем пролетариат к новой революции и боремся за реформу. Так мы ставим вопрос не из дипломатии и трусости, конечно, а из глубокого нашего убеждения, что дело поправимо. Стало быть, мы реформисты.

Всякий, кто по этому основному вопросу держится иного мнения, кто, подобно друзьям Вл. М. Смирнова, считает, что основные процессы (которые развиваются пока как подспудные, о которых мы предупреждали и предупреждаем партию и рабочий класс) уже завершены, что ВКП стала оппортунистической партией и что над ней надо поставить крест, — тот не может считать себя выразителем взглядов оппозиции и должен или стать на нашу точку зрения, или уйти к Вл. Смирнову. Так смотрю я на этот вопрос.

Но есть ли, спрашивается, в нашей среде люди, расценивающие положение вещей так, как только что сказано. Да, есть. Но, по-моему, это одиночки, а по-вашему, вся наша молодежь. Вот здесь у нас с Вами разногласие есть. А когда Вы пытались заподозривать меня в ультралевизне, то ведь это же, право, смешно, и на этом можно не останавливаться. Надо ли бороться с носителями не наших (и опасных) взглядов. Безусловно, надо. И я веду посильную борьбу. Но отсюда, от борьбы с от-

дельными, сбивающимися с правильной линии товарищами до отрицания правой опасности в наших рядах, когда мы стоим накануне тяжелого удара именно с этой стороны (отход Л. П. С[еребрякова], эволюция взглядов Е. А. [Преображенского]), до намеков на заигрывание Л[ьва] Д[авидови]ча с молодежью до перспектив «секты ленинцев» (Е. А.), до «опасности ревизии Ленина слева» и пр. и пр. — далеко. Вот здесь-то и заложены наши с Вами расхождения.

Вы пишете, что я по-вашему должен был бы «признать опасность и слева и справа». Совершенно правильно. И я это признаю и в письме, на которое Вы отвечаете, об этом писал. А вот Вы, как я уже Вам заявлял, признаете только опасность «слева» (с моей точки зрения, сильно преувеличивая ее) и совершенно не замечаете опасности справа. Кстати, Вы пишете: «На мое утверждение, что у нас в оппозиции опасность слева, а не справа, Вы отвечаете совершенно по-детски указанием на колебания товарищей Ищенко и Теплова и на неизвестное мне письмо... к Л. Д. [Троцкого], которое Вы определяете как совершенно «пятакоское с оттеночком сафировщины».

На это я Вам скажу: прежде всего почему-то Вы опустили стоявшее у меня имя Серебрякова, а затем почему это перечисление в подтверждение существования левой опасности трех имен Вами не является «детским указанием», а перечисление мною — да является (как говорят местечковые евреи).

В письме к тов. Абрамскому Вы говорите о том, что Лев Дав[идович] не видит опасности ультралевизны и не хочет с нею бороться. Это не совсем верно. Когда Л. Д. [Троцкий] из письма в письмо разъясняет, как должна относиться оппозиция к тому, что сейчас происходит, когда он пишет «Что же дальше?»⁴⁴⁷, с которым Вы солидаризируетесь, и заявление конгрессу, которое Вы подписываете, то это, по-моему, и есть (наряду с другим) борьба с ультралевизной. В одном из своих писем Л. Д. [Троцкий] пишет:

«Сдвиг в политике ВКП и К[оммунистического] И[нтернационала] будет иметь крупнейшее значение и может стать даже исторической вехой».

«...Недопустим формально отрицательный подход к левому сдвигу: «ничего, мол, не произошло, одни махинации, все останется по-прежнему».

«Нет, произошли и происходят крупнейшие события: сдвиги в партии отражают глубокие сдвиги в классах, многое говорит за то, что накопившееся количество готовится перейти в некоторое новое качество. Конечно, в этом процессе будут еще свои подъемы и спуски. Но ясно одно: даже и немногочисленные кадры, если они вооружены ясным пониманием обстановки в целом, если они насквозь проникнуты пониманием своей исторической миссии и если они в то же время умеют или учатся пойти в ногу с прогрессивным движением в партийной массе и рабочем классе... такие кадры могут сыграть в нынешнем и в неизбежном переломе решительную роль» и т. д. в таком же духе. (из письма Л. Д. Троцкого от 17 июля с. г.).⁴⁴⁸

Разве это не борьба с «левой опасностью»? Я допускаю, что Л. Д[авидович]у просто неизвестны вывихи отдельных товарищей и что если бы до него дошли такие письма, как письмо к Вам Нечаева, Рубашкина и др[угих], то он реагировал бы на них соответствующим образом.

Далее, Вы указывали на то, что Лев Д[авидович] в своем заявлении конгрессу «не дотронулся до самого главного проверочного средства левого курса, а именно: положения рабочего класса». Справедливое указание. Но я думаю, что Л. Д. [Троцкий] не по несогласию или забывчивости не включил этого вопроса в свой документ, а в силу общей нашей беды. Ведь мы очень мало знаем, вернее ничего почти не знаем о материальном и бытовом положении рабочих. Я вот видел Ваше письмо, в котором Вы зло ругались по этому поводу. Целиком поддерживаю Вас в данном случае.

Это, пожалуй, все, что я смог высказать в ответ на Ваше письмо. Когда я писал, я не собирался ни увертываться, ни играть в прятки. Есть ли здесь что-либо не наше, «децистское» или от какого-нибудь самобытного «уклона» от общей нашей линии — судите сами.

Вы прилагали копии Вашего письма товарищам Абрамскому и Рубашкину. Я, в свою очередь, разошлю их некоторым нашим друзьям. Кстати, с письмом Вашим Рубашкину, высказавшемуся за организацию второй партии, я целиком и полностью согласен, чего не могу сказать о письме Абрамскому, с рядом мест которого я не согласен.

Что же касается Вашей работы о демократической диктатуре, то не входя пока что в оценку ее по существу, должен

откровенно заявить, что мне не нравится самый факт появления этой работы и тем более в данное время. Простите, друг, но Вы, по-моему, надумываете опасность ревизии Ленина слева. Такой опасности у нас нет. А вот опасность от самой постановки этого вопроса — неоспорима. Ведь т[ак] наз[ываемый] «исторический троцкизм» является главным пугалом в руках наших противников и той удочкой, на которую ловятся не только простаки из «монолитчиков», а иной раз и наши единомышленники. Нельзя забывать и того, что все отходящие от оппозиции начинают с указания на «возрождение исторического троцкизма», а докатываются до проработки нас в стиле Стецкого и Марецкого, Слепкова и Ярославского.

Вам ведь хорошо известно, что никто из нас нигде и никогда не солидаризировался со взглядами Льва Дав[идовича] в период первой революции и никто из нас не считал себя хотя бы в какой-нибудь степени ответственным за теорию «перманентной революции». Так на это смотрел и сам Л. Д. [Троцкий]. Только Вы составляли исключение и публично защищали дооктябрьскую концепцию тов. Троцкого. И я очень жалею, что именно Вы начали воскрешать старые и так «проработанные» в последние годы разногласия по вопросу об оценке движущих сил революции. Я глубочайше убежден, что Вы совершили большую ошибку, т. к. не сомневаюсь, что Ваша «переоценка ценностей», вернее заявление об этой переоценке, да еще с намеками на «ревизию Ленина слева» принесет величайший вред нашему движению.

Ну теперь все. Ежели что не понравилось, не сетуйте на меня. Я знаю, что Вы там порою не особенно хорошо себя чувствуете, но политика ведь такая штука, которая требует от людей, даже и спянных общностью основных идей и совместной борьбой, — крепких нервов. Вы ведь это отлично знаете.

Если Вы не обременены очень — пишите и уж во всяком случае засылайте копии своих писем и текущих работ. Я буду рад получить все это и обещаю, как и раньше, по мере возможности, знакомить с Вашими письмами товарищей, состоящих со мною в переписке (не говоря уже о товарищах по колонии). Также обещаю и делиться с Вами всякими новостями. С нетерпением буду ждать Вашей китайской работы. Кстати, о Вашей работе. Я давно собирался сделать на этот счет предложение.

Почему бы Вам, по примеру Льва Дав[идовича], не заняться в промежутках между основными работами воспоминаниями. У Вас ведь счастливая революционная участь, и Вы о многом можете рассказать. Если бы Вы взяли за эту работу, то у Вас вышли бы не голые мемуары, а полезнейшая книжка, в которой Вы сумели бы осветить как историю революционного движения в период развития и распада соц[иал]-демократии, возникновения и развития современного коммунизма в основных странах, так и вопросы стратегии и тактики пролетарского авангарда. А это было бы в высокой степени полезно. Вы ведь в своих письмах часто ссылаетесь на опыт тех или иных партий последних десятилетий, а между тем исторические примеры, на которые Вы указываете сплошь и рядом, многим товарищам неизвестны. Так бывает не только тогда, когда речь идет о предвоенном периоде или более поздних, но иной раз и тогда, когда в пример берутся отдельные этапы в борьбе за коммунизм в послеоктябрьский период. Чтобы не быть голословным, укажу, что мне приходилось сталкиваться с рядом наших товарищей, считающимися вполне подготовленными и занимавшими более менее видное положение в наших рядах, которые, однако, или не знали, или совершенно забыли даже такие этапы в развитии Коминтерна (я бы сказал, и в развитии наших взглядов), как III конгресс Коминтерна с его борьбой с теорией офензивы⁴⁵⁰, основанием тактики единого фронта и пр.

А вопрос германской революции, опыт Венгрии, Баварии, Саксонии, Болгарии, Эстонии и пр. и пр.

Меня очень обрадовало, что Лев Дав[идович] в своей критике проекта программы К[оммунистического] И[нтернационала] все эти вопросы не только поставил, а и осветил светом марксистской критики. Но этого еще недостаточно. И Вы бы смогли написать много полезного. Право же, принимайтесь за такую работу.

Наша колония, кстати сказать, в настоящее время пополнившаяся еще на два человека (теперь нас 6 человек), шлет Вам привет, а я, помимо приветов, обнимаю Вас крепко. Ваш И. Врачев

Какое-то «страшное» письмо писали Вы в конце августа Вуйовичу. До меня дошли слухи. Не найдете ли возможным сообщить?

К ТОВАРИЩАМ ГРУППЫ «15»

Дорогие товарищи! До нашей Воронежской группы ссыльных оппозиционеров дошло письмо тов. Сапронова от 5/VIII, адресованное тов. Нечаеву, и выдержки из письма тов. В. М. Смирнова, относящегося, очевидно, к тому же периоду.

Ознакомившись с этими письмами и всесторонне продумав выдвигаемые в них положения, мы считаем своим революционным долгом сказать вам следующее.

1. Никогда еще с момента Октябрьской победы страна диктатуры пролетариата не была в большей опасности, чем в переживаемый период. Мы стоим перед фактом трусливой капитуляции высших органов партии и соввласти перед капиталистическими силами, возросшими на дрожжах оппортунистического руководства.

Лишь этот грозный факт и общее к нему отношение может быть в данный момент решающим критерием для определения дальнейших путей оппозиции и для создания соответствующих политическим задачам взаимоотношений между отдельными оппозиционными течениями.

2. Мы считаем, что на данном историческом этапе наши принципиальные разногласия имеют больше политических предпосылок к изживанию, чем к дальнейшему нарастанию. Ликвидировать между собой несущественные ныне политические счеты прошлого для революционного дела будущего — первейший долг оппозиции. Такое сознание живет в среде большевиков-ленинцев, и мы уверены, что оно разделяется всеми товарищами, примыкающими к группе «15». Высказанное нами положение находит свое подтверждение также в начальной части письма тов. Сапронова к Нечаеву от 5/VIII, где он пишет: «Ты пишешь «если бы удалось нам сговориться насчет одной общей позиции. Никаких других причин к раздельному существованию больше не имеется» — совершенно правильно. И желание оппозиционеров к этому есть — тоже правильно».

Из приведенных строк письма тов. Сапронова мы видим, что он считает даже возможным подтвердить несколько преувеличенное в настоящий момент утверждение Нечаева о полном отсутствии причин к раздельному нашему существованию. Какие же, однако, шаги предпринимает тов. Сапронов и его ближайшие друзья из группы «15» для ликвидации бес-

принципного раздельного существования двух родственных оппозиционных групп? На этот вопрос оставшая часть его письма дает неожиданный и довольно-таки безотрадный ответ. Не формулируя сколько-нибудь существенного пункта принципиальных, организационных или тактических расхождений между большевиками-ленинцами и группой «15» на данной стадии развития политической борьбы, автор письма тем не менее ухитряется в излишне возбужденном тоне цепляться за устаревшие эпизоды, чтобы резко противопоставить себя другим и сердито поругивать руководителей нашей оппозиционной группы, позволяя себе даже прибегнуть к методам полемики, часто применяемым бухаринской гвардией и верноподданническим сталинским аппаратом.

Очевидно, из своего горячего стремления прекратить беспричинное раздельное существование тов. Сапронов решается в своем письме утверждать, что наши вожди не желали подачи общего заявления конгрессу, что наши вожди ориентируются лишь на левый курс, что тов. Троцкий желает брать ответственность за левый курс, что у нас много противоречий между оценкой состояния партии и нашей дальнейшей ориентацией на нее, между стремлением защиты платформы и нашего отказа от фракций, что наша группа игнорирует «раб[очий]вопрос» и даже, представьте себе, что мы против восстановления группы «15» в партии и против возвращения ее из ссылки. Так по существу выглядит аргументация тов. Сапронова против раздельного нашего существования.

Для тов. Смирнова же вопроса о прекращении войны не только не существует, но, напротив, он как бы весь озабочен еще большим разжиганием и обострением ненужной драки. Тов. В. М. Смирнов в своем артиллерийском наскоке, исключаяем всякие элементы политической честности и добропорядочности, называет заявление тов. Троцкого конгрессу капитулянтским, своим признанием левого курса поддерживающим мелкую буржуазию и т. п. смертные грехи.

Если бы все эти приведенные характеристики, а особенно характеристики тов. Смирнова, не представляли собой обычной демагогии, клеветы, подтасовки, грубой фальсификации, пустого напыщенного кривляния и сплошной истерии, то мы в действительности имели бы неопровержимые аргументы за сохранение раздельного существования, а не обратно. Спра-

ведливый анализ всех этих измышлений разоблачает без остатка всю их беспочвенность и показывает нам всем, что если в природе и не имеется реальных мотивов для раздельного существования, то у некоторых имеются сильные стремления к беспочвенным политсклокам, парализующим здоровое полит[ическое] развитие и желаемое большевистское единство.

3. Об общем заявлении конгрессу. Только при слабом рассудке и полном беспамятстве можно выдвигать обвинение в нежелании выступать с общим заявлением конгрессу. Условия ссылки не только исключали возможность серьезной согласительной работы между нашими течениями в предконгрессовский период, но исключали даже возможность даже какой бы то ни было договоренности между руководителями одной и той же группы. Появление отдельного заявления со стороны наших товарищей Смильги и Радека, снявших его по ознакомлении с заявлением тов. Троцкого, достаточно характеризует техническую сторону этого дела. Кто же не знает, что огромное большинство наших товарищей присоединилось к документам тов. Троцкого только на основании одной заключительной части заявления и с остальными частями его ознакамливало фактически уж во время, а часто после конгресса. Кто же не помнит, что начавшаяся после XV съезда лихорадочно конвульсивная и исключительно зигзагообразная политика партии сделала свой наиболее крутой поворот вправо как раз в предконгрессовские дни, когда продумывались и писались заявления конгрессу. Естественно, в последствии это видоизменяло принципиальную трактовку отдельных частей. Можно ли, сохранив остатки добросовестности, разводить капризы насчет какого-то нежелания с нашей стороны совместного выступления? Если уж кто скандалит против совместного выступления, так это не наши товарищи. Читайте рассуждения тов. В. Смирнова и вы в этом убедитесь.

«По поводу совместного заявления,— пишет он,— я считаю это абсолютно невозможным. Ибо компрометировать себя всякими троцкистскими благоглупостями, которые при данном положении там будут в изобилии, слуга покорный, даже в том случае, если бы там вытравлен был душок капитулянтства... Вся развиваемая в письме теория есть не что иное, как прокламирование дорожки к капитуляции» и т. д.

В связи с этим заявлением тов. Смирнова мы спрашиваем вас, что общего в этой позиции грубого отказа от совместно-

го выступления с «капитулянтами»-троцкистами с позицией тов. Сапронова, не видящим причин к раздельному существованию, но жалующимся на мифический отказ Троцкого от совместного с тов. Сапроновым выступления? Мы спрашиваем вас также, какой смысл, кроме беспринципного шельмования наших товарищей могут иметь в жесточайших условиях ссылки беспочвенные претензии о желании или нежелании совместного выступления на конгрессе?

4. О письме тов. Троцкого от 5/V о левом курсе⁴⁵¹ и о несении за него ответственности. В августе месяце после того как товарищи Сапронов и Смирнов имели уже неоднократную возможность ознакомиться и даже изучить материалы, посланные тов. Троцким в адрес конгресса, включая сюда и его послесловие к «Что же дальше?», — они все же продолжают выступать со своими надоедливymi придирами за восхваление левого курса, как бы имевшим место в письмах тов. Троцкого от 9/V, 22/V, 3/VI⁴⁵² и 21/VI «за уступки мелкой буржуазии» и «готовность брать ответственность» за левый курс. Упомянутые выше письма тов. Троцкого хорошо известны оппозиции и вряд ли нужно еще кому-нибудь доказывать политическую бессовестность такого толкования. Ограничимся лишь несколькими выдержками из «Что же дальше?» и послесловия, написанного 22 июня с. г. Вот что там сказано: «Совершенно преступным легкомыслием было бы думать, что мы уже имеем перед собой сколько-нибудь продуманный, сколько-нибудь последовательный, сколько-нибудь обеспеченный курс революционной пролетарской политики. Далеко нет. Мы имеем нечто более серьезное, чем верхушечный маневр в духе 5-го декабря 23 года, но нечто гораздо менее значительное, чем последовательный курс в духе платформы оппозиции. Как же назвать тот поворот? Пока мы не можем назвать его иначе, как зигзагом». И дальше: «...значит ли это, что нынешний зигзаг исключает возможность развития его в левый курс. Скажем открыто: поскольку дело зависит от предвидения и последовательности руководства, не только его политика последних годов, но и сегодняшнее его поведение должны скорее склонить к скептическому ответу на поставленный вопрос». («Что же дальше?») В «Послесловии», написанном после июльского пленума ЦК, мы читаем: «Логика правого курса может в короткий срок стать несокрушимой, какие бы то ни было иллюзии, фальшивые надежды на партийность пра-

вых, всякие вообще надежды на авось, упущение времени, затушевывание противоречий, недомолвки, дипломатичанье — означают усыпление рабочих, прямую поддержку врагу, сознательную или бессознательную помощь термидору. Речью Рыкова, комментирующей постановления июльского пленума, правые бросили перчатку Октябрьской революции. Надо понять это. Надо поднять перчатку, надо сейчас же, немедленно, со всего размаха ударить правых по рукам». По поводу письма тов. Троцкого от 9/V, которое тов. Сапронов нарочито пытается сбрасывать в одну кучу с остальными его письмами и заявлениями, посланными конгрессу, тов. Троцкий говорит в письме от 30 августа, адресованном другу З. Д.⁴⁵³: «...я полностью согласен с вами насчет необходимости серьезной дискуссии по основным вопросам. Кроме пользы, от этого ничего не будет. И «молодые» уже довольно широко пользуются этим правом дискуссии. Я получил от них ряд серьезных писем за чрезмерную уступчивость по адресу Преображенского, и в основном они правы. Я передипломатничал, стараясь избежать в острый момент по острому вопросу внутренней дискуссии под стеклянным колпаком!

5. О партии, о 16-ом окт[ября] и о фракционности. Хорошая половина письма тов. Сапронова занята злобными, но не совсем внятыми придирами по поводу характеристики состояния партии и орг[анизационных] наших выводов, из этой характеристики вытекающих. Тут на вид недоуменные, но с излишним пристрастием поставленные вопросы о нашей тактике 16 окт[ября], о разговорах о двух партиях, о сохранении платформы после капитуляции Зиновьева и Каменева, об отказе от фракционности и т. д. Но ведь всем известно, что вся наша тактика со времени нашего разрыва исходила из основной принципиальной установки на глубокую парт[ийную] реформу как предпосылку реформы сов[етского] государства. Нас с вами история разделила именно у этого тупика. Вы уже с 16 октября пытались исходить из фактического наступления термидора, чем обрекли себя на бессмысленное топтание на месте. Вы, с одной стороны, не обнаружили ни воли, ни стремления к легальным формам преодоления внутривнутрипартийной реакции, а с другой — не проявили достаточной храбрости для решительного разрыва с партией и мобилизации рабочего класса вне этой партии против нее. Таким образом, с лишком два года вы пребывали в щелях политической истории. Мы же счита-

ли, и совершенно правильно считали, что пока известные политические лимиты, отделяющие партию пролетарской диктатуры от партии диктатуры мелкой буржуазии (термидор) не нарушены, говорить об осуществлении термидора преждевременно, и становились потому на путь реформы. Мы были с еще большевистской партией против ликвидаторов большевизма. А вы-то, товарищи, не скажете ли нам, с кем шли вы, начиная с 16-го октября? И шли вы вообще куда-нибудь с того времени? Нам думается, что нет. Вы ждали приближения термидора, чтобы доказать этим свою правоту. Вы, пожалуй, скоро дождетесь его, но и его наступление никак не принесет вам оправдания. Обязанность революционеров в пролетарском государстве (да и не только в пролетарском) не состоит вовсе в том, чтобы поджидать контрреволюцию, а в том, чтобы пресечь ей дорогу и в корне уничтожить ее. Во всяком случае в августе [19]23 г., а тем более теперь в середине октября, мы не имеем никаких оснований более заниматься праздным воспоминанием оттенков спора 16 окт[ября] 23 г. Переживаемый период требует от нас объединенных и активных действий. Официальное партийное руководство фактически переходит роковые исторические лимиты, и путь внутрипартийной реформы становится все менее надежным. В цитированном уже выше Послесловии к «Что же дальше?» тов. Троцкий писал: «Победа правого крыла была бы последней ступенькой к термидору. От победы правого крыла наверх диктатуре пролетариата уже нельзя было бы подняться одними лишь методами партийной реформы»⁴⁵⁴. Сегодня об этом надо кричать еще громче, так громко, чтобы разбудить уснувшую бдительность пролетариата, теряющего свое завоеванное господство.

б. О рабочем вопросе. В этих письмах имеются даже «намекы» на игнорирование и невнимание к рабочему вопросу в документах тов. Троцкого, посланных конгрессу. Но это, действительно, чудовищно. На такую форму демагогии и неловко отвечать. Здесь полностью воскрешаются худшие традиции грубого экономизма, анархического синдикализма, узкой цеховщины и худшей махаевщины⁴⁵⁵, для которых характерно выдергивание вопросов рабочей экономики из общего комплекса революционно-политической борьбы пролетариата. Напрасно вы только намекаете, товарищи, по такому серьезному вопросу стоило бы сказать полным голосом. Назовите

класс, которому, вы полагаете, посвящает свое внимание тов. Троцкий, обращаясь к конгрессу.

7. Ну, а на ребяческие и смехотворные упреки, что тов. Троцкий не желает возвращения группы «15» из ссылки и восстановления ее в партии — мы не считаем нужным останавливаться и проходим мимо.

8. Но в письме тов. Смирнова имеются новые нотки, правда, неслыханные до сих пор от кого-нибудь из группы «15», но весьма популярные в устах Рыкова, Сталина, Бухарина. Ругая нещадно Троцкого за его послание конгрессу, тов. Смирнов как бы между прочим роняет такие слова: «Дурацкая теория о том, что события в Западной Европе сейчас же непосредственно и неизвестно какими путями отражаются на нас (поражение германской революции — реакция у нас; полевение масс теперь, глупенький расчет, что это сейчас же вызовет и наше возрождение, которое якобы уже началось «левым курсом»)» и т. д. Как явственно напоминают эти речи опостылевшие перепевы рыцарей построения социализма в одной стране! Уже ли, товарищи дорогие, эту галиматью следует принять за вашу общую точку зрения?

Мы искренне убеждены, что это не ваша точка зрения. Мы также уверены, что немногие из вас будут стоять за дальнейшее раздувание разногласий, которые давно уже пора ликвидировать без остатка. Наступают дни решительных боев за большевистскую партию, за диктатуру пролетариата. Мы считаем, что нет у нас непримиримых принципиальных разногласий и давайте их больше не выдумывать. Довольно склоки. Время настойчиво призывает к революционному единству, к большевистской решительности.

Воронежская группа
ссылных большевиков-ленинцев
(оппозиционеров)

Воронеж, 12 октября 1928 г.

И. СМЛГА. ПЛАТФОРМА ПРАВОГО КРЫЛА ВКП(б)

(Н. Бухарин «Заметки экономиста»)⁴⁵⁶

Статья Н. Бухарина «Заметки экономиста», помещенная в «Правде» от 30/IX, представляет исключительный интерес.

Интерес этой статьи состоит не в обилии новых мыслей по случаю окончания хозяйственного года; статьи Бухарина этим свойством никогда не отличались. Напрасно читатель будет искать в этой статье и большевистского освещения хозяйственных вопросов; Бухарин давно разучился мыслить и писать по-ленински.

И тем не менее интерес этой статьи несомненен. Он состоит в самом факте, времени и условиях ее появления. В этой статье Бухарин выступает не в качестве официоза «железного», «монолитного» и пр[очее] ЦК ВКП. Он выступает в качестве идеолога правого крыла партии, или правых примиренцев, как одной из разновидностей этого крыла. Его статья является полемическим ответом центристам (Сталину, Молотову, Куйбышеву и др[угим]). Она появляется в печати после того как центристы уже развернули по стране усиленную кампанию осуждения по ячейкам правых и правых примиренцев. Перед нами яркий образчик того режима внутри партии, который причинил ей столько бедствий и который на этот раз начинает поражать самих творцов этого режима. Партию убеждают, что в ЦК никаких разногласий нет, что разногласия выдумываются зловредными троцкистами для смущения партийных умов. Потом в один прекрасный день по дирижерской палочке генерального секретаря начинают во всех районах «клеить» каких-то неизвестных, неведомых супостатов, уклоняющихся от «столбовой дороги» сталинизма. Потом уже начинают появляться в «Правде» статьи, убедительно доказывающие, что враг разбит, партия стала во много раз «железней», «монолитней» и т. д. Сегодня это «железное единство» демонстрируется против правых. Против кого оно обернется завтра. Мы установили, что перед нами важнейший документ борьбы между правыми и центристами. Мы не склонны переоценивать глубину разногласий между вождями центристов и правых. Разногласия между ними невелики. Они всегда предпочли бы борьбе сделку за счет пролетариата и ленинской оппозиции. Но разногласия между ними обостряются вместе с обострением классовой борьбы в стране. Партийный режим действует в том же направлении. Вот почему было бы величайшей ошибкой пройти мимо начинающейся в правоцентристском блоке борьбы. Статья Бухарина при всех ее недостатках есть яркое пятно на фоне этой борьбы. В этом ее интерес. Критика этой статьи не может быть единодушной.

Мы разберем ее с точки зрения классовых интересов пролетариата или (что одно и то же) ортодоксального марксизма и ленинизма. Центристы будут расценивать ее как один из «ходов» противника в верхушечной борьбе. Правое же крыло, в наибольшей степени отражающее интерес и настроения других классов, найдет, наверное, в статье Бухарина бездну премудрости и учености. Так оно и должно быть. Нельзя писать одну и ту же программу для рабочего и кулака. Нельзя считать себя одновременно большевиком и таскать на своих плечах термидорианский груз. За последнее время народилось немало охотников смешивать эти два дела. Бухарин первый среди них. Выступить с подобным идейным багажом теперь, когда враждебные пролетариату силы внутри страны и вне ее ведут усиленное наступление на позиции социализма, означает на деле предательство интересов пролетариата. Для правых же такое выступление — клад. Отсюда и разница в оценках.

* * *

Как могло случиться, что человек, имеющий крупные заслуги перед рабочим классом, проработавший долгие годы под руководством Ленина, автор ряда интересных работ, дошел до позорной роли идеолога тех элементов внутри ВКП, которые тянут партию и весь рабочий класс в термидорианскую пропасть? Для ответа на этот вопрос необходимо хотя бы вкратце остановиться на эволюции партийного руководства последних лет и личности самого Бухарина. Первая справка может быть весьма краткой. События внутривнутрипартийной жизни последнего времени у всех еще в памяти. Партийное руководство съехало с ленинских рельс не вчера. Этот процесс начался немедленно после ухода с политической арены Ленина. В идейном освещении этого сдвига Бухарин играл виднейшую роль. Он вместе со Сталиным выступил в качестве идеолога этого сползания. Правоцентристский блок в теории выступил с ревизией марксизма и ленинизма в важнейших вопросах пролетарской революции [и] диктатуры (теория социализма в одной стране, диктатура двух классов, отрицание диктатуры партии). В тактических вопросах политика блока состояла из чудовищных оппортунистических ошибок (рабочий вопрос, расслоение деревни, Англо-русский комитет, тактика в Китае и др[угие]). В организационных вопросах блок, прикрываясь

фразами о единстве, раскалывал и душил ленинскую партию. На XV съезде блок расколол партию и загнал ее пролетарское ленинское крыло в ссылку. Через полгода началась борьба внутри самого блока. Такова краткая и весьма неприглядная история господства правоцентристского блока. Значительный интерес представляет сам Бухарин как политический и психологический тип. Его эволюция не случайна. Автор настоящих строк готовит специальную работу о Бухарине. В ней мы подробно разберем эволюцию Бухарина от марксизма к ревизионизму. В этой же работе мы проанализируем и социально-классовые корни русского пореволюционного ревизионизма. В данной заметке мы остановимся только на более ярких штрихах, рисующих Бухарина как политика.

Самым крупным недостатком Бухарина всегда была его несамоостоятельность. Он всегда состоял при ком-нибудь из политических руководителей. При изучении его произведений это черта бросается в глаза. Он не самостоятельный мыслитель и политик, а подголосок, подпевала. Голосил же и подпевал он иногда весьма талантливо, так как природа способностями его не обделила.

Вторая его черта — это нелюбовь к детальному и конкретно изучению вопроса. Отсутствие анализа у него заменяется пространными теоретическими рассуждениями.

Третий его недостаток — это страсть к «углублению» и дальнейшему «развитию» марксизма. Обычная страсть всех ревизионистов и оппортунистов.

Ознакомившись с некоторыми личными чертами Бухарина, проследим его политическую карьеру после революции.

В период 1917—[19]22 гг. Бухарин все время спотыкался — «влево». В вопросе о Брестском мире он выступает против Ленина вместе со своим нынешним коллегой по правой фракции Осинским. В момент величайшего подъема революции он пишет ряд статей о перерождении советской власти, о ее чисто «формальном» значении. Под давлением Ленина он исправляет свои ошибки. В 1920 году он в своей «Экономике переходного периода» пытается опыт «военного коммунизма» сделать обязательным законом для пролетарских революций всех стран. В дискуссии о профсоюзах перед X съездом Ленин резко всех полемизирует с Бухариным за его синдикалистский уклон. В 1922 г. он пишет статьи с намеками на перерождение определенных клеточек в партии и доказывает неизбежность

этого перерождения. Ленин ценит в нем «превосходно образованного экономиста» и твердой рукой выправляет его «заскоки». Диалектическим материалистом Ленин его никогда не признавал. Он считал, что Бухарин на всю жизнь искалечен богдановщиной⁴⁵⁷. Таков был Бухарин при Ленине. В железных руках Владимира Ильича восковая фигура Бухарина после приступов отсебятины обыкновенно принимала благообразные очертания пролетарского революционера. После Ленина Бухарин находит себе нового руководителя в лице Зиновьева. Во время начавшейся в 1923 г. травли тов. Троцкого Бухарин меняет вехи и берет курс направо. В 1923 г. тов. Троцкий выдвинул вопрос об опасности перерождения известной части руководящих кадров партии и настаивал на решительном изменении партийного режима, как на мере борьбы с этой опасностью. Бухарин трусливо спрятался в кусты; он не только забыл про свои статьи, но яростно обрушился на тов. Троцкого, который, как события показали, был в том вопросе совершенно прав. После Ленина Бухарин стал представителем партийного большинства. Он написал ряд ревизионистских статей о рабоче-крестьянском блоке и социализме обращения, восторженно встреченных В. Черновым⁴⁵⁸ (комнародничеством). Он пишет правоубогий проект программы Коминтерна, в котором уже выдает нэп за универсальный закон пролетарских революций. Питая уже известное нам отвращение к детальному изучению предмета и обладая страстью к обобщениям, Бухарин хватается за первую возможность «углубить» и «развить» в теорию для всех народов этапы развития революции в СССР.

Боги жаждут. Охраняющий сползание режим требует новых жертв. Начинается борьба Сталина с Зиновьевым. Появляется на свет божий теория социализма в одной стране. Бухарин выдвигает свой печально знаменитый лозунг «обогащайтесь» и пишет о «врастании кулака в социализм». Статьи его становятся все болтливее и самоувереннее. Он ратоборствует уже не один. Он выступает уже во главе целой плеяды молодцов из Института красной профессуры (Слепков, Стецкий, Марецкий, Астров). Бухарин становится вождем школы «молодых». Об этом институте и об этой школе необходимо сказать пару слов. Институт этот был создан с благой целью учить партийную молодежь марксизму и ленинизму. Вскоре, однако, в связи с начавшейся внутривнутрипартийной борьбой туда стали набирать

уже не по способностям, а по преданности господствующей фракции. При резком недостатке образованных людей в партии спрос на питомцев института был обеспечен. Перед ними открывалась быстрая и блестящая карьера.

Набираемая по преимуществу из интеллигентских слоев, эта молодежь быстро усвоила нравы и привычки советских лицейцев. Каково отношение этих людей к пролетариату? Для большинства из них классовая борьба — отвлеченное понятие. О ней они знают по книжкам. Пожалуй, весь их практический опыт рабочего движения состоит в том, что они по поручению какого-нибудь парткома ликвидировали, «усмиряли» «волынки» (гноусное словечко). Вот эта-то, если и не золотая, то весьма червонная молодежь избрала Бухарина своим вождем. Быстро правящий лидер во главе шумной ватаги молодых карьеристов, вооруженных знаниями и житейским практицизмом — это уже представляло серьезную опасность для всей партии.

При Сталине Бухарин совершал величайшие правые ошибки в руководстве китайской революцией. Уже после шанхайского расстрела, когда контрреволюционная и палаческая физиономия Гоминдана вполне определилась, Бухарин истерически визжал, что никому не отдаст синего знамени Гоминдана. Надо было буквально ударить древком этого знамени по бухаринскому черепу, чтобы привести его хотя бы в сознание. О понимании мы уже не говорим. При Сталине он теоретически обосновывал раскол партии и глумился над преследуемыми пролетарскими революционерами.

Его несамостоятельность, терпимая при Ленине, стала невыносимой при эпигонах. По мере того, как снижался уровень его политических руководителей, тускнела физиономия Бухарина. Он в конце концов превратился в лакействующего писца при его хозяевах-практиках. Большого позора нельзя себе и представить. Но ничто не вечно под луной. Началась борьба между Сталиным и Рыковым. Следуя своей традиции последних лет, Бухарин занял место на правом фланге. Отныне его перо будет служить Рыкову, Томскому и другим правым вождям. В добрый час. Пролетариат с кровью отрывал от своего тела таких людей, как Каутский и Плеханов. Потерять же нынешнего Бухарина — прямая выгода. Мы уверены, что читатель не посетует на нас за эту разросшуюся против нашей воли справку. Переходим к разбору самой статьи.

* * *

Промышленность и сельское хозяйство

Вопрос о взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства в Советском Союзе имеет огромное политическое значение. Вокруг этого вопроса кипит ожесточенная борьба. Факт борьбы есть лучшее доказательство того, что здесь задеваются интересы различных классов и групп. Мы также придаем этому вопросу весьма большое значение, более того, мы считаем, что в зависимости от того, как решается этот вопрос различными группировками, стоит вопрос об отношении этих групп к пролетариату. Вполне грамотные и образованные экономисты дают совершенно различные ответы на этот вопрос. Тов. Преображенский и проф. Кондратьев — оба превосходно образованные экономисты — не сойдутся ни в одном сколько-нибудь серьезном вопросе. Не сойдутся они потому, что занимают в экономической науке совершенно противоположные позиции. Преображенский — марксист, Кондратьев — представитель одного из направлений буржуазной экономики. Разница же в мировоззрениях означает и разницу в классовых симпатиях. В нашем примере Преображенский является пролетарским революционером, большевиком-ленинцем, Кондратьев же — идеолог кулачества и городской буржуазии. Отсюда читатель поймет, почему мы с такой резкостью подчеркиваем классовый характер того или иного разрешения вопроса о взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства. В переводе на язык классов мы обсуждаем вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства. Вот почему необходимо всегда за внешностью того или иного понятия находить социально-классовые корни. В данном случае нас интересует отношение к этому вопросу правого крыла ВКП, центристов и оппозиции.

Правое крыло (Бухарин)

Приглашаем читателя вооружиться терпением; приглашаем его также преодолеть отвращение к схоластическому и болтливому слогу Бухарина. Вопрос достоин величайшего внимания:

«Наивысший длительно темп получится при таком сочетании, когда индустрия подымается на быстро растущем сельском хозяйстве. Именно тогда и индустрия дает рекордные цифры своего развития. Но это предполагает возможность быстрого реального накопления в сельском хозяйстве...

Переходная эпоха «поворачивает самую индустрию лицом к деревне» и индустриализирует сельское хозяйство, выводя его с исторических задворков на авансцену экономической истории. Троцкисты не понимают, следовательно, того, что развитие индустрии зависит от развития сельского хозяйства.»

Послушаем, какие доказательства приводит автор в пользу своего утверждения:

«В пределах и рамках капитализма нетрудно различить три основные типа отношений. Первый тип — наиболее отсталое, полукрепостническое сельское хозяйство, крестьянин паупер, голодная аренда, беспощадная эксплуатация мужика, слабая емкость внутреннего рынка (пример — дореволюционная Россия).

Второй тип — гораздо меньшие остатки крепостничества, крепостник-помещик в значительной степени уже капиталист, более зажиточное крестьянство, большая емкость крестьянского рынка и т. д.

Третий тип — «американский» — почти полное отсутствие феодальных отношений, «свободная земля», на начальных ступенях отсутствие абсолютной ренты, зажиточный фермер, огромный внутренний рынок для промышленности. И что же. Нетрудно видеть, что мощь и размах индустриального развития, мощь и размах роста производительных сил были максимальны именно в Соединенных Штатах.»

Мы с этим решительно не согласны. Бухарин в этом вопросе, во-первых, ставит на голову всю историю, во-вторых, высказывает взгляды, абсолютно чуждые марксизму и ленинизму. По Бухарину выходит, что основу промышленного развития страны надо искать в характере и состоянии сельского хозяйства. Такого чудовищного вздора мы никогда не слышали от людей, считающих себя «марксистами». Не марксистом⁴⁵⁹, а настоящим мракобесием несет от его доказательства. На самом же деле все было наоборот. По мере роста производительных сил промышленность отделялась от сельского хозяйства. Создавался класс торговой и промышленной буржуазии, который в конце концов пришел на смену феодализму. Упрочив свое господство и обеспечив капиталистическое развитие города и деревни, буржуазия гигантски развернула производительные силы. Только на основе созданной буржуазией техники могла возникнуть капиталистическая экономика и подъем в сельском хозяйстве. Это азы марксизма. Физио-

крат⁴⁶⁰ XX века Бухарин рассуждает не как марксист, а как подлинный потомок славянофильской реакции⁴⁶¹.

Ссылаться на Америку и сводить темп развития американской промышленности к развитию сельского хозяйства может только Бухарин. Каждому мало-мальски грамотному человеку известно, что Америка начала гигантски развиваться после того, как промышленный Север разгромил в гражданской войне земледельческий и рабовладельческий Юг⁴⁶². Лишь после того, как промышленная буржуазия взяла в свои руки политическое и хозяйственное руководство Соединенными Штатами, начался период, поразивший воображение Бухарина. Если бы он взял цифры развития промышленности и сельского хозяйства Соединенных Штатов, то он увидел бы, что от чего зависит.

Начиная с последней четверти XIX века, удельный вес промышленности быстро вырастает за счет удельного веса сельского хозяйства. Определяющее значение промышленности бьет в глаза. Она ведет за собой и поднимает производительные силы сельского хозяйства. (В Англии промышленность прямо вытесняла сельское хозяйство.)

Говоря об Америке, не сказать ни слова о природных ресурсах, роли иммиграции и других важнейших вопросах, это значит писать историю даже не по Иловайскому⁴⁶³. Бухарин все забыл: увлеченный новой выдуманной им убогой схемой, он уподобился райской птице Сирен, которая, как известно, когда правую политику воспекает, сама себя забывает.

В той же статье мы встречаемся с совершенно противоположной формулировкой вопроса о промышленности и сельском хозяйстве:

«Если троцкисты не понимают, что развитие индустрии зависит от развития сельского хозяйства, то идеологи мелкобуржуазного консерватизма не понимают, что развитие сельского хозяйства зависит от развития индустрии... Они не понимают, что именно индустрия есть рычаг радикального переворота в сельском хозяйстве и что без ведущей роли индустрии невозможно уничтожение деревенской узости, отсталости, варварства и нищеты.»

Два противоположных суждения об одном и том же предмете в одно и то же время не могут быть оба правильными. Это элементарное положение логики. Но читатель напрасно будет искать логики в писаниях Бухарина. Что же в конце кон-

цов получается? Развитие промышленности зависит от развития сельского хозяйства, а развитие сельского хозяйства — от развития промышленности. Вся историческая и экономическая философия за ведущую роль сельского хозяйства⁴⁶⁴. В заключение — признание ведущей роли за промышленностью. Перед нами эклектическая «нищенская похлебка», давным-давно забытая «теория факторов». Зависит работа льняной фабрики от сырья, производимого сельским хозяйством? Зависит. Вот вам зависимость сельского хозяйства от промышленности. Про ценность таких рассуждений старик Энгельс выражался так: плоские истины не суть истины.

Почему Бухарину понадобилось увенчать правую сущность своей платформы левым эпилогом? Почему он переносит в политику повадки истасканной гризетки? Потому что в настоящее время даже правые не могут еще выступить иначе, как с серьезной маскировкой под марксизм. И, кроме того, Бухарин ведь «примиренец». Что стоят после этого идейного убожества все трескучие фразы о переходном периоде, успехах социализма и т. д. В ушах звенит нестерпимая, поистине тартареновская фраза⁴⁶⁵. По Бухарину выходит, что в силу переходного периода и пролетарской диктатуры хозяйство СССР в стремительном беге катится к социализму. У него классовая борьба играет роль неприятного диссонанса, нарушающего симфонию бухаринских фраз. Рабочему большевику в этом секторе делать нечего.

Центристское болото

Недалеко в этом вопросе от Бухарина стоит и официальная идеология центристов. Послушайте, как «тонко» и хитроумно пишут вожди центристов. Цитируем интересующее нас место из резолюции июльского пленума:

«Но социалистическое строительство не может ограничиться одной лишь промышленностью. Чтобы быть полным и всесторонним, оно должно охватить сельское хозяйство, смыкая его с промышленностью и поднимая уровень его развития. Между тем сельское хозяйство все еще находится на крайне низком уровне, и темп его развития чрезвычайно отстает от темпа развития промышленности.»

Разберем и эту премудрость. Что социалистическое строительство не может ограничиваться только промышленностью, это, конечно, совершенно верно. Но вот дальше идет хотя

и очень «тонко», но не очень складно. «Соц[иалистическое] строительство» смыкает промышленность с сельским хозяйством. До сих пор мы привыкли думать, что субъектом смычки является пролетариат, который ведет соответствующую политику по отношению к крестьянству. В этой же резолюции мы встречаемся с понятием «соц[иалистического] строительства», которое «смыкает». Весьма похоже, что за этим понятием скрывается партийный и советский аппарат (не позавидуешь такому «строительству»).

Дальше идет еще хуже. Если темп развития сельского хозяйства «чрезмерно» «отстает» от темпа развития промышленности и налечь на развитие сельского хозяйства. Это положение толковать иначе невозможно. С одного надо взять, другому прибавить. Никаких свободных капиталов, которые могли бы быть вложены в сельское хозяйство без вычета из промышленности, у советского государства не имеется. На деле именно так и получилось. Растут цены на сельскохозяйственные продукты при стабильности цен на промтовары. Происходит перекачка средств из промышленности в сельское хозяйство. Отсюда видно, что центристы ничего не сказали по существу вопроса. Выпятели «аппарат». Сделали громадную уступку правым в вопросе о темпе индустриализации.

Под давлением рабочих масс и ленинской оппозиции центристы после июльского пленума повернули «влево». На счет качания из стороны в сторону они первые мастера. Рабочий чихнет от напущенной центристами пыли и пройдет мимо их хитроумия. Центристы надеются перехитрить все классы и весь мир. Нам же кажется, что им в самом недалеком будущем угрожает участь обманутых обманщиков.

Пролетарский путь

Мы ознакомились с точкой зрения правого крыла и центристов по этому важнейшему вопросу. Мы заявили, что точка зрения Бухарина прямо противоположна тому, что по этому поводу говорил и писал Ленин. На расстоянии весьма близком к Бухарину и далеко от Ленина стоят и центристы. Точка зрения Ленина выражена в следующих словах:

«Победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченным лишь тогда, когда пролетарская государственная власть, окончательно подавив сопро-

тивление эксплуататоров и обеспечив себе совершенную устойчивость и полное подчинение, реорганизуем всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего народного хозяйства основанной) технической базы. Только это дает возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом и отсталой и расслоенной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения земледельческого и вообще хозяйственного труда, побуждая тем мелких землевладельцев силой примера и их собственной выгодой переходить к крупному, коллективному машинному земледелию» (Резолюция II конгресса Коминтерна).

Такова основная установка оппозиции. Это путь социализма.

Разница между тем, что говорят Бухарин и центристы и точкой зрения Ленина бросается в глаза. Ленин говорит с категоричностью, не допускающей никаких кривотолков, что только крупная промышленность, базирующаяся на электрификации всего народного хозяйства, способна вести сельское хозяйство к социалистическому подъему. Как далеки эти простые и ясные слова от того, что пишут теперь эпигоны. Мы бы хотели видеть такого молодчика, который осмелился бы сказать, что Ленин «недооценивает» крестьянство. Он не хуже, а [в] сто раз лучше «ученого» Бухарина понимал, что развитие сельского хозяйства есть непеременимое условие для развития промышленности. Но он ставил и решал вопрос о промышленности и сельском хозяйстве как ортодоксальный марксист и пролетарский революционер. Он как марксист умел среди множества условий и зависимостей остановиться на решающем и определяющем условии. Этим условием, в конечном счете определяющем все остальное, он считал передовую высоко развитую технику. Техника эта создается промышленностью — в городах — и применяется в части своей в сельском хозяйстве — в деревне. Как коммунист и вождь пролетариата, имеющий твердую целевую установку, он говорил не о развитии сельского хозяйства [и] промышленности вообще, а о социалистическом развитии хозяйства. В этой постановке вопроса у него не было никаких сомнений насчет того, что от чего зависит.

Тов. Троцкий в своей работе «Июльский пленум и правая опасность» говорит (цитируем по Бухарину):

«Несмотря на несравненно более высокий по сравнению с сельским хозяйством технико-производственный тип, наша промышленность не только не доросла еще до ведущей и преобразующей, т. е. до подлинно социалистической роли по отношению к деревне, но не удовлетворяет даже и текущих товарно-рыночных потребностей, задерживая тем самым ее развитие.

Поднимать сельское хозяйство возможно только через промышленность, других рычагов нет... Смешивать воедино два вопроса: об общей исторической отсталости деревни от города и об отставании города от рыночных запасов современной деревни — значит сдавать гегемонию города над деревней.»

Тов. Троцкий в этом вопросе выступает в полном согласии с Лениным. Ход мыслей у Ленина и Троцкого совершенно одинаков. Оба видят основное, решающее условие для ведущей роли промышленности в быстром ее развертывании. Оба ставят вопрос о развитии сельского хозяйства в зависимости от развития промышленности. Тов. Троцкий кроме того, подчеркивая значение промышленности, как ведущего начала, в то же время говорит, что эту роль промышленности еще надо завоевать. И это совершенно справедливо. Всякий разумный человек, взявший на себя труд вдуматься хотя бы в смысл нашего хозяйственного года (октябрь-октябрь), увидит, что все хозяйственные планы строятся, исходя из перспектив урожая, т. е. состояния сельского хозяйства. Пролетарские революционеры пишут ясно. Им не нужно прибегать к слову для скрывания мысли.

Мы проследили, какие ответы даются тремя основными течениями по вопросу о взаимоотношениях между сельским хозяйством и промышленностью.

Правое крыло выдвигает на первый план сельское хозяйство. Основной класс в сельском хозяйстве — крестьянство. При нищете нашей крестьянской бедноты и слабости колхозов и совхозов промышленность может «зависеть», главным образом, от зажиточного середняка и кулака. Они являются основными представителями «товарной» деревенской экономики.

Центристы не дают членораздельного ответа на этот вопрос. У них в кармане резолюции на все случаи жизни. Пользуются они ими по сезону. Основное средство от всех бед — послушный и сильный аппарат.

Ленинская оппозиция настаивает на руководящей роли пролетариата и крупной социалистической промышленности.

Из дальнейшего читатель увидит, что различное отношение к данному вопросу находится в теснейшей связи с различной экономической политикой, отстаиваемой борющимися политическими течениями.

Темп индустриализации

В полном соответствии с тем, что говорит Бухарин о промышленности и сельском хозяйстве, ставит он вопрос о темпе индустриализации. Зная уже его манеру письма, будем искать в его противоречивых суждениях, замаскированных фразеологией, точку зрения. Она там имеется. Представим слово автору:

«Мы должны теперь разрешить конкретный вопрос о соотношении между индустрией и сельским хозяйством у нас в СССР в данный период. Основные факты, которые мозолят всем глаза, таковы: при общем росте оборота между городом и деревней — товарный голод, т. е. недостаточное (резко недостаточное) покрытие деревенского спроса, следовательно, как будто отставание промышленности от сельского хозяйства; с другой стороны — затруднения с хлебом, недостаточное предложение хлеба по сравнению со спросом на него, т. е. как будто отставание сельского хозяйства; огромный рост промышленной продукции и огромный рост капитального строительства и в то же время — весьма значительный товарный дефицит. Все эти «парадоксы» нашей хозяйственной жизни должны получить свое разрешение. От этого разрешения зависят и основные директивы нашей политики.»

Свой разбор парадоксов Бухарин начинает с приведения всем известной таблицы движения основных капиталов народного хозяйства, валовой и товарной продукции. Из этой таблички видно, что темп роста вложений в промышленность, а равным образом и темп роста ее валовой и товарной продукции выше соответствующих статей сельского хозяйства. Из этой, повторяем, элементарной всем известной таблицы разумный человек сделал бы такой вывод: эти показатели говорят о происходящем процессе индустриализации страны. Если бы Бухарин остановился на этом выводе, он оставался бы в пределах истины. Но и тогда следовало бы взглянуть и на другие цифры, хотя бы на цифры о движении населения. Здесь он встретился бы с процессом аграризации страны.

Но так как цифра редкий гость в трудах Бухарина, то нет ничего странного в том, что он с ней не умеет обращаться. Посмотрите, к какому широкому выводу приходит Бухарин от этой невинной таблицы:

«Из этих рекордных для промышленности цифр вытекает также, что не в якобы низком темпе развития (при данных средствах, ресурсах и возможностях) лежит корень объяснения того, что наша промышленность не покрывает деревенского спроса, — темп развертывания нашей промышленности по сравнению с капиталистическими странами неслыханно высок (даже товарная продукция промышленности растет значительно быстрее товарной продукции сельского хозяйства); из этой картины вытекает, что дело отнюдь не в отставании индустрии от сельского хозяйства.»

Вот уже действительно маленькие причины ведут к большим последствиям! С помощью арифметики — этой науки малойшей — Бухарин разделался с одним из серьезных парадоксов нашей действительности. Он не только решил вопрос о вполне достаточном темпе развития промышленности у нас, но мимоходом «посрамил» и капиталистические страны. О темпе индустриализации СССР поговорим подробнее ниже, напомним только здесь нашей скороспелке, что о темпе развития промышленности судят при господстве рынка не только по продукции, но и по ценам. А тут похвастать нечем. Цены у наших капиталистических соседей снижаются гораздо быстрее, чем у нас. Эта опасность для нашей страны не менее велика, чем бесспорные достижения в производстве.

Ничего не доказав, но вполне выявив свое умонастроение, Бухарин храбро шагает вперед. Он строит новую таблицу для посрамления зловерных троцкистов, говорящих о непокрытии деревенского спроса. Для опровержения троцкистов эта таблица структуры спроса не годится. Что промышленность сама является крупнейшим потребителем — это общеизвестно. Руда, уголь, нефть, чугун, машины, пряжа и т. д. в значительной мере потребляются самой промышленностью. Ничего нового в этом факте нет. Говоря же о деревенском спросе, надо говорить о товарах, выбрасываемых на широкий рынок. Здесь картина получается совершенно иная: доля потребляемых деревней товаров из года в год увеличивается. В этом году Наркомторг строит свои планы завоза с таким, примерно, расчетом, что деревня получает 70% товаров, а города 30%.

Деревня и город в потреблении целого ряда товаров по сравнению даже с недавним прошлым поменялись местами. Деревня (ее зажиточные слои) увеличивает свое потребление за счет города и, в первую очередь, рабочего класса, а тем не менее этот спрос остается непокрытым — вот что надо было показать в таблице потребления.

Для какой же цели Бухарин с «некоторыми товарищами» сочинили эту таблицу? Послушаем опять автора:

«Но вот тут — при внимательном анализе оказывается, что промышленность отстает от самой себя... Это значит, что промышленность в своем развитии натывается на границы этого развития... А «нататься» на границы означает следующее: 1) очевидно, взяты недостаточно правильные взаимоотношения между отраслями самой промышленности (например, явное отставание металлургии), 2) очевидно, взяты недостаточно правильные соотношения между ростом текущего производства промышленности и ростом капитального строительства... 3) очевидно также, что границы развития даны производством сырья: хлопок, кожа, шерсть, лен и т. д. [они] равным образом не могут быть добыты из воздуха... Если, следовательно, налицо недостача сырья плюс недостача хлеба (а это, помимо прочего, означает также «недостачу» экспорта и недостачу импортных товаров), плюс недостача строительных материалов, то нужно быть поистине остроумным человеком, чтобы требовать еще «сверхиндустриалистской» программы.»

Во всем «недостача». Дошли, значит, до ручки, кругом шестнадцать, как говорится. Ко всем «недостачам» мы прибавили бы еще одну недостачу — ума — у нынешних заправил хозяйством и политикой. Тогда картина будет полной.

Теперь разберем сказанное по существу. Что основные пропорции народного хозяйства нарушены, в этом нет сомнения. Иначе не было бы кризиса. Второе утверждение в переводе на русский язык означает, что программа капитального строительства велика и что ее надо сократить. Из третьего утверждения получается, что собрав все сырье и весь хлеб в стране, все же выходит кругом «недостача».

Сейчас читатель увидит, что два последних утверждения Бухарина совершенно неверны и направлены прямо против интересов рабочего класса.

Если в стране при быстром росте ощущается резкая «недостача» всех товаров промышленных и сельскохозяйственных,

то это означает, что в большом избытке находится один «товар» — бумажные деньги. Денежная инфляция, стихийно дезорганизующая народное хозяйство, — вот результат политики правоцентристского блока. Ученый Бухарин умудрился проглядеть слона. Скрывая от рабочих надвигающееся грозное бедствие, он уже хочет возложить издержки инфляции на рабочий класс. Плыть в хвосте растущих цен на сельскохозяйственные товары и сокращать программу капитальных работ — это и есть политика устряловцев. Понижать реальную заработную плату рабочего путем понижения расценок и повышения норм выработки, реализуя государственные займы преимущество среди рабочих, — это и значит заставлять рабочих расплачиваться за тупоумное и бездарное руководство.

Как дошел блок до жизни такой? Очень просто. В борьбе с оппозицией блок отверг предложенную нами политику распределения народного дохода. В результате оказалось, что даже для осуществления минимальной программы капитальных работ не хватило средств. Блок пошел по линии наименьшего сопротивления и напал на эмиссию. Вместо перекачки средств из кармана кулака, нэпмана и бюрократа в пользу промышленности заработал печатный станок. Люди забыли, что эмиссия не капитал, а всего лишь покупательная сила. Капиталом она является лишь в меру действительного накопления. В результате, кругом «недостача», за которую должен расплачиваться пролетариат. Бухарин делает две вещи: он скрывает грозное положение и ученым языком опутывает рабочих. И то и другое преступно.

Смешно поэтому думать, что мы собираем все хлебные и сырьевые излишки страны. Огромная доля этих излишков не вовлекается в государственное хозяйство, но об этом ниже.

Вывод напрашивается сам собой. Правые за сокращение плана капитальных работ, составленного центристами. Они хотят возложить издержки инфляции на рабочий класс. Наживаться же будут продавцы сельскохозяйственных продуктов — «товарное» крестьянство. Вся «ученость» Бухарина служит только для обоснования этого вывода.

Позиция центристов

Представители центристов на всех собраниях выступают против правых и принимают против них резолюции. Наиболее ярко и четко центристы выявляют свое лицо в последнем

обращении ЦК ко всем членам Московской организации⁴⁶⁶. Подобно бухаринской статье, это обращение является документом борьбы. Оно открыто призывает партийные массы к борьбе с теми, кто пытается «снизить темп развития индустрии вообще и тяжелой в особенности» (Бухарин). Бывшим правым союзникам центристское обращение открыто угрожает всеми теми скорпионами, с помощью которых правоцентристский блок расправляется с большевиками-ленинцами. Но при всей решительности взятого против правых тона обращение по основному вопросу о темпе индустриализации продолжает повторять обычную путаницу времен мирного сожителства правоцентристского блока. Крайне характерно — центристские авторы обращения увязывают вопросы темпа индустриализации с переживаемым СССР народнохозяйственным кризисом. Не будучи в состоянии опровергнуть бесспорное утверждение оппозиции о том, что основная причина народнохозяйственного кризиса лежит в недостаточном темпе индустриализации страны — центристы беспомощно повторяют правые зады о том, что хозяйственные затруднения в основном порождены быстротой темпа развертывания нашей промышленности. В этом решающем вопросе между центристами и правыми разницы нет.

Танцуя от одной и той же правой печки, центристы противопоставляют правому требованию сокращения плана капитальных затрат и темпа индустриализации лозунг «безусловного сохранения нынешнего темпа индустриализации». Двусмысленность и беспомощность этой позиции центристов очевидна. Если такие трудности, которые переживала страна в прошлом году и переживает в текущем году, суть неизбежные трудности взятого максимально возможного темпа индустриализации, то вполне уместны и последовательны запросы правых о том, что мы слишком дорогой ценой платим за максимальный подъем индустриальной кривой. Взятая исходная правая позиция центристов логически неизбежно приводит к этому неприятному выводу.

Центристы никогда и никому не сумеют доказать, почему нужно бороться за сохранение настоящего темпа индустриализации при условии сохранения кризисных затруднений. Пролетариату нужно укрепить свою диктатуру не путем сохранения переживаемого народнохозяйственного кризиса, а путем его преодоления. Лозунгу правых изживания затруднений

путем отступления пролетариата на индустриальном фронте только оппозиция противопоставляет лозунг изживания затруднений путем наступления пролетариата, путем усиления темпа индустриализации.

Беспомощность и противоречивость центристской позиции усиливается их священным трепетом и боязнью лозунга оппозиции о перераспределении народного дохода. Мы вправе спросить центристов: где вы думаете взять средства для осуществления даже вашего куцега лозунга о сохранении темпа индустриализации? Думаете ли вы и в дальнейшем безудержно налегать на печатный денежный станок и реальную заработную плату рабочего класса?

Для центристов священны и незыблемы и существующий темп индустриализации, и переживаемые трудности, и существующее распределение народного дохода. Центристы не выступают против поднимающей голову термидорианской опасности. Центристы лишь охраняют свои святыни от начатого правыми наступления. В эту борьбу не может не вмешаться рабочий класс. Руководимый оппозицией, он отвернется от священного трепета центристов и даст большевистский отпор правому наступлению на индустриальные высоты пролетарского государства.

Точка зрения оппозиции

Наша платформа следующим образом характеризует положение дела:

«Хроническое отставание промышленности, а также транспорта, электрификации и строительства от запросов и потребностей населения, народного хозяйства и общественной системы СССР в целом держит в тисках весь хозяйственный оборот, сужает реализацию товарной части сельскохозяйственной продукции и экспорт ее, вводит импорт в крайне узкие рамки, гонит вверх себестоимость и цены, создает неустойчивость червонца, тормозит развитие производительных сил, задерживает рост материального благосостояния пролетариата и крестьянских масс, приводит к угрожающему росту безработицы, ухудшению жилищных условий, подрывает смычку промышленности с сельск[им] хозяйством и ослабляет оборонную способность страны. Недостаточный темп развития промышленности приводит, в свою очередь, к задержке роста сельского хозяйства. Между тем никакая индустриализация

не возможна без решительного поднятия производительных сил сельского хозяйства и увеличения его товарности.»

Эта оценка положения, конечно, как небо от земли отличается от того, что говорят правые и центристы. Она дана более года тому назад. Она предвидела все то, что случилось в 1928 г. Не о деревенском спросе идет речь, а совсем об ином. Когда тов. Троцкий заостряет вопрос о деревенском спросе, то он поступает совершенно правильно. Выдвигая проблему «смычки», он концентрирует внимание партии на важнейшем участке. Только Бухарин по этому случаю может впасть в полемический восторг...

Что изменилось в течение года? Все предвиденные опасности увеличились и обострились. Ухудшилось положение с хлебом (смычка), снизилась реальная заработная плата, усилилась безработица, резко ухудшилось положение с червонцем.

Если так дело обстоит при теперешнем темпе индустриализации, то что же получится при снижении его, как того хотят правые и Бухарин, или при беге на месте — излюбленном занятии центристов?

Позиция рабочего класса может быть только одной: добиваться усиления темпа индустриализации. Не может быть никакой речи о «правом» решении вопроса. Не может быть речи и о центристской политике. Бег на месте означает быстрое нарастание трудностей. Чем глубже советская власть и партия увязнут в кризисе, тем настойчивее будут атаки правых. При дезорганизованности пролетариата шансы правых будут усиливаться. Вот почему неправильна и позиция центристов.

Бухарин аргументирует необходимость сокращения плана капитальных работ недостатком материалов. Конечно, только идиот может приступить к постройке каменного здания, не имея на складе кирпича. Вывод-то все-таки должен быть только таков: нужно произвести больше кирпича, больше недостающих материалов. Что капитальные работы надо производить в определенной последовательности это святая истина. Для этой последовательности и нужен план. Но никто в мире еще не доказал, что капитальные работы состоят только из одного нового их строительства. Переоборудование уже существующих предприятий представляет задачу огромной важности. По железным дорогам уже нельзя ездить без опасности для жизни. Все это представляет широкое по-

ле для применения народнохозяйственных накоплений (не эмиссии, конечно).

Бухарин аргументирует свой вывод от «кирпича». Эта аргументация несостоятельна. Оппозиция, выдвигая свою программу, исходит из необходимости коренного изменения всей политики. Только решительное изменение всей политической линии партийного руководства, только сообщение партии и рабочему классу всей правды о положении дел, только призыв к творческой классовой энергии пролетариата — только такая политика может помочь заходящей в тупик экономике СССР.

Выход надо искать в следующих основных направлениях: «Основным источником средств является перераспределение народного дохода путем правильного использования бюджета, кредита и цен. Дополнительным источником средств должно явиться правильное использование связей с мировым хозяйством» (платформа).

1. По бюджету — с 600 млн. в 1928—[19]29 до 1000 млн. руб. к 1931 г. на промышленность.

2. По налогам — экспроприация спекулятивных капиталов нэпманов. Не участвуя в хозяйственном обороте страны, эти капиталы только дезорганизуют хозяйство. Метод — принудительный заем.

Прогрессивно-подоходный налог на кулачество.

Гораздо более действительное обложение частного капитала.

Обязательный хлебный заем.

3. Полная ясность о состоянии денежного обращения. Чтобы не оказаться буквально проданным и преданным кулаку и нэпману, рабочий класс должен знать финансовую политику власти. Если цены на сельскохозяйственные продукты будут расти, а цены на промтовары останутся стабильными, то средства государственной промышленности перейдут к кулаку и нэпману. Думает ли нынешнее партийное руководство бороться с инфляцией или оно будет плыть по течению? Пока оно молчит по этому вопросу и нажимает только на рабочих.

4. Режим экономии своим острием должен быть направлен в первую очередь против советской, профсоюзной и партийной бюрократии. Дело идет о сотнях миллионов рублей. Каждый рубль, вырванный у бюрократии, увеличивает значение члена партии, члена профсоюза.

5. Подбор людей для хозяйственного руководства. Надо устранять бездарных Молчалиных от расходования пролетарских денег.

6. Недоверие политике право-центристов. Они расстроили все хозяйство и разложат его окончательно, если рабочие массы не помешают этому.

7. Кредит — рычаг для мобилизации частных накоплений.

8. Решительная борьба с водкой. Сокращение производственной программы по винокурению.

9. Рабочая и партийная демократия, последнее по счету и первое по значению требование.

10. Что касается внешней торговли, то право-центристы запутали наш платежный баланс краткосрочными кредитами, по которым скоро нечем будет платить. Вместо усиления темпа индустриализации, как следствия правильного использования связей с мировым рынком, получилась кабала.

Так смотрит на дело ленинская оппозиция.

Кризис хлебозаготовок и перспективы. В этом вопросе Бухарин ошибается в полном единодушии со всем правоцентристским блоком. Он популяризует решения июльского пленума. Его точка зрения опасна тем, что она усыпляет внимание партии и пролетариата к надвигающимся новым трудностям. У него проблески правильных мыслей сдобрены такой кучей неправильностей, что выводы его получаются неправильными.

Какими же причинами, по мнению Бухарина, был вызван хлебозаготовительный кризис прошлого года?

«Хлебозаготовительный кризис является выражением во все не изобилия хлеба при голоде на промтовары. Это «объяснение» не выдерживает никакой критики. Он подготовлялся в обстановке измельчания крестьянского хозяйства и проявился 1) при возросшей диспропорции цен на зерно — с одной стороны, техкультур — с другой; 2) при росте добавочных доходов от неземледельческого труда; 3) при недостаточном повышении налоговых ставок на кулацкое хозяйство; 4) при недостаточном снабжении деревни промтоварами; 5) при возросшем хозяйственном влиянии кулачества в деревне... Теперь-то и малому дитяти ясно, что оппозиционные побасенки об «ужасно громадных» натуральных зерновых фондах деревни, все разглагольствования о 900 млн. пудов рассеялись как яркие пузыри и лопнули навсегда. Никто больше этим росказням не верит.»

Разберем с необходимой тщательностью эти утверждения. Отбросим в сторону словечки об «изобилии». В СССР в «изобилии» только культурная отсталость масс да схоластическая аппаратническая болтовня Бухариных и их «выводков». Все остальное в «недостаче». Об этом сам Бухарин так красноречиво распространялся двумя страничками выше. Как же на деле обстоит положение с зерновыми культурами? Утверждает ли Бухарин, что в СССР не хватает зерна для прокормления населения, скота и ограниченного экспорта? Если да, то пусть он возьмет на себя труд опровергнуть всю советскую статистику. Пока он этой работы не произвел, мы вправе не внимать его воплям. Для осуществления указанных трех задач хлеб в стране имеется, это мы утверждаем с полной категоричностью. В чем же состоит так называемая «зерновая проблема»? В том, что в 1926 г. Бухарин и Микоян чрезмерно снизили цены на зерновые продукты, что привело к некоторому отставанию в росте зерновых. Ошибку пришлось исправлять в такое время, когда весь вред от нее уже произошел и когда исправление этой ошибки носило характер явной уступки кулачеству. Сводить кризис хлебных заготовок прошлого года только к проблемам зерновых культур может только политический и экономический недоросль. Не надо забывать, что страна нуждается не меньше, чем в хлебе, в продуктах животноводства и технических культурах. Делать из своей ошибки добродетель да кричать об этом на весь мир по меньшей мере глупо.

Теперь о «запасах». Рыков на IV съезде Советов назвал цифру 750 млн. пудов крестьянских запасов. Оппозиция выступала примерно с такой же цифрой. Кем эти цифры опровергнуты? Тем, что не сумели выполнить план заготовок и влетели в кризис? Какова же «действительная» цифра Бухарина? Сколько он считает необходимого страхового запаса и сколько хлеба застряло у кулаков? На все эти вопросы ответа не получаем. По расчетам сибирских статистиков, запасы в Сибири в этом (1928 — [19]29) году снова увеличатся свыше, чем на 25 пудов в среднем на хозяйство. Так говорят люди, знающие дело; Бухарин же только «вещает». Надо твердо помнить, что есть запасы страховые, которые полезны и необходимы в крестьянском хозяйстве; никогда оппозиция не предлагала их отбирать. Но есть и кулацкие запасы, употребляемые для закабаления бедноты и борьбы с советской властью. 150 млн. пудов из таких запасов оппозиция предложила взять в порядке обяза-

тельного займа в прошлом году; это требование мы выдвигаем и теперь. Истерически крича, что запасов нет, Бухарин на деле прячет кулацкий хлеб от рабочего и советского государства. На словах он дважды подчеркивает кулака, как штрих для объяснения прошлогодней неудачи. В связи с этим упоминанием Бухариным роли кулачества в хлебном кризисе мы можем сказать только одно: Бухарин с грациозностью настоящего денди щеголяет в пальто, которое он только вчера «стибрил» у оппозиции. В натуральных своих одеждах он выглядит куда менее пристойно.

У всех еще в памяти: кулак вращает в социализм, обогащайтесь. В самом деле, какие выводы он делает в смысле борьбы с кулаком? Никаких. А вот прятать кулацкие запасы и сокращать капитальные работы он первый мастер. Велика глубина падения этого человека.

Гвоздем его объяснения причин хлебного кризиса является подчеркивание растущих неземледельческих заработков крестьянства. Эти заработки он связывает с чрезмерно большой программой капитальных работ, усиливающей спрос на промышленные товары и наполняющей деревню деньгами. Но плановое хозяйство и пролетарская политика в том и состоят, чтобы строить больше фабрик, чем теперь, правильно распределяя народный доход, т. е. надо у кулака, нэпмана и бюрократа средства взять и в промышленность вложить. Надо сперва произвести кирпич, а потом строить здание. Надо следить, чтобы новое строительство быстро давало результаты и чтобы оно велось правильно, без «панам». Чтобы не повторялась история вроде Днепростроя. Тогда инфляции не будет. В противном случае — путь инфляции и резкого обострения кризиса. Партийное руководство пока стоит на этом пути.

Оппозиция предвидит обострение хозяйственного положения в текущем году. Хлебные затруднения повторятся.

Снова пропускаются все сроки для выпрямления политики партии в деревне.

Оппозиция предлагает:

1. Ввести подоходно-прогрессивный налог на кулачество.
2. Обязательный заем в 150 млн. пудов для крупных хлебодержателей.
3. Организация союза бедноты.
4. Отправка в деревню лучших пролетариев помочь бедноте организовать.

В противном случае могут повториться «чрезвычайные меры» со всеми губительными последствиями их для смычки с середняком.⁴⁶⁷

Бухарин и вопросы партийной и рабочей демократии

Пожалуй, самым интересным местом статьи Бухарина является вводная часть, которая может быть кратко названа «Тоска по родине», то бишь лучшему режиму. Послушайте, сколько подлинно элегической грусти заключено в следующих словах:

«Посмотрите на письма рабочих, на записки, подаваемые во время различных собраний, послушайте выступления рядовых пролетариев. Какой огромный культурно-политический рост. Какой уровень вопросов и проблем, копошащихся в головах массы. Какая жгучая потребность доискаться до «корня вещей». Какая неудовлетворенность ходячей и стертой монетой штампованных и пустоватых фраз, элементарных, как бревно, и похожих одна на другую, как две горошины. Надо сознаться, что здесь в этих «ножницах» между запросами массы и той «духовной пищей», которая ей подается (часто холодной и неряшливо едва-едва разогретой), есть большая доля вины с нашей стороны вообще, со стороны нашей печати, в особенности. Разве те вопросы, жгучие и «больные», которые сверлят мозги многим и многим, находят у нас достаточно живой отклик? Разве у нас достаточно удовлетворительно поставлено дело серьезной информации о нашем хозяйстве? Разве мы в достаточной степени ставили перед массой, и рабочей массой в первую очередь, сложнейшие проблемы нашего хозяйствования? Нет и тысячу раз нет: здесь у нас огромный пробел, который нужно заполнить, чтобы иметь право говорить о серьезных усилиях по вовлечению масс в активное социалистическое строительство... Мы и сами недостаточно осознали всю новизну условий реконструктивного периода. Именно поэтому мы так «запаздывали». Проблему своих спецов поставили лишь после Шахтинского дела, проблему совхозов и колхозов сдвинули практически с места после хлебозаготовительного кризиса и связанных с ним потрясений и т. д., словом, действовали в значительной мере согласно истинно русской поговорке: «Тром не грянет — мужик не перекрестится».

Эта меланхоличность не просто случайное душевное состояние впавшего в грусть Бухарина при виде кричащего несоот-

ветствия между политическим ростом пролетариата и тупоумным и бездарным партийным руководством. Нет, его грусть имеет серьезные политические корни. Как не грустить Бухарину? Статья его появилась в «Правде» от 30 сентября. До этого его и его друзей усиленно «прорабатывали» в ячейках и на активах. Когда все было сделано, выпустили его со статьей, смысл которой, в лучшем случае, состоит в дальнейшей борьбе. Для данного этапа борьбы статья его опоздала. То ли дело было, когда Бухарин, будучи редактором «Правды» сам давал сигналы к «проработке» оппозиции. И как все это было недавно.

Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые сны?
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит —
В глубокой тьме таится он.⁴⁶⁸

Есть, есть о чем грустить Бухарину. По человечески, его можно даже пожалеть. Увы, в политике на чувстве ничего не строится. А стоит только трезво посмотреть на дело, и мы увидим, что поделом вору и мука.

Посмотрим, к каким политическим мыслям приходит Бухарин по случаю меланхолии. Первое — огромное несоответствие между запросами рабочих масс и даваемыми ответами. Святая истина. Это несоответствие, увы, является фактом не со вчерашнего дня. Второе — никуда не годные шпаргалки, количество которых обратно пропорционально их содержанию. Верно, тысячу раз верно. Третье — неподготовленность партии к решению основных хозяйственных (и политических) задач — отсутствие партийной демократии. И это совершенно справедливо. По части «запаздывания» мы должны сделать нашему автору еще два пренеприятных замечания. Ленин однажды сказал про «опаздывание» в хозяйстве: «Отстающие будут биты». И второе — любезные граждане, вы уже опять опоздали с подготовкой к хозяйственному сезону. Если вы глухи и немы к указаниям разума, то пусть снова учат вас колотушки жизни. Таков ваш удел.

Но обо всем этом оппозиция говорила давно, а не в порядке меланхолии⁴⁶⁹. Оппозиция ставила вопрос о партийном режиме в связи с политикой партийного руководства. Она указывала, что такой партийный режим неизбежно заведет партию

в окончательный тупик. Но вот оппозиция в Сибири, Средней Азии и др[угих] «гиблых» местах. Не Бухарин ли глумится публично над преследуемыми пролетарскими яковинцами?

Где Троцкий, в уме и революционной решимости которого Бухарин черпал вдохновение в лучшие годы своей жизни? Где другие монганьяры из ленинской гвардии, которые остались верными пролетариату и в дни революционных триумфов и в дни повседневной работы? Где они, «загрустивший» Бухарин? Не ты ли первый, убоявшись открытого идейного боя, трусливым поднятием руки отправлял оппозицию на сухую гильотину?⁴⁷⁰ А теперь скулишь, как побитая собака.

Сегодня режим поражает Бухарина, как вчера он поражал ленинскую оппозицию. По этому поводу ленинская оппозиция не имеет никаких оснований для выражения правым политического сочувствия. Но наблюдая за расправой с правыми, мы должны сказать одно: душат их точно так же за спиной партии и рабочего класса, как душили в свое время оппозицию. Правые уже политически осуждены. В обращении ЦК по поводу Московской организации прямо говорится, что с правыми надо бороться так же, как и с троцкистами. Значит, аресты, ссылки?

Кто же они, эти стопроцентные правые (непримиренцы)? Где их взгляды, изложенные ими самими? Ведь дело-то заключается в том, что пролетариату и партии надо в первую очередь преодолеть определенную сумму политических взглядов. Лишь в этом случае партия идейно вырастет и, может быть, окупит расходы внутрипартийной борьбы. Неужели же дело только в Лядове и Угланове? Правда, когда подумаешь, что ты в каком-нибудь Минусинске можешь встретиться с Лядовым, то не можешь преодолеть чувства гадливого отвращения...

Мы говорим рабочим-коммунистам: долой правых. Правым должен быть нанесен решительный идейный разгром. Никаких заигрываний с правыми (тебя бьют, меня бьют — давай бороться с аппаратом сообщца).

Вместе с тем мы говорим партии и рабочему классу: за сталинские методы борьбы с правыми — ни капли ответственности. Правых надо политически победить, а не душить их в тайниках партийного аппарата. Центристы сами идейные банкроты. Власть в руках ограниченных эмпириков и тупоумных кретинов есть величайшее бедствие вообще, в революционной эпохе

в особенности. Вот почему мы не можем оказать ни малейшего доверия вождям центристов. Нельзя бороться с правыми всерьез, преследуя ленинскую оппозицию. Требование возвращения оппозиции из ссылки является необходимейшим условием изменения партийного режима. За это требование должны бороться все, кому дороги интересы пролетарской революции.

Послесловие

Когда настоящая работа была почти уже закончена, пришли газеты с обращением ЦК по поводу Московской организации. В этом документе центристы официально формулируют свои взгляды. Мы показали, в чем сходятся и в чем расходятся взгляды центристов со взглядами правых. Эти же газеты принесли сведения о дальнейшем обострении борьбы внутри блока. Все это говорит о том, что мы правильно расценивали положение дел в экономике и политике.

Мы оставили без разбора путаные и противоречивые суждения Бухарина о некоторых теоретических вопросах, в частности, о законе ценностей. Человек отменил этот закон, школа его создала теорию о «двуедином регуляторе»; теперь Бухарин пресмыкается перед этим законом. Все одинаково неверно. Не надо было в классовом обществе при наличии рыночных отношений выбрасывать за борт краеугольный камень марксистской экономики. Со своей переходной экономикой, отличительным свойством которой является то, что при капитализме [...] ⁴⁷¹, а у нас все «наоборот» или «наоборот». Бухарин пока что попал не в царство социализма, а в лапы самой вульгарной экономии. Однако разбор этого вопроса крайне отяготил бы и так разросшийся ответ. Бухарин с Кржижановским ⁴⁷², наверно, скоро станут академиками ⁴⁷³. Мы не можем поздравить Академию наук с этой парой новых «бессмертных».

Ни тот, ни другой не могут считаться представителями марксистской науки.

Лучшим отводом Бухарину является разобранная нами статья.

Банкротство же теперешнего Госплана есть в то же время банкротство его главы.

Минусинск

23 октября 1928 г.

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВКП И РАБОЧИМ МОСКВЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи, в ночь 21 октября совершилась новая расправа на большевиками-ленинцами. В Ленинграде, Харькове, Москве арестовано свыше сотни стойких пролетарских революционеров — с крупнейших фабрик и заводов этих городов. Вместе со всей ленинской оппозицией они боролись за исправление непролетарской политики нынешнего партийного руководства. Они стремились свалить с плеч рабочих и деревенской бедноты непосильное бремя все растущей безработицы, падающей заработной платы, обостряющегося товарного голода, кулацкой кабалы и чудовищного бюрократического зажима.

Большевики-ленинцы призывали и зовут рабочих к борьбе с кулаком, угрожающим пролетариату голодом, с наглеющим нэпманом и развращенным бесконтрольным властвованием бюрократом и аппаратчиком. За это лучших представителей оппозиции беспринципное сталинское руководство бросило в тюрьму. На словах борясь с правыми, оно на деле прикрывает их. Оно само переходит на рельсы правой политики, сыпя все новые удары по левому крылу партии.

Товарищи, в качестве неотложных мероприятий большевики-ленинцы добиваются:

- 1) усиления темпа индустриализации страны; такого повышения зарплаты, которое возместило бы возрастающую дороговизну, неуклонно растущую интенсивность труда; отмены непрерывных пересмотров норм выработки и расценок;
- 2) организации союзов деревенской бедноты для борьбы с кулачеством; принудительного займа на кулацкие хлебные и продовольственные излишки;
- 3) очистки партийных, профсоюзных и других органов от разложившихся и переродившихся элементов;
- 4) подлинной, проводимой не на словах, а на деле, пролетарской демократии.

Это ленинские требования. Только на основе их действительного проведения можно дать сокрушительный отпор наступающим на пролетариат его классовым врагам. Расправа над оппозицией выгодна только буржуазии, а не ВКП и рабочим.

Московские пролетарии! Вы всегда были в первой шеренге революционных борцов. Довольно выждать — слово за вами. Боритесь под руководством оппозиции за ленинскую политику. Защищайте борцов за ваше дело: выступайте с требованием немедленного освобождения на поруки фабрик и заводов арестованных рабочих-оппозиционеров. Требуйте созыва заводских собраний и выносите резолюции протеста против арестов большевиков-ленинцев и добивайтесь их возвращения на заводы! Организуйте по цехам сбор подписей за освобождение из тюрем и возвращение из ссылки большевиков-ленинцев и их вождей товарищей Троцкого, Радека, Сосновского, Раковского, И. Н. Смирнова, Смилги, Преображенского и других. Организуйте денежную помощь арестованным ленинцам и их семьям!

В качестве протеста против террористического подавления оппозиции выбирайте арестованных и сосланных оппозиционеров на предстоящих перевыборах в партийные и профсоюзные органы и Московский совет!

Большевики-ленинцы
(оппозиция ВКП)

Москва, 24 октября 1928 г.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО⁴⁷⁴

Друзья,

Хочу воспользоваться оказией, т. к., видимо, нам по почте не часто теперь придется сообщать друг другу новости⁴⁷⁵. Из газет, вероятно, вы уже осведомлены насчет московского «бунта»⁴⁷⁶. Это действительно был бунт, но бунт аппарата. Теперь уже очевидно, что тогда правые в надежде, что потери их будут огромны, решили пожертвовать несколькими секретарями, чтобы сохранить политические посты. Им это удалось. После бунта они имеют теперь бюро МК пять человек, а центристы — три (один болен — равно — два), они объявлены не правыми, а лишь примиренцами. Даже Рютин теперь котируется на центристской публичной бирже как примиренец. Пытаются выезжать на всяких Лядовых. Правые ведут расчет на затруднения и осуществляют тактику саботажа. Они в госхоз-сов-кооп-аппаратах итальянят⁴⁷⁷ всюду. Один жестко правый мне говорил: «Хорошо им принимать левые резолюции и разводить демократию, пускай-ка сами реализуют ее». В свя-

зи с такой тактикой они во всех ячейках где их ожидает [поражение] «каются». Однако их покаениям никто никакой веры не придает. Недельки две после бунта они было держали себя смиреннько, да вот теперь вновь обнаглели. Один из работников аппарата мне говорил дня четыре назад: «Угланов с наглой откровенностью мобилизует вокруг себя хоз-, сов- и коопчинош. Михайлов организует профбюрократов. Нужно полагать, что они готовятся к борьбе». На мой вопрос, что же конкретно Угланов может сделать теперь, он ответил: «По всему, он готовит какое-то выступление». — «Какое?» — «Он готовится, видимо, рассказать разоблачающие Сталина сенсации». — «По-видимому, о методах его руководства». Мой собеседник — сталинец — человек, вполне доверия достойный. Как общее правило, правые не голосуют, резолюции не вносят, кое-где лично выступают с елейными речами на тот счет, что ошибки пусяковы, исправимы, что «не ошибается тот и т. д.». Но в некоторых ячейках все же голосования были. В ячейке Академии комвоспитания⁴⁷⁸ правые получили сто голосов. Совершенно открыто правые ведут расчет на мужика и чиновника. Но правые настроения, видимо, значительны и в рабочей среде. Они тем опаснее, что меднолобые никакой подлинной работы в рабочей массе не ведут, а заняты комбинаторством. Кроме стихийно мужицких настроений, по-видимому, замечается некоторый слой принципиально правый. Но в массе актив и наиболее сознательный слой рабочих безусловно левых настроений. Некоторые агитчики мне говорили, что все чаще встречаются выступления на тему о том, что мы уже очень миндальничаем с мужичком, что смычку превратили в фетиш и т. д. Как аппарат ни стремится решать все помимо партийных масс, рядовые члены партии все более втягиваются в борьбу. Чем более втягиваются, тем более растут симпатии к нам. Тому много доказательств.

Во всех ячейках идут доклады. Всюду члены ячейки пристаюют неотступно к докладчикам с вопросом «кто же конкретно правый». На одной ячейке рядовой член партии выступил с речью о конкретных носителях правой опасности и закончил при явном одобрении ячейки: «Почему же при всем том Рыков — пред[седатель] С[ов]н[ар]к[ома], а Троцкий в Алма-Ате».

Даже самые оголтелые аппаратчики теперь рассматривают нас как левых, льстиво говорят о наших прошлых заслугах и т. д.

Одновременно центристы недельки две тому назад дали лозунг для «активистов» — мы достаточно сильны, чтобы справиться с обеими фракциями. Но события идут колоссально быстро. Теперь вновь, видимо, дело изменилось. «Мы» немного стали трусить перед напором правых. Настроение тупоголовых центристов крайне неодинаковое. То ликуют, то трусят. Перед пленумом МК⁴⁷⁹ очень трусили и говорили самые смелые левые фразы. После удачного «разгрома» углановцев они [посчитали] себя достаточно сильными. Теперь вновь идет полоса трусости. Вызвана она новым обострением борьбы с правыми.

Вероятно, вы читали статью в «Рабочей газете». В ответ Яглом⁴⁸⁰ поместил в «Труде» две статьи Мельничанского и Гинзбурга⁴⁸¹ в защиту ВЦСПС⁴⁸² — это тоже вам, вероятно, известно. Аппаратчики воспользовались этим и хотели постановлением ячейки служащих ВЦСПС снять редактора «Труда». В самый последний момент, когда Лобов⁴⁸³ готовился выступать с докладом, его Томский вызвал к себе в кабинет. Час прождали. А там Томский устроил скандал, потребовал передать все это на суждение фракции. Лобов вышел и «от имени Сталина, Орджоникидзе и Томского» просил снять вопрос. Большинством сняли. Это здесь расценили как начало борьбы за ВЦСПС. Но тут борьба идет куда сложнее. Еще в мае месяце, когда положение Сталина было организовано крайне слабо, Томский провел инструкцию по выборам на VIII съезд профсоюзов⁴⁸⁴. После июльского пленума — за первый период взаимных заверений в «монолитном» единстве и т. д. — Томский и его тред-юнионисты провели фактически выборы на съезд. ЦК теперь очутился перед фактом. Съезд чиновников и тред-юнионистов явно правых! Как исправить положение? Лозовский внес предложение на фракции, чтобы теперь, по крайней мере, на заводах обсуждали порядок дня съезда. Смысл хода ясен. Попытка исправить дело либо частичными перевыборами, либо наказаниями. Но фракция отвергла предложение Лозовского. Тогда пустили «Комсомольскую правду»⁴⁸⁵. Но и это безрезультатно пока.

Единственно радикальный выход — политически дезавуировать съезд. Но на это трусишка евразиец⁴⁸⁶ не пойдет, по-видимому. Таков один из сложных узлов борьбы. Далее. Единственным оправданием Сталина, когда он всячески отгораживал правых, выдавая их примиренцам, было стремление и на но-

ябрьском пленуме⁴⁸⁷ получить «монолитное единогласие». Для этого буквально жертвуется всем.

Теперь идет выработка тезисов к пленуму. Рыков представил свой проект. Знакомые с ним аппаратчики его характеризуют как нагло правый документ. 1) Темп индустриализации — нынешний. 2) Вложение в сельское хозяйство увеличить. 3) Поднять производительность труда на 17%, но зато ни слова о зарплате. Передано в комиссию: Сталин, Молотов, Яковлев, Рыков и Куйбышев. Как бы там ни было, Сталин пойдет на все уступки, лишь бы получить единогласие. Так говорил одному из наших парней и Пятаков. По мнению последнего, этот компромисс продержится не более двух недель. Впрочем, не исключена возможность наступления со стороны правых. Может выступить Угланов, ему все равно нечего терять, его решено снять.

Итак, положение Сталина все время напряженное. Его политика истинно центристского лицемерия — левые слова и перманентные уступки правым — выделяют уже из рядов центристов левых, которые все более и более приобретают ясные очертания и выходят из политического косноязычия. Левые сталинцы здесь уже пришли до того сознания, что «единственной гарантией подлинно ленинской политики в партии есть союз с вами (т. е. не с нами!!!) и единым фронтом борьба с правыми». Это дословно слова молодого ответственного левого сталинца. Они еще не зафиксировали в документах свои мысли, а потому они не могут собирать свои силы.

Переоценивать их силы не следует. Большую их часть составляют люди интеллектуального труда. Но их настроения очень широко распространены, и будь они люди не столь молоды и не так неопытны, смогли бы собрать значительные кадры в партии. Подлинное их несчастье — их возраст, все они люди молодые, воспитанные в покорности. Вот два ряда фактов. Месяц тому назад Менжинский в ПБ докладывал, что все мероприятия против оппозиции впустую, поскольку они продолжают жить политически. Предлагал лишить нас права вести переписку. Решение нам не было известно⁴⁸⁸.

Теперь мы узнали, что с 10/XI решено прекратить политическую переписку. Запретить всем нам кроме Евгения [Преображенского], Карла [Радека], Ищенко и Серебрякова писать политические письма. Далее волна арестов: в Ленинграде до сих пор 112, в Москве — 55, в Киеве — 42, в Харькове — 35, Ба-

ку — 15, Одессе — 9, Саратове — 8 и т. д. В Харькове избили арестованных, в Ленинграде тоже. В Москве 212 человек объявили голодовку (понавезли из провинции). Дело, как видите, принимает характер явно террористический по отношению к нам. Но, с другой стороны, известны здесь и другие факты. Орджоникидзе недавно, дня три тому назад сказал: «В рядах оппозиции так много превосходных ребят! Бездействуют все, а как их привлечь в партию, прямо не знаешь, с чего начать».

Сталин, беседуя приблизительно тогда же — канун праздника, с одним азиатом, сказал: «Они состоят из двух частей. Одна часть уходит от партии и скоро даже субъективно станет контрреволюционной, а другая, во главе с Л. Д. [[Троцким], безусловно остается на партийной почве, безусловно нужна партии. Но как их вернуть. Вот вопрос».

Оба, говоря, знали, что разговор этот дойдет до нас. Ответ я дал передававшему мне очень простой: «Снять 58 статью, вернуть оппозицию из ссылки, выпустить из тюрем, а там поговорим: на счет ошибок XV съезда, на счет центристов и путей их исправления». — «А на счет ваших ошибок?» — «И на этот счет поговорим». Таковы новости. Не полные, но что же поделаешь. Я спешу, устал писать твердым карандашом, наконец, я даю торжественное обещание при первой же оказии писать еще.

Р. С. Перечитав письмо, я нашел, что переданному разговору могут кто-либо из товарищей придать серьезное значение. Разумеется, не следует рассматривать эти разговоры иначе, как симптоматическую болтовню, как своеобразный маневр, продиктованный трудностью положения, в котором очутился Сталин в настоящий момент. Но в качестве симптома разговоры эти и аналогичные учесть надо, для того чтобы иметь суждение о наших центристах! Но раз перешел от карандаша к ручке — продолжаю информацию далее.

Октябрьская демонстрация прошла под сплошными левыми плакатами. Не только мы, но и аппаратчики с удивлением отмечали, что в числе специально к этой годовщине подготовленных знамен преобладали такие, на которых были надписи левые. Причем значительная часть левых лозунгов были повторением прошлогодних, тех, которые к десятилетию считались криминальными. «Долой кулака, нэпмана и бюрократа», «Огонь направо», «Выполним заветы Ленина» и т. д. так и пестрили по рядам. Наши ребята играли не последнюю роль в деле

оформления этих лозунгов. Они на местах прилагали все старания, чтобы 1) преобладали левые знамена и 2) лозунги их, елико возможно, [приближались] к «классическим» формулировкам. Это им блестяще удалось. Они не имели директив выдвигать самостоятельные лозунги, но в одном или двух пунктах (стихийно) был выброшен плакат «Да здравствует товарищ Троцкий», но из демонстрации напали на них и отняли знамя. XI годовщина не дешево нам обошлась. Жертв мы дали много. Еще до праздников был схвачен на улице Рафаил [Сахновский], в портфеле которого взяли черновой набросок инструкции по проведению 7/XI. Отпечатав (видимо, с прибавлениями), они разослали эту «инструкцию» по районам для «проработки». После одного райкомы выделили десятки, на обязанности коих лежало обход по ночам районов с целью воспрепятствовать расклейке листовок и вывешиванию плакатов. Дано было указание не расклеивать листовки, а распространять. Несколько комсомольцев, не взирая на то, пошли на расклейку и были накрыты «десятками» (одиннадцать человек), были схвачены за разбрасыванием ряд комсомольцев в общей сложности человек до 45 (в числе 55). Листовок, однако, захватили незначительное количество. Распространили же их около 1800.

Притчей во языцех теперь так называемое киевское дело. В Киеве был арестован ряд товарищей, в их числе рабочие одного завода (кажется, «Большевик»). Когда об этом узнали рабочие, они выделили делегацию для отправки в ГПУ. Человек 150 (так пишет сводка ГПУ). Явились. Их не приняли. Арестованные в это время гуляли, ворвались на балкон и стали митинговать. Вызвали конную милицию. Демонстрация запела «Интернационал». Милиция под козырек. После разогнали. На второй день пришли уже всем заводом к окружкому и окрисполкому. Называют цифру 2000. ГПУ преуменьшает. Но успели высказаться лишь три или четыре оратора. Делегатов в исполком и окружком не пустили, выступавших арестовали. Разогнали.

Подробно не пишу, т. е. полагаю вам известно про бюллетень № 6489, где много всяких сведений.

Я лично узнал эти сведения от аппаратчиков, все, за исключением числа демонстрантов, совпадает с нашими сведениями.

Пятаков сказал одному из наших товарищей, что сводки ГПУ почти дословно то же рассказывают, преуменьшая цифры.

В Ленинграде из числа мне известных: Ольга Танхилевич (кр[асный] профессор, автор работы об Эпикуре⁴⁹⁰ и Лукре-

ции⁴⁹¹), Альтер (автор работы о Р. Люксембург и др[угих]), Яцек, Вл. Яковин и др[угие]. Число московских велико. Упомяну: Рафаил Сахновский, братья Каплинские (Юрий и Лев), Лобода, Сандомирский, Барышев, Лавлер Поля, Каминский, Петров, Метерицкий, Китаев, Эльцина Вера, Муся Магид, Фельдман братья и др[угие].

Жертв, как видите, много, но приход еще большой. Баланс в нашу пользу. Нет ни одной пролетарской ячейки, где бы мы не имели целый ряд преданнейших и самоотверженных сторонников партии. Но я уж больно затянул разговор. На этом закончу информацию.

Хотел бы еще раз подчеркнуть только, до чего реальна опасность создания настоящего термидорианского режима для ленинизма и левого крыла. «Борьба на два фронта» пока что есть борьба против нас, борьба налево. Это нужно учесть при политических оценках. Когда я развивал последнюю мысль в кругу левых сталинцев, один из них сказал: «Да, несомненно, при наших нынешних условиях борьба на два фронта — самая нелепая тактика».

Это понимали все честно левеющие элементы. Это они поймут теперь в связи с террором против нас еще больше.

* * *

Период после июльского пленума — период нашего роста. Именно с этого момента начинается оживление в работе, принимающее постепенно все более открытый характер. В ряде пунктов используются легальные возможности (п[а]рт[и]йные собрания, раб[очие] собрания) выступлений и усиленно распространяются документы. Выступления на основе вполне ясной и четкой линии переходят в совершенно открытое наступление наших товарищей.

В результате имевших место фактов, затруднений и наших выступлений к сентябрю всюду отмечается рост наших рядов. Киев, примерно, вырос на 30%, Екатеринослав на 100%. Следует подчеркнуть, что рост происходил и продолжается, главным образом, за счет рабочих основных предприятий, на которых мы до XV съезда были слишком слабы, а в некоторых случаях никого не имели. Но, несмотря на отмечавшийся как общее явление рост, не всюду пополнение рядов происходит одинаково. Если в некоторых пунктах мы имели рост до указанных выше цифр, то примерно в Центрально-Промышлен-

ном районе начинаем только шевелиться. Вообще этот район (Тула, Иваново-Вознесенск, Кострома, Брянск, Нижний [Новгород], Тверь) нами слишком слабо охвачен, и силы наших кадров слишком незначительны. Что является и сейчас несомненным — это условия для роста, но рост происходит в зависимости от состояния нашей работы на местах, которое далеко разнится.

Переходим к характеристике отдельных пунктов:

1) *Украина*. Во всех основных пунктах (Харьков, Киев, Екатеринослав, Запорожье, Одесса, Николаев, Кременчуг) нам удалось организационно закрепить наши ряды и развернуть работу. Во всех этих пунктах работа развернута по-настоящему с июля месяца. Всюду имели место выступления и распространение документов.

За этот период выделились Киев и Екатеринослав.

Киевская оппозиция перенесла все прелести репрессии после XV съезда. Из ее рядов было изъято значительное количество руководящих товарищей. Некоторое оживление в работе замечается к периоду апрель — май. После решений июльского пленума начинается значительное выступление наших товарищей первоначально на открытых партсобраниях, а потом и на рабочих собраниях. Для выступлений используются все легальные возможности. Выступления охватывают вопросы общие (хоз[яйственные] затруднения) и местные.

Хоз[яйственные] затруднения находят свое отражение и в Киеве. Реальная зарплата рабочих падает. Целый ряд вытекавших из затруднений фактов значительно помогает там вести разъяснительную работу среди рабочих. Всюду и везде подчеркивается сопоставлением наших предупреждений и имеющих место фактов правота оппозиции. Результаты этой работы начинают понемногу сказываться в настроениях рабочих-коммунистов и беспартийных. Особо энергично настроение развивается вокруг лозунгов, связанных с правой опасностью. Борьба в конце июля—августа⁴⁹² принимает открытый характер. Товарищи выступают с совершенно четкой и ясной линией как представители оппозиции, в выступлениях ссылаются на основ[ные] документы оппозиции. В результате отмечен рост оппозиции за счет предприятий на 30%. Если к XV съезду в основн[ых] предприятиях Киева: завод «Большевик» (с 3000 раб.), «Арсенал», «Ковкий чугун», «Красный пахарь» (Сель[ско]хоз[яйственное] маш[иностроение]), железнодо-

рож[ные] мастерские — не было оппозиционеров и К[онтрольные]К[омиссии] с окркомом на собраниях говорили, что «за оппозицией идет только ремесленный пролетариат», то уже в августе угрожающе заявляли: «Мы вам «Большевика» не простим».

В начале сентября начинаются явления, свидетельствующие о распространяющемся влиянии оппозиционных взглядов: представители оппозиции избираются в президиумы собраний, делегатские собрания и др[угие]. Общее собрание [завода] «Ковкий чугун» по вопросу о втором займе индустриализации принимает, вопреки сопротивлению аппарата, большинством 480 против 50, резолюцию оппозиции с указанием на необходимость перераспределения нац[иональных] доходов.

В ответ на оживленную деятельность оппозиции аппарат повел борьбу провокационными мерами. Провокаторы делают заявления о своих связях с центром, который якобы вынес постановление об агитации за срыв хлебозаготовок и стачки на предприятиях. В широко распространенном открытом письме эта клевета была разъяснена и соответствующим образом оценена. Гнусные способы борьбы к рабочим не пристали. На заводе «Большевик» в течение почти двух недель в сентябре Окр[ужная]К[онтрольная]К[омиссия] ведет следствие о фракционной работе, очень робко принимая решение о репрессиях, и некоторые товарищи исключаются. Но снятие их с работы через общее собрание не удастся. На др[угих] предприятиях снимаются некоторые рабочие с работы. Во второй половине сентября начинаются массовые обыски, продолжавшиеся в течение целой недели. За одну ночь примерно было проведено 50 обысков. Несмотря на репрессии, темп работы усиливается. ГПУ ведет дальнейшие репрессии: городской актив К[ом]с[о]м[ола] арестовывается во время совещания по вопросу об общегородской конференции, дабы лишиться возможности выступить на конференции. Несмотря на это, на конференции все же публика успешно выступает. Некот[орые] т[овари]щи буквально силой выбрасываются из помещения конф[еренции] на улицу; были случаи, когда находящаяся в помещении конференции рабочая молодежь всаживала ребят обратно через окно.

В ночь на 20 октября ГПУ произвело аресты. 31 чел[овек] были брошены во внутр[еннюю] тюрьму ГПУ. Из этого коли-

чества трое немедленно подали заявление, 10 чел[овек] были выпущены, из них на другой день два вновь были арестованы на улице. Немедленно после ареста рабочие были оповещены широко распространенной листовкой. Репрессии вызвали большое возмущение и всячески рабочими обсуждались. 24/Х группы раб[очих] некот[орых] предприятий направились в ГПУ для протеста. Когда они приближались, против них были выставлены войска ГПУ для преграды к дальнейшему продвижению. Рабочие все же прорвались и вплотную подошли в ГПУ с протестом и требованием немедленного освобождения заключенных. Когда начался летучий митинг, на котором выступали рабочие и от имени своих предприятий требовали немедл[енного] освобождения оппозиции, то ГПУ были высланы два взвода для оцепления демонстрации и, т. к. это не помогло, на помощь был вызван конный резерв милиции, кот[орый] отрезал доступ к улице ГПУ другим подходившим группам. Когда демонстранты подошли, арестованные были на прогулке и рабочие их первоначально приветствовали через щель забора. Для того чтобы заглушить речи и лозунги общения, ГПУ вызвало на помощь «индустриализованных» свистунов — стоявшие во дворе ГПУ машины непрерывным ревом гудков старались заглушить приветствия. Один из арестованных, рабочий-краснознаменец⁴⁹³ тов. Кофман, оттолкнул стоящего у дверей, ведущих на террасу, красноармейца и прорвался наверх; вслед за ним прошли остальные арестованные. Товарищи Поляков (б[ывший] прокурор корпуса, расположенного в Киеве) и Яковлев (б[ывший] член партии с 1902 г.), старейший киевский работник, обратились с речами к рабочим. Индустр[иализированные] свистуны мешали говорить. Речи прерывались пением «Интернационала» арестованных и рабочих. ГПУ растерялось от неожиданности и присмирело на время пения «Интернационала». Таким образом, несмотря на вооруж[енную] силу, выставленную против представителей рабочих, состоялось общение с арестованными. Начальник ГПУ Иванов сам не изволил выйти и никого не уполномочил выслушать рабочих. Демонстрация продолжалась до вечера, участвовало приблизительно 350—400 человек.

Аппарат пытался срочно организовать контрдемонстрацию, вызвавшуюся в следующем: секретарь ячейки Гос[ударственной] обувной фабрики, на кот[орой] работает свыше

1200 чел., послал троих беспартийных рабочих к ГПУ, для того чтобы они от имени рабочих завода одобрили репрессии. Эта миссия была выполнена ими на след[ующий] день, 25 октября. Это стало известным всей фабрике, и против них и секретаря яч[ейки] поднялось сильное возмущение. Когда их хотели избить, они спаслись в помещение ячейки, но рабочие бросились за ними. Был дан тревожный гудок, и на помощь явилась милиция. Для того чтобы опровергнуть выступление⁴⁹⁴, накануне организованное секретарем ячейки лжепредставителей рабочих, завод послал делегацию в числе около ста человек со знаменем к ГПУ, требуя освобождения арестованных. Дороги, ведущие к ГПУ, были заняты конными разъездами, не допускавшими их к ГПУ. Рабочие прорвались и требовали допуска. В ответ была пущена в ход физическая сила: двум рабочим скрутили руки и «погнались». Жен и детей физич[еской] силой загоняли в соседние дворы, щели забора, за кот[орым] гуляли арестованные, спешно заколачивали, вновь на помощь были вызваны «индустриализованные» свистуны. В этот день была выпущена вторая листовка. Арестованные обратились с прилагаемым письмом⁴⁹⁵ с окружкому, ЦК и ЦКК и с телеграммой на имя Сталина с предостережением о голодовке. Письмо и телеграмма были немедленно распространены среди рабочих. 26/X весь день разъезжали патрули, опасаясь демонстрации. Свидания были прекращены и явившейся родне заявили, что «их здесь нет». 27 октября, в субботу, по окончании работы — делегации заводов: «Большевик», 1-я гос[ударственная] обувная ф[абри]ка, главные ж[елезно]-д[орожные] мастерские, швейники и др[угие] направились, некот[орые] со знаменами, к зданию окружкома и окрисполкома для протеста. В округе в это время заседал пленум, а в окрисполкоме — пленум КПС⁴⁹⁶. Предполагалось, что численность делегации не будет превышать 150 чел[овек], но собралось 1500—2000 чел[овек]. Ввиду осведомленности в ГПУ были приняты меры⁴⁹⁷. В помещении округкома были введены войск ГПУ, здание было оцеплено. Путь в разн[ых] местах преграждался. Все же демонстрация подошла к зданию. Собралось много рабочих. Некот[орые] группы не были допущены и не сумели пробраться. Для протеста была выделена группа рабочих завода «Большевик», кот[орая] должна была от имени рабочих всех предприятий предъявить требования. Но, когда они направились по лестнице в здание, их встретили представители ГПУ и бесцеремонно

выкинули. К демонстрации никто из округкома и окрисполкома не показался. Вместо себя выставили цепи войск и милиции. Тут же состоялся митинг. К концу выступления первого оратора прибыли машины ГПУ, кот[орые] врезались в массу. Выступало 6 чел[овек], но вслед за каждым выступлением оратора вылавливали⁴⁹⁸, усаживали в машину и отправляли в ГПУ. Рабочие очень возмущенно реагировали, но в кулаки не бросались. Демонстрация продолжалась до 8 часов вечера. Все время происходили летучие митинги и выбрасывались лозунги, приветствовавшие оппозицию и требующие освобождения. Киевские «представители» партии и власти не пожелали говорить с рабочими. Во время демонстрации на улице были арестованы некот[орые] товарищи, ночью были массовые обыски и аресты выделившихся на демонстрации рабочих. Из одной обувной фабрики было арестовано 6 чел[овек].

Всю ночь 27 октября здание окружкома и окрисполкома охранялось. Конные патрули продолжали разъезжать в воскресенье 28 октября. В понедельник 29 октября рабочие 1-й обувной ф[абри]ки собирались реагировать на аресты рабочих-оппозиционеров этого предприятия. В понедельник 29 октября выпущена листовка, подводящая итоги событиям.

Каким образом состоялись демонстрации? Листовка была выпущена к рабочим через несколько часов после арестов. Возмущение сильно охватило рабочие массы, стали раздаваться призывы к протестам. Отдельные рабочие заявляли: «Надо идти освобождать тов[арищей]». Собирались отдельные группы рабочих и под одобрение цехов, не прерывающих работы, отправлялись под руководством наших исключенных и в некоторых случаях и не исключенных — примкнувших к нам после XIV партсъезда. Делегации официально не избирались, за исключением 27 октября демонстрации к окружкому, где группа из 45 человек с «Большевика» должна была формулировать требования⁴⁹⁹. Эта группа была выделена. Все это происходило под непосредственным руководством и при участии наших товарищей. Но, несмотря на это, целый ряд фактов, наблюдения на месте говорят о том, что рабочие одобрили требования демонстрантов. Наиболее ярким подтверждением служит след[ующий] факт: когда рабочие обувной ф[абри]ки узнали о лжепредставителях, выступавших от имени ф[абри]ки, их хотели избить и одновременно была выделена делегация, направленная со знаменем для опровержения и требования

освобождения. Вообще, не известно ни одного факта, когда бы рабочие массы выступили против демонстрации и их требований⁵⁰⁰.

Отсюда и из ряда фактов вытекает, что рабочие Киева активизируются, охватываются нашим влиянием и идут за нашими лозунгами.

2. В этой обостренной борьбе совсем не видно было парторганизации, она себя не только не противопоставляла, но вообще сколько-нибудь не выделялась.

3. Несмотря на изъятие отдельных товарищей, настроение остается бодрым и настроение рабочих приподнятым. Руководство и все остальные товарищи отдают себе отчет во всех событиях. Поставлены задачи организованно завершить события, обостренную борьбу и перейти к дальнейшей работе, не упуская дальнейшего влияния и развертывая работу.

Последние сведения говорят о том, что настроение как наших рядов, так и рабочих остается положительным. Отходов, несмотря на репрессии, не было, почва для роста усилилась.

2. *Екатеринослав.* Организация выросла на 100% (было около 100 чел., стало 220 чел.) за счет рабочих металлургии. Здесь, как и в Киеве, сейчас обратное явление в отношении периода до съезда. Рост происходит за счет заводов Петровского, Ленина и др[угих] предприятий. Организация насчитывает 99% рабочих, главным образом, крупных предприятий. Публика разбросана по цехам и успешно ведет работу. Ряд фактов последнего периода говорят о распространении нашего влияния. Так, например, как общее явление оппозиционеры избираются в президиумы собраний, делегатами конференций и различных собраний. Из наиболее крупных фактов следует указать следующее: на заводе им. Ленина во главе профбюро листопрокатного цеха, насчитывающего больше 1000 чел., стоит н[аш] товарищ. Окркомом при участии завкома было вынесено постановление о досрочных перевыборах. Обычно нельзя похвастать большой посещаемостью собраний, но в данном случае явились все. После выступлений представителей окркома и завкома были предложены две резолюции — одна о переизбрании, а другая об оставлении старого состава. Почти единогласно принята наша резолюция о том, что никаких оснований для переизбрания бюро нет.

Самокритика докатилась в Е[катериносла]в к октябрю. По докладу о самокритике собрание мостового цеха Брянского завода в числе 1000 чел. приняло резолюцию оппозиции с указанием, что во всех смоленских и иных делах вина нынешнего руководства ЦК.

Завод «Сатурн». Рабочих 500 человек, но все высшей квалификации. Ячейка 143 чел. К настоящему времени мы имеем в составе ячейки 90 чел[овек] своих. Рабочие поддерживают наших товарищей.

ГПУ ввело четырех провокаторов к нам, но они немедленно же были разоблачены. Имеются точные сведения о заявлении нач[альника] ГПУ, что сейчас у него нет ни единого человека среди нас. В кампанию последних репрессий было взято 4 человека и из них двое освобождены.

Есть основание полагать, что в случае репрессий рабочие будут реагировать протестом.

С большим трудом проникаем в Донбасс. До съезда не было здесь наших людей. Сейчас мы имеем начало в Артемовске, Шахты и Енакиево.

Последние репрессии значительно ударили по всем городам Украины. Ввиду того, что они еще не закончены, итогов подвести нельзя. Это составит предмет следующей сводки. Взято: Киев — 43, Запорожье, Кременчуг, Одесса, Николаев, Артемовск, Харьков — 49. Удар по Харькову был значителен: изъят центр, резерв, взята типография с 3 пудами шрифта и 8 пудов литературы. Есть основание предполагать провокацию. С арестованными товарищами обращение издевательское. Товарищи были лишены свиданий и передач. Ими было предъявлено соответствующее требование, но они получили отказ. Была объявлена голодовка, но в ответ на голодовку им предложено было собираться для отправки. Почти раздетые товарищами, и во всяком случае не готовые к отправке, потребовали свидания и возможности получить одежду. Когда им в этом было отказано, они устроили обструкцию. ГПУ ввело [...] ⁵⁰¹ отряда, которые устроили избиение. Некоторым товарищам были разбиты головы, у одного рабочего хлынула кровь горлом, некоторые были избиты до потери сознания. После этого им было приказано (через некоторое время) выходить к отправке. Товарищи сопротивлялись. Им скручивали руки полотенцами, затыкали рты платками и отправляли в арестантский

вагон. Голодающими они доставлены в Москву. В Бутырьках они голодали 5 дней.

В арестантском вагоне были также доставлены киевские товарищи.

По сообщениям, рабочие I типографии протестовали 4-часовой забастовкой.

Иваново-Вознесенск. Работы наши товарищи до последнего времени никакой не вели. Не имели связи. Общее настроение рабочих в связи с уплотнением рабочего дня и снижением заработка — плохое. Сильное недовольство. Беспартийная производственная конференция текстильщиков прошла бурно. Секретарю губкома не дали говорить. На XVIII губсъезде текстильщиков Иванова рабочие в выступлениях указывали на зажим, чрезмерное уплотнение рабочего дня и на снижение зарплаты. Даже Иваново-Вознесенские газеты, смягчая выступления, приводят следующее

Тов. Гусев: «Самокритика вещь хорошая, товарищи докладчики, но за нее иногда рабочих увольняют. Я кое-кого покритиковал, так два года терпел всякие недостатки. Дочь у меня из-за этого уволили с ф[абри]ки. Когда я стал хлопотать о том, чтобы ее приняли обратно, мне заявили: “Надо язык придерживать”» («Рабочий край» от 28/X, № 251).

Тов. Пенькин говорит: «С уплотненной работой у нас не всегда хорошо выходит. У нас часть рабочих перешла на уплотненную работу, но у них получился недоработок. Остальные, видя такой пример, переходить не желают» (там же).

Тов. Разгулина: «При переходе на уплотненную работу нам обещали улучшить кое-что. Говорили, что повысится заработок, но ничего этого нет. Оборудование остается старым, заработок падает. В марте выработывали 3 руб. 44 коп., а в сентябре 3 руб. 15 коп. Фабком признал необходимым выплатить недоработку, которой оказалось 4%. Обещал выплатить фабком, поддерживал это и тов. Смирнов из ЦК, но потом как-то все это замяли» (там же).

Эти выступления приведены газетой в смягченном виде и не совсем характеризуют недовольство рабочих именно потому, что они смягчены.

Гром аплодисментов выступавшему оппозиционеру и выкрики, срывающие речь работников профсоюза, места в газете не получили, хотя на съезде места имели много.

Красноярск. До июльского пленума рабочие к оппозиции относились иронически, подтрунивали и даже посмеивались, после июльского пленума, в связи с проникновением наших документов в массу, настроение изменилось. К оппозиционерам начали относиться внимательно. Слушают и выражают сочувствие. Связь имеется со всеми предприятиями. Рост наших рядов начался только за последнее время, т. е. с момента начала активной нашей работы. Основной кадр на 15 октября в Красноярске состоял из 14 человек.

* * *

Репрессии прошли по всем пунктам, где развернулась работа; тем сильней, чем оживленной была работа.

С некоторыми пунктами связь восстановлена.

Итоги репрессий и состояние организаций будут выяснены в ближайшее время.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО⁵⁰²

1. Ход классовой борьбы и движение экономического кризиса в течение 1928 года с полной убедительностью доказали, что платформа большевиков-ленинцев исчерпывающе формулировала экономические и политические итоги господства правозентристов перед XV съездом. В основном и решающем оправдалось и предвиденное платформой дальнейшее развертывание событий. Ввиду этого, платформа остается основным документом оппозиции, наиболее полно и точно отражающим ее взгляды. Исключительно важное значение платформы как основного политического документа оппозиции, кроме выказанного, вытекает еще из того обстоятельства, что руководители оппозиции лишены возможности совместно обсудить и выработать новый документ, который обладал бы всеми достоинствами платформы и давал бы исчерпывающий ответ на события, имевшие место уже после выпуска платформы.

2. Такая оценка платформы не только не исключает, а предполагает необходимость авторитетной оценки со стороны ленинской оппозиции всех важнейших политических и экономических явлений последнего времени. Жизнь в своем движении не останавливается; самое гениальное предвидение не в состоянии предвосхитить будущее иначе, как в основных очертаниях. Эти основные очертания и намечены платформой превосходно: вот почему дальнейшие ответственные решения

оппозиции должны сводиться к развитию и конкретизации положений платформы.

3. Экономическое положение страны крайне обострилось. Огромные затруднения с хлебом неизбежны. Безработица и ухудшение положения рабочих создают большие затруднения в городах. Ко всему этому прибавляется такое специфическое обстоятельство, как инфляция. Вот почему надо быть готовым ко всяким неожиданностям в этой области. Те меры, которые принимаются Центральным Комитетом для изживания трудностей, к желательным результатам привести не могут. Основной недостаток этих мероприятий состоит в их якобы «деловом» характере. Положение же сложилось так, что только решительное изменение политической линии партии может помочь кризисной экономике.

4. Существо классовых сдвигов в основном сводится к следующему: в деревне антисоветский фронт расширился за счет блока кулака и зажиточных середняков. Не менее 20–25% крестьянских хозяйств настроены враждебно к диктатуре пролетариата. Средняк деморализован. Экономические интересы середняка не толкают его на борьбу с советской властью. Чрезвычайные меры заделали его хозяйственный интерес; при правильной политике союз с ним вполне возможен. Беднота и батрачество не организованы; они не играют той роли, которую они обязаны играть в деревне при нынешнем состоянии классовой борьбы.

Городская торговая буржуазия, вытесненная из торговли, уходит со своими капиталами в спекуляцию и мелкое производство. Она лишь обменяла личину, орудие борьбы осталось в ее руках. Ушедший в спекуляцию частный капитал является самым вредоносным и паразитарным видом нэпманства. Прямая же экспроприация этих средств становится необходимостью.

Бюрократия, не будучи самостоятельным общественным классом, но являющаяся весьма влиятельной группой, играет внутри самого советского аппарата роль штаба, организующего враждебные пролетариату классы. В течение этого года она сделала серьезные шаги от советской власти и против нее. В этом же направлении эволюционировали и широкие круги буржуазной интеллигенции.

Пролетариат испытывает на себе давление враждебных ему элементов в виде ухудшения условий труда, понижения заработ-

ной платы, зажима на фабрике и заводе. Наличие значительной резервной армии безработных является одним из самых серьезных препятствий для оживления его классовой сопротивляемости. Однако рост активности пролетариата в течение последнего времени бесспорен. Этот факт имеет решающее значение для всего дальнейшего течения событий.

5. Активность рабочего класса растет не в одном направлении. В силу исторических особенностей нашего пролетариата (связь с деревней) и в силу многолетних поражений режима, но в то же время в силу его исключительного политического и революционного опыта в рабочем классе явственно наблюдаются три основных русла политических настроений. Первое русло отражает деревенские настроения. Эти настроения питаются, с одной стороны, выходцами из деревни, теряющими связь с землей. Их приносит в город пролетаризирующийся бедняк, голодный обездоленный человек. Он нетерпеливо стучится в ворота некоего класса; по природе своей он терпелив и невзыскателен, но чрезмерно бедственное положение такого пролетария толкает его на эксцессы. Ввиду того, что классовой пролетарской выучки и дисциплины эта масса не имеет, она легко может стать жертвой контрреволюционной демагогии и авантюры. Борясь за усиление темпа индустриализации, мы боремся за превращение этих масс в индустриальных пролетариев, строителей социализма. Борясь с их материальной нуждой и политической и культурной отсталостью, мы должны добиваться, чтобы эти массы укрепляли позиции пролетарской диктатуры. С другой стороны, иные настроения приносятся в рабочий класс теми группами рабочих, которые часть своего заработка отправляют в деревню на поддержку своего крестьянского хозяйства. Здесь мы сталкиваемся со своеобразным представительством середняка в рабочем классе. Эта группа есть важнейший политический барометр для определения деревенских настроений. Эта группа, представляющая, если можно так выразиться, серединное звено в нашем пролетариате, при правильной политике идет в ногу с авангардом, при шатаниях же и ошибках может быть временным источником правых настроений в рабочем классе. В данное время эти настроения усиленно эксплуатируются правым крылом ВКП(б).

Вторая гамма настроений в рабочем классе может быть характеризована как синдикалистическая. Искривления поли-

тической линии партии, уродливость режима на заводе, в профсоюзе и партии толкают значительную часть индустриальных пролетариев в сторону отхода от политики. Классовая энергия этой группы направляется по ложному руслу. Вместо большевистской последовательности и выдержанности настроения этой группы скачут от припадков крайней «левизны» до политического тред-юнионизма. При правильной политике это элементы авангарда. Решительная идейная борьба с этими настроениями совершенно необходима. В то же время эта борьба должна быть товарищеским убеждением. Чем настойчивее и последовательнее оппозиция будет отстаивать идеи ленинизма, тем быстрее она добьется серьезных успехов в деле изживания синдикалистских настроений и в смысле закрепления лучшей части этих рабочих за большевиками-ленинцами.

Третья группа — это прошедшие школу революции и Ленина пролетарии. Эта группа ищет выхода на путях большевизма и ленинизма. Сегодня большинство этой группы идет еще за центристами. Лучшие, наиболее интенсивные кадры этой группы переходят в оппозицию. Чем быстрее пойдет процесс перехода этих рабочих под знамена ленинской оппозиции, тем скорее авангард мобилизует вокруг себя основные силы класса и тем скорее класс в целом окажется в состоянии дать решающий отпор враждебному наступлению.

6. Внутри партии события классовой борьбы и экономического кризиса сказались в обострении борьбы между центристами и правыми и [привели] к значительному росту влияния оппозиции среди членов партии и в рабочем классе. Борьба между правыми и центристами и рост оппозиции является лучшим доказательством того, что только решительные классовые схватки и их исход определяет итоги периода сползания. Только борьба решит, кончится ли дело термидором, т. е. потерей пролетариатом государственной власти, или рабочий класс вместе с беднотой и в союзе с середняком разобьет враждебную коалицию, возглавляемую кулачеством (аграрный капитализм).

7. Необходимо уяснить себе политический смысл борьбы центристов с правыми. Было бы величайшей ошибкой рассматривать ее только под углом зрения аппаратных превращений. Классовая борьба в стране и режим неслыханно обостряют любые разногласия в ВКП. Классовые корни правых в стране:

правые отражают стремления новой буржуазии деревенской и городской. Мы не хотим этим сказать, что в лице правых мы имеем сознательное политическое представительство буржуазии в ВКП. Часть правых, несомненно, полагает, что она «маневрирует». Это важно помнить даже во время самой ожесточенной политической атаки против правых; надо уметь делать разницу между Слепковыми, Рютиными и др[угими] представителями уже вполне «созревших» термидорианцев, с одной стороны, и идущими за правыми рабочими — с другой. В то же время было бы ошибочным переоценить значение и размеры этой борьбы в настоящий момент (10-е числа октября). Весьма похоже на то, что в целях удержания левеющих рабочих под своим влиянием центристы произвели частичную атаку на правых. «Откупиться» парой Мандельштамов, Рютиным и Пеньковым⁵⁰³ и забить во все колокола, что правая опасность разбита, что сталинизм торжествует, — таков, по всей видимости, расчет генсека. Вместе с тем, такая вылазка против правых дает центристам возможность снова «проверить» и «обновить» аппарат. Вот почему, внимательно следя за ходом борьбы в блоке, не надо смешивать авангардные бои с решительным сражением, которое еще предстоит. Обе стороны смертельно боятся этого сражения, т. к. выиграет его оппозиция. Вот почему вполне вероятны гнилые компромиссы, которые будут тем бесполезнее, чем острее сложится течение кризиса и ход классовой борьбы.

Борьба с центристами, которые являются основной опасностью в рабочем классе, остается важнейшей задачей оппозиции. Решительный удар правым может нанести только оппозиция. Удар этот может быть нанесен только тогда, когда оппозиция будет руководящей силой в рабочем классе. Руководящей же силой она может стать, только поборов центристов внутри самого пролетариата.

8. Основная задача оппозиции состоит в том, чтобы всемерно развивать в рабочем классе уже достигнутые ею успехи. Оппозиция имеет политическую линию, она знает, чего она хочет. Этого нет ни у правых, ни у центристов. Оппозиция говорит полным голосом всю правду рабочему классу и партии. Наши противники лишены возможности этого, хотя и имеют в своих руках всю печать. Оппозиция смело выступает за требования рабочих на заводе и фабрике. Наши противники чем дальше, тем больше вынуждены задевать жизненные интере-

сы пролетариата; к этому их толкает неправильная политика. Оппозиция указывает рабочему классу на опасность термидора и указывает меры борьбы с этой опасностью. Классы действительно не обманываются. Большевизм был и будет пролетарским знаменем рабочего класса.

Сегодня — наша задача — собирание сил. Достигнутые успехи надо увеличить во стократ. Надо идти вперед быстрыми, но не торопливыми шагами. Надо ставить и решать такие повседневные задачи, для решения которых имеются силы и средства. Ложный, торопливый шаг мог бы на время оборвать выгодное для нас течение событий.

Мы изложили в «годовщине» и ответе Бухарину наши взгляды на экономическое положение. В полном согласии с изложенными там взглядами, мы выдвигаем следующие основные тактические лозунги:

В массы — собирать силы, закрепляться в партии и рабочем классе.

Единство партии снизу — мы более партийцы, чем сидящие в Политбюро.

Взгляды оппозиции — достояние всего рабочего авангарда. Основные документы оппозиции должны получить широкое распространение.

Защита интересов рабочих на заводе и фабрике. За повышение заработной платы, против ухудшения условий труда.

Долой правых, носящих на своих плечах термидор.

Беспощадное разоблачение центристов, основной помехи для политической активности пролетариата.

Возвращение ленинской оппозиции из ссылки. Без этого все разговоры о партийной и рабочей демократии — обман.

Вся сумма наших требований по рабочему, крестьянскому и др[угим] вопросам.

9. Попытка организационно и политически раздавить оппозицию не удалась. Работа оппозиции расширяется. Она принимает характер полулегальный. ГПУ не в состоянии выслать всех рабочих-оппозиционеров. Развертывая свою работу и борясь за легальность, наши товарищи должны помнить, что крепкий кадр оппозиционеров, вооруженных политическим опытом и необходимыми орудиями политической борьбы — печатью, средствами и т. д. — нам абсолютно необходим. Сегодня такая организация может быть только нелегальной.

10. Правые ошибки могут возникнуть, с одной стороны, при переоценке в сторону «левизны» позиции вождей центра; и с другой стороны, при неправильном отношении к словесным нападкам правых на партийный режим после их частичного поражения. В первом случае понизился бы темп нашего политического наступления на идеологию центристов и могли бы родиться иллюзии на счет способности центристских вождей справиться с правой опасностью без участия масс. Во втором случае создалась бы правая опасность беспринципного блока всех недовольных режимом против аппарата. Политические последствия второй ошибки были бы прямо роковыми для оппозиции.

Левые ошибки ярче всего выражены у децистов. Их левизна уже превратилась в прямую правизну. Они идут от политики, где их позиция уже означает бездействие (термидор совершился, для новой революции нет сил), к синдикалистскому тред-юнионизму. Для них уже главное и основное — борьба за повседневные экономические требования рабочего класса. Революционный марксист связывает эти требования с политическими задачами класса. Левые ошибки могут помешать тому процессу превращения оппозиции в массовое пролетарское политическое течение, который успешно развивается.

11. Мы отдаем себе полный отчет в том, что оценка момента не может ограничиваться только политическими констатациями. Задача состоит в том, чтобы переводить политические формулы на язык масс. Рабочий-оппозиционер должен найти общий язык с рабочими, идущими еще за центром. Не делая ни одной уступки вождям и идеологии центристов, мы должны с величайшей внимательностью и прямой уступчивостью относиться к идущим к нам рабочим. Для нас должно быть ясно, что только совместно с этими рабочими мы можем добиться торжества нашей позиции. Однако эта важнейшая задача работы сложнейшей программы совместных выступлений может быть выполнена только на месте.

ВНИМАНИЕ К ПЕРЕВЫБОРАМ ЗАВКОМОВ

В текущем году перевыборы завкомов проводятся не в порядке единовременной кампании, а будут продолжаться до весны будущего года. Колдоговорная кампания будет проводиться в ноябре — декабре — январе.

Перевыборам фабзавкомов, как известно, предшествуют отчетные собрания. На этих собраниях фабзавком, отчитываясь в своей деятельности, должен будет остановиться и на практике проведения прошлого колдоговора. Таков общий момент, объединяющий перевыборы завкома с колдоговорной кампанией.

Мы должны в выступлениях по отчетному докладу завкома обращать внимание рабочих на обсуждение практики прошлого колдоговора, мобилизуя тем самым их внимание вокруг предстоящей колдоговорной кампании.

Последнее совершенно необходимо, ибо колдоговора в этом году будут пропущены через общие и делегатские собрания с еще большей поспешностью, чем в прошлом. С этим можно бороться только путем мобилизации внимания масс вокруг колдоговорной кампании. Наша задача заключается в собирании материалов, характеризующих работу завкома данного предприятия и в использовании их при критике деятельности завкома. Кроме того, необходимо наладить взаимную информацию, чтобы наши товарищи, работающие на одном предприятии могли бы учитывать и практически использовать опыт других предприятий. Наиболее интересные факты и материалы должны быть доведены до сведения всех наших товарищей, участвующих в перевыборах завкомов. Ниже приводимый перечень вопросов является общим для всех предприятий разных отраслей промышленности. Он должен помочь ориентироваться в работе по перевыборам завкомов. Этот перечень предполагает самостоятельную работу над материалом, характеризующим деятельность данного завкома. Основные вопросы, к обсуждению которых следует подготовиться, таковы: тарифная реформа и опыт проведения колдоговора, производственный вопрос, охрана труда, экономработа, профсоюзная демократия, культработа. Прошлая колдоговорная кампания, как известно, характеризовалась проведением так называемой тарифной реформы, основные задачи которой сводились к а) увеличению удельного веса тарифной ставки с общей сумме заработка; б) более правильной разбивке рабочих по разрядам, в зависимости от их квалификации; в) смягчению разрыва в зарплате повременщиков и сдельщиков; г) смягчению разницы в зарплате квалифицированных и неквалифицированных рабочих.

Особый интерес представляет вопрос о влиянии тарифной реформы на зарплату низкооплачиваемых групп рабочих. Известно, что в ряде предприятий в результате отнесения рабочих, ранее тарифицировавшихся по 5–6 разряду, к 1–2 разряду — зарплата их снизилась. Если в первые месяцы проведения реформы удельный вес ставки в общей сумме заработка повысился, то затем, в результате нажима на интенсивность труда путем увеличения норм, удельный вес ставки снова начал снижаться. Проведение тарифной реформы вызвало ряд конфликтов, что было совершенно неизбежно, поскольку тарифная реформа не обсуждалась на рабочих собраниях, а проводилась верхушечным порядком. Детальное ознакомление с наиболее типичными конфликтами, возникшими на почве проведения реформы на каждом данном предприятии, позволит по заслугам оценить ее результаты.

Степень успешности проведения завкомом защитной работы определяется в первую очередь степенью колдоговора. Этому вопросу наши товарищи должны уделить самое серьезное внимание, собрать наиболее характерные факты о неудовлетворительном выполнении колдоговора и оперировать ими при обсуждении деятельности завкома. Таких фактов на каждом предприятии чрезвычайно много. Большое внимание следует уделить вопросу, насколько старый договор отвечал интересам рабочих. Особый интерес представляют нормы и расценки, введенные при заключении старого договора, влияние их на интенсивность труда, утомляемость, а также интересно проследить, в какой мере введение этих норм сопровождалось действительной рационализацией производственных процессов. На ряде предприятий нормы и расценки подверглись пересмотру не только в период перезаключения колдоговора, но пересматривались также в течение всего года, что дергало и нервировало рабочих.

В связи с этим, необходимо поставить на обсуждение вопрос о [том, как] откликнулся завком на извращение работы Т[рудовых]н[ормативных]б[юро] Конфликтная практика также должна стать предметом обсуждения. Какой процент конфликтов был решен в пользу рабочих, администрации и компромиссно, как скоро разбираются конфликты, приглашаются ли при разборе конфликтов заинтересованные рабочие, находят ли они поддержку со стороны завкома, — на этих вопросах нужно остановиться и подобрать соответствующие факты.

Прием на работу, особенности увольнения и перемещения представляют большое поле для административного произвола.

Откликался ли завком на безобразия в этой области или нет? От ответа на этот вопрос в значительной степени зависит оценка работы завкома. Заводские комитеты, как общее правило, вовсе не уделяли внимания продовольственному вопросу. Между тем рост цен и нехватка товаров должны были бы побудить завком хотя бы поставить вопрос об этом перед вышестоящими профорганами. Доклады о кооперации на общих и делегатских собраниях, как правило, вовсе не ставились. Уже теперь видно, что кредиты, открытые на мероприятия по охране труда, не использованы в полной мере. Председатель МГСПС Михайлов в докладе на пленуме МГСПС 4 октября привел такие примеры: «Заводу «Каучук» отпущено было 74400 рублей, а израсходовано только 26600 рублей; заводу «Проводник» — 64900 рублей, а израсходовано только 16600 рублей». Однако одни только сведения о проценте использования средств на охрану труда недостаточны. Необходимо иметь отчетливое представление о конкретных работах по охране труда, о необходимости, первоочередности, качестве их.

Согласно директивам ВЦСПС, компетенция завкома в области экономработы расширилась. В число функций завкома входит участие в рассмотрении и обсуждении промфинплана данного предприятия, участие в рассмотрении планов капитальных работ. Однако рассмотрение этих вопросов чисто формальное и сводится лишь к записи в протокол. Временные контрольные комиссии должны были стать вспомогательными органами производственных совещаний. На деле они превратились в нечто самодовлеющее, замещающая собой производственные совещания. Это приводит к тому, что ВКК из органов профсоюзных превращаются в органы заводоуправления. Отчеты заводоуправления рабочим носят формальный характер, что в значительной степени объясняется тем, что завком не заботится о своевременном снабжении рабочих материалами о хозяйственном положении предприятия.

Между тем мобилизация внимания рабочих вокруг производственных вопросов важна в связи с предстоящими сырьевыми затруднениями в ряде отраслей промышленности (пищевкусовой, текстильной, кожевенной). Нам кажется, что целесообразно при обсуждении деятельности завкома в области культурабо-

ты выдвинуть вопрос о состоянии школ района, в коих обучаются дети рабочих. Рабочие обычно жалуются на неудовлетворительную постановку дел в школах. Профорганы имеют право посылать представителей в школьные советы. Этим правом они или не пользуются вовсе, или пользуются формально. При выявлении дефектов работы завкома в отмеченных выше областях необходимо подчеркивать, что основной причиной их является отсутствие действительной пролетарской демократии в профсоюзах и в партии, что приводит к бюрократическому закоснению проф- и парторганов и отрыву их от масс. Рабочие отвечают на это очень слабым посещением профсоюзных собраний. Это свидетельствует о том, что современный режим в профсоюзах порождает пассивность рабочего класса. Самокритика загоняется в рамки мелких вопросов, тогда как теперь необходима не только критика тех или иных дефектов, но развернутая критика современного профсоюзного режима, находящего отражение в работе завкомов.

Таковы в кратких чертах основные вопросы, которые встанут в связи с перевыборами завкомов. Чем активнее будет наше участие в обсуждении отчетных докладов завкома, чем активнее будем мы участвовать в перевыборах завкома, тем лучше мы подготовимся к кампании по перезаключению колдоговоров.

Задача большевиков-ленинцев — мобилизовать внимание рабочих вокруг развертывающейся бюрократизации профсоюзов. Этого мы достигнем деятельным участием в перевыборах завкомов и в предстоящей колдоговорной кампании.

Большевики-ленинцы
(оппозиция ВКП)

Москва, октябрь 1928 г.

О ПОЛОЖЕНИИ РАБОЧИХ В СССР В 1928 г.

Относительный вес рабочего класса в национальном доходе капиталистических стран имеет неуклонную тенденцию к снижению. В советских условиях замечается иная закономерность: удельный вес пролетариата в национальном доходе проявляет тенденцию роста за счет уменьшения доли прочих классов. Необходимо внимательно подойти к цифрам, свиде-

тельствующим о доле пролетариата в национальном доходе страны: ибо, если доля растет слишком медленно, стабильно или падает, то это означает, что диктатура пролетариата больна, что за счет пролетариата возрастает удельный вес других классов. Опубликованные Контрольные Цифры⁵⁰⁴ не являются окончательными. Однако, отчетная часть их, вероятно, не подвергнется сколько-нибудь существенным изменениям. Нижеследующие данные взяты нами из К[онтрольных] Ц[ифр] Согласно К[онтрольным] Ц[ифрам] национальный доход в 1927/28 г. возрос по отношению к 1926/27 г. на 7,5%, национальный доход 1928/29 г. возрастет по отношению к истекшему на 10,4 и составит 27969 мил. руб. против 25336 мил. руб. в 1927/28 г. Какова же доля пролетариата в национальном доходе страны? Ответ на этот вопрос дает следующая табличка:

	1924/ 25	1925/ 26	1926/ 27	1927/ 28	1928/ 29
Доля лиц наёмн. труда ко всем доходам страны	25,4	28,1	30,9	32,1	32,1
[темпы роста]		% 2,7	% 1,8	% 1,2	0

Отсюда видно, что темп роста доли лиц наемного труда в национальном доходе страны снижается с каждым годом, а в 1928/29 г., согласно расчетам ЦК, не увеличится вовсе. Темп роста абсолютной величины доходов городского пролетариата меньше, нежели темп роста доходов сельского населения. Согласно тем же К[онтрольным] Ц[ифрам], денежный доход лиц наемного труда в городе и сельского населения по отношению к предыдущему году увеличивался таким образом (в %%).

	1927/28	1928/29
Городского пролетариата	% 9,8	% 6,0
Сельского населения	% 10,1	% 9,6

Но данные, относящиеся к денежным доходам городского пролетариата, дают слишком оптимистическую картину хотя бы потому, что не учитывают повышения квартирной платы, а также последнего займа индустриализации, который на из-

вестный период уменьшает покупательную способность рабочего класса. Приведенные выше данные говорят, что удельный вес пролетариата в стране растет с каждым годом медленнее, что 1928/29 г., если не будет радикально изменена политика по рабочему вопросу, принесет, если верить К[онтрольным] Ц[ифрам], стабильность доли пролетариата в национальном доходе страны, а вероятнее всего — падение. Борьба за заработную плату стоит в порядке дня, ибо повышением реальной заработной платы пролетариат укрепит свои классовые позиции. Официальные данные о реальной заработной плате дают совершенно извращенную картину. Согласно данным ВЦСПС, номинальная заработная плата в 1927/28 г. возросла по отношению к прошлому году на 11%, а реальная на 10%. Так ли это? Цифра реальной заработной платы получается путем деления номинальной на индекс стоимости жизни, но последний страдает столь серьезными дефектами, что дает совершенно извращенную картину динамики и размера реальной заработной платы. Современный индекс стоимости жизни сконструирован на основе бюджетных обследований конца 1926 г. В нем зафиксированы твердые пропорции покупок того или иного товара у кооперации, у госторговли и у частного. Конец 1926 г., когда был составлен действующий ныне индекс, характеризовался сравнительно спокойным состоянием на рынке. В 1927/28 г. положение существенно изменилось, и пропорции покупок несомненно передвинулись в сторону частного. Кроме того: ряда товаров, входящих в состав бюджетного набора, фактически невозможно достать. Таким образом, индекс учитывает в ряде случаев не цены реальных товаров, а цены преysкуранные. В результате этих дефектов индекс дает явно неверную, явно извращенную картину уровня динамики реальной зарплаты. Ряд данных говорит за то, что она не повысилась. Так например, по Приокскому горному округу, Сормову, Ленинграду реальная зарплата, начиная с апреля, начала понижаться. На последнем пленуме ВЦСПС указывалось, что «перебой в рабочем снабжении и связанный с этим рост бюджетного набора оказывали крайне неблагоприятные влияния на заработную плату». По словам представителя ленинградских текстильщиков на пленуме ВЦСПС, зарплата понизилась на 10% вследствие увеличения квартирной платы и повышения стоимости коммунальных услуг. И таких фактов можно привести множество. Каждый рабочий ве-

ликолепно знает, что его реальная зарплата не повысилась против прошлого года, а в лучшем случае осталась стабильной. Необходимо требовать радикального пересмотра способов изменения реальной зарплаты, необходимо требовать радикального пересмотра ныне действующего индекса стоимости жизни, как находящегося в вопиющем противоречии с действительностью. Политика заработной платы находится в противоречии с решениями VII-го Съезда Профсоюзов о плановом подтягивании зарплаты отсталых в этом отношении категорий рабочих. Текстильщики, например, получили в прошлом году 13% роста номинала, а в этом году только 8,5%. Горнорабочие в прошлом году имели 11,7, а в этом году только 6,2, что значительно ниже процента повышения по всей промышленности (11%). В нынешней кампании по перезаключению колдоговоров необходимо со всей решительностью поставить вопрос о повышении заработной платы. Производительность труда возросла в 1927/28 г. против 1926/27 г., согласно К[онтрольным]Ц[ифрам], на 14,5%, тогда как заработная плата осталась в лучшем случае стабильной. Рост производительности труда в 1927/28 г. не был компенсирован соответственным ростом реальной зарплаты. Согласно плановым предположениям, отношение зарплаты к производительности труда должно было равняться 0,47. Если принять это соотношение, то реальная зарплата в 1927/28 г. должна была бы повыситься на 6,8%. Между тем, она не повысилась, и таким образом рост производительности труда компенсирован не был. В 1928/29 г. намечается рост производительности труда в размере 17,5%, а рост номинальной зарплаты в размере 7%. Предположенная Госпланом цифра повышения номинала на 7% не только не компенсирует рабочему классу то значительное повышение производительности труда, которое было достигнуто в 1927/28 г., но не страхует даже реальности нынешнего уровня зарплаты. Ведь теми же К[онтрольным]Ц[ифрам] намечается рост бюджетного индекса на 2,8%. Можно представить, насколько реальным окажется этот процент, если тот же Госплан проектировал снижение индекса в 1927/28 г. на 5%, и, по его же данным, он повысился на 1 1/2%. Но и запроецированные Госпланом 7% повышения зарплаты идут почти целиком за счет так наз[ываемого] самотека. «Дальнейшее повышение зарплаты в текущем году должно быть поставлено исключительно в зависимость от роста выработки рабочих, так наз[ываемого] самотека,» — заявлял докладчик по этому

вопросу на Пленуме ВЦСПС А. М. Гинзбург. Нужно решительно протестовать против ликвидации практики механического повышения зарплаты, нужно протестовать против стремления обусловить рост ее исключительно ростом интенсивности труда рабочих. Мы считаем необходимым и возможным увеличить зарплату на 5%, что составит к общему фонду зарплаты около 100 мил. руб. При запроецированном Госпланом повышении зарплаты на 7%, из которых 1,5–2% падает на механическое повышение зарплаты, зарплата должна повыситься самотеком на 5%, что в сумме составит повышение зарплаты на 10%. Эта цифра соответствует запроецированному темпу роста доходов сельского населения (9,6%). Меньший процент повышения зарплаты означал бы понижение удельного веса пролетариата в национальном доходе страны. В этом году, согласно плану ВЦСПС, должна быть завершена тарифная реформа. В связи с этим необходимо поставить вопрос: что же дала тарифная реформа, проведенная в прошлом году? Тарифная реформа преследовала следующие задачи: подтянуть зарплату отсталых в этом отношении категорий рабочих, увеличить удельный вес ставки в общей сумме заработка, упорядочить систему зарплаты. Член Коллегии Н[ар] К[ом] Т[руда] СССР Авдеев сообщает по этому поводу следующее («Вопросы Труда» № 9): «Необходимо признать, что в деле распределения плановых прибавок между отдельными отраслями промышленности (плановые прибавки были даны именно на проведение тарифной реформы) и между отдельными хозяйственными объединениями имел место ряд недочетов. Так, ВСНХ СССР стремился предоставить это право преимущественно рентабельным отраслям промышленности, испытывающим финансово-экономические затруднения, вследствие чего, например, каменноугольная промышленность не получила разрешения на увеличение фонда зарплаты, в то время как по этой отрасли промышленности прибавка была крайне необходима.» Если ленинградские текстильщики получали в прошлом году 25% средней зарплаты по губернии, то сейчас они отстают на 35,7%. Такие районы, как Урал, как были, так и остались отсталыми в отношении зарплаты. Средняя зарплата металлистов Урала равна 64 руб. 67 коп., в то время, как средняя зарплата рабочих по СССР равна 70 руб. 50 коп. Это объясняется тем, что прошлогодняя 30-тимиллионная прибавка была совершенно недостаточна для проведения тарифной реформы, почему она и проводилась в большей степени за

счет понижения сдельных расценок. 25% полученной т[аким] об[разом] экономии шло на проведение тарифной реформы, а остальные на снижение себестоимости. Таким образом, тарифная реформа была проведена преимущественно за счет увеличения интенсивности труда. Удельный вес ставки в общей сумме заработка у сдельщиков в среднем по всей промышленности поднялся от 40% до 60%. Последние месяцы 1927/28 г. характеризуются падением удельного веса ставки. Рабочий напрягает свои силы, чтобы выработать возможно больше, ибо его гнетет растущая дороговизна жизни. Таким об[разом] и эту задачу реформы нельзя считать решенной. В этом году правительство выделило фонд в размере 35 мил. руб. (меньше 1% фонда зарплаты) на механическое повышение зарплаты. Часть этого фонда пойдет на завершение тарифной реформы. Незачем доказывать, что эта сумма совершенно недостаточна. В этом году повторится то же, что и в прошлом: тарифная реформа будет проводиться за счет снижения расценок и понижения зарплаты более высокооплачиваемых групп рабочих. Реформа прошлого года и планы ее проведения в этом году заставляют нас выдвинуть следующие требования: а) увеличить размер правительственного ассигнования на проведение реформы; б) реформа не должна вызвать огульного пересмотра норм и расценок и снижения заработка у сколько-нибудь значительных групп рабочих; в) если провести реформу за счет правительственного ассигнования и без пересмотра норм и расценок нельзя, то не проводить ее вовсе. Минувший хозяйственный год характеризовался огульным пересмотром норм выработки. Например, по Югос-тали были пересмотрены нормы 60% сдельщиков, по Ю[жно-му] М[ашиностроительному] Т[рест]у — 65%. В этом году предполагается пересматривать нормы в течение всего года. В передовой статье «Правды» от 29 сентября по этому поводу сказано следующее: «В предстоящую колдоговорную кампанию, как правило, работа по конкретному установлению норм выработки и сдельных расценок должна быть отделена от кампании по перезаключению колдоговоров и проводиться систематически в течение всего года на основе более правильных методов нормирования.» Той же ориентации, что передовая статья «Правды», придерживается и ВЦСПС. Подобная точка зрения совершенно неприемлема. Насколько хорошо ВЦСПС защищает рабочих, видно хотя бы из того, что он проектиру-

ет повышение производительности труда на 17%, что вызовет увольнение 90 тыс. рабочих, тогда как ВСНХ проектирует повышение производительности труда на 15%. Как правило, нормы не должны в этом году пересматриваться вовсе. Интенсивность труда рабочих теперь весьма велика, и с дальнейшим нажимом в эту сторону необходимо решительно бороться. Пересмотр норм может допускаться лишь в случае технических изменений в самом процессе производства, причем достаточность причин, побуждающих пересмотреть нормы выработки, должна быть предварительно констатирована Р[асценочно]К[онтрольными]К[омиссиями]. При огульном пересмотре норм и расценок в прошлом году обычно ссылались на рационализацию производства. В огромном большинстве случаев эта рационализация проводилась за счет рабочего, и результатами ее было уплотнение работ. Опыт пересмотра норм со всей убедительностью продемонстрировал полнейшую неподготовленность Т[рудовых]Н[ормативных]Б[юро] к этой работе и их полнейшую оторванность от рабочих организаций завода. Работники ТНБ вызывали к себе неприязненное отношение со стороны рабочих. В некоторых случаях при конфликтах и стачках рабочие открыто выставляли требование смены работников ТНБ. Необходимо пересмотреть состав работников ТНБ. Этот пересмотр должен производиться при ближайшем участии рабочих и профсоюзов. Практика перехода на 7-мичасовой рабочий день⁵⁰⁵ убедительно показала, насколько правы были большевики-ленинцы, когда указывали в свое время на необходимость серьезнейшей экономической и технической подготовки этого мероприятия. Председатель правительственной Комиссии по проведению 7-мичасового рабочего дня Нарком Труда Шмидт, перечислив ряд «положительных аспектов», вынужден был заявить, что «к сожалению, все эти положительные элементы в значительной мере умяются недочетами при проведении 7-мичасового рабочего дня». 7-мичасовой рабочий день проводился без достаточной, а в целом ряде случаев вообще без всякой подготовки. Опыт перевода текстильных предприятий на 7-часовой рабочий день и три смены показал следующее: а) рабочие, набранные вновь на фабрику (числом около 8 тыс.) не были обеспечены жильем; б) вследствие уплотнения работы были поставлены столь высокие требования интенсивности труда рабочих, что они, особенно в третьей ночной смене, оказались совершенно не-

выполнимыми. Женщины (а в текстильном производстве женщины составляют до 60% всех рабочих), работая ночью, а днем будучи вынужденными заниматься домашним хозяйством, чрезвычайно сильно утомлялись и, таким образом, попадали в совершенно невыносимые условия; в) номинальная зарплата на предприятиях, переведенных на 7 часов, росла медленнее, нежели на предприятиях, не переведенных на 7 часов, что объясняется сильным нажимом на интенсивность труда путем повышения норм, снижения расценок и уплотнения труда; г) условия на предприятии, с точки зрения охраны труда, были весьма неудовлетворительными: скверная вентиляция, высокая температура, особенно в третьей смене и т.п. 7-мичасовой рабочий день не был оправдан экономически и не нашел положительного политического отклика в рабочем классе. Все это привело к тому, что политический эффект этого мероприятия был весьма мал, что должен был признать Шмидт на Пленуме ВЦСПС. У нас нет никаких гарантий, что старые ошибки не будут повторены, и что сама идея перехода на 7-мичасовой рабочий день не будет окончательно скомпрометирована. В течение 1928—29 г[г]. намечено к переводу на 7-мичасовой рабочий день более 200 предприятий с числом рабочих около 250 тыс. 41 предприятие переводится к XI-ой годовщине Октября. Уже это обстоятельство само по себе говорит за то, что перевод на 7-мичасовой рабочий день проводится без должной подготовки. Проводить такое мероприятие в порядке кампании нельзя — это надо заявить совершенно определенно. Если в прошлом году переход на 7-мичасовой рабочий день связывался с введением третьей смены, то в этом году в большинстве случаев, особенно в текстильной и табачной промышленности, дополнительная смена введена не будет вследствие сырьевых затруднений. Нетрудно понять, что, если предприятие переводится на 7-мичасовой рабочий день по причине сырьевых затруднений, то в такой обстановке 7-мичасовой рабочий день не является достижением, а наоборот, свидетельствует о затруднениях в промышленности. Мы в связи с переходом на 7-мичасовой рабочий день предлагаем следующее: а) возможность перехода каждого данного предприятия на 7-мичасовой рабочий день должна быть всесторонне обсуждена рабочими данного предприятия; б) переход на 7-мичасовой рабочий день не должен влечь за собой сокращения зарплаты или замедления ее роста по сравнению с пред-

приятиями, не переведенными на 7 часов; в) при переходе на три смены необходимо с особой серьезностью выяснить состояние жилищного фонда и приспособленность рабочего помещения и орудий труда с точки зрения охраны труда. Ассигнования на мероприятия по охране труда в этом году (45 мил. руб.) были явно недостаточны, но и они были использованы по прямому назначению лишь процентов на 50, чему можно привести множество примеров. Проектируемые в 1928/29 г. расходы по охране труда превышают прошлогодние всего на 4,7 мил. руб. Необходимо эту сумму увеличить и, кроме того, заставить хозорганы израсходовать на охрану труда неизрасходованные суммы 1927/28 г. Все это обуславливается громадным числом несчастных случаев. «В течение 1927/28 г. отмечен значительный рост несчастных случаев почти на всех предприятиях уральской промышленности.» («Торг[ово]-п[ромышленная]газ[ета] от 6 октября); «На Кушвинском заводе (Урал) в первом квартале было 123 легких несчастных случая, во втором уже 169, в третьем 191, три тяжелых и один смертельный.» («Рабочая газ[ета] 18 октября). «На металлургических предприятиях Днепропетровска только за 9 месяцев зарегистрировано 7.170 случаев.» («Рабочая газ[ета], 18 октября). Количество подобных примеров можно было бы без труда увеличить до бесконечности. Мы выдвигаем требование, чтобы неизрасходование фондов по технике безопасности или расходование их не по назначению преследовалось бы в судебном порядке. Необходимо поставить вопрос о качестве спецодежды. Необходимо отказаться от фиксирования срока пользования спецодеждой, выдавать новую до переизноса старой. В связи с колдоговорной кампанией уместно поставить вопрос о тарифе отчислений по социальному страхованию. Целый ряд страховых органов переживает серьезный финансовый кризис: в Харькове, Донбассе, Минске, Омске и т. д. И этот кризис переживался, несмотря на незначительность пособий по всем видам социального страхования, несмотря на ограниченное число лиц, получающих, например, пособия по безработице. 1927/28 г. снова принес повышение числа безработных. Безнадежность поисков работы и весьма низкое пособие, да и то небольшому числу безработных (не более 30% зарегистрированных на Бирже труда получает пособие) вызвали волнения безработных в ряде городов. В 1927/28 г. на помощь безработным было ассигновано 134,7 мил. руб., а средний размер посо-

бия квалифицированного безработного был равен 14,5 руб.— цифра явно недостаточная. Средний размер союзного пособия был равен примерно 8—10 руб. В 1928/29 г., согласно К[онтрольным]Ц[ифрам]., ассигнования на безработицу будут увеличены до 166,8 мил. руб., а средний размер пособия квалифицированного безработного возрастет до 16,5 руб., т. е. реально останется в лучшем случае на уровне 1927/28 г. Подобное положение приведет к серьезным политическим последствиям. Необходимо требовать расширения круга безработных, получающих пособие, и увеличения фондов помощи безработным профсоюзов. Кризис финансов социального страхования, так же, как и настоятельная необходимость усилить эту работу, должны заставить отказаться от применения льготных тарифов отчислений хозорганов на соцстрах. Хозорганы должны отчислять по нормальному, но не льготному тарифу. Мы предлагаем оговорить это требование в специальном пункте колдоговора. Необходимо особо обратить внимание на положение подростков и женщин на производстве. Лозунг: равная зарплата за равный труд,— остается в полной силе. Необходимо поставить вопрос о действительном соблюдении брони подростков⁵⁰⁶. Необходимо бороться против тенденции сократить сеть и ассигнования на школы фабзавуча⁵⁰⁷. Выше уже указывалось, что сами профбюрократы признают, что колдоговора хозяйственниками не выполнялись, а профсоюзы не наблюдали за их выполнением. Это относится как к тарифной части договора, так в не меньшей степени и к правовой. Серьезные нарушения колдоговора были допущены особенно в области приема и увольнения рабочих. Особенным злом является широко практикующийся прием рабочих на так наз[ываемым] временные работы, что дает право администрации увольнять принятого на временную работу без выходного пособия. Мы выдвигаем требование, чтобы администрация согласовывала с профсоюзными органами перечень временных работ во избежание злоупотреблений в этой области. Вопиющие безобразия наблюдались при сокращении рабочих по рационализации. Выходное пособие по рационализации, как общее правило, получали только рабочие рационализированного цеха, тогда как увольняемые по причине рационализации в данном цехе рабочие других цехов получали лишь обычное выходное пособие. РКК должна внимательно изучать причины увольнения каждого рабочего, и если увольнение связано с рационализацией, хотя бы и не

в том цехе, где работал увольняемый рабочий, РКК должна требовать выходного пособия по рационализации. На предприятиях еще очень и очень часто наблюдается грубое обращение администрации с рабочими, матерщина, тыканье и т. п. Мы предлагаем потому включить в коллективный договор специальный пункт о необходимости вежливого обращения. В настоящем письме мы коснулись только вопросов, имеющих непосредственное отношение к колдоговорной кампании. Совершенно естественно, что конкретные предложения к каждому данному колдоговору должны вытекать из изучения условий труда и производства в каждом данном предприятии, в каждом данном тресте. Выставляя свои требования, необходимо уделить серьезное внимание так наз[ываемым] мелочам: кипятильники, умывальники, полотенца и т. п. Наши основные требования таковы: механическое повышение зарплаты на 5%. Закрепление действующих норм и расценок. Увеличение ассигнований на мероприятия по охране труда. Привлечение к судебной ответственности виновных в несчастных случаях. Упразднение льготного тарифа по социальному страхованию. Отказ от 7-ми часового рабочего дня в порядке кампании, тщательно продуманная подготовка к этому каждого предприятия. Вежливое обращение с рабочими. Внимание к «мелочам». Эти требования предполагают решительную борьбу против профсоюзных бюрократов за действительную рабочую профсоюзную демократию.

СОСТОЯНИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ И ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СИЛЫ ДЕНЕГ К НАЧАЛУ 1928/29 г.

С момента проведения денежной реформы и с установлением денежного обращения на основе твердой валюты наблюдается неуклонное стремление использовать эмиссионные ресурсы для пополнения оборотных средств хозяйственных организаций. Подобный нажим на эмиссию, выразившийся в чрезвычайно быстром росте денежной массы, не мог в конечном результате не привести к напряжению денежного обращения.

За последние 4 года денежная масса возрастает с 560—580 миллионов рублей до 1.971 мил. руб., т. е. увеличивается почти в 4 раза. Рост денежной массы по кварталам был следующий (в мил. руб.):

	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	Всего за год
1924/25 г.	+115	+23	+80,4	+296,8	+515,7
1925/26 г.	+132	-59,8	+10	+134,0	+217,0
1926/27 г.	+63	-70,3	+135,7	+286	+337
1927/28 г.	+39,5	-149,5	+182,8	+273,3	+343,1

Весьма значительная эмиссия 2-го полугодия 1924/25 г. (377,2 м[иллионов] р[ублей]) вызвала первоначальное напряжение на товарно-денежном рынке. Осенью 1925 г. в связи с заминками на хлебном рынке впервые был поднят вопрос о вытеснении частного капитала из хлебозаготовок. В этот же период возникли затруднения на рынке промтоваров — в связи с недостатком товаров широкого потребления, что потребовало проведения ряда регулирующих мероприятий по линии Наркомторга.

Обесценение бумажных денег в этот период и создававшаяся спекуляция на частном рынке с валютными ценностями вызвали необходимость ликвидации т[ак] н[азываемой] «черной биржи».

После допущенных в III и IV [кварталах] 1924/25 г. просчетов в области эмиссии Н[ар]к[омат]Ф[инансов] СССР выступил с определенным утверждением, что рост денежной массы должен происходить в соответствии с ростом товарооборота, причем основное значение должно приобрести расширение денежной массы в период сезонных с[ельско]. х[озяйствен]ных заготовок, с тем, чтобы сама эмиссия носила временный характер и по окончании заготовок выпущенные денежные знаки изымались бы из оборота. Однако эта точка зрения не получила твердого признания в последующие годы. Из года в год систематически выпуск денежных знаков превышал намечаемые контрольные цифры.

	Контрольные цифры Н[ар]к[омат]Ф[инансов]	Контрольные цифры Госплана	Фактическая эмиссия
1925/26 г.	Не составлялись	470	217
1926/27 г.	100	150	337
1927/28 г.	150	200	343

Несмотря на утверждение о сезонном характере эмиссии изъятие из обращения денежных знаков после осенних выпусков далеко отставало от размеров выпуска денежных знаков за IV и I-й кв.

Выпуск за IV кв. 1926/27 г. и за I кв. 1926/27 г.	Изъятие во II кв. 1926/27 г.	Излишняя эмиссия
197 мил. руб.	70 мил. руб.	127 мил. руб.
Выпуск за IV кв. 1927/28 г. и за I кв. 1927/28 г.	Изъятие во II кв. 1927/28 г.	
248 мил. руб.	142,5 мил. руб.	98,5 мил. руб.

Как указывалось выше, это явление объяснялось теми причинами, что значительная часть эмиссионных средств обращалась на пополнение оборотных капиталов хозучреждений, а не на сезонные заготовки.

Начиная с 1926/27 г., большое значение приобретает развитие контрактации посевов технических культур, т. е. выдача авансов под будущий урожай. В связи с этим сезонные платежи, падавшие до этого периода на осень, частично были перенесены на весну. Однако это обстоятельство не отразилось на сокращении осенней эмиссии:

III кв. 1925/26 г. — 10 м[ил] р[ублей]	IV кв. 1925/26 г. I кв. 1926/27 г. — 197 мил. руб.
III кв. 1926/27 г. — 135,7 м[ил] р[ублей]	IV кв. 1926/27 г. I кв. 1927/28 г. — 248 мил. руб.
III кв. 1927/28 г. — 182,2 м[ил] р[ублей]	IV кв. 1927/28 г. I кв. 1928/29 г. (предположит[ельно]) — 383 мил. руб.

Таким образом, на перенесение части сезонных платежей на III кв[артал] эмиссия IV и I-го кв[арталов] на протяжении 3-х последних лет вместо сокращения показывает неуклонный рост. Особо отрицательные результаты дает в этом отношении последний год. Дело в том, что эмиссия III кв[артала] 1927/28 г. помимо расширения контрактации частично была обращена на накопление товарных запасов (на сумму 23 м[ил.] р[ублей]). Эти средства должны были освободиться в IV кв[артале] 1927/28 г. и в I кв[артале] 1928/29 г. Но, как видно из вышеприведенных цифр, это мероприятие не оказало оздоровляющего влияния на темп эмиссии денежных знаков.

Необходимо отметить, что было бы не совсем точно рассматривать эмиссию денежных знаков вне зависимости от состояния наличности валютно-металлических резервов. Это означает, что часть выпускаемых червонцев должна была иметь целевое назначение (покупка золота, ин[остранной] валюты

на внутреннем рынке или заготовка экспортных товаров, выручка от которых должна была пойти на пополнение валютно-металлических резервов).

Фактически же имело место обратное явление, т. е. расходование валютно-металлического резерва (в мил. руб.).

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Валют[ный] дефицит	-81,8	-53,6	+21,6	-143,1

За исключением 1926/27 г. за остальные годы наблюдается расходование валютно-металлического резерва.

Таким образом, вместо расхода червонцев на покупку валют мы наблюдаем расход валюты и, следовательно, обмен ввозимых из-за границы товаров, а также и товаров, переработанных из заграничного сырья на червонцы. Это явление, естественно, сокращало размеры эмиссии денежных знаков.

Учитывая это обстоятельство, мы можем установить, что если бы не было расхода валютного запаса, то эмиссия составила бы:

	1924/ 25 г.	1925/ 26 г.	1926/ 27 г.	1927/ 28 г.
Червонная эмиссия	515	217	337	343
Червонцы, полученные вследствие расхода валюты	81	53,6	21,6	143
Рост банковской задолженности за границей	0	39,5	28,1	30
Эмиссия, которая имела бы место при стабильности вал[алютно]-мет[аллического] запаса	596	310	343,5	516

При этом еще не учитывается рост форменных кредитов, в том числе и германских, хотя они также за эти годы сильно возросли (на 1-ое июля 1928 г. они достигли 607 м[ил.] р[ублей]; германские кредиты 163 м[ил.] р[ублей]), и действовали оздоравливающе на денежное обращение, т. к. реализация кредитов содействовала увеличению товарного оборота на внутреннем рынке. Точно так же в приведенном выше расчете берется за основу стабильность валютно-металлических запасов, хотя с проведением денежной реформы перед нами стояла определенная задача увеличения этих запасов. По расчетам Госплана (специальная комиссия 1926 г.), к концу 1928/29 г. валютно-металлический запас должен был увели-

читься по сравнению с 1924/25 г. минимально на 350 мил. руб. Вместо этого к началу 1928/29 г. валютный дефицит выразился в сумме 256 мил. руб. за 4 года.

Как видно из таблицы, характеризующей рост денежного обращения, первоначальный просчет в области эмиссии был допущен во 2-м полугодии 1924/25 г. В момент спокойного состояния денежного рынка и благополучного состояния банковских пассивов (коммерческих текущих] счетов) была сделана попытка использовать в максимальном размере эмиссионные возможности для финансирования народного хозяйства, в том числе и для капитальных затрат. Вслед за этим, в I-м кв[артале] 1925/26 г. потребовалось дополнительное увеличение денежной массы для сезонных заготовок и в результате выпуска за 2 квартала около 430 мил. руб., к 1 января 1926 г. было создано весьма значительное напряжение на денежном товарном рынке. Инфляционные моменты, проявившиеся в росте цен и в виде явления товарного голода, потребовали пересмотра всего хозяйственного плана в сторону сокращения и жесткой рестрикционной политики в отношении банковского кредитования. После проведения этих мероприятий только к началу 1926/27 г. положение на товарно-денежном рынке снова стало приобретать нормальный характер. Что касается понижения товарных цен и повышения покупательной способности денег до прежнего уровня, то это было достигнуто несколько позднее — к 1-му июля 1927 г., после проведения специальной кампании по снижению розничных цен.

Динамика роста учетно-ссудных операций в период просчета в области эмиссионной политики за 1924/25 г. и 1925/26 г. была следующая (по Госбанку и Промбанку в мил. руб.).

	II полуг. [19]24/ 25 г.	I кв. [19]25/2 6 г.	II кв. [19]25/ 26 г.	III кв. [19]25/ 26 г.
Промышленность	+269	+133	+50	-38
Госторговля	+38	+17	-6	-6
Транспорт	+46	+8	+10	+25
Кооперация	+41	+18	-16	-16
Кредит[ные] учрежд. (в т. ч. Ц[ентральный] с[ельскохозяйствен- ный]банк)	+113	+37	-5	-4
Все учётно-ссудн[ые] операции.	+562	+212	+22	-31

Таким образом во II и III кв[арталах] 1925/26 г. проводилась в области кредитования жесткая рестрикционная политика, которая болезненно отразилась на состоянии коммерческих тек[ущих] счетов в банках. Движение остатков на тек[ущих] счетах было следующее:

	II полуг[одие] 24/25 г.	I кв. [19]25/ 26 г.	II кв. [19]25/ 26 г.	III кв. [19]25/ 26 г.
Госпром[ышленность]	+75	-30	+15	-56
Госторговля	+17	-9	-6	-6
Транспорт	+19	-18	+10	-2
Кооперация	-15	-6	-1	-2
Кредитн[ые] учрежд.	+4	-5	0	+3
Все тек[ущие] счета	+92,3	-40	+24	-75

Насколько отразился просчет в области эмиссионной политики в 1924/25 г. в народном хозяйстве, можно судить, сравнивая хлебозаготовки 1925/26 и 1926/27 г.

	1925/ 26 г.	с[ельско] х[озяйственный] год	1926/ 27 г.	с[ельско] х[озяйственный] год
	Заготовки м[ил.] п[удов]	Сред. цены в коп.	Заготов- ки м[ил.] п[удов]	Сред. цены в коп.
Июль- сентябрь	160	103	156,2	93
Сентябрь- дек[абрь]	175,9	85	305,5	86
Январь- март	162,1	113	159,5	84
Апрель- июнь	86,4	104	65,1	90

Заготовки за 1925/26 г. значительно отстают по своим размерам, причем заготовительные цены также находятся на весьма высоком уровне. Улучшить хлебные заготовки удалось только в 1926/27 г.

Второй значительный просчет в области кредитно-денежной политики имел место во II-м полугодии 1926/27 г., когда Госбанк широко развернул учетно-ссудные операции, далеко превышавшие размеры имевшихся у банка для этой цели ресурсов. При этом нужно отметить, что, как и в 1924/25 г., значительная часть банковских кредитов была использована промышленностью для капитальных вложений. Рост кредитования за 1926/27 г. протекал при одновременном снижении текущ[их] счетов по промышленности :

(по 5 банкам в мил. руб. за 1926/27 г.)

	Изменение задолженности	Изменен[ие] остатков вкладов
Промышленность	+348	-45
Госторговля	+66,5	+1
Транспорт	+36	+14
Кооперация	+70	+12
Кредитн[ые] учрежд.	+16	-24
Все операции	+481	+41

Развитие учетно-ссудных операций во 2-м полугодии 1926/27 года, потребовавшее использования эмиссии в размере 433 м[ил.] р[ублей], в значительной степени определило хозяйственные затруднения в 1927/28 г. Только слабое развитие хлебозаготовок позволило в первом квартале 1927/28 г. ограничиться эмиссией в 39,5 м[ил.] р[ублей] (план предусматривал эмиссию в 170 мил. руб.). Во 2-м кв[артале] 1927/28 г. потребовалось уже проведение специальных мер по ослаблению платежеспособного спроса населения путем размещения в полупринудительном порядке Займа Укрепления Крест[ьянского] Хоз[яйства] на 134 мил. руб., развития самообложения на сумму свыше 100 мил. руб. и т. д. Кроме того, по линии хлебозаготовок были проведены также чрезвычайные меры, частично напомиавшие методы продрозверстки.

За 1927/28 г. кредитная деятельность банков характеризуется следующими данными:

Учетно-ссудная операция по 4 банкам (в мил. руб.)

	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	Всего за год
Промышленность	+170	-13	+176,7	+116,3	+450
Госторговля	+25	+8,5	+17,3	+10,2	+61
Транспорт	-35,6	-88,1	+25	+15,2	-83,5
Кооперация	+50,6	+37,7	+42,2	+40,6	+171,5
Кред[итные] учрежд.	+15,7	-59,4	+32,3	+26	+19,6
Все учётно- ссудн[ые] опер[ациями]	+214,7	-126,6	+302,2	+253	+643,3

За этот же период коммерческие тек[ущие] счета дали следующие прирост (в мил. руб.)

I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	Всего за год
+13,4	+8,3	-32,3	+12,2	+1,6

Совершенно естественно, что при стабильности текущих счетов развитие учетно-ссудных операций могло производиться только за счет роста эмиссии на сумму 343 м[ил.] р[ублей] (за год), за счет накопления прибылей банков в сумме около 180 м[ил.] р[ублей] и частично за счет реализации за границей золота (импортные кредиты).

Тек. счета Н[ар]к[омата]ф[инансов] в Госбанке за 1927/28 г. уменьшились с 355 м[ил.] р[ублей], т. е. на 40 м[ил.] р[ублей], но, учитывая прошлые платежи НКФ Госбанку, которые дают сальдо в пользу Госбанка в сумме около 40 м[ил.] р[ублей], необходимо считать, что состояние расчетов НКФ с Госбанком не потребовало в 1927/28 г. каких-либо новых средств от Госбанка.

Усиленный спрос за последние полтора года на банковский кредит со стороны госпромышленности и торговли (государственной и кооперативной) объяснялся:

1) Увязкой оборотных средств промышленности, в том числе и банковских кредитов, с капитальным строительством.

2) Расширением контрактации посевов, образованием товарных запасов нормальных и специальных.

3) Развертыванием торгового аппарата в связи с ростом торговых оборотов, а также в связи с вытеснением с рынка частного капитала.

4) Увязкой банковских кредитов в хлебных заготовках (контрактации и проведении хлебных заготовок через низовую кооперацию).

Сопоставляя кредитную и эмиссионную деятельность за 2-е полугодие за 1924/25 г. и 1925/26 г., с одной стороны, с кредитной политикой во 2-м полугодии 1926/27 г. и за 1927/28 г., с другой, можно констатировать. Что, несмотря на кажущееся на первый взгляд сходство явлений, здесь имеется коренная разница качественного и количественного порядка.

После допущенных во 2-м полугодии 1924/25 г. просчетов в области эмиссии наступает весьма сдержанная эмиссионная политика. За 1925/26 г. было выпущено в обращение 217 мил. руб., причем за этот же срок учетно-ссудные операции банков возросли на 374 м[ил.] р[ублей] при росте коммерческих тек[ущих] счетов на 24 м[ил.] р[ублей] и тек[ущих] счетов в НКФ на 75 м[ил.] р[ублей].

После гораздо более значительных просчетов в области эмиссии за 2-е полугодие 1926/27 г., в 1927/28 г. эмиссия денежных знаков составила уже 343 м[ил.] р[ублей], причем

учетно-ссудные операции возросли на 643 м[ил.] р[ублей] при стабильности коммерческих тек[ущих] счетов и расчетов Госбанка с НКФ.

В то же время в 1925/26 г. валютный дефицит выразился в 53 м[ил.] р[ублей], а в 1927/28 г. дефицит уже составил 143 м[ил.] р[ублей], причем в отношении заграничных кредитов в настоящее время наблюдается тенденция к их снижению в то время как в 1925/26 г. заграничные кредиты (банковские и фирменные) возрастали.

Политика кредитной рестрикции, давшая вполне реальные результаты за II и III кв[арталы] 1925/26 г. не могла быть осуществлена в 1927/28 г. по причинам совершенно иной хозяйственной обстановки. Рост учетно-ссудных операций составлял (в м[ил.] р[ублей])

	За три квартала 1925/26 г.	За три квартала 1927/28 г.
Госпромышленность	+142	+360
Госторговля	+5	+51
Кооперация	-14	+130,5

Наибольший разрыв наблюдается в отношении кооперации.

Как указывалось выше, это объясняется, с одной стороны, вытеснением частного капитала и заменой его кооперативным аппаратом, а, с другой, развитием контрактации.

Но самое главное отличие заключается в состоянии товарно-денежного рынка в 1924/25 г. и в 1925/26 г. по сравнению с 1927/28 г.

После чрезмерного роста денежной массы в 1924/25 г. товарные цены начинают значительно возрастать, причем рынок характеризуется явлениями товарного голода на промышленные товары широкого потребления.

Индекс товарных цен возрастает следующим образом:

	1 октября [19]25 г.	1 апреля [19]26 г.	1 октября [19]26 г.
Оптовый индекс Ц[ентрального] С[tatистического] У[правления]	1,742	1,962	1,788
Покупательная сила денег	57,4	51,0	55,9

В течение 1925/26 г. удалось значительно выправить покупательную силу денег. В следующем 1927 г. к 1-му июля была

проведена кампания по снижению цен на промтовары, в результате которой на 1-е октября 1927 г. покупательная сила денег возрастает по оптовому индексу ЦСУ до 58,8. Но при этом необходимо отметить, что восстановление покупательной силы рубля было неполное, так как эти результаты были достигнуты путем жесткого регулирования цен по линии Наркомторга, причем в этот период уже наблюдался значительный разрыв между кооперативными ценами и ценами частного рынка. По различным индексам Конъюнктурного Института, покупательная сила рубля изменилась следующим образом в 1926/27 г.:

	На 1.X.[19]26 г.	На 1.X.27 г.
По общеторговому индексу Конъюнктурного Института	48,2	52,5
По частному индексу Конъюнктурного Института	44,7	44,2

В течение 1927/28 г., несмотря на самое жесткое регулирование цен органами НКТорга, наблюдается значительное понижение покупательной силы денег.

Покупательная сила денег	На 1.X.[19]27 г.	На 1.X.[19]28 г.
По оптовому индексу ЦСУ	58,8	56,8
По общеторговому индексу К.И.	50,5	47,4
По частному индексу К.И.	44,2	38,0

Основные предпосылки, которые имелись перед кампанией по снижению розничных цен в I-м полугодии 1927 г., заключались в том, что с одной стороны, товарный голод на промтовары почти совершенно был ликвидирован и целый ряд недостаточных товаров перешел в разряд вполне достаточных и даже избыточных; с другой стороны, сельскохозяйственные цены стояли значительно ниже, чем на промтовары, и кампания по снижению цен одновременно означала уменьшение разрыва между ценами на сельскохозяйственные и промышленные товары. Вследствие высоких розничных цен на промтовары кооперация и госторговля накопили значительные прибыли за 1925/26 г. и за I-е полугодие 1926/27 г., что давало известные ресурсы для проведения кампании по снижению цен.

Соотношение индексов на сельскохозяйственные и промышленные товары было следующее:

	Сельскохозяйственные			Промышленные товары			Общий		
	1.X. [19]26	1.X. [19]27	1.X. [19]28	1.X. [19]26	1.X. [19]27	1.X. [19]28	1.X. [19]26	1.X. [19]27	1.X. [19]28
Оптовый индекс ЦСУ	1.566	1.536	1.655	3.041	1.882	1.873	1.788	1.700	1.761
Общеторговый индекс розничный Конъюнктурного Института	1.867	1.895	2.182	2.212	2.033	2.064	2.074	1.980	2.108
Кооперативный индекс К.И.	1.799	1.743	1.798	2.100	1.897	1.884	1.971	1.830	1.854
Частный индекс К.И.	1.964	2.146	2.852	2.476	2.353	2.466	2.240	2.252	2.629

Таким образом, снижение цен на промтовары происходило при [одновременном] понижении уровня сел[ьско] хоз[яйственных] цен. В течение 1927/28 г. цены на сел[ельско] хоз[яйственные] товары показывают значительный рост. Соотношение (ножницы) между ценами на промтовары и сел[ельско] хоз[яйственные] товары меняется в стороны сближения этих цен. Если взять цены на промтовары за 100, то будет следующая картина соотношения сел. хоз. цен [и цен] на промтовары:

	1.X.[19]26 г.	1.X. [19]27 г.	1.X. [19]28 г.
1. Оптовый индекс ЦСУ			
а) промтовары	100	100	100
б) с[ельско] х[озийственные] товары	76,7	81,6	90
2. Общоторговый индекс К.И.			
а) промтовары	100	100	100
б) с[ельско] х[озийственные] товары	84,4	93,2	105,7
3. Кооперат[ивный] индекс К.И.			
а) промтовары	100	100	100
б) с[ельско] х[озийственные] товары	85,2	91,8	95,4
4. Частный индекс К.И.			
а) промтовары	100	100	100
б) с[ельско] х[озийственные] товары	80	91,2	115,7

Товарный рынок в 1927/28 г. характеризовался значительным напряжением, причем ощущался большой недостаток на целый ряд товаров широкого потребления. Цены (розничные) на промтовары держались на определенном уровне только вследствие регулирования аппаратом Н[ар]к[ом]торга. Вольные и частные цены возрастали весьма значительно. Если взять кооперативные цены за 100, то разрыв между кооперативными и частными ценами будет следующий:

	1.X. [19]26 г.	1.X. [19]27 г.	1.X. [19]28 г.
Кооперативные цены	100	100	100
Частные цены	114	123,5	141,8

Особенно возрастали в 1927/28 г. цены на с[ельско] х[озийственные] товары, причем мы имеем рост не только частных, но и кооперативных цен. Поскольку с[ельско] хозяйственные

цены поддавались меньшему регулирующему воздействию по линии Н[ар]к[ом]торга, они в большей степени отражают действительное движение цен на товарном рынке. По общеторговому индексу К.И. общий уровень цен за 1927/28 г. повышается на 6,7%, с[ельско] х[озийственные] цены возрастают на 14,7%. На вольном рынке рост с[ельско] х[озийственных] цен был еще более значительным. По частному индексу К.И., с[ельско] х[озийственные] цены частной торговли возросли на 32%, причем по целому ряду районов базарные цены на с[ельско] х[озийственные] товары повысились еще более значительно и превышают государственные заготовительные цены в два и более раза.

Следовательно, в настоящее время к концу 1927/28 г. наблюдается, во-первых, большое напряжение товарного рынка вследствие недостатка целого ряда товаров широкого потребления, как промышленных, так и с[ельско] хозяйственных, причем цены имеют определенную тенденцию к повышению, и только благодаря регулированию цен удается сдерживать определенный уровень цен.

Во-вторых, с[ельско] х[озийственные]. цены возросли как заготовительные, так и розничные, причем существовавший ранее разрыв между с[ельско] х[озийственными] и промышленными ценами почти совершенно сгладился по линии кооперативной торговли, а по линии частной торговли принял обратный характер, когда с[ельско] х[озийственные] цены превышают цены на промтовары.

Рост с[ельско] х[озийственных] цен произошел при определенных затруднениях в снабжении рынка с[ельско] х[озийственными] товарами широкого потребления, поэтому предполагать на протяжении 1928/29 г. значительного понижения с[ельско] х[озийственных] цен не приходится. Что касается цен на промтовары, то проводить какое-либо снижение их не представляется возможным, так как это вызвало бы продажу этих товаров ниже себестоимости и, кроме того, всякое дальнейшее понижение цен на промтовары при высоких ценах на с[ельско] х[озийственные] товары означало бы разбазаривание фонда промтоваров по пониженным ценам. Поэтому в ближайшем 1928/29 г. совершенно не приходится ставить вопроса о повышении покупательной силы денег против уровня на 1.X.[19]28 г. Основной задачей является стабилизировать покупательную силу денег на этом уровне. Однако данные товарной конъюнктуры за сентябрь м[еся]ц 1928 г. выявляют неко-

торые тревожные моменты в области динамики покупательной силы. К началу 1928/29 г. рынок испытывает большое напряжение вследствие недостатка товаров. Целый ряд дефицитных товаров (промышленных и с[ельско] х[озяйственных]) не продается, а распределяется среди населения, т.е. товар выдается только по членским кооперативным книжкам по определенным нормам. В районах заготовок повсеместно наблюдается отпуск дефицитных товаров по определенным нормам тем крестьянам, которые сдают зернопродукты или с[ель] х[оз] сырье.

К сожалению, эти тенденции в области торговли, бывшие до сего времени местными явлениями, начинают приобретать всеобщий характер. В настоящее время по линии кооперации усиленно дебатировался вопрос о введении двойных цен: одних для членов кооперации и других, повышенных на 5%, для прочих граждан. Подобные предложения, будучи осуществлены, несомненно отразятся на дальнейшем повышении среднего уровня цен, т.е. вызовут дальнейшее понижение покупательной силы денег.

Понижение покупательной силы денег весьма существенно отражается на эффективности эмиссии, так, например, за последние два года мы имеем следующую картину номинального и реального роста денежной массы:

Денежная масса (в мил. руб.)

	По номиналу	По оптовому индексу ЦСУ	По общеторговому индексу ЦСУ
На 1.X.[19]26 г.	1.291,3	721,8	622,4
На 1.X.[19]27 г.	1.628,3	957,4	822,4
На 1.X.[19]28 г.	1.971,4	1.119,7	934,4
Рост за [19]26/27 г.	+337,4	+235,6	+200
Рост за [19]27/28 г.	+343,1	+162,3	+112

Несмотря на то, что номинальная денежная масса за 1927/28 г. возросла на большую сумму по сравнению с 1926/27 г., в товарных рублях прирост денежной массы, наоборот, замедляется. При дальнейшем понижении покупательной силы денег мы сможем прийти до такого момента, когда номинальный прирост эмиссии не будет давать эффекта в смысле реального роста общей денежной массы в товарных рублях, а только будет восполнять уменьшение денежной массы в товарных рублях вследствие роста цен.

Таким образом, мы можем констатировать следующие основные моменты состояния денежного обращения к началу 1928/29 г.:

1. К началу 1928/29 г. состояние денежного обращения характеризуется крайним напряжением: покупательная сила денег постепенно уменьшается, причем рост с[ельско] х[озяйственных] цен, а также усиление товарного голода на товары широкого потребления оказывает весьма значительное давление на нормированные кооперативные цены, создавая определенные тенденции к повышению цен и проявляясь в дезорганизации денежного рынка (очереди, отпуск по нормам, двойные цены, разные категории покупателей и т.д.).

2. Состояние промышленности и торговли при росте производства и товарооборота, особенно вследствие вытеснения частного капитала и развития контрактации, необходимость накопления маневренных товарных запасов,— все это вместе взятое ставит определенную проблему увеличения оборотных капиталов в хозяйственных предприятиях, что отражается на росте учетно-судных операций и в конечном итоге на росте эмиссии.

3. В результате эмиссионной политики последних полутора лет денежная масса увеличилась до размеров, превышающих потребность товарооборота. Дальнейший рост эмиссии будет усиливать напряжение на товарном рынке, причем эффективность новой эмиссии будет сокращаться при наличии роста цен.

4. Расходование валютных ресурсов в предыдущие годы вызывает затруднения в осуществлении импортной программы. Это обстоятельство настойчиво требует увеличения валютного накопления, что также отразится на денежном обращении, т.к. будет требоваться дополнительная для этой цели эмиссия:

а) эмитируются деньги на покупку экспортных товаров на внутреннем рынке и в уплату за добываемое золото.

б) экспорт товаров (в особенности, промэкспорт) сокращает товарную массу, обращающуюся на внутреннем рынке.

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Не успели отшуметь крикливые резолюции против ленинской оппозиции, как партия вновь поставлена перед фактом дискуссии. На этот раз дискуссия открывается борьбой против правой опасности. Обстановка, в которой эта борьба на-

чинается, должна вызвать величайшую тревогу за судьбу партии на ближайшие годы. Основное, что отличает эту борьбу от борьбы с большевиками-ленинцами, — это ее глубокая анонимность, безымянность. Сталинское центральное руководство, тыча пальцем куда-то в пространство, зовет на борьбу с правыми, не называя ни одного конкретного носителя этого течения, не выставляя ни одного своего конкретного разногласия с правыми. Борьба ведется под густой вуалью, в полумраке, без объяснения, каким образом при «стопроцентной монолитности» партийных рядов неожиданно появились правые, и почему эти правые так сильны, что против них приходится приводить в движение парт аппарат[ийный]

Охваченные тревогой за судьбы революции, мы спрашиваем вас:

Знаете ли вы, кто в партии защищает правые взгляды, не желая ссориться с кулаком и не видя классовой борьбы в городе и в деревне?

Знаете ли вы, что эти правые взгляды защищают такие ответственные руководители Советской власти и партии, как Томский, Бухарин, Рыков, Калинин и Ворошилов?

Знаете ли вы, почему та самая рука парт[ийного] аппарата, которая тяжелым свинцом упала на голову ленинской оппозиции за ее критику правых уклонов, теперь с такой отеческой осторожностью только чуть-чуть ударяет по правым элементам партии, зовущим на союз с кулаком?

Знаете ли вы, почему т.т. Троцкий, Радек, Раковский, Смилга, Преображенский, Муралов, Сосновский и др., своевременно указавшие на необходимость увеличить темп индустриализации, усилить борьбу с кулаком и нэпманом, — почему эти товарищи находятся в ссылке в то время как те, кто не видит опасности кулака, проповедует сокращение индустриализации, находятся в ЦК и в Политбюро?

Знаете ли вы, почему, открывая борьбу с правыми, вам подсовывают гнилую, насквозь фальшивую теорию о том, что большевики-ленинцы представляют собою меньшевистское контрреволюционное течение в партии?

Знаете ли вы, что этим самым заранее обрекают борьбу с правыми на полную бесплодность? Ибо если лозунги оппозиции об индустриализации, о поднятии благосостояния рабочих, о борьбе с кулаком и нэпманом, о рабочей демократии являются меньшевистскими, то чего стоит тогда борьба с правыми?

Всего этого партия не знает. Об этом партаппарат предпочитает умолчать. Он боится вскрыть перед партией ошибочность своей политики, приведшей к ухудшению международного положения СССР, к обострению товарного голода, укреплению кулака, ухудшению настроения рабочих масс и деревенской бедноты. Он боится, чтобы партия не узнала правды, что только благодаря ошибкам ЦК стало возможно отсечение левого крыла партии и усиление в ВКП и Коминтерне правых.

Товарищи партийцы! Используйте перевыборы бюро ячеек и потребуйте от Центр[ального] Комитета проведения следующих мероприятий:

1) Назвать персонально представителей правого уклона.

2) Развернуть перед партией всю сумму конкретных мероприятий, которые отделяют сталинское руководство от правой части ЦК (вопросы финансирования промышленности, легкой и тяжелой, колхозное строительство, мероприятия по обеспечению хлебозаготовок и т. п.).

3) Изменить линию в рабочем вопросе, т. к. без достаточного роста реальной зарплаты рабочих масс нельзя серьезно говорить об укреплении диктатуры пролетариата.

4) Требовать отмены постановления Политбюро об увеличении партмаксимума на 20%. При нынешнем падении реальной зарплаты рабочих увеличение партмаксимума свидетельствует о том, что ЦК ищет опору не в рабочем классе, а в бюрократической верхушке государственного, хозяйственного, профессионального и партийного аппаратов. Сократить чрезвычайно разбухший аппарат партии и профсоюзов.

5) Категорически отказаться от проработки оппозиции, т. к. эта проработка служит лучшим орудием в руках правых элементов в стране и партии.

6) Перенести дискуссию с правыми в рабочие ячейки, этот пролетарский костяк ЦК.

7) Вернуть оппозицию из ссылки. Созвать чрезвычайный съезд. Вернуть в партию исключенных большевиков-ленинцев. Провести чистку партии от разложившихся, оторвавшихся от рабочего класса, от безнадежных бюрократов и ненужного обывательского балласта.

8) Перед фактом новой дискуссии опубликовать скрытые от партии письма Ленина и все документы большевиков-ленинцев, в первую очередь документы, поданные VI Конгрессу.

Выросшие хозяйственные затруднения, ухудшившееся настроение рабочих масс и деревенской бедноты, все растущая пассивность партии, огромная бюрократизация гос-, парт- и профаппарата — все это не может не вызвать в каждом честном партийце тревоги за судьбу диктатуры пролетариата.

Только решительным дружным усилием всех революционных элементов партии, и в первую очередь ее рабочего ядра, можно вернуть страну и

Против аппаратчины и бюрократизма!

За решительную борьбу с правыми и теми, кто их прикрывает!

За возвращение в ряды партии большевиков-ленинцев!

Большевики-ленинцы
(Оппозиция ВКП)

Москва, октябрь 1928 года

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ — РАБОЧИМ

(что делать рабочему-коммунисту)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Рабочие-коммунисты убедились уже на опыте, что доверять руководству ЦК ВКП нельзя. Крах хлебозаготовок, рост хлебных затруднений на 11-ом году революции не были предвидены ЦК. Как выйти из положения, он не знает. ЦК мечется от чрезвычайных мер, которые восстановили против сов[етской] власти всю почти деревню, до повышения хлебных цен, которые в состоянии не только удовлетворить, но и разжечь аппетит кулака. Реальная заработная плата за этот год понизилась. Оппозицию громили во имя спокойствия в партии и деловой работы, но вместо спокойствия и дружной работы в ЦК идет бешеная борьба между сталинцами и рыковцами. Этот ЦК не может обеспечить ленинского руководства ни партией, ни страной. Всякий рабочий-коммунист, который не хочет оказаться у разбитого корыта, должен поставить перед собой вопрос, что же делать ему самому.

Как помочь партии и советской власти обеспечить рабочие центры хлебом

Рабочий-коммунист, не полагайся на чиновника, а берись сам за дело. Если имеешь связь с батраком или деревенской беднотой, пиши им письма, призывай открыто организоваться в союз бедноты для борьбы с кулацким засильем в деревне, для борьбы с подкулачниками в госаппарате. Союз бедноты поможет сов[етской] власти добыть хлеб для городских рабочих и для бедноты. Уговаривай красноармейца из бедняков, чтобы он делал то же самое. Смотри за тем, что делается в кооперативе. Нажимай на Совет, чтобы он заботился о снабжении рабочих.

Что делать, чтобы не только не допустить падения зарплаты, но и поднять ее

Не полагайся на профбюрократию, а сам думай о своей зарботке. Приближается кампания по перезаключению колдоговоров; высчитай сам с товарищами, сколько действительно зарабатываешь, сколько тебе необходимо, и борись за условия человеческой жизни. Не дай себя заговаривать, не дай себе навязать тарифов, несовместимых с твоими интересами. От фабзавкома, который трусит перед хозяйственниками, апеллируй к местному отделению союза, от него к партийному комитету. Извещай ЦК партии о нарушении твоих интересов; пиши в стенгазету, выступай на рабочих собраниях, мобилизуй рабочую массу, не бойся, что тебя выгонят с завода. Против этого есть средство: связывайся с другими борцами за рабочее дело на фабрике; одного можно с фабрики прогнать как бузотера, десять уже трудно, а 50 невозможно.

Как бороться за то, чтобы хозяином в партии был рабочий-большевик

Сменяй бюро ячейки, гони из них держиморд, подхалимов, шкурников, не давай навязывать себе секретарей, выбирай только честных революционных ребят. Чтобы этого добиться, рабочий-коммунист, перестань прятаться, молчать, голосовать пятками. Рабочие-коммунисты, знающие классовые интересы пролетариата, должны связываться друг с другом, выступать группами, скопом. Это затруднит чиновничьей братии разгромить их. Борьбу надо вынести за стены одной ячейки. Рабочие

знают друг друга не только на одной фабрике; ходите друг к другу, налаживайте связь одной фабрики с другой, посылайте делегации на профсоюзные, партийные, районные и городские конференции, на которых заседают теперь в большинстве чиновники и их подхалимы. Пусть на них слышен будет голос рабочего-большевика. Говорите правду и только правду о положении на фабрике. Добивайтесь правды о положении в стране. Добивайтесь, чтобы вам сказали, почему держат в ссылке и в тюрьмах тех большевиков — ленинцев, которые боролись за улучшение положения рабочих, за борьбу с кулаком и бюрократом, за демократию в партии. Требуйте возвращения их из ссылки, освобождения из тюрем, требуйте возвращения Троцкого, которому дают погибнуть в ссылке без врачебной помощи и в нужде.

Если рабочие-большевики начнут решительно выступать, то они убедятся, что кошка — не самый сильный зверь. При решительном сопротивлении политике нового дворянства из хозяйственников, парт-, проф- и госчиновников, руководство партии будет принуждено исправить политику партии, вернуть в ее ряды арестованных и сосланных борцов за рабочее дело. Объединенными силами рабочих большевики сумеют выгнать из партии кулацко-бюрократическую нечисть, исправить партию рабочего класса и его государства.

Где искать сознательным рабочим-коммунистам опоры в этой борьбе

Ее искать надо в первую очередь среди рабочих-партийцев. Надо разбить их косность, надо развязать им уста, надо громко сказать, какие опасности угрожают власти рабочего класса. Надо разбудить в них понимание обязанностей, лежащих на члене коммунистической партии. Если из-за трусости, если из-за беспечности мы дадим вырасти кулаку, чиновнику, нэпману; если мы позволим партии двигаться направо, сползть со ступеньки на ступеньку, то очутимся у разбитого корыта, не заметив, как буржуазия села нам на шею.

Но кроме рабочих-коммунистов, которых надо разбудить и до последнего втянуть в борьбу, есть миллионы беспартийных рабочих, среди них много думающих и сознательных пролетариев. Партбюрократ пытается уговорить вас держать втайне от этих пролетариев все, что происходит в партии. Но затруднения с хлебом, снижение заработной платы, шахтинское и смоленское де-

ла — это не тайна для беспартийных рабочих. Они болеют тем же, чем болеем и мы. Они не идут в партию из-за мертвечины, царящей в ней, они не идут в партию из-за зажима бюрократии, они не доверяют рабочим-коммунистам, ибо чиновник заставляет рабочих-коммунистов покрывать всякое свое преступление перед беспартийными рабочими. Рабочие-коммунисты обязаны сказать беспартийным классово сознательным рабочим всю правду, призвать их вступать в партию для совместной борьбы против нэпмана, кулака и бюрократа. Союзники наши — не только беспартийные рабочие в городе, но и батрак и бедняк в деревне. Рабочий-коммунист должен делать все, чтобы с ними связаться, чтобы поднять их на борьбу за совместные интересы; без крепкой связи сознательных рабочих с беднотой и батраком нельзя отколоть середняка от кулака, нельзя создать смычки с деревней, нельзя удержать Советскую власть.

Рабочий-коммунист, ты долго молчал. Время поднять голос. Время вступать в бой за человеческие условия жизни, за чистку Советской власти и коммунистической партии от накипи бюрократизма, мещанства и подкулачников — против смоленской и артемовской мрази, которой много еще в аппарате партии, профсоюзов и власти, и которую надо вымести дочиста.

Большевики-ленинцы
(Оппозиция ВКП)

Москва, октябрь 1928 г.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ КОМОРГАНИЗАЦИИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Происходящие сейчас в верхушечном слое партии события должны приковать к себе внимание всей партийной массы. Каждый член партии должен отдать себе ясный отчет в том, что означает неожиданная бомбардировка Московского комитета со стороны центристского сталинского аппарата.

Политика дворцовых переворотов, беспринципного верхушечного комбинаторства не раз уже ставили партию перед фактом величайших внутренних потрясений. Партия и сейчас стоит перед такими потрясениями, не зная, не понимая того, что происходит.

Не высохли еще чернила на резолюциях XV съезда и последующих пленумов ЦК о полной стопроцентной «монолитности» партии, как центристский партаппарат неожиданно закричал о правой опасности. Давно ли тот же партаппарат обрушился на оппозицию ссылками и тюрьмами за ее предупреждение о растущей опасности? Не прошло и двух недель, как Косиор, генсек Украины, ставленник Сталина, заявил, что в ЦК нет правой опасности. Больше того, Сталин и сейчас на последнем пленуме МК, с величайшим цинизмом, заявил, что в Политбюро нет правой опасности.

Но если это действительно так, то что же собою представляет правый уклон в партии? Нельзя же всерьез думать, что вся партия приведена аппаратом в движение из-за того, что какие-то третьестепенные лица, вроде Мороза⁵⁰⁸, Рютина, Пенькова, Мандельштама, где-то, в какой-то резолюции не так выразились о правом уклоне.

Кто всерьез поверит тому, что из-за нескольких маленьких партийных чиновников Сталин объявил словесную войну правой опасности?

История повторяется. Партаппарат в порядке циркуляра предписал ячейкам «узреть» правую опасность и проголосовать против нее. Со смелостью, достойной лучшей участи, центристский аппарат ЦК атаковал партию, отпустив ей ровно столько времени для размышления о правой опасности, сколько необходимо было для завершения сделки с правыми. Последний чрезвычайный пленум МК показал, что вместо большой драки с правой опасностью дело кончилось всего-навсего трусливой сделкой с ней.

Испугавшись пробуждающейся активности рабочего класса и пролетарской части партии, обе фракции Политбюро — центристская и правая — решили протянуть друг другу руки и заключить временный мир. Правые пожертвовали несколькими мелкими аппаратчиками. Центристы взамен уплатили согласием на новые аресты и высылки оппозиции. В этом весь позорный смысл «великой московской шумихи». Не имея мужества всерьез бороться с правой опасностью, Сталин за спиной у партии пошел с нею на гнилое соглашение. Этим самым он не только усыпил бдительность партии, но и дал правым отсрочку до нового зимнего кризиса хлебозаготовок, к моменту которого правые собираются произвести свою генеральную атаку.

Ленинская оппозиция считает своим долгом предупредить коморганизации об опасности теперешней центристской политики. Эта политика не способна ни вывести страну из хозяйственного кризиса, ни повести партию на борьбу с правой опасностью в стране. Нас, оппозиционеров-ленинцев, часто спрашивают: чего хотят центристы, чего хотят правые. Мы вам на это отвечаем:

Правые хотят мира с кулаками, нэпманом, международной буржуазией. Правые готовы на прорыв монополии внешней торговли. Правые требуют нажима на рабочий класс. Правые боятся быстрого развития промышленности. Обо всем этом правые во главе с Бухариным, Рыковым, Томским, Калининым, Ворошиловым уже открыто говорят на своих узких фракционных заседаниях. Однако открыто выступить с этими идеями перед рабочим классом они еще боятся. Поэтому они ищут для себя надежного прикрытия, из-за которого они могли бы исподтишка подсовывать партии свои идеи. Таким прикрытием для них является нынешний центристский режим.

То, что правые хотели бы сделать в короткий срок, центристы делают в рассрочку. Но правые трусливы и лишены аппаратного могущества. Поэтому они еще долго будут предпочитать всякие соглашения со Сталиным открытой драке с ним. Сила Сталина не столько в его комбинаторских махинациях, сколько в том, что основная масса правых элементов в партии предпочитает цепляться за Сталина. И они не ошибаются. Достаточно напомнить, что Сталин ни разу не подверг сомнению архиправые резолюции июльского пленума. Больше того, он всюду кричит о верности этим резолюциям. Достаточно также напомнить о политике в вопросе зарплаты для рабочих, где между правыми и центристами царит стопроцентное единодушие. И те и другие хотят взвалить на плечи рабочего класса всю тяжесть индустриализации страны. И те и другие мечтают об усилении эксплуатации рабочего, требуя от него все возрастающей производительности труда и давая ему все меньше заработной платы.

Такое же трогательное единодушие между центристами и правыми наблюдается и в вопросе о расправе с оппозицией. Не случайно, что как раз сейчас, когда пресса тонет в потоке «антиправых» резолюций, Политбюро дало директиву начать новые репрессии против большевиков-ленинцев. Под шум левых фраз о правой опасности вот уже две недели, как идут мас-

совые аресты сотен рабочих-оппозиционеров, непосредственно забираемых от станка в Ленинграде, Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Днепропетровске и др[угих] городах.

В то время как лидеры правых — Бухарин, Томский и др[угие] заседают в Политбюро, лучшие большевики томятся в ссылке. Многим грозит опасность для жизни. Тов. Троцкий находится больной в Алма-Ате, тов. Раковский, заболевший серьезной сердечной болезнью прикреплен без права передвижения к Астрахани. Тов. Мрачковский, лишенный необходимой медицинской помощи, невыносимо страдает от вскрывшихся ран, полученных на гражданских фронтах. Тов. Виленский-Сибиряков лежит смертельно больной от полученной во время ссылки в Сибирь непосредственно после перенесенной операции инфекции. Товарищи Радек, Белобородов, Альский и многие другие серьезно больны и не имеют необходимой лечебной помощи.

На 11 году революции у нас стал возможным такой возмутительно-позорный факт, как смерть в тюрьме от голодовки оппозиционера тов. Бутова⁵⁰⁹. Тов. Бутов был личным секретарем тов. Троцкого, и вокруг него ГПУ хотело создать дело для компрометации оппозиции. В виде протеста тов. Бутов объявил голодовку. Молодые термидорианские побеги ГПУ, возвращенные сталинской политикой, спокойно дали ему умереть на 50-й день голодовки.

Нам, оппозиционерам-ленинцам, часто говорят: «Помогите нам бороться с правыми». Мы на это отвечаем: мы вот уже ряд лет со всей силой боремся с правыми, которые хотят спустить революцию на тормозах кулацкой политики. Но правую опасность можно победить лишь путем жестокой борьбы с беспринципным комбинаторством центристов, прикрывающих левыми фразами правую опасность. Партия должна сбросить с себя тяжелый обруч аппаратной опеки. Из голосующего придатка к партаппарату партия должна вновь, как при Ленине, сделаться законодателем партийной жизни.

Товарищи партийцы. Не допускайте замены борьбы с правыми идеологией борьбы со стрелочниками правого уклона, не давайте убаюкивать себя общими фразами о правой опасности. Требуйте развертывания всей суммы конкретных мероприятий, вытекающих из борьбы с правой опасностью. Требуйте усиления темпа индустриализации не на словах, а на деле. Требуйте увеличения реальной заработной платы в соответствии с ростом производительности. Требуйте организации де-

ревенской бедноты и действительного наступления на кулака. Добивайтесь возвращения партии на путь классово-пролетарской политики. Настойчиво требуйте прекращения глумления над большевиками-ленинцами. Требуйте возвращения их из ссылки и восстановления в партии. Требуйте чрезвычайного съезда партии на основе тайного голосования. Требуйте очистки партии от перерожденцев и бюрократов.

Товарищи партийцы. Медлить нельзя. Диктатуре пролетариата грозит величайшая опасность. Руками зарвавшихся сов, проф- и партбюрократов враждебные нам силы уже атакуют твердыни пролетарской диктатуры.

На открытый суд всей партии правых перерожденцев и беспринципных центристских комбинаторов.

Против политики дворцовых переворотов.

За честную большевистскую политику.

Против арестов и ссылок оппозиции.

За подлинное единство партии на основе правильной ленинской политики.

За возрождение подлинной коллективной жизни коморганизации.

Большевики-ленинцы
Ленинская оппозиция ВКП(б)

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

Эта листовка выпущена
нашими тифлискими товарищами⁵¹⁰

О НАСТРОЕНИЯХ В ПАРТОРГАНИЗАЦИЯХ

в связи с пленумом МК и МКК

СВОДКА МК

I

Правые настроения

1. В целом ряде ячеек имели место правые по существу выступления. Выступали с ними не только хоз[яйственные] работники, работники аппарата, но и рабочие, в большинстве случаев рабочие текстильных предприятий и связанные с деревней.

2. Эти настроения далеко не преобладают. Но все же играют значительную роль, относятся примерно к одной трети ячеек.

3. Основное в этих выступлениях — защита зажиточных слов деревни, отношение к бедноте, как лодырям. Недовольство темпом индустриализации, вложениями в капитальное строительство, совхозы и колхозы.

4. Характерные выступления:

«Правый уклон выплыл на основе недостатков в нашей стране и упирается в неправильное ведение политики в отношении к крестьянству, в частности, к среднему» (политика считается слишком левой).

(Завод Ильича)

«Тов. Фрумкин в своем письме был прав на данное время».
(Замоскв[ореужкий] райфинотдел)

«Будучи в деревнях, видишь, что мы догибаем кулака. Совхозов нет, продукции мало, что же делать?»
(Завод «Красный поставщик»)

«Сняли товарищей (речь идет о секретарях райкомов Мандельштаме и др[угих]), которые слушали низы, учли их настроения и высказали их. Не рано ли бросать большие средства на колхозы и совхозы?»

(4-й водопровод[ный] участок)

«Мы очень разбрасываемся на крупное строительство... Не надо гнаться за Америкой».

(Директор химзавода Кашир[ского] уезда)

«Я считаю, что кулак в деревне это тот, кто похитрее; середняк поглупее, он не имеет того, что кулак, а беднота — это в большинстве лентяи».

(Т. Ч. 511 18 Сев[ерной] жел[езной] дор[оги])

«Среди рабочих, связанных с деревней, есть такие разговоры: Зачем рабочие взяли в свои руки фабрики и лезут еще с коллективизацией деревни?»

(«Красный текстильщик», Серпухов)

II

Отношение к правой опасности

1. Огромное большинство рабочих резко настроено против правых элементов и правой идеологии. Если ряд коммунистов выступает в порядке кампании, то в очень значительной

части выступлений, в особенности рабочих-металлистов, колесников рабочих других предприятий чувствуется доподлинное резкое отношение к правым элементам и их наступлению.

2. Характерные выступления:

«Борьбу с правой опасностью надо рассматривать, как классовую борьбу».

(Завод «Мастяжарт»)

«Если вложим деньги на легкую индустрию, на производство необходимых предметов потребления, съедим все, а потом съедем еще в худшее положение».

(Русаковский трампарк)

«Правая опасность — это сползание к социал-демократам».
(Т. Ч. I, Северн[ой] жел[езной] д[ороги])

«Правые ошибки — результаты паники перед кулаком».
(ВПП)512

«Правый уклон превращает нашу страну в зависимую от капиталистических государств».

(Колбасн[ая] ф[абри]ка Зам[оскворецкого] района)

III

Выступления оппозиции

На отдельных ячейках выступали оппозиционеры. Судя по официальным материалам, таких выступлений было относительно немного. Выступления были: на Картонажной ф[абри]ке Моссельпрома, ситценабивной ф[абри]ке в Серпухове, Центральном телеграфе, Наркомпросе, Артамоновском трампарке (речь идет о партсобраниях).

IV

Отношение к оппозиции

«О борьбе с кулаком говорила троцкистская оппозиция, но почему тогда тов. Сталин дал установку: огонь налево, только налево».

(ВПП)

«Не может ли повлиять настоящее положение на возвращение оппозиционеров в партию?»

(Русаковский трампарк)

«Отметьте разницу в вопросе о разворачивании колхозного строительства между партией и оппозицией».

«Нам нужно во что бы то ни стало индустриализировать нашу страну, это говорила и троцкистская оппозиция».

(Хлебопекарня № 2 МСПО)⁵¹³

«По вопросу о правом уклоне мы не разобрались. Поэтому спорить с нашими оппозиционерами трудно. Они знают о решениях высших инстанций больше, чем мы».

(Протезный институт)

V

О положении в партии

1. Почти повсеместно в очень острой форме коммунисты-рабочие выражают резкое недовольство существующим в партии положением. Требуют действительной демократии, своевременной информации, обеспечения за рабочими права решать, а не выслушивать решенное.

2. Характерные выступления:

«Если низовые организации ошибаются, то работники последней вышибаются в два счета. А Угланова оправдывают. Всегда страдает стрелочник».

(З[аво]д им. Ильича)

«Верхи дерутся, а низы не знают».

(Колбасн[ая] ф[абри]ка Зам[оскворецкого] района)

«ЦК проморгало недооценку трудностей, зафиксированную в резолюции пленума МК. ЦК поздновато разъяснил эти вопросы. Рядовые члены партии ходят впотьмах».

(З[аво]д им. Ильича)

«Плохо информируются партийные низы. С большим запозданием осведомляются члены партии о политике партии».

(З[аво]д «Красный Октябрь»)

«О борьбе с Московской организацией мы низовые члены партии узнали только в октябре. Наши товарищи из МК, МКК и РК хотят обойтись одни, сами, без масс».

(Сокстрой)

«Партийные комитеты и К[онтрольные] к[омиссии] подобраны по принципу “хороший парень”».

(Госбанк)

«Администрация, не считаясь с решениями ячеек, решает вопросы самостоятельно. Где же партия?»

(Базовая милиция Хамов[нического] района)

«Нельзя ли произвести сокращение штатов как партийного, так и советского аппарата? Уж очень много отделов, подразделов, частей и подотделчиков как в Моссовете, так и в МК. Всякие «завы» аккуратно высиживают рабочее время и что делается на производстве — не видят и не знают».

(ВПШ)

«Ячейка не вела борьбы с правой опасностью потому, что в наших партаппаратах наблюдается закоснение. Бюро ждало циркуляра сверху. Между аппаратом и массой — разрыв».

(З[аво]д «Лакоткраска»)

«Очень много уж доверяем мы руководителям».

(Ф[абри]ка «Красная роза»)

VI

О ЦК и ПБ

Довольно большое количество вопросов задается на собраниях о разногласиях в ЦК и ПБ. Спрашивают: правда ли, что Рыков, Томский и Бухарин — правые. Многие выражают уверенность, что разногласия есть, но их скрывают. В некоторой части ячеек критиковали «Заметки экономиста». В И[нституте]Н[ародного]Х[озяйства] им. Плеханова они были названы «завершенным правым уклоном». Примерно такое же отношение выражено к «Заметкам» в тех рабочих ячейках, где о них говорилось.

Л. ТРОЦКИЙ. ОДИННАДЦАТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ

11-я годовщина октябрьской революции есть величайший праздник международного пролетариата. Мы, большевики-ленинцы (оппозиция), подготовлявшие в подполье диктатуру пролетариата, дравшиеся на баррикадах Октября, защищавшие советскую власть в гражданской войне, строившие рабочее государство, празднуем этот день, как наш праздник. Величайшее значение октябрьской победы трудящихся и угнетенных мы сознаем и чувствуем гораздо глубже, чем большинство нынешней

бюрократии, наполовину забывшей о своем революционно-пролетарском происхождении и превращающей октябрьскую годовщину в казенный табельный день.

7 ноября для нас, однако, не только праздник, но и день тревожного раздумья о тех опасностях, которые угрожают пролетарским завоеваниям. Ибо последние пять лет принесли огромные перемены — не только к лучшему, но и к худшему.

Руководимая ленинским генеральным штабом партия жила всегда полной партийной жизнью. Несмотря на муки голода и холода, унаследованные от войны и разрухи, рабочий класс чувствовал и сознавал, что он есть правящий класс, что он хозяин в стране.

Заложенные в первое пятилетие после Октября основы дали свои плоды. Правильная установка новой экономической политики, выработанная партией под руководством Ленина после завершения гражданской войны, обеспечила рост производительных сил города и деревни и общий подъем благосостояния страны. Огромные преимущества социалистических методов хозяйства впервые обнаружили на деле, на опыте, несмотря на ошибочную политику послеленинского руководства, которое все больше сползло с пролетарской линии вправо.

Тяжелее всего ложная линия Сталина — Рыкова отразилась на положении рабочих. Несмотря на подъем производительных сил, уровень жизни рабочего класса с осени 1925 г. не повышался, а за последнее время снижается. Между тем, жизненный уровень непролетарских слоев города и кулацких верхов деревни непрерывно повышается. Безработица разъедает рабочий класс. Одновременно с этим растет и крепнет влияние бюрократически-буржуазных элементов во всех учреждениях и организациях, во всех областях хозяйственного и государственного управления. Рабочий отодвигается на второй план. На наших глазах создается новое двоевластие. Мыслящий и честный пролетарий с тревогой глядит на то, как перемещается сила от рабочих к аппарату, от аппарата — к буржуазии. Голос революционной критики подавлен. Шумно провозглашенная самокритика превратилась в бюрократическое пустозвонство.

Смычка города с деревней является основой основ пролетарской диктатуры. Большевиков-ленинцев, которые вместе с Лениным закладывали первые камни этой смычки, сталин-

ское руководство ложно и злобно обвиняет в стремлении «огрбить крестьянство». Между тем, вся политика Сталина — Рыкова бьет по смычке, одним концом — по рабочему, другим — по крестьянину, бедняку и середняку. Руководство Сталина — Рыкова сперва отрицало кулака, мирволило ему, пускало его в Советы. Спohватившись в трудную минуту, начало глушить деревню 107-й статьей, не отличая впопыхах кулака от середняка, середняка от бедняка. Теперь опять крутой поворот вправо, повышение хлебных цен, т. е. прежде всего премия кулаку. Метания из стороны в сторону выбивают хозяйство из равновесия, посегают тревогу, порождают недовольство.

Ленин неутомимо предупреждал в последние годы своей жизни против опасностей бюрократизма. После его смерти бюрократизм возрос в десятки раз и чудовищной горой душит ныне завоевания Октября.

Бюрократический аппарат поднялся над массой. Выборы и ответственность стали пустым звуком в партии, в профессиональных союзах, в Советах. Безответственность ведет к разложению и произволу. Десятая годовщина Октября была отпразднована разгромом ленинского крыла партии. Одиннадцатый год приподнял зато уголок завесы над шахтинскими, артемовскими, смоленскими и иными делами, которые являются прямым и неизбежным следствием сталинского режима.

Смелые и самостоятельные работники вытесняются и изгоняются отовсюду: из партии, с советских постов, из профсоюзов, из хозяйственных органов, наконец, с фабрик и заводов. Масса запугана и молчит. Перевес получают шкурники и подлипалы. Прислужничеством они страхуют свою неумелость и бездарность. Бесконечные просчеты и ошибки хозяйственного руководства бьют по промышленности, а значит — по рабочим. Бюрократизм и безответственность означают для хозяйства ежегодные потери сотен миллионов рублей, на которые можно было бы поднимать жизненный уровень трудящихся масс. А расплачиваться за просчеты приходится мускулам и нервам рабочих.

Революционному воспитанию подрастающих поколений чиновничье засилье ставит непреодолимые преграды. В комсомоле еще больше, чем в партии, все решается приказами и шпартгалками. Материальное положение рабочих-подростков ухудшается. Ленинские идеи искажаются и подменяются.

Бюрократизм наносит особенно жестокие удары отсталым народностям нашего Союза. На окраинах еще больше, чем в центре, самодеятельность низов заменяется чиновничьей указкой. Произвол бюрократии достигает неслыханных размеров. Хозяевами положения становятся сплошь да рядом те самые «держиморды», о которых писал Ленин еще в 1922 году, жестоко осуждая политику Сталина в национальном вопросе⁵¹⁴.

Открытая после смерти Ленина государственная продажа водки наносит неисчислимые раны хозяйству и культуре страны. Промышленность, транспорт, торговля, сельское хозяйство теряют от водки в два — три раза больше, чем получает от нее государственный бюджет. А моральному ущербу, наносимому трудящимся, и счета нет. В государственном спаивании народа ярче всего выражается все зло бюрократизма, слепого и высокомерного по отношению к массам.

Законное недовольство трудящихся не находит нормального выхода и удовлетворения. Всюду запреты и рогатки. Это создает условия, которыми пользуются враги октябрьской революции: меньшевики, эсеры, анархисты и прямые черносотенцы. Они роют свои подкопы под Октябрь. Революционная расправа с этой челядью буржуазии необходима. Но одной расправы недостаточно. Нужна правильная политика. А для этого нужно прежде всего прекратить бесстыдную травлю против лучших, наиболее боевых, преданных и бескорыстных борцов рабочего класса, большевиков-ленинцев (оппозиции).

Ослабление материальных и политических позиций пролетариата СССР идет рядом с жесточайшими поражениями политики Коминтерна в Германии, Болгарии, Эстонии, Англии, Австрии, Китае и других странах. Сбившееся с пролетарского пути руководство толкало все партии Коминтерна на путь соглашательства и ошибок. Небывалые поражения международной революции ослабили положение СССР, укрепили европейскую буржуазию и чрезвычайно увеличили военные опасности, угрожающие первому рабочему государству.

Газетными криками о военной опасности устранить ее нельзя. Чтоб поднять обороноспособность советского государства, есть только один путь: укрепить экономическое и политическое положение пролетариата в стране, его теснейшую связь с беднотой, его неразрывный союз с середняком.

Бюрократизация армии зашла еще дальше, чем бюрократизация всего государственного аппарата. Связь населения с армией на парадах и торжествах не может заменить повседневного воздействия пролетарского авангарда на мобилизованных крестьян. В минуту опасности бюрократический аппарат не способен вдохнуть тот энтузиазм, который обеспечивается только революционным самосознанием трудящихся масс, чувствующих себя хозяевами своей страны.

Подлые клеветники говорят, что мы, большевики-ленинцы, строившие Красную армию и участвовавшие во всех ее боях, являемся пораженцами. Ни один честный рабочий, боевик-красноармеец, крестьянин-партизан не поверит этой клевете на Троцкого, Раковского, И. Н. Смирнова, Преображенского, Сосновского, Радека, Муралова, Мрачковского, Белобородова, Каспарову и многие сотни и тысячи закаленных борцов, которые тюрьмой и ссылкой расплачиваются за свою верность делу рабочего класса.

Большевики-ленинцы были и остаются революционными оборонцами до конца, не в пример многим из нынешних бюрократов, которые при первом набате опасности разбегутся, как крысы. Невзирая на ошибки политики, презирая клевету и травлю сталинского руководства, каждый большевик-ленинец будет защищать советскую республику от классовых врагов с оружием в руках до последней капли крови.

Но этого мало. Сейчас, пока еще не пробил час военной грозы, мы требуем решительной перемены партийной, хозяйственной, профессиональной, военной и международной политики. На пролетарский путь! На ленинскую линию!

Что нужно для того, чтобы вернуться на правильную дорогу? Нужно только, чтоб рабочий-партиец снова захотел и решил стать партийцем. Нужно, чтоб рабочий класс призвал аппарат к ответу. Нужно восстановить выборность и сменяемость, т. е. пролетарскую и советскую демократию. Этого можно достигнуть без потрясений, нормальными путями партийного устава и советской конституции.

В основу хозяйственной политики положить: систематическое повышение заработной платы. Больше равенства в условиях жизни верхов и низов.

В деревне организовать Союз бедноты, как орган диктатуры пролетариата.

Опубликовать платформу оппозиции, которая указывает правильные пути индустриализации страны и дает ленинские ответы на все вопросы социалистического строительства.

Вернуть большевиков-ленинцев из ссылки, отменив бесстыдно наложенную на них 58-ю статью.

Провести перевыборы во всех учреждениях и организациях, сверху донизу, на основе подлинной пролетарской демократии.

Помните, товарищи: потерять власть легче, чем завоевать ее. Если ложную политику ведут верхи, поправить должны низы. Мы, большевики-ленинцы, обращаемся к низам. Ими и для них совершен был одиннадцать лет назад великий переворот.

Да здравствует диктатура пролетариата!

Да здравствует союз рабочих и крестьян!

Да здравствует возвращение ВКП и Коминтерна на ленинский путь!

Да здравствует международная революция!

[Октябрь 1928 г.]

Л. ТРОЦКИЙ. КРИЗИС ПРАВО-ЦЕНТРИСТСКОГО БЛОКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

1. Кризис блока

Кампания против правых открывает некоторую новую главу. Кампания отличается чрезвычайным шумом и треском — при отсутствии политической конкретности. Кампания есть прежде всего литературное прикрытие закулисной организационной работы сталинцев, ее оправдание перед партией. Политическая кампания и не может быть конкретной, иначе пришлось бы перечислять общие грехи правой и центра. Но в то же время кампания знаменует кризис — еще не распад, но уже серьезный кризис — правящего блока. Предшествующее сползание подготовило переход количества в некоторое новое качество. Открытое социальное перерождение значительных групп и слоев партии выпирает из всех щелей. Центризм пугается наиболее «зрелых» плодов своих рук, особенно под кнутом пролетарской оппозиции. Но центризм связан по рукам и по ногам — вчерашним днем, своей национал-социали-

стической установкой, своим политическим крохоборчеством, своей теоретической нищетой. Атакуя правых, он больше всего боится, как бы не поранить самого себя. Отсюда глубоко двойственный характер всей кампании: если практически она может означать очищение партии от наиболее откровенных элементов устряловщины и задержку или замедление сползания или перерождения, то одновременно она означает дальнейшую дезорганизацию партийной мысли, дальнейшее измочаливание марксистского метода, и тем самым подготовку новых, еще более смутных и опасных этапов в развитии партии.

Сталин и Молотов пытаются изобразить дело так, что их линия состоит в одинаково непримиримой борьбе как с левыми «пораженцами», так и с правыми ликвидаторами.

Совершенным вздором является центральная в нынешней кампании мысль, будто марксистская политика вообще состоит в борьбе направо и налево, притом в одинаково непримиримой борьбе. Направо от марксистской политики стоит могущественный мир империализма, с его все еще гигантской соглашательской агентурой. Вот враг. Налево от марксистской линии могут быть только ошибочные тенденции в самом пролетариате, детские болезни в партии и пр. Крайним выражением этой ложной «левизны» является анархизм. Но сила и влияние этого последнего тем меньше, тем ничтожнее, чем смелее, решительнее и последовательнее революционная партия борется с оппортунизмом. В этом и состоит, в частности, историческая заслуга большевизма. Борьба налево в его истории имела всегда только эпизодический и подчиненный характер. Сталинская формула «одинаково непримиримой» борьбы направо и налево есть не большевистская формула, а традиционная формула мелкобуржуазного радикализма. Вся его история приходит к борьбе с «реакцией», с одной стороны, пролетарской революцией, с другой. Эта традиция перешла целиком к современной социал-демократии во всех ее оттенках. Формула борьбы направо и налево, как руководящая формула, характеризует, вообще говоря, всякую партию, лавирующую между основными классами современного общества. В наших условиях эта формула является политическим паспортом центризма. Иначе совершенно неразрешимым был бы вопрос: как могло случиться, что фракция Сталина — Молотова пребывала в неразрывном блоке с буржуазно-реставраторской фракцией правых? Более того, остается на деле с нею

в блоке и сейчас? Между тем, ответ совершенно прост: правящий блок был не естественным союзом большевизма с буржуазным реставраторством, а союзом сползающего правого центризма с устряловщиной. В таком союзе нет ничего естественного. Блоки центристов разной окраски с открытыми соглашателями и даже прямыми изменниками, при бешеной борьбе с левыми, заполняют всю историю рабочего движения. Вот почему, когда Сталин и Молотов дают ныне «свирепую» характеристику правому крылу, списывая ее по частицам с оппозиционной платформы, они тем самым дают характеристику самим себе, своей линии, своей группировке. Они занимаются убийственной «самокритикой», не подозревая того.

Но, может быть, положение радикально изменилось теперь, после объявления так называемой беспощадной борьбы против правого уклона? Пока было бы по меньшей мере легкомысленно делать такие заключения. Ленинское крыло — за Уралом и Каспием, правое — на правящих постах. Это решает. Ясно одно: период безмятежности для блока центристов с правыми остался позади; февральский сдвиг центризма имеет свои внутренние зигзаги: от февраля до июля, от июля до ноября и дальше. Слишком скоропалительно судили те товарищи, которые считали, что июльский пленум завершил борьбу центристов с правыми и что самое противоречие между ними уже потеряло политическое значение. Нет, это неправильно. Еще более неправильно было бы, однако, считать разрыв между центристами и правыми бесповоротным. Совершенным же легкомыслием было считать исключенным поворот самого центризма на правый путь.

Из этой общей характеристики кампании, как насквозь двойственной, вытекают и задачи большевиков-ленинцев. С одной стороны — поддерживать каждый действительный, хотя бы и робкий и половинчатый шаг руководимых центризмом партийцев влево, с другой — противопоставлять этих партийцев центристскому руководству, разоблачая его беспринципность и несостоятельность. Обе эти задачи разрешаются по существу одними и теми же методами. Поддержка каждого шага влево в том ведь и выражается, что большевики-ленинцы ясно и отчетливо формулируют в каждом конкретном случае действительную цель борьбы, пропагандируют подлинно большевистские методы и разоблачают фальшивую половинчатость

центристского руководства. Другой поддержки быть не может. Но зато эта является самой действительной.

Ясность общих задач не снимает, однако, с нас обязанности ближе и конкретнее присмотреться к новому этапу в свете общего развития партии и революции.

2. Пятилетие общественно-политической реакции на основах пролетарской диктатуры

Надо сказать ясно и точно: послеленинское пятилетие было пятилетием общественно-политической реакции. Послеленинское руководство стало невольным, но тем более действительным выражением этой реакции и ее орудием. Периоды реакций в отличие от контрреволюции происходят при господстве одних и тех же классов. Помещичье самодержавие знало периоды «либеральных» реформ и крепостнических контрреформ. Господство буржуазии, начиная с эпохи великих революций, знало смену периодов бурного движения вперед периодами попятного движения. Этим определялась, в частности, смена различных партий у власти в разные периоды господства одного и того же капиталистического класса.

Не только теоретическое размышление, но и живой опыт истекших одиннадцати лет свидетельствуют, что и режим пролетариата может проходить не только через периоды движения вперед, но и через периоды общественно-политической реакции. Конечно, не реакции «вообще», а реакции на основах победоносной пролетарской революции, противостоящей капиталистическому миру. Смена этих периодов определяется ходом классовой борьбы. Периоды реакций не изменяют основ классового господства, т. е. не означают перехода власти из рук одного класса в руки другого (это была бы уже контрреволюция), но означают изменение в соотношении классовых сил и перегруппировку элементов внутри самих классов. Период реакции после периода могущественного революционного продвижения вперед вызван был у нас в основном тем, что разбитые, оттесненные или запуганные старые имущие классы благодаря объективной обстановке и ошибкам революционного руководства успели значительно собраться с силами и постепенно перейти в наступление, главным образом, через бюрократический аппарат. С другой стороны, победоносный класс, пролетариат, не поддержанный своевременно извне и атакуемый все новыми и новыми препятствиями и трудностями

ми, растрачивал силу первоначального натиска и дифференцировался, выделяя из себя сверху — все более самодовлеющую бюрократию, снизу — элементы усталости и прямой безнадежности. Ослаблению активности пролетариата соответствует повышение активности буржуазных классов, т. е. прежде всего тех слоев мелкой буржуазии, которые тянутся вверх по старым эксплуататорским путям.

Незачем доказывать, что все эти процессы внутренней реакции могли развертываться и приобретать силу только в условиях тяжчайших поражений мирового пролетариата и упрочения позиций империалистической буржуазии. В свою очередь, поражения международной революции за последние 5 — 6 лет определялись в решающей степени центристской линией руководства Коминтерна, особенно губительной в обстановке великих революционных кризисов.

Можно возразить: мыслимо ли назвать реакцией период экономического роста страны, социалистического строительства и пр. Однако это возражение бьет мимо цели. Подъем есть процесс противоречивый. Первая стадия подъема, после годов разрухи и голодухи, стадия восстановительного процесса, как раз и создала условия общественно-политической реакции. Изголодавшийся рабочий класс склонен был верить, что и теперь все пойдет безостановочно вперед. Сверху его в этом убеждали. Между тем, подъем разворачивал свои противоречия, углубившиеся слепой и ложной политикой руководства и приведшие к умалению удельного веса пролетариата и к снижению его политического самочувствия. Разумеется, тем обстоятельством, что промышленный подъем снова собрал пролетариат на фабриках и заводах, обновил и пополнил его кадры, созданы социальные предпосылки для нового революционного подъема пролетариата. Но это относится уже к следующей стадии. Есть симптомы, позволяющие думать, что это политическое оживление уже началось и является одним из факторов, подстегивающих центристов в сторону «самокритики», борьбы против правых и пр. Незачем говорить, что в том же направлении действует стальная заноза оппозиции, которой никаким хирургам не удастся выдернуть из тела партии. Оба эти обстоятельства: и оживление в рабочих массах, и «неожиданная» для верхов живучесть оппозиции — открывают собою, если не обманывают признаки, начало нового периода, с которым не случайно совпадает борьба центристов

против правых. Прошлый же период, развивавшийся на основе восстановительного процесса, со всеми его иллюзиями, характеризовался упадком активности пролетариата, оживлением буржуазных слоев, удушением рабочей демократии и последовательным разгромом левого крыла. Другими словами, это был период общественно-политической реакции.

Идеологически период реакции окрашен борьбой с «троцкизмом». Под этим именем в официальной печати фигурируют совершенно разнородные и часто несовместимые идеи, осколки прошлого, большевистские задачи настоящего, поддельные цитаты и пр., и пр. Но в общем троцкизмом называлось то, от чего сползающее официальное руководство вынуждено было в каждый данный момент отталкиваться. Общественно-политическая реакция — при всем эмпиризме руководства — немыслима без пересмотра и отвержения наиболее ярких и непримиримых идей и лозунгов марксизма. Международный характер социалистической революции и классовый характер партии — вот две идеи, которые в полнокровном своем виде невыносимы для плывущих по течению политиков периода реакции. Борьба против этих основных идей, сперва обходная и трусливая, затем все более наглая, велась под именем борьбы с троцкизмом. Результатом этой борьбы явились две жалкие и презренные руководящие идейки, которые навсегда останутся бубновым тузом на периоде противоктябрьской реакции: идейка социализма в отдельной стране, т. е. национал-социализм⁵¹⁵ и идейка двухсоставных рабоче-крестьянских партий, т. е. Черновщина⁵¹⁶. Первая из этих идей, прикрывавшая, в частности, наш хозяйственный хвостизм, довела октябрьскую революцию до величайших опасностей. Вторая из этих идей, вдохновлявшая теорию и практику гомильда, зарезала китайскую революцию. Обе «идеи» автором своим имеют Сталина. Это его единственный теоретический «актив».

Между периодом реакции и контрреволюцией существует, как сказано, то различие, что реакция развивается при господстве того же класса, контрреволюция же означает смену классового господства. Но совершенно очевидно, что если реакция не тождественна с контрреволюцией, то она подготовляет для нее политические условия и может оказаться вступлением к ней. Руководствуясь этими широкими историческими масштабами, т. е. отбрасывая все второстепенное, можно сказать, что расчленение правящего блока на центристов и правых

вышло наружу, когда методы общественно-политической реакции стали прямехонько упираться в методы термидора.

Незачем пояснять, что происходящая сейчас борьба центристов против правых не только не опровергает нашего прогноза о термидорианской опасности, но наоборот, целиком и полностью, официальнейшим, так сказать, образом, подтверждает его. Оппозиция никогда не считала, что сползание к термидору будет непрерывным, прямолинейным и сплошным для всей партии. Мы десятки и сотни раз предсказывали, что это сползание будет мобилизовать враждебные классы; что тяжелые социальные хвосты будут бить по аппаратной голове; что это будет вызывать расчленение не только в широких партийных массах, но и в самом аппарате; наконец, что это расчленение будет создавать новые, более благоприятные условия для работы большевиков-ленинцев, направленной не только против открытого соглашения, но и против централизма.

Таким образом, нынешняя кампания является подтверждением честного прогноза оппозиции, теснейшим образом связанного с ее общим прогнозом относительно термидорианской опасности.

3. Бюрократический режим как орудие реакционных тенденций и сил

Как и все процессы в нашей партии, борьбу центристов с правыми приходится рассматривать не только в широком разрезе идейно-классовых тенденций, но и в узком разрезе самодовлеющего аппаратного режима. Не тайна ведь, что шумно-бессодержательная «идейная» борьба против правых является аккомпанементом к аппаратным, пока еще подготовительным, махинациям против Бухарина, Рыкова и Томского. А этот вопрос не лишен значения, если принять во внимание место названной тройки в нынешней партийно-советской системе. Рыков и Томский всегда испытывали к оппортунизму «влечение, род недуга»⁵¹⁷. В октябрьский период это только сказалось открыто и ярко. Но при здоровой жизни партии и правильном партийном руководстве их оппортунистические склонности так бы при них и оставались. То же самое приходится сказать и о Бухарине, с его переходом от ультралевых коленец к ультраправым. Если рассматривать вопрос в плоскости персональной (как это Ленин сделал, например, в своем завещании), то придется сказать, что разрыв Сталина с названной тройкой

был предрешен задолго до того, как самая тройка сплотилась на правой платформе. Этот разрыв, вытекавший из тенденции бюрократического режима к единоличию, был оппозицией совершенно точно предсказан больше двух лет тому назад, в сентябре 1926 года, когда о борьбе централизма с правой не было еще и речи. В документе оппозиции о «единстве партии» говорится:

«Целью всех этих дискуссий и организационных выводов является полный разгром того ядра, которое до недавнего времени называлось старой ленинской гвардией, и замена его единоличным руководством Сталина, опирающегося на группу товарищей, которые всегда с ним согласны. Только тупица или безнадежный бюрократ может серьезно думать, будто сталинская борьба за единство партии способна действительно обеспечить единство, хотя бы ценой разгрома старой руководящей группы и всей вообще нынешней оппозиции. Чем ближе Сталин будет казаться к цели, тем на самом деле он будет дальше от нее. Единоличие в управлении партией, которое Сталин и его более узкая группа называют «единством партии», требует не только разгрома, устранения и отсеечения нынешней объединенной оппозиции, но и постепенного отстранения от руководства более авторитетных и влиятельных представителей ныне правящей фракции. Совершенно ясно, что ни Томский, ни Бухарин, ни Рыков — по своему прошлому, по авторитету своему и пр. — не могут и не способны играть при Сталине ту роль, какую играют при нем Угланов, Каганович, Петровский и пр. Отсечение нынешней оппозиции означало бы неизбежное фактическое превращение в оппозицию остатков старой группы в ЦК. На очередь встала бы новая дискуссия, в которой Каганович обличал бы Рыкова, Угланов — Томского, а Слепковы, Стэны и Ко развенчивали бы Бухарина. Только безнадежный тупица может не видеть серьезности этой перспективы. А тем временем более откровенно оппортунистические элементы партии открыли бы борьбу против Сталина как слишком зараженного «левыми» предрассудками и мешающего более быстрому и откровенному сползанию.»⁵¹⁸

В этом предсказании, при проверке через два с лишним года, неправильной оказалась только ссылка на Угланова и Слепкова. Но, во-первых, это деталь. А во-вторых, дайте срок, они свою «ошибку» еще поправят.

Теперь послушаем, как мудрец Томский вынужден ныне признаваться, что ничего не понимает, ничего не предвидел и попался впросак. Вот что пишет об этом хорошо осведомленный товарищ:

«Томский в разговоре среди «своих» жаловался: мы думали, что, покончив с Троцким, сможем спокойно работать, а оказывается(!), что к нам тоже хотят применить такие же методы борьбы».

Бухарин высказывается в таком же роде, но еще более жалостно. Вот один из его отзывов, абсолютно достоверный:

«Кто он такой?— речь идет о мастере.— Совершенно беспринципный интриган. Он озабочен только сохранением власти и этому подчиняет все. Он круто меняет свои теории в зависимости от того, кого ему нужно в данный момент зарезать...»⁵¹⁹

И пр[очее].

Злополучные «вожди», ничего не понявшие и не предвидевшие, естественно склонны видеть основную причину своих злоключений в коварстве противника, этим они только придают его личности гигантские размеры, которыми она ни в малейшей степени не обладает. Суть в том, что сползание с классовой линии неминуемо ведет к могуществу бюрократической машины, которая ищет для себя «адекватного» выразителя. Для побед бюрократического централизма обстановка создавалась перегруппировкой в классах и между классами. От аппаратных мастеров, выступивших под старыми знаменами, требовалось прежде всего, чтоб они не понимали того, что происходит, и плыли по течению. Для этого нужны были люди типа эмпириков, которые для каждого момента создают свое «правило». Сталины, Молотовы, Углановы и пр. по совершеннейшему отсутствию теоретического кругозора меньше всего оказались застрахованы от воздействия подпочвенных социальных процессов. Если индивидуально рассмотреть политические биографии тех элементов, которые в предоктябрьский, октябрьский и послеоктябрьский период стояли на втором, третьем и десятом плане, а теперь выдвинулись на первый, то нетрудно доказать, что по всем основным вопросам, поскольку они оказывались предоставленными самим себе, они в большинстве своем, включая и Сталина, тяготели к оппортунизму. Не надо отождествлять историческую линию партии с политической линией той части ее кадров, которая поднялась наверх на волне общественно-политической реак-

ции последнего пятилетия. Историческая линия партии осуществлялась в жестокой борьбе внутренних тенденций, в постоянном преодолении внутренних противоречий. В этой борьбе руководящие ныне элементы никогда не играли ведущей роли, а чаще всего отстаивали и выражали вчерашний день партии. Именно поэтому в решающий октябрьский период они оказались растерянными и не играли никакой самостоятельной роли. Мало того: по крайней мере половина нынешних руководителей, именуемых «старой гвардией», была в октябре по ту сторону баррикады; большая половина их занимала перед тем в империалистской войне патриотическую или жиденькую пацифистскую позицию. Думать, что эти элементы могли представить самостоятельную силу сопротивления реакционным тенденциям мирового масштаба, совершенно неосновательно, как показала вся история последнего периода. Недаром же среди них так легко ассимилируются Мартыновы, Ларины⁵²⁰, Рафесы, Лядовы, Петровские, Керженцевы⁵²¹, Гусевы, Кржижановские и пр., и пр., и пр. Именно этот слой, по признанию Устрялова, является наиболее пригодным для того, чтобы постепенно довести потрясенную страну до вождельного порядка. Обращаясь к отдаленному опыту смутного времени (конец 16 — начало 17-го столетия), Устрялов ссылается на Ключевского⁵²², который говорит, что «московское государство выходило из страшной смуты без героев: его выводили из беды добрые, но посредственные люди» (Ключевский, изд. 1923 г., т. III, с. 75). Насчет «доброты» нынешних кандидатов в спасители от смуты («перманентная революция») можно усомниться. Но в остальном устряловская ссылка на Ключевского не лишена меткости и бьет далеко. В конце концов «мастер» при всех своих комбинаторских качествах и незаурядном вероломстве является лишь наиболее выдающимся личным воплощением безличного аппарата. Его победы — это победы общественно-политической реакции. Он помогал им двояко: слепотой по отношению к глубоким историческим процессам и неутомимым закулисным комбинаторством, направление которого подсказывалось ему перегруппировкой классовых сил против пролетариата.

Безнадёжная борьба бюрократического централизма за «монolithicность» аппарата, т. е. по существу за единоличие, ведет, под напором классовых сил, к новым и новым трещинам. Так как все это совершается не в безвоздушных сферах, то классы

цепляются за трещины в аппарате, раздвигают их и наполняют бюрократические группировки социальным содержанием. Борьба сталинской группы в Политбюро против тройки и борьба центристов против правых — стала преломлением натиска классов и может перерасти (на известном этапе должна перерасти) в открытую классовую борьбу. В этом «перерастании» центризму, во всяком случае, несдобровать.

4. Что такое центризм?

Вопрос о социальной базе группировок ВКП совершенно законно волнует сейчас умы всех товарищей, которые размышляют и учатся, т. е. прежде всего большевиков-ленинцев. К этому вопросу нужно, однако, подходить не механически и схематически, с предвзятым намерением точно отвести каждой фракции определенный формальный участок. Нужно помнить, что мы имеем перед собою переходные формы, переломные, незавершенные процессы.

Основным социальным резервуаром идей международного оппортунизма, т. е. классового соглашательства, является мелкая буржуазия как широкий бесформенный класс, вернее, наложение многочисленных подклассов, оставшихся от докапиталистического производства и вновь порождаемых этим последним и связывающих рядом социальных ступеней пролетариат с капиталистической буржуазией. В период подъема буржуазного общества этот класс был носителем идей буржуазной демократии. Сейчас эта эпоха осталась позади не только для передовых капиталистических стран Запада, но и для Китая, Индии и пр. Полный упадок мелкой буржуазии, утрата ею самостоятельного экономического значения отняли у нее навсегда возможность выделять самостоятельное политическое представительство, которое могло бы руководить революционным движением трудящихся масс. В такую эпоху мелкая буржуазия мечется между самыми крайними полюсами современной идеологии: фашизмом и коммунизмом. Именно ее колебания придают политике империалистской эпохи характер малярной кривой.

Соглашательство в рабочем движении имеет более устойчивый характер именно потому, что непосредственным носителем своим оно имеет не «самостоятельные» партии мелкой буржуазии, а рабочую бюрократию, которая через рабочую аристократию уходит корнями в рабочий класс. Мелкобуржу-

азные по своему происхождению и источникам своего питания, идеи соглашательства исторически переключились через посредство рабочей бюрократии от старого носителя к новому, перекарасившись в социалистические тона, и получили новую живучесть на новой классовой основе при разложении и гниении старых демократических партий.

Сама рабочая бюрократия по условиям своего существования ближе стоит к буржуазии, чиновничеству, либеральным профессиям и пр., чем к пролетариату. Но она представляет все же специфический продукт массового рабочего движения, из его рядов рекрутируется. В сыром виде соглашательские тенденции и настроения вырабатываются всей мелкой буржуазией; но их переключение — их трансформация, их приспособление к особенностям и потребностям, прежде всего к слабостям рабочего класса, есть специфическая миссия рабочей бюрократии. Оппортунизм есть ее идеология, которую она, пользуясь могущественным напором буржуазных идей и учреждений, эксплуатируя слабость и незрелость рабочих масс, прививает и навязывает пролетариату. К каким формам оппортунизма — к открытому соглашательству, центризму или комбинации обоих — прибегает рабочая бюрократия, это зависит от политических традиций страны, от состояния классовых отношений в данный момент, от наступательной силы коммунизма и пр.

Как и между партиями буржуазии, борьба, в зависимости от обстоятельств, может принимать самый непримиримый и даже кровавый характер, оставаясь в обоих лагерях борьбой за интересы собственности. Так борьба между открытым соглашательством и центризмом может в известные моменты принимать крайне резкий, даже ожесточенный характер, оставаясь все же борьбой в рамках мелкобуржуазных тенденций, по-разному приспособляемых рабочей бюрократией для сохранения своего руководящего положения в рабочем классе.

До 4 августа 1914 года германская социал-демократия имела по существу центристский характер. Правые были в оппозиции к руководству, как и левое радикальное, не вполне, впрочем, оформленное крыло. Испытание войною привело к тому, что центризм сразу оказался непригоден для руководства партией. Рулем без сопротивления овладели правые. Центризм ожил лишь позже, как оппозиция. Таково положение во Втором⁵²³ и в Амстердамском интернационалах и сейчас. Основ-

ной силой международной рабочей бюрократии является ее устойчиво соглашательское крыло; центризм же является только вспомогательной пружиной в ее механике. Исключения в отдельных партиях, как австрийской, имеют по существу мнимый характер и только подтверждают правило. Нужно прибавить, что со времени войны правые вместе с центристами стали гораздо ближе к буржуазному государству, чем самые правые пытались стать до войны (особенно в Германии). Отсюда очистилось место для более радикального, менее скомпрометированного, более «левого» центризма, чем так называемая левая социал-демократия. Политика послевоенного левого центризма и выступает в очень значительных размерах под знаменем коммунизма (в Германии, Чехословакии, Англии и пр.). Большие исторические испытания неизбежно обнаружат это и могут обнаружить катастрофически.

Как же обстоит дело в условиях рабочего государства, которое немислимо, разумеется, без рабочей бюрократии, притом более многочисленной, более разветвленной, неизмеримо более могущественной, чем рабочая бюрократия капиталистических стран? Как обстоит дело с линией руководства ВКП, которое за последние годы сдвинулось с класса на аппарат, т. е. на бюрократию?

Легче и проще всего проверить политику ЦК ВКП на международной арене, ибо там особенности положения правящей партии в стране пролетарской диктатуры отпадают, новизна обстановки не маскирует классовых тенденций и о политической линии можно судить на основании прочно установленных марксистских критериев. В Китае политика ЦК была не центристской, а меньшевистской, скорее право-меньшевистской, т. е. ближе к меньшевизму 1917 г., чем 1905 г. (прямое подчинение руководству буржуазии плюс прямое торможение революционного наступления масс). В Англии политика ЦК в решающий период борьбы имела право-центристский характер (поддержка оппортунистов и предателей плюс половинчатая критика их у себя дома). В Германии, Чехословакии, Франции и пр. политика имела скорее левоцентристский характер, воспроизводя в новых условиях политику довоенной социал-демократии. В Польше в период переворота Пилсудского линия руководства проходила где-то между английским и китайским образцами, т. е. между правым центризмом и прямым меньшевизмом. В общем можно сказать, что центризм руководства

ВКП тем решительнее сдвигался на меньшевистские рельсы, чем революционнее была обстановка, чем большей политической дальновзоркости и смелости она требовала. Левизной же центризму удавалось щеголять только в условиях политической обыденщины. Этим дается высшая и безапелляционная международная проверка всей линии послеленинского руководства.

Сейчас, однако, накопилось более чем достаточно внутреннего опыта, чтоб на основе его распознать и разоблачить центризм, даже не прибегая к международному критерию.

Чудовищно разросшаяся у нас рабочая бюрократия выработала за последние годы совершенно новый теоретический подход ко всем основным вопросам и прежде всего к собственной своей самооценке. Смысл этого подхода состоит в том, что, так как у нас диктатура пролетариата, то пролетарский характер всех социальных процессов тем самым застрахован уже заранее и навсегда. Раз у нас рабочее государство, учил беспремерный Молотов, то как же его еще приближать к рабочим? Раз у нас диктатура пролетариата, то у нас и кулак пролетарский, имманентно растающий в социализм. Раз у нас социалистическая революция, то каким образом нам может угрожать опасность термидора, т. е. буржуазной реставрации? Раз у нас советская власть, то непрерывный рост социализма обеспечен, независимо от того, улучшается или ухудшается положение рабочих в данный период. Наконец, раз у нас ленинская партия, то каким образом может ошибиться «ленинский» ЦК, и не осуждена ли заранее всякая критика его на роль правого или левого «уклона», в зависимости от того, критикуется ли секретариат справа или слева? Материалистическая диалектика в оценке движущих сил пролетарской диктатуры подменена по всем статьям имманентным идеализмом, который стал специфической философией партийно-советской бюрократии в ее борьбе за устойчивость и несменяемость собственных позиций, за полноту власти, за независимость от контроля рабочих масс. Фетишизм самодовлеющего аппарата и его кадров, которые можно снять не решением партии, а «только гражданской войной» (Сталин) — таков стержень имманентной философии, освящающей практику узурпаторства и пролагающей пути подлинному бонапартизму.

Радикальное изменение основных социальных оценок свидетельствует о новой социальной роли рабочей и вообще со-

ветской бюрократии по отношению к пролетариату, как и к другим классам. Независимость от пролетариата идет параллельно с возрастающей зависимостью от буржуазии. Фетишизация рабочего государства, как оно есть, есть маскировка этой зависимости. Здесь все закономерно. С железной последовательностью вытекает отсюда органическое тяготение нашей бюрократии к мелкобуржуазным верхам и вождям, к «солидным» профбюрократам и пр[очему] во всем мире (Китай, Англия, Польша, курс Томского, Кагановича и др[угих] на Амстердам и т. д. и т. п.). Этого органически создающегося международного сродства рабочей бюрократии не отменяют и не устраняют самые ультралевые зигзаги центризма.

Разумеется, на Западе рабочая бюрократия развертывает свою деятельность на основах капиталистической собственности. У нас рабочая бюрократия выросла на основах диктатуры пролетариата. Но из этого коренного противоречия социальных основ, как свидетельствуют и теория и опыт, вовсе не вытекает имманентная, т. е. внутренне обеспеченная противоположность рабочей бюрократии у нас и в капиталистических странах. Новая социальная база, сама по себе взятая, тем более незрелая и не обладающая какой-либо абсолютной устойчивостью, ни в каком случае не боится нового характера надстройки, перерождение которой может, наоборот, стать важным фактором перерождения самой базы. В этих коренных вопросах бухаринская схоластика (да-да, нет-нет, что-сверх, то от лукавого), является только прикрытием процессов социального перерождения. И якобинцы считали себя имманентной противоположностью монархии и монархического цезаризма. Однако же Наполеон вербовал впоследствии своих лучших министров, префектов и сыщиков из среды старых якобинцев, к которым он, впрочем, и сам в молодости примыкал.

Социально-историческое происхождение нашей бюрократии, не боясь ее, как сказано, от перерождения, придает, однако, путям и формам этого процесса чрезвычайное своеобразие, обеспечивая на данной стадии явный и бесспорный перевес центристских элементов над правыми и придавая самому центризму совсем особый чрезвычайно сложный характер, отражающий разные этапы сползания, разные настроения и разные приемы мысли. Оттого речи и статьи руководящих центристов напоминают сплошь да рядом написанную сразу на

трех языках рукопись буквами русского, латинского и арабского алфавитов. Этим, надо думать, объясняется ужасающая, не только теоретическая, но и литературная безграмотность большинства центристских писаний. Достаточно почитать нынешнюю «Правду». Получив благодать от секретариата, апостолы центризма начинают сразу говорить на неведомых языках. Это, конечно, свидетельствует о силе благодати. Но понять их почти невозможно.

Могут возразить: если руководящее течение ВКП есть центризм, то как объяснить нынешний резкий поворот его против левой социал-демократии, которая ведь тоже есть не что иное, как центризм? Это довод несерьезный. Ведь и наши правые, которые, по признанию самих центристов, идут по пути восстановления капитализма, тоже объявляют себя непримиримыми врагами социал-демократии. Оппортунизм, если этого требуют обстоятельства, всегда готов поправлять свою репутацию крикливым радикализмом для чужих стран. Разумеется, этот экспортный радикализм носит в значительной мере словесный характер.

Но отнюдь не словесный только характер носит враждебность наших центристов и правых к европейской социал-демократии. Нельзя забывать всей международной обстановки и прежде всего величайшего объективного противоречия между капиталистическими странами и рабочим государством. Международная социал-демократия поддерживает существующий капиталистический режим. Наш внутренний оппортунизм, выросший на основах диктатуры пролетариата, только эволюционирует в сторону капиталистических отношений. Несмотря на элементы двоевластия в стране и тенденции термидорианства в ВКП, антагонизм между Советским Союзом и буржуазным миром остается капитальнейшим фактом, который отрицать или игнорировать могут только «левые» сектанты, анархисты и анархистствующие. Международная социал-демократия всей своей политикой обречена поддерживать замыслы своей буржуазии против СССР. Это одно создает основу реальной, а не только словесной враждебности, несмотря на сближение политических линий.

Центризм есть официальная линия аппарата. Носителем центризма является партийный чиновник. Чиновничество же не есть класс. Оно служит классам. Какую же классовую линию представляет центризм? Поднимающиеся собственники нахо-

дят свое, хоть и трусливое пока, выражение в правой фракции. Пролетарская линия представлена оппозицией. Что же остается на долю центризма? Методом вычитания получается... середняк. И действительно центризм вылутился у нас из большевизма, держась за идею середняка. Ленинский лозунг союза правящего пролетариата с середняцким крестьянством подменен был фетишем середняка, как высшим критерием пролетарской политики. Центристы и сейчас не могут оставить в покое И. Н. Смирнова, который осенью 1927 г. развил ту целиком правильную мысль, что союз пролетариата с середнячеством предполагает готовность партии пойти, в случае нужды, и на временную размолвку с середняком, чтобы отстаивать правильную пролетарскую политику и таким образом подготовить условия более прочного и более длительного союза с середняком в дальнейшем. Ибо такой союз возможен не на основе какой-то классовой равнодействующей, а только на основе пролетарской линии. Частные уступки середнячеству могут иметь лишь подсобный характер. Попытка поиска классовой равнодействующей приводит только к тому, что эта равнодействующая все больше отклоняется к кулачеству, к буржуазии вообще. Среднячество не может иметь ни самостоятельной линии, ни самостоятельной партии. «Самостоятельная» крестьянская партия есть всегда на самом деле кулацко-буржуазная партия. Наш центризм, теоретически скудный, с короткой памятью, этого совсем не понял. Оттого свою межеумочную сущность он обобщил в реакционно-карикатурной идее «двухсоставной рабоче-крестьянской партии» (Сталин). На деле двухсоставная партия означает Гоминьдан, т. е. политическое закабаление рабочих и крестьян буржуазией. Сталинская идея рабоче-крестьянской партии есть главная вдохновляющая идея правого крыла. В широких бюрократических кругах, в частности на Украине, было немало разговоров за последнее время о том, что у партии есть еще один резерв: от пролетарской диктатуры вернуться к формуле 1905 года, т. е. к демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Партия, включающая в свой состав правое крыло, стала, по существу, двухсоставной партией. Отступление же на позиции диктатуры пролетариата и крестьянства может означать только реставрацию капитализма и ничего более.

Поскольку середнячество было выдвинуто как верховный критерий против стратегической пролетарской линии, по-

стольку правые вполне основательно из самостоятельного принципа середняцкой политики сделали кулацкие выводы. Никаких других путей для середняка, поскольку он противопоставляет себя пролетариату, кроме кулацких, нет и быть не может. Центристы в течение нескольких лет прятали от этих выводов свою голову в статистический мусор, специально для них заготовлявшийся Яковлевыми и Ко⁵²⁴. Но кулак вылез из-под мусора в хлебозаготовках. Ныне центристы качаются между 107-й статьей и повышением хлебных цен. Наряду с этим они по-прежнему выдвигают голую идею середнячества как основной принцип, который противопоставляет их оппозиции. Этим они только показывают, что у них нет ни социальной опоры, ни самостоятельной классовой политики. Линия центризма есть линия зигзагов бюрократии между пролетариатом и буржуазией при неизбежно возрастающем недовольстве обоих классов. Межеумочная политика центризма медленно, но верно подготавливает его ликвидацию, которая возможна в двух направлениях, т. е. с выходом на пролетарский или на буржуазный путь.

5. Что такое правое крыло?

С правым крылом дело обстоит проще и яснее.

Термидорианское течение в стране в широком смысле есть собственническое течение в противовес пролетарскому социализму. Это самое его общее и вместе с тем основное определение. Движущей силой его является мелкая буржуазия, но какая? Ее наиболее эксплуататорская часть, та, которая прет вверх, которая переходит или стремится перейти в среднюю, которая союзника своего видит в крупной буржуазии, в мировом капитале. Центральной фигурой этой термидорианской армии является кулак как «прирожденный» носитель настроений и тенденций бонапартистской контрреволюции.

Внутри правящего аппарата и внутри правящей партии союзником и полусоюзником бонапартистски настроенного собственника является «дозревший» чиновник, желающий жить в мире со всеми классами. У него для этого есть социальные причины: он кровно или духовно породнился с новым собственником, да и сам «оброс»; он не хочет потрясений; он с бешеной ненавистью относится к перспективе «перманентной» революции; для него сверх головы достаточно той революции, которая, слава богу, осталась позади и позволяет ему пожинать

плоды. Национал-социализм — это его доктрина. Такой устоявшийся чиновник есть, как сказано, союзник бонапартистского кулака. Но между ними существует и различие, для данного этапа очень серьезное. Кулак весьма не прочь бы тряхнуть всей ненавидимой им системой, через посредство армии или путем вооруженных восстаний. Бюрократ, растущее благополучие которого связано с советской механикой, против открыто-бонапартистского, за «эволюционный», замаскировано термидорианский путь. Из истории мы знаем, что термидор был только ступенью к бонапартистскому перевороту. Но ведь этого тогда не понимали. Активные термидорианцы искренне назвали бы гнусной клеветой всякий намек на то, что они только прокладывают путь военно-буржуазному узурпаторству.

В этом переходном взаимоотношении двух частей термидорианства — причина слабости правого крыла партии. Чтобы принять бой, ему нужно было бы открыто мобилизовать все собственнические элементы и инстинкты страны. В борьбе с оппозицией это делалось сплошь, но там это прикрывалось блоком центристов с правыми и фирмой партии. Могучий собственнический хвост, поощряемый руководством, напирал за последние годы со всех сторон на партию, помогая терроризировать ее рабочее ядро и громить ее левый фланг. Политическая обстановка, однако, круто меняется с момента открытой, хотя бы и половинчатой, борьбы между центристами и правыми. От имени партии говорит ее центристский аппарат. Этого прикрытия в борьбе с центристами правые лишены. Продолжать анонимно опираться на собственников они уже не могут. Теперь нужно открыто и гласно пересесть на нового коня.

В нижних звеньях правой фракции различие между партийцем-аппаратчиком и кулаком не представляет почти никаких затруднений для объединенного действия. Но чем выше, чем ближе к промышленным районам, политическим центрам, тем больше у правых препятствий — и живых, в виде недовольства рабочих, и отмирающих, в виде традиций. Для того, чтоб пересесть открыто на собственнического коня против официальной партии, нынешние правые вожди еще не «созрели». Загнанные аппаратным натиском в тупик, правые аппаратчики подают прошения об отставке или, как Угланов, трогательно просят, чтоб их не «калечили».

«Незрелостью» термидорианского крыла партии, отсутствием политической связи между ним и его собственнически-

ми резервами и объясняется легкость нынешней победы центристов над правыми. Вместо военных действий получается аппаратный парад — и только.

Есть и другая причина этой «легкости». Но она коренится уже во взаимоотношениях между центристским аппаратом и пролетарским ядром партии. Против левого крыла партию натаскивали свыше пяти лет, терроризируя ее давлением буржуазных классов. В результате к исходу шестого года борьбы приходится снова призывать к усиленному наступлению на так называемые «осколки». В противоположность этому, против правых пролетарское ядро готово бороться не за страх, а за совесть. И хотя нынешняя кампания имеет насквозь бюрократический характер, при полном подавлении инициативы масс; хотя заранее выставлены «линейные» с красными флажками, указывающими, в каких границах должен развертываться центристский парад; хотя масса не подготовлена, дезориентирована и ошарашена, особенно в провинции — тем не менее пролетарское ядро партии в этой борьбе несомненно поддерживает центристский аппарат, если не активно, то пассивно, и уж во всяком случае не помогает правым.

Таковы основные причины легкости победы центристов над правыми — внутри партии. Но эти же причины объясняют всю ограниченность и поверхностность этой победы. Чтоб лучше это понять, посмотрим ближе, о чем идет спор.

6. В чем разногласия центристов с правыми?

Пролетарский революционер не может быть эмпириком, т. е. руководствоваться только тем, что у него сегодня под носом. Поэтому борьба с правыми имеет для нас значение не только и не столько под углом зрения непосредственных вопросов бюджета, ассигнований на коллективизацию в 1929 г. и пр., вокруг которых как будто она вращается (хотя и здесь дело ограничивается намеками и общими фразами), но прежде всего с точки зрения тех новых идей, которые она вносит в сознание партии.

Каков же идейный багаж центристской борьбы с правыми?

А. Опасность термидора

Прежде всего мы остановимся на вопросе о том, в чем же суть правой опасности. В качестве руководства в этом, как

и в других вопросах, возьмем основой — увы, крайне худосочный — документ всей кампании: речь Сталина на пленуме МК и МКК 19 октября. Перечислив разногласия с правыми — об этом речь ниже — Сталин заключает:

«Несомненно, что победа правого уклона в нашей партии развязала бы силу капитализма, подорвала бы революционные позиции пролетариата и подняла бы шансы на восстановление капитализма в нашей стране».

В этом случае, как и во всех других, когда он поворачивается против правых, Сталин пороха не выдумывает, а пользуется готовым оружием оппозиционного арсенала, обламывая только, по возможности, его марксистское острие. В самом деле, если принять сталинскую характеристику правых всерьез, то они окажутся внутрипартийным узлом термидорианской реакции. Опасность контрреволюции есть не что иное, как опасность «восстановления капитализма в нашей стране». Термидорианская опасность означает замаскированную форму контрреволюции, совершающуюся на первом своем этапе через посредство правого фланга правящей партии: в 18 веке — якобинцев, ныне — большевиков. Поскольку Сталин заявляет, перелагая сказанное оппозицией, что «победа правого уклона... подняла бы шансы на восстановление капитализма», постольку Сталин не говорит ничего иного, кроме того, что правое крыло является выражением термидорианской опасности внутри нашей партии.

Но послушаем, что он, на расстоянии нескольких строк, говорит о левом крыле, об оппозиции. Опасность с ее стороны состоит, видите ли, в том, что она «не видит возможности построения социализма силами нашей страны, впадает в отчаяние и вынуждена утешать себя болтовней о термидорианстве в нашей партии».

Этот пример центристской конфузии можно бы назвать классическим, если бы конфузия могла иметь своих классиков. В самом деле: если речи о термидорианстве в нашей партии являются болтовней, то чего же стоит сталинское заявление, что победа правого крыла ВКП пролагала бы дорогу восстановлению капитализма? В чем же, если не в этом, может состоять термидорианство в социалистической революции? И до какой же степени нужно запутаться, чтобы обвинять правое крыло партии в содействии реставрации капитализма и тут же называть «болтовней» речи о термидорианстве в партии. Вот где

подлинная болтовня, притом специфически центристская. Ибо коренная черта центризма состоит в механическом сочетании противоречий вместо их диалектического преодоления. Центризм всегда объединяет в своей нищенской суме «разумные», «приемлемые» элементы правого и левого крыла, т. е. оппортунизма и марксизма, нейтрализуя их друг другом и тем сводя свое собственное идейное содержание к нулю. Мы знаем от Маркса, что мещанское мышление, даже самое радикальное, всегда состоит из «с одной стороны» и «с другой стороны».

Вся вообще характеристика оппозиции в сталинской речи имеет характер совершенно скандальной беспомощности. В самом деле, опасность левого уклона состоит в том, что он «переоценивает силы наших врагов, силу капитализма, видит только возможность восстановления капитализма, но не видит возможности построения социализма силами нашей страны, впадает в отчаяние и вынужден утешать себя болтовней о термидорианстве в нашей партии».

Пойми, кто хочет. Оппозиция «впадает в отчаяние», потому, что видит только «возможность восстановления капитализма» (т. е. опасность термидора); но она «утешает себя (?) термидорианством в нашей партии», т. е. все той же опасностью восстановления капитализма. Пойми, кто хочет. Если от чего и можно было бы «впасть в отчаяние», так это от безыдейной центристской мазни. Но оппозиция надеется справиться и с этой коростой — задолго до построения полного социалистического общества в нашей стране.

Б. Примиренчество

Борьба против правых ведется анонимно, и в смысле лиц, и в смысле дел. Кроме Мандельштамов все голосуют единогласно против правых, да и Мандельштамы, вероятно, уже голосуют со всеми. Естественно, если партийцы-низовики спрашивают, где же эти правые. На это Сталин отвечает им:

«Неправы те товарищи, которые при обсуждении проблемы о правом уклоне заостряют вопрос о лицах, представляющих правый уклон... Это неправильная постановка вопроса... Дело тут не в лицах, а в тех условиях, той обстановке, которые порождают правую опасность в партии. Можно отвести лиц, но это еще не значит, что мы тем самым подорвали корни правой опасности в нашей партии.»

Это рассуждение есть законченная философия примиренчества и наиболее яркое и торжественное отречение от основной ленинской традиции в области идейной борьбы и воспитания партии. Отсылка от лиц, представляющих правый уклон, к условиям, порождающим его, есть типично примиренческий довод. В этом была основная и действительная ошибка старого «троцкизма», противопоставлявшая его ленинским методам. Конечно, существуют «объективные условия», порождающие кулаков и подкулачников, меньшевиков и оппортунистов. Но из этого вовсе не вытекает, что наличие в большевистской партии оппортунистов, меньшевиков, подкулачников и кулаков представляет второстепенный вопрос. «Дело тут не в лицах, а в условиях». Замечательное откровение. Старый троцкизм никогда так вульгарно и пошло не формулировал теорию примиренчества. Нынешняя сталинская философия есть карикатура на старый троцкизм, тем более злая, что бессознательная. Ленин неизменно учил партию ненавидеть и презирать декларативные методы борьбы с оппортунизмом «вообще», без ясного и точного поименования его наиболее ответственных представителей и их дел. Ибо декларативная борьба чаще всего служит тому, чтобы разрядить атмосферу, отвести накопившееся недовольство масс против сползания вправо и еще слегка припугнуть правых, чтоб не слишком зарывались и прятали хвост. Такая борьба против правых может в конечном счете оказаться ограждением и прикрытием правых, только более сложными и обходными путями. Центризму правые необходимы — не в Ишиме, Барнауле или Астрахани, а в Москве, как основной резерв, но такие правые, которые не вырываются из под команды, прирученные, терпеливые правые.

В. Социализм в отдельной стране

Теоретическим увенчанием правой политики является теория социализма в отдельной стране, т. е. национал-социализма. Эту теорию центристы сохраняют целиком, поддерживая ее гнилые устои новыми подпорками. Даже покорнейшие делегаты Шестого конгресса [Коминтерна] жаловались в кулуарах: «Ах, зачем нас заставляют пролотить в программе сей плод». Спорить снова по существу национал-социалистической философии здесь нет надобности. Подождем, как ответят ее творцы на критику программы. Отвечать им все же придется. Замолчать не удастся.

Ограничимся тем, что отметим новую подпорку, которую Сталин пытался воздвигнуть на московском пленуме 19 октября. Выступая поочередно против оппортунистов и марксистов — «с одной стороны» и «с другой стороны» — Сталин доказывает, что мы можем «добиться окончательной победы над капитализмом, если поведем усиленную работу по электрификации страны... Из этого вытекает (??) возможность победы социализма в нашей стране».

В речи имеется, конечно, ссылка на Ленина, фальшивая и на этот раз. Да, Ленин возлагал огромные надежды на электрификацию как на путь к техническому обобществлению хозяйства вообще, сельского в особенности. Без электрификации, говорил он, «ни о каком действительном социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи» (том XVIII, ч. 1, с. 260). Но Ленин не отделял вопроса об электрификации от вопроса международной революции и тем более не противопоставлял их. Это можно документально доказать и на сей раз, как во всех вообще случаях, когда злополучные творцы национал-социалистической теории пытаются опереться на Ленина. В своем предисловии к книге покойного Скворцова «Электрификация РСФСР» Ленин говорит: «Особо отметить надо начало шестой главы, где автор... превосходно опровергает ходячий «легонький» скептицизм насчет электрификации...»⁵²⁵

Что же говорится у Скворцова-Степанова в начале шестой главы, которую Ленин особо выделяет и так горячо рекомендует читателям? Скворцов борется там как раз против представления, будто мы собираемся вершить электрификацию и строить социалистическое общество в национальных границах. Вот что он говорит:

«В ходячих представлениях об осуществимости электрификации обычно упускается из виду еще одна сторона: пролетариат России никогда не думал создавать изолированное социалистическое государство. Самодовлеющее «социалистическое» государство — мелкобуржуазный идеал. (Слушайте, слушайте! — Л. Т.) Известное приближение к нему мыслимо при экономическом и политическом преобладании мелкой буржуазии; в обособлении от внешнего мира она ищет способа для закрепления своих экономических форм, которые новой техникой и новой экономикой превращены в самые неустойчивые формы.»

Яснее выразиться, по-видимому, нельзя. Правда, после смерти Ленина Скворцов-Степанов высказывался иначе и мелко-

буржуазностью стал называть не идею изолированного социалистического государства, а отрицание этой идеи. Но ведь и Сталин прошел тот же путь: до конца 1924 года он одну из основ ленинизма видел в признании невозможности построить социализм в отдельной стране, тем более отсталой; а после 1924 года он построение социализма в нашей стране провозгласил основой ленинизма.

«Успешное социалистическое строительство,— говорит Скворцов-Степанов в той же главе,— возможно лишь при использовании громадных ресурсов западно-европейской промышленности... Если бы в одной из первоклассных промышленных стран, в Англии или в Германии, пролетариат захватил политическую власть в свои руки, сочетание мощных промышленных ресурсов этой страны с громадными, непочатыми естественными сокровищами России дало бы возможность быстро двинуть вперед социалистическое строительство в обеих странах.»

Это та самая элементарная марксистская мысль, которая за последние три года на всех соборах объявлялась основной ересью троцкизма. Как же, в таком случае, Скворцов-Степанов оценивал социалистическое строительство в нашей стране до победы пролетариата в передовых странах? Вот что у него говорится на этот счет:

«Конечно, если хозяйственная территория, охватываемая пролетарской диктатурой, достаточно обширна и представляет большое разнообразие и богатство природных условий, ее обособленность не исключает возможности развития производительных сил, являющегося экономической предпосылкой пролетарского социализма. Но продвижение к нему будет до отчаяния медленным, и социализм будет долго оставаться до крайности худосочным социализмом, если только не произойдет срыв его политических предпосылок, в особенности вероятный в такой обстановке» (гл. 6, с. 176 — 179).

Таким образом, Скворцов считал, что без европейской революции строительство социализма будет неизбежно иметь «до отчаяния медленный» и «худосочный» характер, а потому считал «в особенности вероятным» в таких условиях срыв политических предпосылок социалистического строительства, т. е. попросту крушение диктатуры пролетариата, независимо от военной интервенции. Вот каким маловером выступал Скворцов-Степанов в шестой главе своей книги об электри-

фикации. Между тем именно по поводу этой будто бы скептической оценки нашего строительства Ленин писал:

«Особо отметить надо начало шестой главы, где автор дает прекрасное изложение значения новой экономической политики (т. е. нашего «социалистического строительства» — Л. Т.), а затем превосходно опровергает ходячий «легонький» скептицизм насчет электрификации...»

Не везет злосчастному детищу самобытной центристской мысли. Каждая попытка дополнительного аргумента неизменно обращается против него. Каждая новая подпорка только расшатывает постройку, воздвигнутую из гнилого материала.

Важной чертой правого крыла, как свидетельствуют статьи и резолюции, изготовляемые по одному штампу, является стремление к мирному житию и страх перед потрясениями. Это правильно указано, т. е. списано с документов оппозиции. Но ведь на этом именно основана утробная ненависть к идее перманентной революции. Речь идет, конечно, не о старых разногласиях, могущих интересовать сейчас лишь историков и специалистов, а о перспективах завтрашнего дня. Есть только два курса: либо курс на международную революцию, либо курс на примирение со внутренней буржуазией. На проработках «перманентной революции» окрепло правое крыло. Под прикрытием теории национального социализма оно идет к примирению со внутренней буржуазией, чтоб обеспечить себя от потрясений.

Поскольку кампания против правых ведется под знаком теории социализма в отдельной стране, постольку мы имеем дело с борьбой внутри ревизионизма. Этого нельзя забывать ни на минуту.

Г. Актуальные практические вопросы

Если перейти к актуальным вопросам политики, то баланс центристов сведется почти столь же благополучно.

а) Правые против «нынешнего» темпа индустриализации. Но что такое «нынешний» темп? Он есть арифметический результат хвостизма, нажима рынка и оппозиционного кнута. Он накапливает противоречия, а не разрешает их. Никакой продуманной идеи он в себе не заключает. Никаких гарантий насчет будущего не дает. Завтра может оказаться другой «нынешний» темп. Кликушество насчет «сверхиндустриализации» означает открытые ворота для отступления.

б) Правые «отрицают целесообразность ассигновок на колхозы и совхозы». А центристы? Каковы их планы, их размах? Коли взяты за дело по-революционному, надо начать с батрачества и бедноты. Нужны смелые и решительные меры (зарплата, организованность, культура), чтоб батрачество почувствовало себя частью правящего класса страны. Нужен союз бедноты. Только при наличии этих двух рычагов и при действительно ведущей роли промышленности можно серьезно говорить о колхозах и совхозах. в) Правые «за смягчение монополии внешней торговли». Это обвинение несколько более конкретно (еще вчера указание на наличие таких тенденций в партии называлось клеветой). Но и здесь опять-таки не указано, кто предлагает смягчение и в каких пределах: в тех ли, в каких пытались «смягчить» монополию Сокольников со Сталиным в 1922 г., или в более широких?⁵²⁶

г) Наконец, правые «отрицают целесообразность борьбы с бюрократизмом на базе самокритики». Об этом разногласии вообще серьезно говорить не приходится. Существует прямое постановление сталинской фракции о том, что в целях сохранения «твердого руководства» самокритика не смеет касаться ЦК, а должна ограничиваться исполнителями. В чуть-чуть замаскированной форме Сталин и Молотов разъясняли это постановление в речах и статьях. Ясно, что оно сводит партийную самокритику на нет. По существу, мы имеем тут монархически-бонапартистский принцип, бьющий по лицу все традиции партии. Естественно, если «исполнители» тоже не прочь себя застряхивать частицей верховной неприкосновенности. Здесь разногласие иерархическое, а не принципиальное.

Нынешнее расширение «самокритики» преследует, помимо всего прочего, временные фракционные цели. Мы имеем здесь повторение, только в более широком масштабе, той «самокритики», которую сталинская фракция организовала в Ленинграде после Четырнадцатого съезда, когда сталинцы «беспощадно» обвиняли зиновьевцев в бюрократическом зажиме. Какой режим установили в Ленинграде сталинцы после победы, разъяснять не требуется.⁵²⁷

Д. Вопрос о зарплате

Но центристская характеристика правого крыла более всего замечательна тем, о чем она умалчивает. Мы слышим о недооценке капитальных вложений, коллективизации и «само-

критики». Но ни единого слова о материальном, культурно-бытовом и политическом положении пролетариата в стране. В этой области, оказывается, между центристами и правыми разногласий нет. Между тем, правильная оценка фракционных разногласий может получиться лишь в том случае, если подойти к ним под углом зрения интересов и потребностей пролетариата как класса и каждого рабочего в отдельности. (См. вторую главу платформы большевиков-ленинцев «Положение рабочего класса и профсоюзы».)

Статьи и резолюции против правых широковещательно, но неопределенно говорят о капитальных вложениях в промышленность, но ни слова не говорят о заработной плате. Между тем, этот вопрос должен стать основным мерилем успехов социалистического развития, а следовательно, и критерием разногласий. Социалистический подъем не есть социалистический подъем, если он не улучшает непрерывно, явно и ощутимо материально-бытовое положение рабочего класса. Пролетариат есть основная производительная сила социалистического строительства. Из всех вложений «капитальнейшими» являются вложения в пролетариат. Рассматривать повышение зарплаты как премию за повышение интенсивности труда значит руководствоваться методами и критериями периода первоначального капиталистического накопления. Уже прогрессивные капиталисты в период расцвета капитализма и их идеологии (ныне школа Brentano)⁵²⁸ выдвигали требование улучшения материального положения рабочих как предпосылку повышения производительности труда. По крайней мере эту точку зрения прогрессивного капитализма рабочее государство должно обобщить и обобществить, поскольку бедность страны и национальная ограниченность нашей революции не позволяют и долго не позволят еще руководствоваться подлинно социалистическим критерием. Этот последний говорит, что суббота для человека, что производство имеет своей задачей удовлетворение потребностей. До такого подлинно социалистического взаимоотношения между производством и потреблением мы дойдем лишь в течение долгого ряда лет, при условии победы революции в передовых капиталистических странах и включения нашей страны в общую с ними хозяйственную систему. Но обобществив капиталистические средства производства, мы должны по крайней мере обобществить в отношении зарплаты тенденции прогрессивного,

а не первоначального и не упадочного капитализма. А для этого нужно обратить в прах и разметать по ветру те тенденции, которые проникают последнее постановление ВЦСПС и ВСНХ относительно зарплаты на 1929 год. Это есть постановление сталинского Политбюро. Оно гласит, что, за некоторыми исключениями, измеряемыми в сумме тридцатью пятью миллионами рублей, в 1929 году не должно быть механического (замечательное словечко) повышения зарплаты. Бесчисленные газетные статьи разъясняют, что задача на 1929 год состоит в борьбе за нынешний реальный уровень заработной платы. Одновременно трещотки трещат о бурном социалистическом росте. Притом товары направляются в деревню. Растет безработица. Ассигнования на охрану труда ничтожны. Алкоголизм прогрессирует. А в перспективе ближайший год борьбы за сохранение нынешней оплаты труда. Это значит, что экономический подъем страны совершается за счет уменьшения доли пролетариата в национальном продукте по сравнению с другими классами. Никакая статистика не опрокинет этого факта, который является в одинаковой степени результатом политики правых и центра.

Восстановительный период означал работу по старым, проторенным капитализмом путям. Основным кадрам пролетариата восстановительный период едва принес восстановление довоенной зарплаты. В восстановительной работе мы использовали готовый опыт опрокинутого нами русского капитализма. Только сейчас по существу открывается эпоха самостоятельного социалистического развития. Первые шаги на новом пути уже достаточно ясно доказали, что тут для успеха требуются совсем новые масштабы инициативы, замысла, предвиденья, творческой воли, притом не только со стороны руководящих верхов, но и со стороны основных пролетарских кадров и трудящихся масс вообще. Шахтинское дело вопиет не только о бюрократизме и бездарности руководства, но и о низком культурно-техническом уровне и недостаточной социалистической заинтересованности шахтинских рабочих. Подсчитал ли кто-нибудь, во что обошлось шахтинское «социалистическое строительство»? Этого не сделали ни правые, ни центристы, чтобы не обжечь себе пальцев. Между тем, можно смело сказать, что, если бы половина, даже треть преступно загубленных миллионов своевременно направлена была на поднятие материального и культурного уровня шах-

тинских рабочих, на повышение их социалистической заинтересованности в деле, производство стояло бы сейчас на значительно большей высоте. Но шахтинское дело совсем не исключение. Оно только наиболее вопиющее выражение тех порядков, которые отражают бюрократическую безответственность наверху, материально-культурную отсталость и пассивность — внизу. Если мы всерьез говорим о самостоятельном социалистическом строительстве, исходя из унаследованного нами жалкого экономического базиса, то нужно прежде всего и насквозь проникнуться той мыслью, что из всех хозяйственных вложений самыми бесспорными, целесообразными и рентабельными являются вложения в рабочий класс путем систематического, своевременного повышения реальной заработной платы.

Понимания этого нет и в помине. Короткомыслие мелкобуржуазного хозяйчика является основным критерием. Если под кнутом оппозиции центристские мастера с грехом пополам поняли через 10 лет после Октября, что без своевременных вкладов в тяжелую промышленность мы подготовляем обострение противоречий в дальнейшем и подрываем основы легкой промышленности, то эти горе-мастера, вместе со всеми своими подмастерьями, до сих пор не поняли, что без своевременных вложений в дело всесторонней общественно-политической, технической, бытовой квалификации рабочей силы они наверняка готовят крушение всей общественной системы.

Штампованный ответ: где взять средства — есть просто бюрократическая уловка. Достаточно сопоставить почти восьмимиллиардный госбюджет на 1929 г., тринадцатимиллиардную валовую продукцию госпромышленности, более чем полуторамиллиардные капитальные вложения и — жалкие 35 миллионов как годовой фонд повышения заработной платы. Что за кирпич и железо надо платить, как и за их перевозку, этого не оспаривают. Необходимость калькуляции издержек производства по крайней мере в принципе учтена. Но издержки расширенного воспроизводства и повышения квалификации социалистической рабочей силы остаются во всех расчетах тем последним резервом, на спине которого сводятся концы с концами всех противоречий нашего хозяйства, из рук вон плохо руководимого.

Не центристам положить этому конец.

7. Возможные последствия борьбы

Когда речь идет о последствиях нынешней кампании против правых, то можно и должно подходить к вопросу, во-первых, со стороны целей и планов, которые преследует руководящая центристская головка, и, во-вторых, — со стороны объективных результатов, которые могут или должны развернуться вопреки и наперекор всем планам центристского штаба.

Главным припевом всей кампании служит совершенно тупоумное утверждение, что правое крыло и левое — «в сущности» одно и то же. Это не просто галиматья, которую не только нельзя обосновать, но невозможно даже членораздельно формулировать; нет, это строго целевая галиматья, преследующая очень определенную задачу: на известном этапе кампании, когда правые будут достаточно напуганы, круто повернуть весь огонь против левого крыла. Правда, огонь этот и без того не прекращается ни на минуту. За кулисами анонимной борьбы против правых ведется совершенно разнузданная кампания против левых. Здесь мастера отнюдь не ссылаются на «объективные условия», а ведут бешеную травлю против лиц с давно созревшей решимостью не останавливаться ни перед чем. Так как осколки не только живут, но и поднимают голову, то основная задача, господствующая над всей политикой центристского штаба, состоит в том, чтобы борьбу против левого крыла перевести в новую, более «высокую» стадию, т. е. окончательно отказавшись от попыток убеждения как явно несостоятельных, заменить их более сильно действующими средствами. На смену 58-й статье должна прийти другая, более действительная. Нет надобности разъяснять, что именно на этом пути исторически обреченное центристское руководство сломит себе голову. Но у центристских банкротов, вооруженных аппаратом власти, нет другого пути. Для более решительных методов расправы центристскому руководству нужно разделаться с остатками «примиренчества» в самом аппарате и вокруг него. Речь идет не о примиренчестве по отношению к правому крылу — ибо такое примиренчество составляет душу сталинского централизма — а о примиренчестве по отношению к большевикам-ленинцам. Кампания против правых есть только разбег для нового, «монолитного» натиска на левых. Кто этого не понял, тот не понял ничего.

Но планы централизма входят только одним из факторов, хотя и очень еще значительным, в процесс развития внутрипар-

тийной борьбы. Необходимо поэтому посмотреть, каковы «непредусмотренные» центристскими стратегами последствия, которые вытекают из кризиса правящего блока.

Сейчас, разумеется, невозможно предсказать, на какой точке остановится нынешняя кампания центра против правых, какие непосредственные перегруппировки она вызовет и пр. Но общий характер результатов кризиса право-центристского блока совершенно ясен. Крутые зигзаги, к которым оказывается вынужден центризм, сами по себе не дают никакой гарантии относительно его завтрашнего дня. Но, с другой стороны, они никогда не проходят для него безнаказанно. Чаще всего они становятся исходным моментом дифференциации внутри централизма, отсложения от него известной части его сторонников, возникновения в самом центристском руководстве разных группировок, что, в свою очередь, облегчает работу большевистской агитации и вербовки. Центризм сейчас — главная сила в партии. Кто берет центризм как нечто раз навсегда законченное, игнорируя реальные процессы, в нем и за ним происходящие, тот либо навсегда останется радикальным оратором маленького кружка, либо сам скатится к центризму и даже правее его. Большевик-ленинец должен ясно понять, что, если даже право-центристский кризис непосредственно и не приведет в движение более широкие массы — а это до некоторой степени зависит и от нас, — кризис этот оставит после себя серьезные трещины, которые пойдут в толщу масс и вокруг которых завяжутся новые, более глубокие и массовые группировки. Незачем пояснять, что этот подход ко внутренним процессам в партии не имеет ничего общего с нетерпеливым стремлением как-нибудь и где-нибудь ухватиться за хвостик централизма, чтобы, упаси боже, не опоздать со своим оппозиционным багажником к отходу ближайшего экстренного поезда.

Укрепление централизма слева, т. е. со стороны пролетарского ядра партии, если б даже оно в результате борьбы против правых наблюдалось, вряд ли будет сколько-нибудь серьезным и длительным. В борьбе с ленинской оппозицией центристы вынуждены выпальывать правой рукой то, что засевают левой. Никаких реальных и ощутимых изменений в отношении материального отношения пролетариата или партийного режима победа центристов не внесет, по крайней мере, без крепкого нажима рабочих, руководимых большевиками-ленинцами. Встревоженная масса будет по-своему додумывать вопросы

правой опасности. Ленинцы помогут в этом массе. На левом боку у центризма — открытая рана, которая будет не заживать, а, наоборот, углубляться, трепля центризм лихорадкой и не давая ему покоя. Вопреки всем законам естествознания, «осколки» будут давать все более обширное потомство.

Одновременно центризм ослабевает и справа. Собственник и бюрократ рассматривали центристски-правый блок как одно целое, видели в нем не только «меньшее зло», но и зародыш дальнейшего развития, и в этом качестве поддерживали его. Теперь собственник и бюрократ научаются различать центристов и правых. Правыми они, конечно, недовольны за их дряблость и бесхарактерность. Но это свои, которые сдрейфили. Центристы для него теперь чужие, почти враги. Своей победой на два фронта центризм оголяется. Его социальная основа сужается в той же мере, в какой разбухает его аппаратное могущество. Равновесие центризма все более приближается к равновесию канатного плясуна: об устойчивости его не может быть и речи.

В среде правого крыла тоже пойдет серьезная перегруппировка. Не исключено, что известная часть правых элементов, принимавших «троцкизм» всерьез и на борьбе с ним воспитанных, начнет, под действием нынешнего толчка, серьезно пересматривать свой багаж и круто повернет влево, вплоть до оппозиции. Но, разумеется, по такому пути может пойти лишь очень небольшое идейное меньшинство. Основное движение правого крыла пойдет в противоположном направлении. Низы будут недовольны капитулянтством верхов. Собственник будет нажимать. Устряловцы будут нашептывать на ухо готовые формулы. Многочисленные канцелярские элементы правых, конечно, смирятся, т. е. прикинутся центристами, будут равняться по начальству и голосовать в партийный день против правого уклона. Число карьеристов и шкурников в аппарате возрастет. Но более почвенные и кряжистые элементы правого крыла станут быстро дозревать, додумывать до конца свои задачи, формулировать ясные лозунги, искать более серьезных связей с внепартийными силами термидора. Что касается группы «вождей», то тут предвиденье наиболее затруднительно. Во всяком случае, для предстоящей правым работы Ворошиловы и Улановы куда важнее Бухариных и Рыковых. Под этими именами мы имеем в виду не столько определенных лиц, сколько политические типы. В результате пе-

регруппировки «разгромленное» правое крыло станет сознательнее и сильнее.

Верно, что правые хотят покоя. Но не нужно, однако, думать, что правое крыло насквозь и безусловно «пацифично». В борьбе за порядок ожесточенный мелкий буржуа способен произвести великий беспорядок. Пример: итальянский фашизм⁵²⁹. В борьбе против кризисов, потрясений и опасностей правое крыло может на одном из дальнейших этапов помочь новым собственникам и всем вообще недовольным тряхнуть советской властью так, чтоб вытряхнуть из нее диктатуру пролетариата. Надо помнить, что долго сдерживаемые и подавляемые собственнические инстинкты мелкого буржуа заключают в себе огромную взрывчатую силу. Никогда и нигде консервативно-собственнические инстинкты и потребности не подавлялись еще так долго и так жестоко, как при советском режиме. Термидориански-фашистских элементов в стране очень много. Они очень окрепли. Их политическое самочувствие росло в процессе разгрома оппозиции. Борьбу с нею они считают совершенно правильно своей борьбой. Политика зигзагов их укрепляет, тормозит и дразнит. В противоположность центризму, у правого крыла есть большие, растущие и политически еще почти непочатые резервы.

Общий результат, следовательно, таков: усиление и оформление флангов, при ослаблении центра, несмотря на прогрессирующее сосредоточение в его руках всей власти. Это означает возрастающую дифференциацию партии, т. е. жестокую расплату за фальшивую монолитность. Что с этим связаны не только большие накладные расходы, но и прямые опасности в условиях диктатуры пролетариата, на этот счет сомнений быть не может. Но таково проклятие центризма. Последовательная марксистская политика сплывала большевистскую партию, придавая ей революционную однородность. Центризм же явился тем идейно бесформенным стержнем, вокруг которого наматывались до поры до времени и правые и левые элементы. За последние пять лет партия безмерно разбухла, теряя в определенности то, что выигрывала в численности. Расплата за центристскую политику идет полным ходом: сперва — с левого фланга, теперь — с правого. Центристское руководство всегда означает, в последнем счете, дробление партии. Попытка выскочить сейчас из процессов дифференциации партии и оформления фракций при помощи примиренческих

слезниц и закулисного сватовства была бы просто глупостью. Без генерального межевания по принципиальным линиям мы имели бы только молекулярное крошение партии, за которым последовало бы катастрофическое крушение узурпаторского аппарата и с ним вместе — завоеваний Октября.

Несмотря на весь свой размах, обе кампании центристов против флангов — против большевиков-ленинцев и против правых термидорианцев — имеют предварительный, подготовительный, превентивный характер. Настоящие бои еще целиком впереди. Решать будут классы. Вопрос об октябрьской власти, которую играют сейчас на канате центристские плясуны, будет решаться миллионами и десятками миллионов. Раньше или позже, по частям или оптом, с открытым применением силы или в рамках восстановленной партийной и советской конституции — это зависит от темпа внутренних процессов и изменений международной обстановки. Ясно одно: для большевиков-ленинцев нет другого пути, кроме мобилизации живых и жизнеспособных элементов своей партии, сплочения ее пролетарского ядра, мобилизации рабочего класса в целом, в неразрывной связи с борьбой за ленинскую линию Коминтерна. Нынешняя центристская кампания против правых означает для пролетарских революционеров необходимость и обязанность удешевить свои усилия на самостоятельной политической линии, выкованной всей историей большевизма и проверенной в величайших событиях последних лет.

[Конец октября 1928 г.]

Л. ТРОЦКИЙ. О ФИЛОСОФСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ БЮРОКРАТИЗМА

Мы имеем сейчас у себя благодарные условия для рассмотрения вопроса о философских тенденциях бюрократизма. Разумеется, бюрократия никогда не была самостоятельным классом. В последнем счете, она всегда служила основным классам общества, но лишь в последнем счете и притом на свой лад, т. е. не давая по возможности себя в обиду. Если разные части и прослойки класса ведут нередко ожесточенную борьбу из-за своей доли в доходе и во власти, то тем более это касается бюрократии, которая представляет собою наиболее организованную и централизованную часть гражданского об-

щества и в то же время возвышается над этим последним, даже и над тем классом, которому она служит.

И рабочая бюрократия не составляет изъятия из этого общего определения руководящей, управляющей и в то же самое время привилегированной общественной группировки. Приемы и навыки администрирования, составляющего общественную функцию бюрократии и источник ее преимущества, неизбежно налагают очень властный отпечаток на все ее мышление. Недаром же такие слова, как бюрократизм, формализм, характеризуют не только систему управления, но и определенный тип человеческого мышления. Черты этого типа далеко выходят за пределы канцелярии. Их можно проследить и в философии. Было бы в высшей степени благодарной задачей проследить эту бюрократическую струю в философии, начиная хотя бы с возникновения полицейской монархии, группировавшей вокруг себя интеллектуальные силы страны. Но это самостоятельная тема. Здесь нас интересует частный, но зато глубоко злободневный вопрос: о тенденциях бюрократического перерождения не только партии, профессиональных союзов и государства, но и теоретического мышления. Уже априорно можно сказать, что, поскольку бытие определяется знанием⁵³⁰, бюрократизм должен делать опустошительные завоевания и в области теории.

Наиболее подходящей для бюрократии системой является теория факторов. Возникает она, разумеется, на более широкой основе — общественного разделения труда и, в частности, отделения умственного труда от физического. Только на этих путях человек выходит из первобытного хаотического монизма. Но законченная система факторов, превращающая человеческое общество, а за ним и весь мир в продукт взаимодействия, так сказать, междуведомственных сношений, различных факторов или административных сил, из которых каждому поручена своя особая область ведения (или заведования) — такая система могла быть возведена в перл создания только при наличии возвышающейся над обществом бюрократической иерархии с ее министерствами и департаментами. Бюрократическая система, как свидетельствует опыт, всегда нуждается в персональном управлении. Первоначально бюрократия развивается под монархией, имея свою исторически унаследованную точку опоры — сверху. Но и в республиканских странах бюрократизм не раз порождает или воспроизводит цезаризм,

бонапартизм, личную диктатуру фашизма, как только соотношение основных классов открывало для бюрократии возможность высшей силы и увенчания.

Теория самодовлеющих факторов в обществе, как и в природе, в конце концов, так же нуждается в единоличном увенчании, как и олигархия властных министров. Но если практически неотразим вопрос о том, кто же будет направлять и согласовывать деятельность более или менее безответственных министров бюрократии, если на деле не будет сверхминистра и сверхбюрократа, то теоретически такой же вопрос возникает по отношению к теории факторов в обществе, как и в природе. Кто же поставил эти факторы на их место и снабдил их необходимой компетенцией? Словом, если бюрократизм нуждается в царе и в диктаторе, хотя бы и плохоньком, то теоретический плюрализм факторов нуждается в боге, хотя бы и в самом легковесном. Французские роялисты не без остроумия обвиняют бюрократическую систему третьей республики⁵³¹ в том, что у нее «дыра наверху». Условия сложились так, что буржуазная Франция, управляемая бюрократией под прикрытием парламентаризма, вынуждена жить уже более полувека с «дырой наверху». То же самое наблюдается и в философии, особенно общественно-исторической. Она далеко не всегда находит у себя мужество заткнуть «верхнюю дыру» сверхфактором божества, предоставляя миру управляться методами просвещенной олигархии.

В сущности, теория факторов не обходится без божества, она только раздробляет его всемогущество между несколькими более или менее равноправными владыками: экономикой, политикой, правом, моралью, наукой, религией, эстетикой и пр. Каждый из этих факторов имеет своих субагентов, число которых увеличивается или уменьшается в зависимости от удобств административного управления, то бишь теоретического познания. Сила власти во всяком случае исходит сверху вниз, от факторов к фактам. В этом идеалистичность всей системы. Факторы, которые являются по сути дела ничем иным, как суммарным названием для группы однородных фактов, наделяются особой, имманентной, т. е. внутренне присущей им силой для управления подведомственными им фактами. Совершенно так же, как бюрократ, даже и республиканский, обладает необходимой благодатью, хотя бы и секуляризованной, для управления делами своего ведомства. Доведенная до

конца теория факторов есть особая и очень распространенная разновидность имманентного идеализма.

Дробление природы на факторы было той необходимой ступенью, по которой человеческое сознание поднималось из первобытного хаоса. Но вопрос о взаимодействии факторов, об их компетенции и об их происхождении только и ставит по-настоящему основные теоретические проблемы. Тут приходится либо подниматься вверх к акту творения и творцу, либо спускаться вниз к земной коре, продуктом которой является человек, к природе, к материи. Материализм не просто отбрасывает факторы, как диалектика не отбрасывает логику. Материализм пользуется факторами как системой классификации явлений, которые, как бы ни была утонченна духовная их природа, исторически всегда исходят от производственных основ общества, а естественно-исторически — от материальных основ природы.

Надо вернуться к средневековью, чтобы найти аналогичные примеры, т. е. зарождение целых идейных течений на основании ложно понятых или ошибочно переписанных нескольких строк текста. Так раскольники⁵³² давали себя сжигать за описки в евангелии.

В истории русской общественной мысли можно указать пример, когда группа передовой интеллигенции, ошибочно поняв слова Гегеля «все действительное разумно» в смысле «все существующее разумно», встала на архиконсервативную точку зрения. Но все эти примеры бледнеют — одни за давностью времени, другие за немногочисленностью затронутых лиц — по сравнению с тем фактом, когда организация, ведущая за собою миллионы, поворачивается аппаратным краном под новым углом, обоснованием которого являются две ребячески ложно понятые цитаты.

Если б, однако, дело определялось только описками и малограмотным чтением текста, следовало бы прийти в полное отчаяние насчет судьбы человечества. На самом же деле причины во всех перечисленных случаях глубже.

У раскольников были достаточно глубокие материальные основания для разрыва с официальной церковью и полицейским государством. У радикальной интеллигенции сороковых годов было слишком мало сил для борьбы с царизмом, и прежде, чем она решилась вооружиться бомбой — это сделало только следующее поколение — она попыталась примирить с суще-

ствующим свою пробудившуюся политическую совесть, хотя бы при помощи непереваренного гегельянства.

Наконец, потребность в том, чтобы так или иначе разрезать пуговину, соединяющую Советскую республику с международной революцией, возникла из объективных условий развития, из международных поражений и из напора национально-собственнических тенденций внутри. Бюрократические теоретики подобрали цитаты так же, как попы всех церквей подбирают тексты применительно к обстоятельству. Если бюрократам пришлось по части текстов сфальшивить хуже всяких попов, то вина тут опять таки на обстоятельствах.

Из навороченной таким путем кучи цитат наиболее натасканные из начетчиков выбирают затем каждый раз то, что нужно сегодня высокому заказчику для очередной критической статьи или антитроцкистского доклада. Высокий заказчик работает топором, чтоб подогнать габарит чужих мыслей к масштабам собственного черепа. Изуродованные цитаты он соединяет нечленораздельными афоризмами о несовместимости троцкизма и ленинизма. И новый труд готов для перевода на все языки мира. Как льва узнают по когтям, так «мастера» — по орудиям литературного взлома⁵³³.

Теперь спросим себя, что же означает фраза: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции»⁵³⁴? Если марксизм понимать в указанном выше единственно правильном смысле, то фраза эта представляет собою совершенную бессмыслицу, поскольку бессмыслица может быть совершенной. Хотят ли нам сказать, что в эпоху империализма методология материалистической диалектики изменилась или получила новое теоретическое выражение? Не в трудах ли Бухарина? Что касается Ленина, то в своей основной философской работе он был бесконечно далек от мысли о создании новой диалектики для эпохи империализма.

У Сталина, правда, есть таинственная фраза о том, что «метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием... материалистической диалектики». Заманчивая темнота этого вещания, как часто бывает у оракулов, прикрывает не глубину мысли, а ее отсутствие. Что значит «конкретизация» диалектического метода? Было бы очень интересно услышать что-нибудь на эту тему. Что Ленин с большой глубиной отстаивал диалектику и, главное, с высоким мастерством применял ее, это не нуждается

в подтверждении Сталина. Но утверждать, что Ленин сообщил самому методу материалистической диалектики «дальнейшее развитие», может лишь тот, кто не понимает, что такое метод, что такое материализм и что такое диалектика. Эта триада непонимания входит несомненно в инвентарь [сталинизма]:

«О значении теории. Иные думают, что ленинизм есть призмат практики перед теорией в том смысле, что главное в нем — претворение марксистских положений в дело, «исполнение» этих положений, что же касается теории, то на этот счет ленинизм довольно, будто бы, беззаботен» (И. Сталин. Вопросы ленинизма. 1928, с. 89).

Одна эта фраза есть сталинский микрокосм: она одинаково отображает его теоретическую глубину, его политическую остроту и его лояльность к противнику. «Иные думают». Речь идет обо мне, в тот период Сталин еще не решался назвать меня по имени — редактора, журналисты, рецензенты, все это не было еще достаточно подобрано, за Сталиным не было еще обеспечено последнее, во многих случаях единственное, слово. Ему нужно подкинуть мне бессмыслицу, будто ленинизму свойственна беззаботность в отношении теории. Как он это делает? «Иные думают», что ленинизм есть только «претворение марксистских положений в дело», только «исполнение» их. Это сталинский перевод моих слов: «Ленинизм есть марксизм в действии». Значит, ленинизм беззаботен к марксизму. Но каким образом можно действительно претворять теорию, будучи беззаботным к теории? Отношение самого Сталина к теории не может быть названо беззаботностью только потому, что это — дяlichesкое безразличие. Но поэтому никому и не придет в голову сказать, что Сталин претворяет теорию в дело. Сталин претворяет в дело внушения партийной бюрократии, преломляющей подспудные классовые толчки. Ленинизм же есть марксизм в действии, т. е. теория во плоти и крови. Говорить поэтому о беззаботности к теории может лишь тот, кто захлебывается в собственном злопыхательстве. Это у Сталина обычная вещь. Внешняя бюрократическая бесцветность его речей и статей так же мало прикрывает его задыхающуюся ненависть ко всему, что превосходит его уровень, как сталинская мысль, как скорпион, нередко ранит себя самое ядовитым хвостом в голову.

Возьмем одну из основных проблем марксизма, которой Ленин считал необходимым посвятить особую работу — проблему государства. По разным поводам Сталин повторяет, что «государство есть машина в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников» (Вопросы ленинизма, 1928, с. 108). Тем не менее, в двух исторических случаях несравненной важности Сталин показал, что содержание этой формулы для него тайна за семью печатями. В обоих случаях дело шло о революциях.

[Деятели] февральской революции стояли на точке зрения завершения демократической революции, а вовсе не подготовки социалистической. Те, которые вообще пытались после Октября критически оценить свое отношение к февральской революции, открыто признавались в том, что направлялись в одну дверь, а попали в другую.

Дело шло совсем не о том, что революция должна первым делом разрешить демократические задачи и что только на основе их разрешения она может перерасти в социалистическую. Никто из участников мартовского совещания 1917 г.⁵³⁵ и в мыслях не имел этого до приезда Ленина. Сталин тогда не только не ссылался на ленинскую статью 1915 года, но совершенно в духе Жордания⁵³⁶ уговаривал не отпугивать буржуазию. Убеждение в том, что история не смеет перепрыгивать через ступень, которую ей предписывает филистерская указка, уже крепко сидело в его голове. Ступеней же этих было три: сперва доведенная до конца демократическая революция; затем период развития капиталистических производительных сил; наконец, период социалистической революции. Вторая ступень представлялась очень длительной и измерялась если не столетиями, как у Засулич⁵³⁷, то многими десятилетиями. Допускалось, что победоносная пролетарская революция в Европе может сократить вторую ступень, однако этот факт привлекался в лучшем случае, как теоретически возможный. Вот эта шаблонная и почти сплошь господствующая теория Сталина делала позицию перманентной революции, соединяющую демократическую и социалистическую революцию в пределах одной ступени, совершенно неприемлемой, антимарксистской, чудовищной.

Между тем, в этом общем смысле идея перманентной революции была одной из капиталнейших идей Маркса—Энгельса. Манифест коммунистической партии был написан в 1847

году⁵³⁸, т. е. за несколько месяцев до революции 1848 года, которая вошла в историю как незавершенная, половинчатая буржуазная революция. Германия была тогда очень отсталой страной, кругом опутанной феодально-крепостническими цепями. Тем не менее Маркс и Энгельс вовсе не строят перспективы трех этапов, а рассматривают предстоящую революцию как переходную, т. е. такую, которая, начавшись с осуществления буржуазно-демократической программы, внутренней механикой превратится или перерастет в социалистическую. Вот что говорит на этот счет Манифест коммунистической партии:⁵³⁹

Мысль эта отнюдь не была случайной. В «Новой рейнской газете», уже в самый разгар революции Маркс и Энгельс выдвигают программу перманентной революции. Революция 1848 года не переросла в социалистическую. Но она не завершилась и как демократическая. Для понимания исторической динамики этот второй факт не менее важен, чем первый. 1848 год показал, что если условия еще не созрели для диктатуры пролетариата, то, с другой стороны, нет места и действительно завершению демократической революции. Первая и третья ступень оказались неразрывно связанными. В основном Манифест коммунистической партии был безусловно прав.

Игнорировал ли Маркс крестьянский вопрос и всю вообще задачу ликвидации феодального хлама? Нелепо даже ставить этот вопрос. Маркс не имел ничего общего с идеалистической метафизикой Лассаля, считавшего, что крестьянство вообще олицетворяет реакционные принципы. Конечно, Маркс не считал крестьянство социалистическим классом. Он оценивал историческую роль крестьянства диалектически. Об этом слишком ярко говорит не только марксова теория в целом, но и, в частности, политика «Новой рейнской газеты» в 1848 году.

После победы контрреволюции Марксу пришлось в несколько приемов отодвигать срок наступления новой революции. Но признал ли Маркс свою ошибку, понял ли он, что нельзя перепрыгивать через ступени, и усвоил ли он, наконец, что этих ступеней будет равным счетом три? Нет, Маркс оказался неисправимым. Рисую во время победоносной контрреволюции перспективу нового революционного подъема, Маркс снова связывает демократическую, прежде всего аграрную революцию, с диктатурой пролетариата узлом перманентности. Вот что пишет Маркс в 1852 (?) г.⁵⁴⁰

Эти слова цитировались неоднократно, но, как показывают споры и писания последних лет, основной смысл этих слов остался совершенно непонятым. Подпереть диктатуру пролетариата крестьянской войной, это ведь значит, что аграрная революция совершается не до диктатуры пролетариата, а через эту диктатуру. Несмотря на урок 1848 года, Маркс вовсе не усвоил себе педантской философии трех ступеней, которая представляет увековечение плохо перевариваемого опыта Англии и Франции. Маркс считал, что ближайшая революция приведет пролетариат к власти прежде, чем демократическая революция будет доведена до конца. Победу крестьянской войны Маркс ставил в зависимость от прихода к власти пролетариата. Прочность диктатуры пролетариата он ставил в зависимость от ее возникновения и развития параллельно и одновременно с развитием крестьянской войны.

Правильна ли была эта марксова установка? Для ответа на этот вопрос мы сейчас имеем гораздо более богатый опыт, чем имел Маркс. Он опирался на опыт классических буржуазных революций, прежде всего французской, и делал свой прогноз перманентной революции, исходя из изменившегося взаимоотношения между буржуазией и пролетариатом. В своей «Крестьянской войне в Германии»⁵⁴¹ Энгельс показал, что крестьянской войной шестнадцатого столетия всегда руководила какая-либо из городских фракций, т. е. то или другое крыло буржуазии. Исходя из того, что буржуазия в целом уже неспособна к революционной роли, Маркс и Энгельс пришли к выводу, что руководство крестьянской войной должен будет перенять пролетариат, что отсюда он почерпнет новые силы и что диктатура пролетариата сможет в первой, наиболее трудной своей стадии опереться на крестьянскую войну, т. е. на демократическую аграрную революцию.

1848 год дал мне полное и лишь отрицательное подтверждение этому взгляду: аграрная революция не привела к победе, не получила полного развития и пролетариат не пришел к власти. После того мы имеем опыт русских революций 1905 и 1917 гг. и опыт китайской революции. Здесь концепция Маркса получила новое решающее и несокрушимое подтверждение: в русской революции — положительное, в китайской — отрицательное.

Диктатура пролетариата оказалась возможной в отсталой России именно потому, что ее подперла крестьянская война.

Другими словами, диктатура пролетариата оказалась возможной и устойчивой потому, что ни одна из фракций буржуазного общества не оказалась способной взять на себя руководство разрешением аграрного вопроса. Или еще короче и отчетливее: пролетарская диктатура оказалась возможной именно потому, что демократическая диктатура оказалась невозможной.

Наоборот, в Китае, где проделан был опыт разрешения аграрного вопроса при помощи особой демократической диктатуры, подпертой авторитетом Коминтерна, ВКП и СССР, весь этот опыт привел только к разгрому революции. Таким образом, основная историческая схема Маркса подтвердилась полностью и целиком. Революции новой исторической эпохи либо соединяют первую ступень с третьей, либо откатываются от первой ступени назад. Кто даст себе труд прочитать или хотя бы перелистать две книги второго тома моих сочинений, тот пожмет только плечами по поводу утверждения, что Троцкий игнорировал аграрный вопрос или просто не замечал крестьянства. «Клеветайте, клеветайте, всегда что-нибудь останется». Это единственная французская поговорка, которую знают нынешние «мастера». В области аграрного вопроса я целиком и полностью опирался на работу Ленина. Мне приходилось читать за границей не десятки, а сотни рефератов в разных странах, где я излагал ленинский анализ аграрного вопроса и в период «отрезков»⁵⁴², и в период национализации⁵⁴³. Вопрос о сотрудничестве пролетариата с крестьянством никогда не составлял предмета спора. Оттенок разногласия касался не сотрудничества пролетариата с крестьянством, а политического выражения этого сотрудничества. Поскольку Радек и сейчас, в 1928 г., пытается отвлечься от политической механики сотрудничества пролетариата с крестьянством, он тем самым фактически снимает старые мои разногласия с Лениным, или, вернее, то, что до проверки событиями казалось разногласиями.⁵⁴⁴

Исходя из неизбежности революционного сотрудничества пролетариата с крестьянством, как из чего-то абсолютно бесспорного, я центр тяжести всегда переносил на политическую механику этого сотрудничества. Ограничусь здесь двумя — тремя цитатами из доброй сотни, которая имеется у меня под рукой. В статье об Октябрьской стачке я писал:

«Политическая роль современного города так же мало измеряется голой цифрой его обитателей, как и его экономическая

роль. Отступление реакции пред стачкой города при молчании деревни — лучшее доказательство диктатуры города. Октябрьские дни показали, что в революции гегемония принадлежит городам, в городах — пролетариату. Но вместе с тем, они обнаружили политическую отрезанность сознательно революционного города от стихии возбужденной деревни. Октябрьские дни⁵⁴⁵ на практике поставили в колоссальном масштабе вопрос: на чьей стороне армия? Они показали, что от решения этого вопроса зависит судьба русской свободы» (Наша революция, с. 161).

Отсюда следовал тактический вывод: «Организовать деревню и связать ее с собою; тесно связаться с армией; вооружиться — вот простые и большие выводы, продиктованные пролетариату октябрьской борьбой и октябрьской победой» (там же, с. 162).

«По Ленину революция черпает свои силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России, [— писал Сталин.—] У Троцкого же получается, что необходимые силы можно черпать лишь «на арене мировой революции пролетариата» (Вопросы ленинизма, 1928, с. 176).

Противопоставление бессмысленно. Завоевать власть может только поддерживаемый крестьянством пролетариат данной страны. Но речь идет о дополнительных силах для отпора буржуазии других стран. И здесь Ленин говорит: у нашей революции нет никакого резерва, кроме социалистического пролетариата; без социалистического переворота на Западе — реставрация неизбежна. Таким образом, даже и в 1905 г. невозможно найти и тени разногласия в этом вопросе у меня с Лениным. Сталин не знает Ленина и не понимает его. А ИККИ превращает сталинское непонимание в резолюции, со всеми ложными ссылками и искаженными цитатами, никогда не давая себе труда их проверить.⁵⁴⁶

Почему же ИККИ для осуждения троцкизма в 1927 году понадобилась цитата (сама по себе безупречная) из книги Троцкого, вышедшей в 1906 г., когда большинство членов ИККИ еще в 1918 г. и позже были добрыми социал-демократами? Не похоже ли это на отсутствие политического достоинства и уважения к самим себе, когда Клара Цеткин, Шмераль, Катаяма⁵⁴⁷, Кашен, Тельман и прочие вменяют Троцкому в вину цитату из его книги 1905 г., которой никто из них, в довершение всего, никогда не читал.⁵⁴⁸

Но ведь история не остановилась на 1905 г. Для Коминтерна важнее было бы выяснить, как смотрел Ленин на международное положение одинокой революционной страны в 1917 году и в дальнейшие годы после завоевания власти и в чем «троцкизм» отличался здесь — если отличался — от ленинизма.

В марте 1917 г. Сталин рассматривал взаимоотношение между империалистской буржуазией и революционным пролетариатом как разделение ролей. Борьбу пролетариата за власть он заменял «контролем» Советов над правительством капитала. По существу он представлял себе демократическую власть как «аппарат управления», в который можно врать, которым можно постепенно овладеть.

Чистый эмпирик Сталин каждый вопрос начинает с начала, т. е. с того пункта, на котором этот вопрос сегодня предстал перед ним. Преемственности для него не существует. Вчерашний день он наглухо сдает в архив. Если он обращается к прошлому, то лишь как к свалке старого железа, в надежде найти готовую подходящую фразу, обрывок фразы, чтоб не рисковать созданием новой формулы, а прикрыться старой, независимо от того, для каких целей она создавалась. Свою кустарно оборудованную теорию он каждый раз переделывает заново. Точно так же он поступает и с историей партии. Истории в более широком смысле он почти никогда не касается. По каждому новому поводу он говорит о теориях, фактах и людях прямо противоположное тому, что говорил накануне. Его ум, его воображение, его память ограничены, как тот мешок, в котором странствующий кустарь переносит свои инструменты. Сталин есть законченный тип Ивана Непомнящего.

Но как же все-таки человек загнал себя в тупик такого вопиющего противоречия по основному вопросу марксизма на протяжении нескольких месяцев? Субъективные причины: эмпиризм, короткомыслие, органическое презрение к обобщению. Объективные причины: напор бюрократии и новых собственников против идей международной революции. Еще в апреле Сталин повторял по инерции старую формулу. Но Ленина уже не было. Кампания против «троцкизма», тщательно подготовлявшаяся во время болезни Ленина, была уже в полном ходу. Троцкизм — это перманентные революционные потрясения. Надо было перерезать пуповину международной революции. Ленин уже в мавзолее. Ленинизм объявляется троцкизмом.

Что значит далее фраза «Ленинизм есть примат практики перед теорией»? Фраза грамматически неверна. Надо бы сказать: «Примат практики над теорией или по отношению к теории». Но дело не в грамматике, которая вообще ведет очень скудную жизнь на страницах «Вопросов ленинизма». Нас интересует философское содержание фразы. Автор оспаривает мысль, будто ленинизм исходит из примата практики над теорией. Но ведь в этом же сущность материализма. Если уж применять антикварно-философское слово «примат», то придется сказать, что практика имеет такой же неоспоримый «примат» над теорией, как бытие над сознанием, как материя над духом — как целое над частью. Ибо теория вырастает из практики, порождаясь ее потребностями и являясь ее более или менее несовершенным обобщением.

Не правы ли в таком случае эмпирики, которые руководствуются «непосредственно» практикой как высшей инстанцией? Не являются ли они наиболее последовательными материалистами? Нет, они являются карикатурой на материализм. Руководствоваться теорией значит руководствоваться обобщением всей предшествующей практики человечества для того, чтобы с наибольшим успехом справиться с той или другой практической задачей сегодняшнего дня. Таким образом, через теорию обнаруживается именно «примат» практики в целом над отдельными ее частями.

Исходя из «примата» экономики над политикой Бакунин⁵⁴⁹ отвергал политическую борьбу. Он не понимал, что политика есть обобщенная экономика и что, следовательно, нельзя решать наиболее важные, т. е. наиболее общие, экономические задачи, минуя их обобщение через политику.

Теперь мы имеем оценку философского тезиса «о значении теории в целом». Опрокидывая на голову подлинное взаимоотношение между практикой и теорией, отождествляя проведение теории в жизнь с игнорированием теории, подсовывая противнику с худшим намерением явно нелепую мысль, рассчитанную на худшие инстинкты малоосведомленного читателя — этот насквозь противоречивый, сам себя пожирающий тезис находится еще, в довершение всего, в явном разладе с грамматикой. Вот в каком смысле мы назвали его микрокосмом.

Какое же определение ленинизма противопоставляется ему? Вот то определение, которое объединяет Сталина с Зиновьевым и Бухариным и вошло во все учебники: «Ленинизм

есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности» (Вопросы ленинизма, с. 74).

Бессодержательность и в то же время противоречивость этого определения обнаружится сама собой, если только спросить себя, что такое марксизм? Назовем здесь еще раз основные его элементы.

Во-первых, диалектический метод. Маркс не был его создателем и никогда, разумеется, на это не претендовал. Энгельс видел заслугу Маркса в том, что он в период философского эпигонства и узкого эмпиризма в области положительных наук возродил диалектический метод и отстоял его права. Маркс мог этого достигнуть, только освободив диалектику от идеалистического пленения. Загадка того, каким образом можно было столь «механически» отделить диалектику от идеализма, разрешается, в свою очередь, диалектикой познавательного процесса. Как, познав какую-нибудь силу природы или ее закономерность, первобытная религия или магия сейчас же включает эту силу или закономерность в область своего мнимого могущества, так и познающая мысль, отвлекая диалектику от материального процесса, приписала ее себе самой, наделив себя при этом гегелевской философией, абсолютным могуществом. Шаман подметил верование, что дождь падает из тучи. Но он ошибался, когда надеялся вызвать дождь, подражая в том или другом отношении тучам. Гегель ошибался, превращая диалектику в имманентное свойство абсолютной идеи. Но Гегель был прав, что диалектика господствует во всех процессах мироздания, включая и человеческое общество.

Опираясь на всю предшествовавшую материалистическую философию и на бессознательный материализм естественных наук, Маркс вывел диалектику из бесплодных пустынь идеализма и повернул ее лицом к материи, ее матери.

В этом смысле восстановленная Марксом в правах и им материализованная диалектика составляет основу марксистского миропонимания и основной метод марксистского исследования.

Во-вторых, второй по важности составной частью марксизма является исторический материализм, т. е. применение материалистической диалектики к вопросам строения человеческого общества и его исторического развития. Было бы

неправильным растворять исторический материализм в диалектическом, применением коего он является. Для применения диалектического материализма человеческой истории понадобился величайший творческий акт, познающий мысль, и акт этот открыл новую эпоху в самой истории человечества, классовую динамику которой он в себе отразил.

Можно с полным правом сказать, что дарвинизм⁵⁵⁰ является гениальным, хотя философски и не продуманным до конца, применением материалистической диалектики к вопросу о развитии всего разнообразия органического мира. Исторический материализм стоит в том же ряду, что и дарвинизм, представляя применение материалистической диалектики к отдельной, хотя и гигантской части мироздания. Непосредственное практическое значение исторического материализма сейчас неизмеримо выше, поскольку он впервые дает возможность передовому классу сознательно подойти к судьбам человечества. Только полная практическая победа исторического материализма, т. е. установление технически и научно могущественного социалистического общества, откроет полную возможность для практического применения законов Дарвина к самому человеческому роду в целях смягчения и преодоления заложенных в человеке биологических противоречий.

Третьей составной частью марксизма является установление системы законов капиталистического хозяйства. «Капитал» Маркса⁵⁵¹ является применением исторического материализма к области человеческого хозяйства на определенном уровне его развития, как исторический материализм в целом является применением материалистической диалектики к области человеческой истории.

Русские субъективисты, т. е. эмпирики идеализма и его эпигоны, признавали вполне компетентность и правомочность марксизма в области капиталистического хозяйства, но отрицали его правильность для других сфер общественной жизни. Такое расчленение основано на грубом фетишизме самостоятельных и однородных исторических факторов (экономика, политика, право, наука, искусство, религия), создающих ткань истории путем своего сочетания друг с другом подобно тому, как химические тела создаются сочетанием самостоятельных и однородных элементов. Но, не говоря уж о том, что материалистическая диалектика восторжествовала и в химии над эм-

пирическим консерватизмом Менделеева⁵⁵², доказав взаимопревращаемость химических элементов — исторические факторы не имеют ничего общего с элементами в смысле однородности и устойчивости. Капиталистическая экономика сегодняшнего дня опирается на технику, которая ассимилировала в себе продукты предшествующей научной мысли. Капиталистический товароборот мыслим только в определенных правовых нормах, которые в Европе установились путем усвоения римского права⁵⁵³ и его дальнейшей пригонки к потребностям буржуазного хозяйства. Историко-теоретическая экономика Маркса показывает, как развитие производительных сил на определенной, точно характеризованной ступени разрушает одни экономические формы другими, ломая при этом право, нравы и верования, и как применение новых, более высоких производительных сил создает для себя — всегда через людей — новые общественно-правовые, политические и всякие иные нормы, в рамках которых оно обеспечивает себе необходимое ему динамическое равновесие. Таким образом, чистая экономика есть фикция. На всем протяжении марксова исследования с полной ясностью указаны приводные ремни, зубчатые сцепления и другие передаточные механизмы, ведущие от человеческих отношений вниз к производительным силам и к самой природе, к земной коре, продуктом которой человек является, и вверх, в сторону так называемых надстроечных аппаратов и идеологических форм, которые питались экономикой «хлеб все едят», предпочитали его с маслом — и в то же время ассимилируются ею, создают для нее оформление, регулируют ее функции, ускоряют или замедляют ее рост.

Таким образом, только бездарный эклектизм может отделять марксистскую экономику от исторического материализма. Но было бы в то же время совершенно неправильным попросту растворять экономическую систему Маркса в его социологической или, говоря старым языком, историко-философской теории. В отношении исторического материализма Маркс и Энгельс установили основные элементы метода социального исследования и дали ряд высоко научных, хотя эпизодических по объему и чисто памфлетических по форме образцов своего нового метода в применении к отдельным, главным образом революционным, кризисным периодам истории (крестьянская война в Германии, 1848—[18]51 во Фран-

ции⁵⁵⁴, Парижская коммуна и пр.). Все эти произведения являются гениальными иллюстрациями доктрины, а не ее законченным применением. Только в области хозяйственных отношений Маркс дал, хотя технически и не законченное, но теоретически наиболее завершенное применение своего социологического метода — в одном из самых совершенных, вернее, самом совершенном продукте познающей мысли, в «Капитале».

Вот почему марксову экономику нельзя не выделять в качестве третьего элемента марксизма.

Сейчас нередко можно читать о марксистской психологии, марксистском естествознании и пр. Все это выражает гораздо больше пожелания, чем осуществления, подобно, например, речам насчет пролетарской культуры и пролетарской литературы. Чаще всего такие формулировки прикрывают ни на чем еще серьезно не основанные претензии. Было бы ни с чем не сообразным включать дарвинизм или менделеевскую периодическую систему элементов в область марксизма, несмотря на их внутреннюю связь. Можно не сомневаться, что сознательное применение материалистической диалектики в области естествознания при научном понимании воздействия классового общества на задачи, объекты и методы естественнонаучного исследования чрезвычайно обогатит естествознание, во многом перестроит его, откроет новые связи, отведет ему новое место в нашем миропонимании. Когда появятся такого рода новые труды, составляющие эпоху в науке, можно будет, может быть, говорить о марксистской биологии или психологии. Хотя, вернее всего, эта новая система будет носить и новое имя. Система марксизма вовсе не претендует на абсолютное значение, она сама отдает себе отчет в своем исторически переходящем значении. Одно лишь сознательное применение материалистической диалектики ко всем научным областям подготавливает и подготовит элементы преодоления марксизма, которое будет диалектически, в то же время, его высшим торжеством. Из зерна поднимется стебель, а на нем разовьется колос ценою смерти семенного зерна.

Марксизм сам по себе есть исторический продукт, таким его и надо брать. И этот исторический марксизм включает в себя три основных элемента: материалистическую диалектику, исторический материализм и теоретико-критическую систему капиталистического хозяйства. Эти три элемента мы

имеем в виду, когда говорим о марксизме, по крайней мере, когда законно говорим о нем.

Остается третий элемент марксизма, именно, его экономическая система. Это единственная область, в которую историческое развитие после Маркса и Энгельса внесло не только новый фактический материал, но и некоторые качественно новые формы его. Мы имеем в виду новую ступень концентрации и централизации производства, обращение кредита, новые взаимоотношения между банками и промышленностью и новую роль финансового капитала и его монополистских организаций. [Нельзя] говорить по этому поводу, однако, об особом марксизме эпохи империализма. Единственное, что можно тут сказать, и притом с полным правом, это что «Капитал» Маркса нуждался в дополнительной главе или целом дополнительном томе, вводящем в общую систему новообразования империалистской эпохи. Не надо забывать, что значительную часть этой работы выполнил, например, Гильфердинг в своем «Финансовом капитале», написанном, к слову сказать, не без влияния того плодотворного толчка, который революция 1905 года дала марксистской мысли Запада. Никому, однако, не придет в голову включать «Финансовый капитал» в систему ленинизма, даже если удалить из работы Гильфердинга столь явственные в ней элементы псевдомарксизма, которые из географической вежливости называются австромарксизмом⁵⁵⁵. Самому Ленину никогда, разумеется, не приходило в голову, что его превосходная брошюра об империализме⁵⁵⁶ представляет собою теоретическое выражение ленинизма как особого марксизма империалистской эпохи. Можно себе представить те сочные эпитеты, которыми Ленин наградил бы авторов такого рода определения.

Если мы не находим, таким образом, ни новой материалистической диалектики, ни нового исторического материализма, ни новой теории ценности «эпохи империализма и пролетарской революции», то какое же содержание надлежит вкладывать в сталинское определение ленинизма, которое канонизировано как официальное определение? Сама по себе канонизация этого смысла не раскрывает, ибо канонизация теоретических определений чаще всего необходима тогда, когда, по слову Фомы Аквинского⁵⁵⁷, приходится верить, ибо это абсурд.

Может быть, изменилась система исторического материализма. Где это изменение нашло свое выражение? Не в буха-

ринской ли эклектике, преподносимой под видом исторического материализма? Но, ревизуя Маркса, на деле Бухарин даже не отваживается признаться открыто в покушении на создание новой историко-философской теории, адекватной эпохе империализма. В конце концов бухаринская схоластика адекватна только ее творцу. Лукач⁵⁵⁸ сделал более смелую принципиальную попытку преодолеть исторический материализм. Он сделал попытку объявить, что, начиная с октябрьского переворота, означающего энгельсовский скачок из царства необходимости в царство свободы, исторический материализм отжил свой век, перестав быть адекватным эпохе пролетарских революций. Но над этим по меньшей мере преждевременным открытием мы дружно смеялись вместе с Лениным. Это открытие было сделано достаточно рано, да еще при жизни Ленина, что дало ему возможность весело посмеяться, и нам вместе с ним.

Но если Сталин, Зиновьев и Бухарин не усвоили себе теории Лукача, от которой, вероятно, успел давно отказаться ее автор, то что же, собственно, они имеют в виду?

По существу дела, выделение под именем ленинизма особого марксизма империалистской эпохи понадобилось для ревизии марксизма, против которой Ленин действительно боролся всю свою жизнь. Поскольку центральной идеей новейшей ревизии является реакционная идея национал-социализма (теория построения социализма в отдельной стране), постольку необходимо было доказать или, по крайней мере, провозгласить, будто ленинизм, в противовес марксизму доимпериалистической эпохи, занял новую позицию в этом центральном вопросе марксистской теории и политики. Мы уже слышали, что Ленин будто бы открыл закон неравномерного развития, о котором во времена Маркса и Энгельса не могло быть и речи. Но это и есть тот самый абсурд, веры в который от нас требуют Фомы Аквинские наших дней. Остается только совершенно необъяснимый [факт, что Ленин] ни разу и нигде не отмежевался в этом центральном вопросе от Маркса и Энгельса и не противопоставил свой «марксизм империалистской эпохи» «марксизму просто». Между тем, Ленин знал Маркса несколько более солидно, чем его эпигоны. Ленин не выносил органически никакой недоговоренности и неясности в вопросах теории. Ему была свойственна та высшая честность теоретической совести, которая в отдельных своих проявлениях недостаточно вдумчивому че-

ловеку может показаться педантизмом. Свои текущие идейные счета с Марксом Ленин вел с той тщательностью, которая в одинаковой мере характеризовала и могущество его собственной мысли, и благодарную признательность ученика. И вот оказывается, что в центральном вопросе о международном характере социалистической революции Ленин совсем будто бы не заметил своего разрыва с доимпериалистическим марксизмом или, что еще хуже, заметил и держал про себя в секрете, очевидно, в надежде на то, что Сталин достаточно своевременно разъяснит эту тайну благодарному человечеству. Сталин так и сделал, создав в нескольких невразумительных строках марксизм эпохи империализма, который и стал ширмами той бесшабашной ревизии Маркса и Ленина, свидетелями которой мы являемся в течение последних шести лет.

Но, как мы видели уже из приведенной выше цитаты, у нашего теоретика есть и другое определение ленинизма, которое он считает «точнее», именно: «Ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности». Однако это уточненное определение еще более компрометирует и без того безнадёжное определение.

Если ленинизм есть «теория пролетарской революции вообще», то чем же является марксизм? Маркс и Энгельс впервые возвестили о себе полным голосом миру в «Манифесте коммунистической партии» в 1847 г.⁵⁵⁹ Что же иное представляет собою этот бессмертный документ, как не манифест «пролетарской революции вообще»? Можно с полным основанием сказать, что вся дальнейшая теоретическая деятельность великих друзей была комментарием к Манифесту. Катедер-марксисты⁵⁶⁰ пытались, под знаком «объективизма», отделить теоретический вклад Маркса в науку от его революционных выводов. Эпигоны Второго Интернационала пытались превратить Маркса в дюжинного эволюциониста. Ленин всю жизнь боролся с теми и другими за подлинный марксизм, т. е. «теорию пролетарской революции вообще; теорию диктатуры пролетариата в особенности». Что же в таком случае означает противопоставление марксизму теории ленинизма?

Без противопоставления немислимо выделение самостоятельной теории ленинизма: противопоставление есть основа всякой классификации. Мы уже сказали, что единственным серьезным оправданием такого противопоставления, — оправ-

данием, которое является по существу наиболее убийственным его осуждением — является национал-социалистическая ревизия марксовой «теории пролетарской революции вообще, теории диктатуры пролетариата в особенности». Смелее всех высказывался об устарелости марксизма Сталин, по крайней мере в первые «медовые» месяцы новой теории, когда оппозиция еще не проткнула своей критической иглою этот надутый коровий пузырь.

Различие исторических призваний и индивидуального склада как нельзя лучше выражается в двух стилях. Известно, какую гигантскую печать наложил поистине олимпийский стиль Маркса на всю марксистскую литературу до наших дней. Выправляя дряблый стиль Бернштейна⁵⁶¹, Энгельс внушал ему, что если не все мы можем писать стилем Маркса, то все мы должны стремиться приблизиться к нему. Превосходный стиль Энгельса, ясный, четкий, мужественный, жизнерадостный, находился под несомненным влиянием марксова стиля, будучи, однако, скупее и экономнее его. Незачем говорить, какое влияние стиль Маркса непосредственно через Энгельса оказал на Плеханова, который эти стилистические заимствования прививал к национальному стволу, к литературной традиции Белинского⁵⁶², Добролюбова⁵⁶³ и Чернышевского⁵⁶⁴ с ее расплывчатой повествовательностью. Из более молодых марксистов под определенным влиянием Маркса сложился стиль Парвуса и Розы Люксембург. Стиль Каутского есть скорее отсутствие стиля. И в силу обратной теоремы Юффона⁵⁶⁵ это знаменует собой отсутствие личности. «Финансовый капитал» Гильфердинга тщится изо всех сил приблизиться по стилю к «Капиталу» Маркса. Но это не стиль, а имитация, хотя и очень умелая.

Замечательное дело, Ленин совершенно не испытал на своем стиле олимпийской руки Маркса. Помимо метода и системы, Ленин взял у Маркса терминологию и навсегда ее ввел в свой инвентарь. С первых и до последних дней Ленин отстаивал каждую частицу марксовой терминологии не из педантизма, а из глубокого понимания того, что за пестротой терминологии легче всего укрывается эклектика и всякая путаница вообще. Но, за вычетом терминологии, литературное развитие Ленина прошло к марксову стилю по касательной. Ленин любил и ценил насыщенный язык Маркса, но так же примерно, как он мог ценить язык Шекспира⁵⁶⁶ или Гете, как прекрас-

ный, но чужой язык. Язык Ленина простой, деловой и целеустремленный. Ленина озабочивает одно — довести до читателя, притом до конкретного читателя, определенную сумму мыслей и их обоснования. Форма должна обеспечить наибольшую конкретность и наивысший нажим на мысль читателя. Самостоятельных задач формы для Ленина не существует. Даже и вопрос о последовательном развитии мысли — наиболее трудный из вопросов литературного построения — сравнительно мало озабочивает Ленина. Он очень легко нарушает единство изложения. Если ему чужды плехановские отступления, то Ленин не боится повторений, если считает их нужными для закрепления своих выводов.

Маркс выводил вслед⁵⁶⁷ новую научную систему, новое мирозерцание. Здесь каждая страница книги должна была говорить сама за себя. Маркс стремится достигнуть не только наиболее совершенной конструкции целого, но и наилучшей взаимосвязи отдельных, даже мелких частей, наиболее совершенного построения фразы, наиболее точного определения, наиболее яркого эпитета. Маркс делает большие экскурсы в область художественных произведений, в историческую и мемуарную литературу, отовсюду извлекая что-нибудь, чтоб укрепить или украсить возводимое им здание, фундамент и стены которого выведены уже давно.

В корне отличны приемы ленинского письма. Когда мысль у него сложилась, форма у него всегда вырастает в кратчайший срок. Под формой надо понимать не только отделку фраз — этого у Ленина почти нет совсем — но и структуру целого, и подбор аргументов. Если Маркс выводил в свет новую систему людей⁵⁶⁸ для завоевания себе места под солнцем, то Ленин выводил в свет революционный пролетариат для завоевания власти.

В разнице их стилей сказалось поэтому различие их личностей, как и их исторических призваний.

Теоретические и даже большинство публицистических произведений Маркса живут сами по себе. Не только публицистические, но и все теоретические работы Ленина являются непосредственным комментарием в его революционной практике. Произведения Маркса требуют подготовки, но не комментария. Произведения Ленина, даже для политически подготовленного человека, требуют исторических комментариев. Биография Маркса в лучшем случае объясняет, каким путем он

пришел к своим выводам, но ничего не прибавляет к его теории: ни к методу, ни к системе. Произведения Ленина потеряли бы девять десятых всего значения вне связи с его исторической работой. Не будет преувеличением сказать, что научно-публицистическая работа Ленина только документирует его биографию, а биография Ленина есть история партии, Октябрьской революции и первых лет Коммунистического Интернационала. В этом каждый из них выражал свою эпоху и свою историческую миссию, которая далеко выходит за пределы биографии обоих.

Можно, конечно, попытаться отделить психологическую фигуру от ее эпохи. Можно сравнивать интеллектуальные особенности и качества Аристотеля⁵⁶⁹ и Дарвина. Такой подход также имеет свое оправдание, но совсем в другой плоскости. Можно, исходя из этой индивидуально-психологической оценки, поставить такой вопрос: способен ли был Маркс в другой период, в наше время, взять на себя непосредственное руководство пролетарской революцией, и с другой стороны: смог ли бы Ленин создать теорию марксизма, если мысленно перенести его в соответственный период? Ответ на эти вопросы может быть дан лишь в виде очень неустойчивой индивидуально-психологической гипотезы, имеющей малую ценность с конкретной исторической точки зрения.

Маркс не имел возможности развернуться полностью в качестве революционного вождя в непосредственном смысле этого слова. Не случайно вся его энергия ушла на то, чтоб завоевать для пролетариата необходимую арену к царству мыслей. Обеспечив за собой прежде всего философскую основу, Маркс совершил величайший переворот в исторической науке и в политической экономии. Можно сказать, что Маркс совершил Октябрьскую революцию в царстве мысли.

Ленин застал материалистическую диалектику как метод, всесторонне испытанный и проверенный творцом самого метода: Марксом. С первых же почти своих политических шагов Ленин выступил во всеоружии Марксова метода. Мысль его целиком направлялась на разрешение революционных проблем его эпохи. Причем круг этих проблем неизменно расширялся, захватив в последние годы его жизни всю нашу планету. Центральным делом ленинской жизни была Октябрьская революция — не в царстве мыслей, а в бывшем царстве русских царей.

Бакунин считал, или по крайней мере говорил, что как практический революционер Маркс был слабее Лассаля. Это, конечно, вздор. Молодые руководители немецкого рабочего класса Бебель⁵⁷⁰, Виктор Адлер⁵⁷¹, Бернштейн, Каутский, Лафарг⁵⁷² и многие другие получали от Маркса и Энгельса «практические» советы, сохранившие всю свою силу до сего дня. На этих советах политически формировался Ленин. С каким трудолюбием выискивал он у Маркса и Энгельса каждую отдельную фразу, которая могла бросить свет на новый практический вопрос. И с какой проникновенностью он вскрывал подспудный ход мыслей, приведший учителя к его замечанию, брошенному иногда вскользь.

С другой стороны, Ленин, занимаясь теорией с гениальным трудолюбием — не кто иной, как Гете, сказал, что гений есть трудолюбие — и это в известном смысле верно, — Ленин никогда не занимался теорией как таковой. Это относится даже к общественным наукам, не говоря уж о том, что в его наследстве нет бесчисленных тетрадей, посвященных химии, филологии или высшей математике. В области теории как таковой Ленин только показал, что он мог бы дать. Но дал он только небольшую частицу того, что способен был дать.

Шахматная «гениальность» имеет очень узкий диапазон и идет об руку с ограниченностью в других областях. Гениальный математик, как и гениальный музыкант, уже не может быть человеком ограниченных измерений в других областях. Не в меньшей степени, разумеется, это относится к «гениальным» поэтам. Подлинная гениальность в одной области предполагает под собою фундамент известного равновесия духовных сил. Иначе это будет одаренность, талантливость, но не гениальность. Но духовные силы отличаются пластичностью, гибкостью и ловкостью. Одна сила может трансформироваться в другую, как и все вообще силы природы. Надо ли напоминать, что у Гете было достаточно сил, чтобы стать великим естествоиспытателем.

Но в то же время и силы гения небеспредельны. А его душевное хозяйство гораздо больше тяготеет к концентрации сил, чем всякое другое. Вот почему так трудно давать категорические ответы на произвольно-психологический вопрос о том, чем был бы Маркс в условиях Ленина и что дал бы Ленин в условиях Маркса. Каждый из них воплощает предельную мощь человека. В этом отношении они «равноценны»,

как и в том еще, что оба служили одному и тому же делу. Но это разные человеческие типы. Концентрация их духовных сил шла по разным осям. Человечество от этого осталось только в выигрыше. Ибо двух Марксов не могло быть, как и двух Лениных. Но зато мы имеем одного Маркса и одного Ленина.

Сопоставляя однажды Ленина с Марксом, я сказал, что если Маркс вошел в историю как автор «Капитала», то Ленин — как «автор» Октябрьской революции. Эта бесспорнейшая из всех мыслей не только была оспорена, но и заподозрена в намерении умалить (!) роль Ленина в октябрьском перевороте. «Как,— восклицали критики в порыве штатного возмущения,— Ленин только автор? Значит, выполнял революцию кто-то другой?» Сразу нельзя было понять, в чем соль негодования. Но затем пришло озарение: слишком многие из нынешних вершителей судеб выступают в качестве «авторов» статей и речей, которые на деле написаны другими.⁵⁷³

Что такое диктатура пролетариата? Это известным образом организованное соотношение классов, которые, однако, не остаются неподвижными, а изменяются материально и духовно, изменяя тем самым свое соотношение, т. е. ослабляют или укрепляют диктатуру пролетариата. Это для марксиста. А для бюрократа диктатура есть некоторый самодовлеющий фактор или метафизическая категория, стоящая над реальными классовыми отношениями и в самой себе заключающая все необходимые гарантии. В довершение каждый отдельный бюрократ склонен рассматривать диктатуру как ангела-хранителя, стоящего за его креслом.

На метафизическом понимании диктатуры построены все рассуждения о том, что так как у нас диктатура пролетариата, то крестьянство не может дифференцироваться, кулак не может возрастать, а поскольку возрастает, то будет вращаться в социализм. Словом, из классового взаимоотношения диктатура превращается в самодовлеющее начало, по отношению к которому хозяйственные явления являются только некоторой эманацией. Разумеется, ни один из бюрократов не доводит этой своей системы до конца: для этого они слишком эмпиричны и связаны вчерашним днем. Но именно в этом направлении движется их мысль, на этом пути надо искать теоретические источники их ошибок.

Марксизм шел через теорию факторов к историческому материализму. Процесс, который мы наблюдаем сейчас, имеет регрес-

сивный характер, ибо означает движение от марксизма к метафизической олигархии факторов.

Попятные движения в формальных рамках марксизма бывали уже десятки раз. Под видом критики, обновления и дополнения на самом деле подносили до сих пор возврат к домарксовским теоретическим воззрениям, которые были сознательно и в боях преодолены марксизмом. Такого рода открытая ревизия имеет, однако, место далеко не всегда. Да и она должна быть подготовлена предварительными саперными работами, производимыми чаще всего под давлением эмпирических потребностей, а не теоретически осознанных целей.

Когда оказалось, что фашизм пошел на убыль, а социал-демократия — вверх, вопреки всем прогнозам Политбюро и Коминтерна, зато в полном согласии с диалектикой классовых отношений, Сталин отступил на следующую линию своих теоретических окопов. «Неверно,— поучал он меня,— что фашизм есть только боевая организация буржуазии. Фашизм не есть только военно-техническая категория (?!). Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма» (там же).

Марксистское положение о том, что и фашизм и социал-демократия являются в последнем счете политическими орудиями буржуазии, приспособленными для разных периодов в ее борьбе, Сталин превращает в вульгарное и ложное отождествление фашизма и социал-демократии, снимая тем самым вопрос об изменениях политической обстановки и о причинах ослабления германского фашизма и нового роста социал-демократии.

И так во всем. Любую статью или речь Сталина можно расчленить на ряд независимых друг от друга общих мест, расположенных в порядке случайной последовательности. Оттого Сталин так любит нумерацию перечислений. Почтенные арабские знаки должны закрепить отсутствие логической последовательности, которую можно обосновать только на анализе диалектических связей.

Когда, в противовес буржуазной публицистике и ее подголоскам в нашей печати, в том числе и Сталину, который назвал Англию «помощницей» Соединенных Штатов, я доказывал, начиная с 1921 и особенно с 1923 года, что международные от-

ношения будут в ближайший период определяться не «англо-саксонским сотрудничеством», а, наоборот, непрерывным ростом англо-американского антагонизма, Сталин, выждав, когда этот факт стал ясен для последнего буржуазного репортера, признал в конце 1924 г. «новое противоречие — между Америкой и Англией», но тут же он глубокомысленно стал поучать меня, что это не означает ликвидации всех остальных противоречий. «Несомненно,— писал он,— что Англия по-старому будет углублять антагонизм между Францией и Германией для того, чтобы обеспечить свое политическое преобладание на континенте. Несомненно, что Америка, в свою очередь, будет углублять антагонизм между Англией и Францией для того, чтобы обеспечить свою гегемонию на мировом рынке. Мы уже не говорим о глубочайшем антагонизме между Германией и Антантой» (Большевик, 1924, № 11).

Из марксистского положения об обострении империалистических противоречий Сталин сделал плоское общее место, попытавшись направить его против моего конкретного анализа. Ему чуждо понимание того, что все противоречия не могут обостряться одновременно, ибо одни неизбежно питаются за счет других. Так, обострение антагонизма с Америкой привело к смягчению противоречий между Англией и Францией. Но Сталин нумерует противоречия вместо того, чтобы рассматривать их в их гибкой материальной связи. Диалектика же есть прежде всего наука о связях.

Еще на Пятом конгрессе, т. е. в середине 1924 года, мировая роль Соединенных Штатов игнорировалась полностью. Уже совершенно бесспорно обнаружившаяся к тому времени тенденция всей политики американского капитала — «посадить Европу на паек» — объявлялась злостным измышлением троцкизма. В то время начавшееся при помощи Америки возрождение европейской экономической жизни начисто отрицалось. Сталин ковылял за своими переводчиками иностранных буржуазных газет, отчасти за Зиновьевым, и безнадежно путал по каждому вопросу, чтоб на другой день начать с начала. Изпод зиновьевской духовной гегемонии Сталин стал высвобождаться по мере того, как становилось невозможным игнорировать процессы стабилизации. Можно сказать, что Сталина укрепило укрепление европейского капитала. Теперь он начал свой международный анализ с начала. Сталин всегда начинает с начала, как если б не было вчерашнего дня. Эмпиризм

не умеет не только заглядывать вперед, но и оглядываться назад. Теперь Сталин писал:

«Основные страны-победительницы — Англия и Америка — возымели теперь такую силу, что получили материальную возможность не только у себя дома поставить дело капитала более или менее сносно, но и влить кровь во Францию, Германию и другие капиталистические страны... И эта сторона дела ведет к тому, что противоречия между капиталистическими странами развиваются пока что не тем усиленным темпом, каким они развивались непосредственно после войны» (И. Сталин. Троцкизм или ленинизм).

Даже в слове «еще», состоящем из трех букв, можно сделать четыре ошибки («ишчо»). Такого рода рекорды всегда привлекают к себе нашего «теоретика». Вынужденный, наконец, признать, что все мировые антагонизмы не могут обостряться одновременно, ибо и здесь действует закон неравномерности, Сталин это запоздалое признание немедленно же превращает в источник новых блужданий. «Основными странами-победительницами» он называет Англию и Америку — Англию даже на первом месте. Стабилизация оказывается у него целиком построенной на сотрудничестве этих стран. Англия у него «возымела такую силу», что не только поставила у себя дома «дело капитала более или менее сносно», но и влила кровь во Францию, Германию и пр. Все это писалось во время подготовки величайшего социального кризиса, который только знала Англия со времени чартизма⁵⁷⁴ (угольная и всеобщая стачка). Сталин говорит уже о всеобщем смягчении мировых противоречий на основе сотрудничества Америки и Англии, тогда как на деле антагонизм этих двух стран, основной победительницы и основной побежденной⁵⁷⁵, стал осью всей мировой политики.

Так можно было бы проследить ход «идей» Сталина из месяца в месяц, из года в год, начиная с 1924 года, когда он впервые стал выражать свои «идеи». Если изобразить их ряд графически, получится прерывчатая ломаная с короткими отрезками влево и более длинными — вправо.

Но и в тех случаях, когда Сталин вынужден оглянуться назад, чтоб как-нибудь свести концы с концами, он делает это с непринужденностью. Так, вынужденный в докладе 13 июля 1928 г.⁵⁷⁶ объяснить, как же это все-таки англо-американский антагонизм стал основным, наперекор всей политике против

«троцкизма», Сталин заявил: «Тогда, к 5-му конгрессу, у нас еще мало говорили об англо-американском противоречии, как основном, тогда принято было говорить даже об англо-американском союзе». И все. Тогда «принято было говорить». Кем? Сталиным — вслед за социалистической и вообще пацифистской прессой. Националисты и тогда проявили больше ума. Тогда «мало говорили об англо-американском противоречии». Почему мало говорили? Потому что это было официально осуждено как троцкизм. Потому что разглаживания об англо-американском сотрудничестве расценивались как признак благонадежности. Сталин отводит все это с такой непринужденностью, которую человек, склонный к точности, мог бы назвать циническим меднолюбием.

Так, [в] вопросе о хозяйственном руководстве Сталин, усвоив с запозданием мысль о необходимости резервов, немедленно же превратил ее в дешевое общее место о том, что Госбанку нужно иметь валютные резервы, промышленности — сырьевые, а торговому аппарату — товарные. Когда же я указал ему, что товарные резервы осуществимы только за счет сокращения резервов сырья, импортное же сырье можно накапливать только за счет валютных резервов; что нужно говорить не о резервах вообще, а ставить вопрос конкретно в условиях товарного голода и угрожающего кризиса хлебозаготовок, Сталин отделался повторной нумерацией необходимых резервов и обвинил меня в «ри-го-ри-сти-че-ском» (буквально) отношении к вопросу о резервах, показывая тем, что смысл этого слова ему так же неясен, как и вся проблема резервов.

Иногда он заменяет нумерацию бесплодной риторикой вопросов: «Разве неверно, что...» и т. д.— пять, десять раз подряд. И этот литературный прием, еще менее связывающий, чем каталогический перечень, служит только для прикрытия бедности мысли. Не останавливаясь выделять в положительной форме главное и второстепенное, основное и зависимое и подчинять изложение внутренним связям самого предмета, Сталин прибегает к жалкой семинарской риторике, которая под лаконическим вопросом заставляет предполагать ту самую бездну премудрости, которой как раз и не хватает.

Приводить цитаты было бы слишком долго. Схема его рассуждений примерно такова. Оппозиция против вхождения компартии в Гоминьдан? Разве же неверно, что Маркс входил в демократическую партию? Разве же неверно, что в Китае ца-

рит национальный гнет? Разве же неверно, что Ленин всю жизнь боролся против недооценки крестьянства? И пр., и пр. Нанизав на веревочку полдюжины таких колечек из жести, Сталин исчерпывает вопрос.

Особенно любит он прятаться за словечко «хотя бы», играющее роль спасательного пояса при всякой его попытке пуститься вплавь. Вот один из типических его выводов против указаний оппозиции на опасности капиталистической реставрации: «Простое восстановление капитализма невозможно хотя бы потому, что власть у нас пролетарская, крупная промышленность в руках пролетариата, транспорт и кредит находятся в распоряжении пролетарского государства» (Вопросы ленинизма. 1928, с. 63, подчеркнуто мною).

Почему восстановление капитализма должно быть «простым»? И что вообще значит «простое» восстановление? Но еще лучше словечко «хотя бы». На совершенно конкретные указания оппозиции, что при известном сочетании экономических и политических факторов может восторжествовать капитализм, т. е. что враги, по ленинскому выражению, «еще могут отнять у нас» и диктатуру, и национализации, Сталин отвечает: это невозможно «хотя бы» потому, что у нас есть национализация и диктатура. На указание врача, что при таких-то обстоятельствах болезнь может повлечь смертельный исход, знахарь возражает, что «простая» смерть невозможна хотя бы потому, что больной жив, ест и дышит. Это чисто сталинская аргументация.

Указания на угрожающий рост дифференциации крестьянства Сталин опрокидывает следующим доводом: «Дифференциация не может принять прежних размеров... хотя бы потому, что земля у нас национализирована...» (там же, с. 64, подчеркн[уто] мною). Что значит: «прежние» размеры? Дифференциация в разные периоды имела разные размеры. Национализация земли сама по себе несколько не ослабляет дифференциации, наоборот, может дать ей большой простор. Но тут на помощь приходит оговорочка «хотя бы»: аргумент выступает с набрюшником, выдавая тем свой катаральный характер.

Вертясь вокруг все той же фразы моей 1905 г., что революционная Россия не смогла бы устоять «пред лицом консервативной Европы», т. е. если бы Европа, вопреки всем вероятностям, осталась консервативной, Сталин пишет: «Мы, оказывается, не только не можем построить социализм, но не можем устоять

хотя бы на короткий срок перед лицом консервативной Европы» (там же, с. 226).

Слова «на короткий срок», лишаящие всю постановку вопроса какого бы то ни было смысла — ибо революции устраивают не «на короткий срок» — эти слова вставлены Сталиным в сопровождении все того же трусливого «хотя бы», которое на сей раз играет роль лжесвидетеля по делу о подлоге.

В другой работе Сталин возвращается к вопросу о дифференциации деревни все с тем же универсальным аргументом, не требующим ни статистического материала, ни теоретического анализа. «У нас развитие сельского хозяйства,— говорит он,— не может пойти по такому пути хотя бы потому, что наличие Советской власти и национализация основных орудий и средств производства не допускает такого развития» (там же, 124, курсив мой).

Этот имманентный оптимизм, рассматривающий советскую власть не как орган классовой борьбы, а как экономический талисман, выглядел бы очень твердым и уверенным, если бы не это злосчастное, косоглазое, трусливое и вороватое «хотя бы».

Все теоретические и исторические ссылки Сталина имеют либо сознательно неопределенный и двусмысленно защитный характер, либо же, при претензии на конкретность и точность, оказываются почти непременно ложными. Политику мирволенья кулаку Сталин приравнивает к лозунгу «Лессе фер, лессе пассе»⁵⁷⁷ (речь 19 ноября 1928 г.). Это было бы, пожалуй, терпимо, если б Сталин тут же не прибавил, будто это лозунг французских либералов «во время французской революции, во время борьбы с феодальной властью» (Правда, № 273).⁵⁷⁸ На самом деле французская революция тут ни при чем. Если оставить в стороне историко-литературные изыскания, открывающие корни соблазлившей Сталина формулы еще в XVII веке, затем у физиократов в XVIII в., когда она употребляется очень редко, и не против феодализма, а против полицейщины меркантилизма, то придется сказать, что «лессе фер» — это лозунг фритрейдеров-манчестерцев⁵⁷⁹ первой половины XIX века в их борьбе с протекционизмом⁵⁸⁰. Подобные промахи сопутствуют каждому выступлению Сталина, ибо он не знает исторических явлений в их внутренней связи.

Когда я, в противовес безнадежно запугавшемуся Политбюро, доказывал, что в ближайший период (1924—[19]25 г.) по-

литическое развитие Европы пойдет не в сторону фашизма и новых оккупаций, а в сторону социал-демократии, коалиций и пацифизма, Сталин, выждав, когда прогноз этот стал осуществляться, поучал меня: «Иные думают, что буржуазия пришла к «пацифизму» и «демократизму» не от нужды, а по доброй воле, по свободному, так сказать, выбору. При этом предполагается, что буржуазия, разбив рабочий класс в решающих боях (Италия, Германия), почувствовала себя победительницей и теперь она может позволить себе «демократизм» (Большевик, 1924, № 11).

Как по позвонку можно определить размеры животного, так по этой цитате можно безошибочно отгадать духовный рост автора. Диалектика классовой борьбы превращается у него в лотерею психологических догадок о проявлениях «свободной воли» буржуазии. Литературная форма отвечает глубине идей: «иные думают», «предполагается»... Неопределенность инсинуаций должна облегчить теоретику возможность временно юркнуть в подворотню.

В поисках почвы для противопоставления марксизма ленинизму, конечно, со всякими бессодержательно-почтительными оговорками, Сталин обращается к историческому критерию. «Маркс и Энгельс подвизались в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции...» (Основы ленинизма, 1928, с. 74).

Если даже оставить в стороне ослепляющий стиль этих строк — Маркс и Ленин «подвизаются» у Сталина, точно провинциальные антрепренеры — то все же придется признать исторический экскурс в целом крайне невразумительным. Что Маркс действовал в XIX столетии, а не в XX — это верно. Но ведь суть всей деятельности Маркса—Энгельса состояла в том, что они теоретически предвосхищали и подготовляли эпоху пролетарской революции. Если это отбросить, то мы получим катедер-марксизм, т.е. самую гнусную карикатуру. И все значение работы Маркса в том и обнаруживается, что эпоха пролетарской революции, наступившая позже, чем они ждали, потребовала не ревизии марксизма, а, наоборот, его

очищения от ржавчины промежуточного эпитонства. У Сталина же выходит, что марксизм, в отличие от ленинизма, был теоретическим отражением нереволуционной эпохи.

Такое представление у Сталина не случайно. Оно вытекает из всей психологии эмпирика, живущего на подножном корму. Теория у него только «отражает» эпоху и служит злобе дня. В специально посвященной теории главе — что это за глава! — Сталин «подвизается» следующим образом: «Теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой» (Основы ленинизма, с. 89, курсив наш).

Ясно, вся теория Маркса, складывавшаяся «в неразрывной связи» с практикой предреволюционной эпохи, должна оказаться устаревшей для «революционной практики» Сталина. Он совершенно не понимает, что теория — настоящая или большая теория — вовсе не складывается в непосредственной связи с сегодняшней практикой, а представляет собою объединение и обобщение всей практики человечества, включающей в себя разные эпохи в их материально обусловленном чередовании. Только потому, что теория не связана неразрывно с современной ей практикой, а возвышается над нею, она получает дар заглядывать вперед, т. е. подготавливать свою связь с будущей практикой, подготавливать людей, которым эта будущая практика оказалась бы по плечу. Марксова теория возвышалась, как гигантская дозорная башня над современной Марксу лассалевской революционной практикой, как и над практикой всех организаций Первого Интернационала⁵⁸¹. Второй Интернационал усваивал для своих практических потребностей только некоторые элементы марксизма, далеко не всегда основные. И только эпоха исторических катастроф всей капиталистической системы, открывшая возможность претворения основных выводов марксизма в жизнь, сделала людей — не всех, далеко не всех — более восприимчивыми к пониманию марксизма в целом.

Сталинская справка насчет предреволюционной теории марксизма и революционной теории ленинизма есть на самом деле философия истории теоретического хвостизма, который состоит на посылах у практики сегодняшнего дня. Сталинская история марксизма и ленинизма принадлежит к той «исторической школе», про которую Маркс говорил словами Ветхого Завета⁵⁸², что она всегда видит только заднюю часть всего совер-

шающегося. Сталин имеет в виду те «теории», которые создаются по заказу секретариата в «неразрывной связи» с практикой аппаратно-центристского руководства в период политического сползания.⁵⁸³

Всячески вращаясь вокруг слишком горячей каши, которую он сам же заварил — поистине это теоретическое варево лучше всего определяется излюбленным ленинским словечком «каша», — Сталин зигзагами и обиняками подбирается к той мысли, что ленинизм «революционнее» марксизма. «Отмечают обычно, — продолжает он свое противопоставление ленинизма марксизму, — исключительно боевой и исключительно революционный характер ленинизма». Кто отмечает? Неизвестно. «Обычно» отмечают — и только. Это все из осторожности, переходящей в трусость. Что значит «исключительно революционный»? Неизвестно. Но что «отмечает» по этому поводу сам Сталин? Он говорит: «Это совершенно правильно. Но (!) эта особенность (маленькая «особенность» по сравнению с марксизмом) объясняется двумя причинами»: борьбой с оппортунизмом Второго Интернационала и пролетарской революцией (там же, с. 74).

Таким путем Сталин, хотя и не очень смело, но все же причалил к выводу, что «особенностью» ленинизма является его «исключительная» революционность по сравнению с марксизмом. Если эта мысль была верна, то нужно было бы открыто отказаться от марксизма, как изжившей себя теории, подобно тому, как наука отказывалась в свое время от флогистона⁵⁸⁴, витализма⁵⁸⁵ и пр., сдавая их, как материал, историкам человеческой мысли. Но на самом деле мысль, что ленинизм «революционнее» марксизма, представляет собою прямое глумление над ленинизмом, марксизмом и революционностью.

В анализе второго, «уточненного», определения ленинизма мы до сих пор опускали слово «тактика». Полная формула, как помнит читатель, гласит: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности.»

Тактика является действенным применением теории к конкретным условиям классовой борьбы.

Тактика осуществляет связь теории с текущей практикой. Теория, вопреки Сталину, вовсе не складывается в неразрывной связи с текущей практикой, а возвышается над нею

и только благодаря этому получает способность направлять тактику, указывая ей, помимо сегодняшней точки, еще ряд ориентирующих точек в прошлом и перспективных — в будущем: сложная линия тактики, марксистской, а не хвостистской, определяется не одной, а многими точками.

Если марксизм, возникший в предреволюционную эпоху, вовсе не был «предреволюционной» теорией, а, наоборот, возвышаясь над своей эпохой, был теорией пролетарской революции, то тактика, т. е. боевое применение марксизма к конкретным условиям, по самому существу своему не может возвышаться над эпохой, т. е. над зрелостью объективных условий. Подуллом зрения тактики — вернее было бы сказать революционной стратегии⁵⁸⁶ — деятельность Ленина гигантски отличается Маркса и его старых учеников, как эпоха Ленина отличается от эпохи Маркса. Революционер Маркс жил и умер теоретическим советником молодых партий пролетариата и провозвестником будущих решающих его боев. Ленин повел пролетариат на завоевание власти, обеспечил своим руководством победу и руководил первым в истории человечества рабочим государством и Интернационалом, непосредственно призванным осуществлять мировую диктатуру пролетариата. Титаническая работа величайшего революционного стратега вполне может быть поставлена на ту же высоту, что и работа величайшего титана пролетарской теории.

Жалкой, бессодержательной, в конец неумной является попытка механически уравновесить теоретический и практический элементы в работе Маркса и Ленина. Маркс, мол, создавал не только теорию, но и Интернационал. Ленин не только руководил великой революцией, но и работал над теорией. Стало быть, различие их только в том, что они «подвизались» в разные эпохи, вследствие чего марксизм просто революционер, а ленинизм «исключительно революционер». Все это мы уже знаем.

Маркс совершил немалое дело в качестве руководителя Первого Интернационала. Но не это, однако, составляло основное дело его жизни. Маркс и без Союза коммунистов и без Первого Интернационала остается Марксом. Его теоретический подвиг ни в каком смысле не совпадает с его революционной практикой, неизмеримо возвышается над нею, создавая теоретическую основу всей дальнейшей практики Ленина и еще ряда поколений.

Теоретическая работа Ленина имела в основном служебный характер по отношению к его собственной революционной практике. Всемирно-историческому значению практики соответствовал и размах теоретической работы. Но Ленин не создавал теории ленинизма. Он применял теорию марксизма к революционным задачам новой эпохи. Еще на третьем съезде партии, где закладывались первые камни большевистской партии, Ленин сам сказал о себе, что он считает более правильным именоваться публицистом, а не теоретиком социал-демократии. Это нечто большее, чем «скромность» молодого вождя, уже давшего ряд ценнейших научных трудов. Если помнить, что публицист публицисту рознь, то Ленин правильно определял в этих словах свое историческое назначение. Под публицистикой он понимал теоретико-политическое применение готовой теории для прокладывания путей данному живому революционному движению.

Даже «отвлеченная» и наиболее далекая по теме от злобы дня работа Ленина об эмпириокритицизме⁵⁸⁷ вызвана была непосредственной потребностью внутривластной борьбы. Эта книга может быть поставлена на полке рядом с «Анти-Дюрингом» Энгельса⁵⁸⁸ как применение того же метода и тех же критических приемов к новому отчасти материалу естественных наук и против новых противников. Не меньше, но и — не больше этого. Ни новой системы, ни нового метода здесь нет. Это полностью и целиком система и метод марксизма.

Чиновники лжеленинизма, сикофанты и клязники снова поднимут вой, что мы «умалюем» дело Ленина. Эта братия тем громче вопит о заветах учителя, чем наглее она их втаптывает в грязь эклектики и оппортунизма. Предоставляя клязникам клязничать, мы защищаем ленинизм, мы истолковываем его, мы продолжаем дело Ленина.

Ленинская теория, сказали мы, имела служебный характер по отношению к его собственной практике. Но практика эта была такого масштаба, что впервые потребовала применения марксистской теории в полном ее объеме.

Теория является обобщением всей предшествующей практики и имеет служебное значение по отношению ко всей последующей практике. Мы уже выяснили, что это не значит, будто теория складывается в зависимости от текущей практики и будто она имеет служебное значение по отношению ко всякой практике. По Сеньке шапка. Для сталинской практики

беспринципных зигзагов «необходима и достаточна» эклектическая помесь из дурно переведенных осколков марксизма, меньшевизма и народничества⁵⁹⁰. Ленинская практика впервые в истории поставила себе на службу всю марксистскую теорию в целом. Вот на каком пути «уравновешивается» величина этих двух фигур. Сталинское свидетельство о том, что каждый из них с успехом подвизался в теории и практике своего периода, один — революционно, другой — «исключительно» революционно, навсегда останется скверным анекдотом идейного эпигона. И Маркс, и Ленин вошли в бессмертие не по путевкам Сталина.

СПРАВКА

о деятельности бывшей троцкистской оппозиции по Краснопресненскому району, 1 ноября 1928 г.

Деятельность троцкистской оппозиции по району все время не прекращается. Она выливается в разные формы и методы в связи с политическими событиями и событиями внутрипартийного положения, используя малейшие затруднения страны.

Особенно сильно оппозиция развернула свою деятельность в сентябре м-це с. г., распространяя в громадном количестве листовки о болезни Троцкого в ссылке — в Алма-Ате, изготовленные разным способом и разного формата (на стеклографе, шапирографе, ротаторе и печатным путем). Листовки разбрасывались на предприятиях, улицах, кино, столовых, расклеивались на стенах домов рабочих общежитий и даже разбрасывались на собраниях районных активов (см. справку информ[ационного]/о[тдела] Р[ай]к[ома] от 17/IX с. г.).

При обсуждении ячейками итогов VI конгресса Коминтерна на некоторых предприятиях (ф[абри]ка № 2 «Москвошвей», ГАЗ № 1, ГИЗ и др[угие]) оппозиционеры, исключенные из партии, воспользовались тем, что собрания происходили открытые, выступали против решений VI конгресса Коминтерна, против принятой программы Коминтерна (якобы не интернациональный характер программы), против резолюции Коминтерна о ВКП(б) («Коминтерн признал политику ВКП(б) правильной, то почему ухудшилось положение рабочих в СССР», — говорил оппозиционер на 2 ф-ке «Москвошвей»), разъяря

рабочим, что на конгрессе якобы были сильные споры, дошедшие чуть ли не до раскола на самом конгрессе (см. справку информ. п/о РК от 9/X с. г.).

При обсуждении итогов сентябрьского пленума МК и МКК на собраниях выступали рабочие и указывали, что «троцкистская оппозиция, которая имеется на заводе, развертывает свою деятельность. Нужно усилить с ней борьбу» (ГАЗ № 1)⁵⁹¹. «Троцкисты опять поднимают голову, надо по ним ударить» (завод «Красная Пресня»). «В отношении идеологических уклонов мы начали засыпать. Товарищи выходят не на подпольном собрании, а прямо рубят. У нас на заводе определенная группа ведет работу. Были расклеены афиши. Нужно очистить наш завод от этого гнойника» (завод МОМЗА).

На Пятой фабрике «Москвошвей» ячейка выяснила, что один рабочий у себя на дому принимал заказы на пошивку платья, сам их не изготовлял, а отдавал разным мелким кустарям на изготовление, наживаясь на этом. Ячейка расследовала дело и приняла меры к исключению этого рабочего из профсоюза и фабрики. Местный оппозиционер, бывший член партии Бабурин повел большую деятельность против ячейки с целью подрыва авторитета ячейки, защищая этого рабочего, собрав на первое время большое количество рабочих на свою сторону. Только благодаря энергичным мерам ячейки этого рабочего исключили из профсоюза и фабрики, причем сам Бабурин вынужден был голосовать за предложение ячейки.

При перевыборах фабкома рабочие Бабурина выставили в фабком. Но благодаря тому, что он получил небольшое количество голосов, его кандидатура была снята. Несмотря на это, на перевыборной конференции за него голосовало 140 человек.

На фабрике «Красная оборона» при обсуждении отчета МГСПС⁵⁹² о своей деятельности выступил оппозиционер Нефель, бывший член ВКП(б), говоря, что «работа никудышная, рабочих прижимают. Трудности от неумелого руководства. Дельных людей сослали». Им предложена резолюция, заключающаяся в том, что работа МГСПС неудовлетворительна, политика не рабочая (повышение квартплаты, снижение заработка, повышение цен на хлеб). За эту резолюцию голосовало 72 человека из 256 человек.

На фабрике «Пролетарский труд» на отчетном собрании фабкома двух цехов из механического цеха выдвинули в фабком двух рабочих, находящихся под влиянием оппозиционерки Довжак, исключенной из партии. Выдвижение этих кандидатур оппозиционерами фабрики было заранее подработано. Большинство голосов этих двух рабочих провалили, мотивируя тем, что они себя не проявили на практической работе и не показали свою политическую физиономию.

Там же оппозиционерами выдвигалось требование повысить зарплату на 25%. Одновременно среди рабочих распространяется постановление Политбюро ЦК об увеличении партмаксимума для ответственных работников. Ячейкой обнаружено 4 экземпляра.

На заводе «Пролетарский труд» одним рабочим, бывшим оппозиционером Большаковым на собрании выдвигалось предложение об огульном повышении зарплаты. По мнению секретаря ячейки, оппозиционеры ведут активную подпольную работу.

В Мосфинотделе один член ВКП(б), бывший оппозиционер, при обсуждении письма МК о перевыборах бюро ячеек предлагал выкинуть из письма пункты о борьбе с троцкистской оппозицией, т. к., по его мнению, сейчас надо заострить внимание только на правой опасности.

В Машинотехническом синдикате член ВКП(б) с 1904 года директор тов. Жук А. Б. принял на работу одного оппозиционера, бывшего члена партии и бывшего члена Закавказского ЦИКа Квачадзе, устроив прием каким-то путем через биржу труда.

Два члена партии, бывших оппозиционера, при обсуждении отчета бюро ячейки губотдела совторгслужащих без какой бы то ни было мотивировки воздержались от голосования резолюции.

В ТСХА⁵⁹³ по перевыборам бюро ячейки оппозиционеры ведут подпольную работу.

26/Х с. г. на общем собрании рабочих Завода весов и приборов по докладу райкома металлистов выступил оппозиционер, бывший член партии, Суслов, говоря: «Союз и партия проводят не классовую политику. Говорят о подтягивании зарплаты для отсталых групп рабочих, а фонды зарплаты не увеличивают». Расшифровывая директиву райкома металлистов, он говорил, что происходит перекачка зарплаты от высоко-

квалифицированных рабочих к низкооплачиваемым рабочим. Указывая о повышении квартплаты, говорил, что это не рабочая политика, так как она ложится бременем на рабочих. О займе индустриализации он говорил, что заем по заводу прошел хорошо, но если у рабочих спросить, знают ли они, куда идут деньги... В заключение он несколько раз подчеркивал, что мы идем не вперед, а назад. Ему аплодировали человек 40–50. На заводе работает месяца два.

На совещании беспартийного актива завода им. Дзержинского⁵⁹⁴ по вопросу о притоке в партию бывший оппозиционер Флямер говорил: «Мы читаем газеты, но в них нам не дают понять, что творится в стране, а ведь страна живет, бурлит, что-то в ней происходит, а что именно — непонятно, какие имеются волнения. Лучших людей выбросили из партии и поэтому масса в нее не идет».

За последнее время по предприятиям района оппозицией распространяются листовки о перевыборах ФЗК и перезаключении колдоговоров.

Довольно энергично оппозиция действует при обсуждении октябрьского пленума МК и МКК.

На собрании ячейки ТСХА выступали оппозиционеры и говорили, что о правой опасности оппозиция все время указывала партии.

На собрании типографии «Правда» один член партии, бывший оппозиционер говорил: «Не есть ли правый уклон сползание с пролетарских рельс? По существу, это термидорианство».

На собрании ячейки ф[абри]ки «Пролетарский труд» по вопросу об октябрьском пленуме МК и МКК бывший оппозиционер, член ВКП(б) Семешкин в прениях указал: «Вопрос о развитии совхозов и колхозов поставили очень поздно. Ряд раскрытых гнойников указывают на то, что нижние этажи заполняются кулаками, следовательно, оппозиция была права».

Член партии, бывший оппозиционер, Чугреев на собрании завода Авиаприбор по вопросу об октябрьском пленуме МК говорил: «Почему правых не ссылают так же, как сослали троцкистов? Правый уклон не только в МК, но и в ЦК». Сегодня утром он был арестован и с женой прислал на завод записку о сдаче инструментов. Среди рабочих есть непонимание этого явления. А некоторые расценивают его арест в связи с выступлением.

На заводе им. Дзержинского вышеуказанным Флямером было выступление по докладу об итогах VI пленума МК и МКК, он говорил: «Повышение цен на хлеб на руку кулаку и крепкому середняку. Правая опасность давно была еще до оппозиции, и правые изгнали оппозицию в ссылку. Новые формы сельского хозяйства, т. е. совхозы — это то же кулачество. Кроме того, Рыков на последнем пленуме говорил о снятии монополии».

Зав. информ[ационным] п[од]о[тделом] р[ай]к[ома]:
(Гречушкин)

КО ВСЕМ РАБОЧИМ, КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи.

В тяжелой обстановке встречает рабочий класс Советского Союза 11 годовщину Великого Октября. Ошибки партруководства привели к ослаблению позиции пролетариата и к укреплению враждебных ему классов. Сейчас, как никогда, все силы рабочего класса должны быть мобилизованы для решительного отпора окрепшей внутренней и международной контрреволюции.

Мы, большевики-ленинцы (оппозиция), в течение ряда лет указывали на ошибки Центрального комитета, на искривление ленинской линии, на растущее в связи с этим ухудшение экономического и политического положения СССР. В нашей платформе мы своевременно указывали пути преодоления возникших опасностей. Центральный комитет скрыл платформу оппозиции от партии и рабочего класса. Тем самым он сбил пролетариат с правильного ленинского пути.

В день десятилетия Октябрьской революции, год назад, не имея права молчать, мы вынуждены были открыто выступить со своими лозунгами, сигнализируя партии и рабочему классу о стоящих перед ними опасностях. Оппозиция требовала: повернем огонь направо, против нэпмана, кулака и бюрократа. Выполним завещание Ленина. Долой устряловцев. Долой тех, кто тянет пролетарскую республику назад к капитализму, улучшим материальное положение пролетариата и укрепим его боеспособность.

Ленинские взгляды оппозиции были объявлены антисоветскими и меньшевистскими. Большевики-ленинцы, испытанные и стойкие борцы за дело рабочего класса, были исключены из партии, брошены в тюрьмы, сосланы в самые гиблые места Сибири и Средней Азии.

Прошел год. Он целиком подтвердил правильность взглядов оппозиции, опасности, о которых она мужественно сигнализировала, выросли, положение страны и рабочего класса ухудшилось. После четырех урожайных лет города и деревенская беднота испытывают нужду в хлебе, товарный голод резко обострился, цены поднимаются, снижается зарплата, безработица растет.

Прошедший год был годом дальнейшего сползания с рельс пролетарской диктатуры, дальнейшего ослабления рабочего класса, дальнейшего перерождения и загнивания бюрократического аппарата партии, советов и профсоюзов. Об этом наглядно говорят сотни смоленских, сочинских, артемовских и многих других гнойников, усилилось давление международной буржуазии. Через бюрократа и шахтинца, в союзе с кулаком, она с возрастающей силой давит на Советское государство.

Вырос экономически и окреп кулак. Он победил и в хлебозаготовках: он вынудил повышение хлебных цен как расплату за чрезвычайные меры и 107 статью, он посадил рабочего на голодный паек. Смычка с крестьянством находится под угрозой разрыва.

Несмотря на рост производства, доля рабочего в народном доходе уменьшилась, рост минимальной зарплаты все более отстает от интенсивности труда, реальная зарплата снижается.

Бессильное справиться с растущими затруднениями, не умея вовремя их предвидеть и предотвратить, нынешнее партруководство беспомощно мечется из стороны в сторону, проявляя твердость лишь в борьбе с ленинской оппозицией.

Объявленное после исключения большевиков-ленинцев стопроцентное единство партии распалось по швам. Тщательно скрываемые от партийной массы и рабочего класса разногласия стали явными, окрепло правое крыло в партии, уже открыто требующее дальнейших уступок кулаку и иностранному капиталисту. Внутрипартийная борьба раздирает партию на части.

Сталинское руководство показало свою полную несостоятельность. Неспособное решительно ударить по правым оно

идет на сделку с ними, обрушиваясь всей силой аппарата на ленинскую оппозицию.

Товарищи. Диктатура рабочего класса в опасности. Оппортунистическое, становящееся все более антипролетарским руководство ослабляет рабочий класс, обезоруживает его перед внутренней и международной буржуазией, ставя под угрозу дело пролетарской революции.

Но еще не все потеряно. Упущено многое, сделано много грубейших ошибок, за которые приходится жестоко расплачиваться пролетариату. Но есть еще возможность исправить партию, вернуть партию на ленинский путь и укрепить диктатуру пролетариата, для этого необходимо прежде всего пробуждение активности рабочего класса, которая только и может вернуть партии и пролетариату их ленинское руководство.

Партия и рабочий класс, совершившие под руководством Ленина и Троцкого Великую Октябрьскую революцию, должны найти в себе силы для сохранения октябрьских завоеваний, для спасения СССР как базы мировой социалистической революции.

Товарищи! Судьба революции в наших руках, организуйте отпор нэпману, кулаку и бюрократу. Разоблачайте беспринципность центристского руководства, которое на словах борется с правыми, а на деле наносит удары ленинской оппозиции — левому крылу партии. Требуйте немедленного прекращения нажима на рабочий класс. Требуйте решительного усиления темпа индустриализации как действительного средства установления смычки с середняком, борьбы с безработицей и дороговизной. Требуйте повышения зарплаты в соответствии с ростом производительности труда.

Требуйте организации союза бедноты, добивайтесь установления режима внутрипартийной и рабочей демократии — не на словах, а на деле. Надо вернуть Советам полноту их прав и власти, завоеванных ими в Октябре. Надо оздоровить профсоюзы, превратив их из подсобного для бюрократического хозяйственного аппарата в органа в орудие для защиты интересов рабочего класса.

Товарищи! В советских тюрьмах и ссылке, в ужасающих условиях томятся большевики-оппозиционеры, соратники Ленина, герои гражданской войны, активные строители советской власти. Их насильственно изолировали от пролетариата, многие из них обречены на верную гибель, некоторые уже погибли.

Но воля к борьбе ленинской оппозиции, ее верность рабочему классу и ленинскому знамени не сломлены.

Требуйте прекращения репрессий, немедленного освобождения из тюрем большевиков-ленинцев, возвращения их из ссылки, восстановления их в партии, созыва чрезвычайного партийного съезда на основе подлинной внутрипартийной демократии и тайного голосования.

Пусть 12-й год Октябрьской революции будет годом укрепления диктатуры пролетариата и возвращения партии на ленинский путь.

Да здравствует Октябрьская революция и диктатура пролетариата.

Большевики-ленинцы (оппозиция)

Москва, 7 ноября 1928 г.

Сотням пролетариев большевиков-ленинцев, арестованных ГПУ накануне 11 годовщины Октября за защиту дела Ленина, — большевистский привет.

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ.

Тираж 1000 экземпляров.

Набрано и отпечатано в тип[ографии] больш[евиков]-ленинцев.

ПИСЬМО ИЗ БЕРЛИНА⁵⁹⁵

Основной факт, бросающийся в глаза при более или менее близком знакомстве с жизнью наших партий на Западе, — это факт прогрессивного распада К[оммунистического] И[нтернационала] — именно распада, а не разложения. Это касается одинаково организационной и идейной формы.

Раньше всего это сказывается на численности партии, которая падает в последнее время катастрофически. Герм[анская] партия имеет теперь по проверенным сведениям 60—65 тыс., французская — 25—30 тыс. Уходят в разных направлениях. Там, где есть исторические традиции анархо-синдикализма (Франция), идут в нее⁵⁹⁶. Окончательный уход Лорио к синдикалистам не случаен и отражает распространенную тенденцию. Но та-

кой уход — еще лучший уход. Здесь люди хотя бы хоть в худшей форме сохраняют себя для рев. раб. движения. В Германии уходят в SPD⁵⁹⁷ или, что чаще, в обывательщину. Сначала тянутся, пытаются сохраниться, а затем, теряя понемногу связь, погрязают в обывательском болоте. При этом массовом уходе не происходит никакой, как выражаются ныне, [...] ⁵⁹⁸. Уход ни в какой мере не сопровождается притоком новых элементов в партию. На этой почве мы имеем любопытное новое явление, важность которого для нас не следует не [доо]ценивать и которое мы должны суметь использовать.

Наши партии имели всегда за собой хвост сочувствующих или симпатизирующих, которые, не созрев еще для политической деятельности, поддерживали партии в их работе, отзывались не ее лозунги и т. д. Размеры этих околопартийных кругов все суживаются. Зато создалась почти во всех странах многочисленная категория людей, которые вполне созрели для политической работы, но которые остаются на пороге партии из отвращения и брезгливости к методам и формам партийной работы и борьбы. Зато эти круги чутко прислушиваются к нам и, хотя весьма робко, начинают выражать нам свое сочувствие.

Если старые круги симпатизирующих поддерживали партии эпизодически по отдельным конкретным случаям, то эти новые слои, наоборот, поддерживают партию в целом, как носительницу победных политических идей, победных принципов, но отказывают ей в поддержке в ее практической работе по причинам, которые я ранее указывал, или потому, что партии не в состоянии по-настоящему подойти к вопросам (т[ак] напр[имер], из трех млн. голосовавших за партию в Германии во время выборов только один млн. с лишним поддержали партию в борьбе против постройки броненосца)⁵⁹⁹. Эти слои могут сыграть в будущем большую роль, и мы должны найти путь к ним.

Что касается идейного состояния партии, то о нем можно составить себе вполне ясное представление по русской партии с поправкой на общий уровень 3-х евр[о]п[ейских] партий и на обстановку, в которой они работают. Яд отравленных методов борьбы, которая велась против нас, остался и отравляет организм К[оммунистического] И[нтернационала] в целом. Борьба клик в условиях неслышанной коррупции — наверху и либо слепое послушание и тупая пассивность, либо

прислужничество и карьеризм — внизу. Чем более «монолитно» молчат и повинуются внизу, тем меньше удастся сохранить хотя бы внешне декорум монолитности. Пытаясь активизировать партийную массу по линии верхушечных склок, сами руководящие группы вынуждены разрушать этот декорум. Отсутствие идейной жизни в К[оммунистическом] И[нтернационале] заменяется все угасающим и падающим авторитетом Москвы. Поможьте то, что было год тому назад, на 10, и Вы получите представление об исходном состоянии К[оммунистического] И[нтернационала].

Одновременно со всеми этими процессами распада в К[оммунистическом] И[нтернационале] намечается другой процесс. Мы, несомненно, находимся в начале (к сожалению, только еще в самом начале) формирования левого крыла в К[оммунистическом] И[нтернационале]. По этому, что имело место по сей день, можно с бесспорностью утверждать, что этот процесс будет длительным, тяжелым и очень болезненным и будет сопровождаться большими боями, спорами, даже расколами. Надежда на то, что мы будем иметь в ближайшее время единое или, выражаясь избитым словом, монолитное левое крыло, является, по моему мнению, преждевременной. Вот где, действительно, еще нужно только сначала размежеваться, а потом соединиться⁶⁰⁰. А мы еще даже не прошли стадии размежевания. Причины и пути, по которым различные группы пришли в оппозиционное состояние, настолько многообразны и в такой мере наложили свой отпечаток на эти группы, что возможны еще самые неожиданные комбинации и перегруппировки. Понятно, что не следует склоняться перед «неизбежным» и покорно ждать, пока «все образуется», но насиловать процессы и добиваться механического объединения во что бы то ни стало, может принести лишь вред.

Перехожу к положению в отдельных странах.

Америка. И⁶⁰¹. за последнее время значительно продвинулся вперед в понимании вещей и важности работы. То, что его сильно связывало до сих пор, отпадает после письма к Н. И.⁶⁰² и придает ему бодрости.

На много рассчитывать не приходится, но по литературной части он сделал все, что попросили.

Лучше не просить, а требовать, это на него действует хорошо и улучшает отношения с ним.

Он выпустил в июне книгу «Real Situation in Russia»⁶⁰³. В нее входят платформа, письмо в Истпарт и ряд речей. Книга вышла очень хорошо, снабжена примечаниями. Предисловие написано на тему о том, что мешает правильному пониманию происходящего в СССР. За первые три месяца разошлось 2500 экз.— количество необычайно высокое для такой книги в Америке.

С Л.⁶⁰⁴ дело обстоит по существу печальнее. Это чисто универсальный магазин⁶⁰⁵, где находят себе приют все. В том числе Штейнберг⁶⁰⁷ и Балабанова⁶⁰⁸. С этими последними он усиленно сватал нас, но понятно, что это было категорически отвергнуто. По основным событиям в СССР (XV съезд, левый курс, Шахтинское дело, июльский пленум и т. д.) помещались статьи, присылавшиеся из Берлина и писавшиеся автором, который не имел почти никакой связи, по собственному разумению. Как потом выяснилось, он в общем и целом взял правильную линию и глупостей не наделал. Т[ак] к[ак] тираж газеты — 2000, то печатанье статей принесло пользу. Кроме того, Л. пригодился для установления всяких связей. За ним есть хорошие люди, которых при наличии подходящего человека можно было бы привлечь к нам.

К характеристике Л.: он призывал свою группу (неофициально) голосовать на выборах за SLP⁶⁰⁹ — «партию», насчитывающую около 300 человек, общий возраст которых не меньше 21000 лет. При всех делах с ним следует учитывать, что — я в этом убежден — при генеральном размежевании, которое еще впереди, он в лучшем случае пройдет на крайний правый фланг.

К годовщине герм[анских] событий 1923 года он написал агитстатью с восторженными похвалами политической мудрости Брандлера. Там, где он пытается писать самостоятельно о русских делах, он также попадает в объятия Рыкова. Никакая учеба пока не помогает.

У нас есть полный комплект статей из «Volsz»⁶¹⁰, много вырезок из газет и все рецензии на книгу, изданную И[стменом]. При первой возможности перешлем.

Венгерцы — молодцы, работают хорошо. Завязывают связи с другими городами и другими национальными группами. Газету издают регулярно.

Очередная задача — издание хотя бы небольшого листка на английском языке. Есть много наших сторонников, которые

не имеют никакой связи. Такой листок мог бы стать организующим центром. С приездом тов[арища], который был на конгрессе, можно ожидать большого оживления. В Москве уже знают о нем и очень встревожены. Нашим оказался и секретарь канадской партии, который теперь приступит к работе. Оба они были в Берлине у У.⁶¹¹ и сговорились с ним о связи.

Общее положение в ам[ериканской] партии неважное. Она также тает и имеет 5—6 тыс. Она перманентно расколота на две фракции. Если нам выбирать, то, конечно, Фостера. Есть основание полагать, что удастся установить с ним контакт на почве вопроса об отношении к профсоюзам. По возвращении с конгресса он послал записку к Л. с предложением повидаться с ним. Т. к. он уехал тогда прямо в [...] ⁶¹², то результаты разговоров пока еще не известны.

Вопрос об отношении к профсоюзам — теперь основной и решающий для Ам[ериканских] Ш[татов]. [Так как] существует во всех кругах большой разнобой по этим вопросам, то необходимо написать тезисы по этому вопросу. Материалы постараемся (хотя нет уверенности в том, что это удастся сделать) прислать. С этим вопросом хорошо знаком Борис⁶¹³. Но его знакомство относится к периоду до IV конгр[есса] Профинтерна, а это поворотный пункт.

Наши американские друзья имеют теперь связь с основными европейскими группами и через них будут получать.

Франция. Основное здесь известно. На Сув[арине] придется, очевидно, поставить крест. Росм[ер] и Мон[атт]⁶¹⁴ относятся очень дружелюбно, и они вовсе не безнадежны в большой перспективе, как и Лорио, который ушел к ним. Объединения Паза с Тр[энном] в ближайшее время, очевидно, не будет. Причин много. Механическое объединение вредно уже потому, что при нем обе группы потеряют многих из своих соратников.

В смысле работы Тр[эн] идет вперед. Самое любимое слово в его нынешнем словаре [...] ⁶¹⁵. И он действительно цепляется за все. Несмотря на тяжелое материальное положение, он успевает всюду бывать, выступать, где только представляется случай, заниматься индивидуальной обработкой и т. д. Он весьма тверд и активен. Мы добились от него вполне удовлетворительной, даже при нашем ревнивом отношении, формулировки насчет троцкизма. То, что у него остается по этой линии недосказанным, объясняется не тем, что он оставляет себе мостик для

отступления по этой линии, а тем, что он еще не избавился от остатков того, что в него въелось в период борьбы с нами. Но он явно старается избавиться от остатков этого [...].⁶¹⁶ Оппозиционность Паза носит несколько салонный характер. Он считает в общем свое дело выполненным изданием журнала и не старается пробиваться в массы. Он тоже далеко не без грехов в прошлом (отношение к герм[анским] соб[ытиям] 1923 г., борьба против лозунгов братания в марроканской войне⁶¹⁷ и пр.). Тр[эн] справедливо указал, что он готов признать свои ошибки по отношению к нам, но не к Пазу, который далеко не во всем стоял на нашей точке зрения. На ближайшее время придется ограничиться созданием Arbeitsgemeinschaft⁶¹⁸ между этими группами. Из всей франц[узской]. конференции, очевидно, ничего не выйдет пока. У Тр[эна] в «Redressement»⁶¹⁹ напечатано «На новом этапе». В «Contabl» напечатано заявление конгр[ессу] и послесловие к «Что дальше»⁶²⁰. Скоро выйдет брошюрой от имени обеих групп.

Критика проекта программы «Redressement» выходит не периодически.

Германия. Общее положение партии очень тяжелое. Здесь она тает катастрофически. Ловко проведенная правыми комбинация с дискредитацией только в свою очередь внесла большее смятение⁶²¹. Тельм[ан] решил мстить и подготавливает массовое исключение правых из партии. В кругах ЦК идут на потерю 20% партии. Правые развили большую активность, распространяют документы, готовятся к бою. К вопросу о них и нашем отношении к ним я еще вернусь.

В отношениях с нашими друзьями в Берл[ине] допущена ошибка. Ориентация была в основном на Веб[ера], который пока представляет собой круглый нуль, а от У. совсем отвернулись. Никто к нему не ходил, посылали к нему Веб[ера], который ставил ему ультиматумы, не давали ему документов и т. д., делалось все это на том основании, что мол Веб[ер], наш на 100%, а У. только на 90. Я насколько мог урегулировал дело с У., объяснил ему, что тов[арищи] новые и просто еще не познакомились с делом и т. д. Кажется, по старой дружбе он поверил мне. На будущее курс по отношению к нему будет изменен. Он вообще работает хорошо, имеет он 2000 рег[улярных] членов и примерно столько же симпатизирующих. Политически он не совсем силен, допускает ошибки (выступал против кам-

пании, против броненосца, затеял какую-то двусмысленную игру с правыми) и, главное, не имеет перспектив, которых он ждет от нас. Газеты обе слабоватые и живут в основном нашими материалами. Он пытается играть в независимость по отношению к нам, но в общем слушается и будет слушаться. Указанные выше два документа он напечатал уже.

Веб[ер] пока мертвый человек. Мы немного расшевелили его, заставили собрать сначала актив, а затем широкое собрание, которому мы написали письмо.

В результате этого они на следующий день выступили со своей резолюцией на веддингском активе и собрали 24 голоса против 63. Для начала это хорошо, но хватит ли духу на дальше, судить пока трудно.

Основной вопрос в Герм[ании] теперь — это отношение к начинающейся борьбе против правых.

Я имел разговор с их представителем. Они собираются дать большой бой, но не сомневаются, что будут разбиты. После исключения они будут издавать орган. На мой вопрос, что они будут говорить по «русскому вопросу» (дискуссия будет идти формально по вопросу о решениях VI конгр[есса]), он категорически отказался ответить. Как я выяснил другими путями, у них самих большие разногласия по этому вопросу, они решили его по существу обойти и касаться его лишь по линии партрежима. Здесь они будут осуждать ссылки и пр.

Наши поставили передо мной вопрос о том, как им себя держать в этой борьбе. Я на свою ответственность дал следующую директиву: резко выступать против правых политически, но не поддерживать организационных мероприятий против них.

Поскольку борьба против правых ведется тем же аппаратно-бюрократическим путем, каким она велась против нас, то непосредственно поддержать оргвыводы значило бы стать обеими ногами на почву сталинского режима. Выступая против правых политически, надо в дальнейшем перевести вопрос с рельс оргвыводов на рельсы критики партрежима, требовать, чтобы все спорные вопросы были свободно обсуждены партией и т. д. В связи с этим перевести дискуссию на почву принципиального обсуждения и русского вопроса. (Полагаю кстати, что в основном такова должна быть наша линия и здесь.) В этом духе и была составлена упомянутая выше веддингская резолю-

ция. Мне также удалось склонить на эту точку зрения и У., который строил какие-то комбинации.

Вообще я полагаю, что какие бы то ни было комбинации с правыми (хотя бы немецкими), выходящие за пределы этого, ничего кроме вреда и компрометации нам принести не могут. Конечно, и у правых есть люди, которые попали не по адресу. Когда человек попадает в оппозицию, он не всегда попадает в надлежащую дверь: попали же к нам Осинск[ий] и Сокольн[иков] в свое время. Таких людей, которые попали к правым по ошибке (из отвращения, скажем, к М[аслову] и Р[ут] Ф[ишер]), мы должны постараться отвоевать, но мы не можем иметь ничего общего с официальной идеологией брандлеризма.

М[аслов] и Р[ут] Ф[ишер] стоят теперь целиком на позиции Зиновьева и поддерживают с ним связь.

Их расчет — грубо говоря — пробраться во что бы то ни стало в партию, выждать и в нужный момент всплыть на поверхность. Да, о перспективах [сотрудничества] У. с Веб[ером]. Оно не только не возможно сейчас, но и не нужно.

Надо дать Веб[ером] подняться на ноги, если он еще способен на это, и посмотреть, что из него выйдет. Тогда и условия объединения можно будет обставить по иному, чем если бы мы заставили их сделать это теперь. Веб[ер] заявляет, что у него нет ни тени разногласий с нами в чем бы то ни было.

Критика проекта программы выйдет в Берлине в середине декабря у Lau[622], т. к. это издательство с соц[иал]-дем[ократической] репутацией, то на первой странице будет короткое заявление от редакции примерно в таком духе, что, хотя издательство не имеет ничего общего с изложенными в книге взглядами, оно издает ее, как теоретически и политически интересный документ.

Финансовые результаты будут мизерны — что-то около 500—600 руб. Расчеты на то, что эти вещи оторвут с руками и хорошо заплатят, не оправдались.

С трудом удалось вообще что-нибудь пристроить.

Бельгия. В-ов⁶²³ находится в тесной связи с Пазом. Через последнего идет все.

Газета выходит на франц[узском] и фламандск[ом] языке. Производит хорошее впечатление.

Что касается прочих стран, то пока сообщить много не могу. В ближайшие дни еду в Прагу, по дороге остановлюсь в Вене. Тогда сообщу и об этих странах.

Так как письмо пишется в спешном порядке, многое, вероятно, упущено. Постараюсь восполнить в последующих письмах. О себе также в другой раз.

Еще несколько слов об интерн[ациональной] конф[еренции]⁶²⁴. Полагаю, что она преждевременна по изложенным выше соображениям, и думаю, что на этой стадии дело кончится более или менее скандально. Все же, зная общую установку, я не высказался против нее. Созыв, очевидно, будет произведен У. примерно в декабре.

8 ноября, Берлин

К РАБОЧИМ ЗАВОДА № 1 имени АВИАХИМА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Одиннадцатую годовщину Великого Октября партруководство отметило массовыми арестами большевиков-ленинцев (оппозиции). В Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Баку, Тифлисе и др[угих] городах арестованы и брошены в тюрьму сотни пролетариев. Вся их вина заключается в том, что они мужественно боролись против извращения партийного режима, за спасение диктатуры пролетариата от натиска на нее враждебных сил.

Неспособное проводить правильную пролетарскую политику нынешнее партруководство совершило за последние годы ряд роковых политических ошибок. В результате этих ошибок хозяйство страны заведено в тупик; пролетариат разоружен в борьбе с враждебными ему классами; партия молчит, превратившись в голосующий придаток к партаппарату.

Не смея вступить в открытый идейный спор с оппозицией, сталинский партаппарат обрушился на нее целым потоком жесточайших репрессий. Аресты, тюрьмы, ссылки — все это изо дня в день сыплется на голову оппозиции. И все это только за то, что оппозиция говорит рабочему правду, одну лишь правду о тяжелом положении страны, о гибельном хозяйственном и политическом руководстве ЦК, о перерождении профсоюзного и партийного аппаратов, о зажиме на фабриках и за-

водах, о продолжающемся ухудшении жизненного условия пролетариата при все большем обогащении нэпмана, кулака и бюрократа.

За открытые выступления на рабочих собраниях с критикой руководства увольняют рабочих-оппозиционеров. За доведение до масс взглядов оппозиции — арестовывают большевиков-ленинцев. За разоблачение непролетарской линии заводского парт- и профаппарата подводят под сокращение рабочих-оппозиционеров, переводят их на хуже оплачиваемую работу, издеваются без конца и краю.

Каждый рабочий должен возвысить свой голос против этих издевательств аппарата.

Каждый рабочий должен организовать активный отпор разравшимся бюрократам.

И у нас на заводе происходит безобразное глумление над большевиком-ленинцем, старым рабочим, активным участником гражданской войны, одним из организаторов партизанской борьбы против Колчака⁶²⁵ — тов. Новиковым.

В течение 4-х лет тов. Новиков как рабочий-выдвиженец честно выполнял обязанности мастера цеха. Теперь тов. Новиков грубо и мерзко объявлен негодным работником и переводится на явно непосильную для него работу — конструктора. Все это делается для того, чтобы через несколько дней выбросить его за ворота завода. За что увольняют тов. Новикова? За честное и прямое разоблачение Ермолиных, Асташевых, для которых рабочие — это шатия. (Таким языком разговаривал секретарь ячейки тов. Асташев с рабочими. Позор.)

Все вы, товарищи, хорошо знаете всех этих Асташевых и Ермолиных. Вы знаете, что вся их работа сводится к подавлению всякой рабочей демократии на заводе. Зато они умеют выслуживаться перед начальством. Тут у них гибкая спина и мягкий разговор.

Подумайте, к чему приведет такое положение, когда лучших пролетариев будут за правдивую критику выгонять из завода. Нельзя этого допустить. Помните, что увольнение тов. Новикова — только начало. Если вы дадите уволить тов. Новикова, то развязанные заводские служаки используют это для расправы со всяким большевиком, который будет иметь мужество отстаивать ваши интересы. Протестуйте против увольнения тов. Новикова. Требуйте общего собрания рабочих для коллективного отпора посягательству бюрократов. Дружным

единым фронтом боритесь против издевательства над пролетарскими революционерами, борющимися за улучшение положения рабочего класса.

Долой бюрократов, организующих разгром пролетарских сил.

Долой подхалимов и карьеристов.

Да здравствует пролетарская демократия на заводах, фабриках и в пролетарских организациях.

Против сползания с пролетарских рельс. За ленинскую политику.

*Большевики-ленинцы
(оппозиция)*

ЗАДАЧИ КОЛДОВОЙ КАМПАНИИ⁶²⁶

Решающим для оценки продвижения нашей страны вперед по пути социалистического строительства являются рост производительных сил и перевес социалистических элементов над капиталистическими — в тесной связи с улучшением всех условий существования рабочего класса.

Стремление отодвинуть насущные интересы рабочих на задний план и под презрительным именем «цеховщины» противопоставлять их общеисторическим интересам класса представляется теоретически несостоятельным и политически опасным.

Из платформы большевиков-ленинцев (оппозиции).

Под «шум» борьбы с правой опасностью продолжается наступление капиталистических элементов города и деревни на классовые позиции пролетариата.

Создается реальная угроза ухудшения положения рабочего класса. Учащаются перебои в рабочем снабжении, растут цены на предметы широкого потребления, снижается индекс заработной платы.

Растут хозяйственные затруднения.

Правящая бюрократия намечает выход из затруднений за счет приостановления роста благосостояния пролетариата.

Тем более необходима, невзирая на все бюрократические препятствия, мобилизация всей рабочей и партийной ответственности вокруг вопросов положения рабочего класса.

I

Особенно внимательно необходимо подойти к цифрам, свидетельствующим о доле пролетариата в национальном доходе страны: ибо, если доля пролетариата в национальном доходе стабильна или падает, то это означает, что диктатура пролетариата больна, что за счет пролетариата возрастает удельный вес других классов. Опубликованные контрольные цифры Госплана за [19]28/29 г. не являются окончательными. Однако отчетная часть их, вероятно, не подвергнется сколько-нибудь существенным изменениям. Нижеследующие данные взяты из К[онтрольных]Ц[ифр]. Согласно К[онтрольным]Ц[ифрам], национальный доход в 1927/28 г. возрос по отношению к 1926/27 г. на 7,5%, национальный доход 1928/29 г. возрастет по отношению к истекшему на 10,4% и составит 27969 млн. руб. против 25336 млн. руб. в 1927/28 г.

Какова же доля пролетариата в национальном доходе страны? Темп роста доли лиц наемного труда в национальном доходе страны снижается с каждым годом, в 1928/29 г., согласно расчетам К[онтрольных]Ц[ифр], не увеличится вовсе. Темп роста абсолютной величины доходов городского пролетариата меньше, нежели темп роста доходов сельского населения.

Но данные, относящиеся к денежным доходам городского пролетариата дают слишком оптимистическую картину хотя бы потому, что не учитывают повышения квартирной платы, а также последнего займа индустриализации, который на известный период времени уменьшает покупательную способность рабочего класса. Приведенные выше данные говорят, что удельный вес пролетариата в стране растет с каждым годом медленнее, что 1928/29 г., если не будет радикально изменена политика по рабочему вопросу, принесет стабильность доли пролетариата в национальном доходе страны, а вероятнее всего — падение. Борьба за заработную плату стоит в порядке дня, ибо повышением реальной заработной платы пролетариат укрепит свои классовые позиции.

Отсюда максимальное внимание следует уделить предстоящей колдоговорной кампании, в результате которой определится на ближайший отрезок времени жизненный уровень рабочего.

Совершенно извращенную картину реальной заработной платы дают ныне официальные данные. Согласно последним, номинальная заработная плата в [19]27/28 г. возросла по от-

ношению к прошлому году на 11%, а реальная на 10%. Размер реальной заработной платы исчисляется, исходя из изменения индекса стоимости жизни, но последний страдает столь серьезными недостатками, что совершенно искажает действительность.

Современный индекс стоимости жизни сконструирован на основе бюджетных обследований конца 1926 г. В нем зафиксированы твердые пропорции покупок того или иного товара у кооперации, у госторговли и у частника. Конец 1926 г., когда был составлен действующий ныне индекс, характеризовался сравнительно спокойным состоянием рынка. В 1927/28 г. положение существенно изменилось, и пропорции покупок несомненно передвинулись в сторону частного рынка с его более высокими ценами. Кроме того, ряд товаров, входящих в состав бюджетного набора, фактически невозможно достать. Таким образом, индекс учитывает в ряде случаев не цены реальных товаров, а цены преysкрантные. В результате этих дефектов, индекс дает явно неверный, явно извращенный уровень реальной зарплаты. Ряд данных говорит за то, что она не повысилась. Так например, по Приокскому горному округу, Сормову, Ленинграду реальная зарплата начиная с апреля начала понижаться. На последнем пленуме ВЦСПС указывалось, что «перебой в рабочем снабжении и связанный с этим рост бюджетного набора оказывали крайне неблагоприятные влияния на заработную плату». По словам представителя ленинградских текстильщиков на том же пленуме ВЦСПС, зарплата понизилась на 10% вследствие увеличения квартирной платы и повышения стоимости коммунальных услуг. И таких сообщений можно привести множество из большинства рабочих районов. Из этого вытекает необходимость в нынешней кампании по перезаключению колдоговоров со всей решительностью поставить вопрос о повышении заработной платы.

Производительность труда возросла в 1927/28 г. против 1926/27 г., согласно К[онтрольным]Ц[ифрам] на 14,5%, тогда как заработная плата осталась, по-видимому, стабильной. Рост производительности труда в 1927/28 г. не был компенсирован соответственным ростом реальной зарплаты. Согласно плановым предположениям, отношение зарплаты к производительности труда должно было равняться 0,47. Если принять это соотношение, то реальная зарплата в 1927/28 г. должна была бы повыситься на 6,8%. Между тем, настолько она не по-

высилась, и, таким образом, рост производительности труда компенсирован не был. В 1928/29 г. намечается рост производительности труда в размере 17,5%, а рост номинальной заработной платы в размере 7%. Предположенная Госпланом цифра повышения номинала на 7% не только не компенсирует рабочему классу то значительное повышение производительности труда, какое было достигнуто в 1927/28 г., но не страхует даже нынешний уровень реальной заработной платы. Ведь теми же К[онтрольными]Ц[ифрами] намечается рост бюджетного индекса на 2,8%. Можно представить, насколько реальным окажется этот процент, если тот же Госплан проектировал снижение индекса в 1927/28 г. на 5%, а, по его же данным, он повысился на 1,5%. Но и запроецированные Госпланом 7% повышения заработной платы идет почти целиком за счет так наз[ываемого] самотека.

Недавно прошедший пленум ВЦСПС в качестве основного момента новой колдоговорной кампании признал, как об этом информирует «Правда» от 26/XI, «необходимость воздержаться от требования механического повышения заработной платы». «Дальнейшее повышение заработной платы в текущем году должно быть поставлено исключительно в зависимость от роста выработки рабочих, так наз[ываемого] самотека», — заявлял докладчик по этому вопросу на пленуме ВЦСПС. Мало того, так как «опыт прошлых лет показал, что этот «самотек» достигает значительных размеров», то в задачи коллективных договоров входит необходимость, как об этом сообщает директивное письмо ВЦСПС и ВСНХ, «предусмотреть путем правильного нормирования труда такое регулирование самотека, которое обеспечивало бы выполнение промфинпланов как в отношении производительности труда, так и заработной платы». Нужно решительно протестовать против ликвидации практики механического повышения заработной платы, против стремления обусловить рост ее исключительно ростом интенсивности труда рабочих.

Вместо решительных шагов, направленных в сторону повышения заработной платы рабочего, в обстановке все возрастающей дороговизны уровень его реальной заработной платы не страхует даже в минимальной степени. Рабочий класс не получит того, что он должен был бы ожидать, повысив производительность труда во много раз более повышения заработной платы.

Зато в отношении производительности труда требования к рабочему чрезвычайно велики, настолько, что даже хозяйственники в лице ВСНХ признают их чрезмерными. Так, на том же пленуме ВЦСПС (см. «Торг[ово-]пром[ышленная] газ[ета]» от 27/X—28 г.) выступивший представитель ВСНХ возражал против намеченного ВЦСПС повышения производительности труда на 17%, «он считает, что такого роста производительности труда мы не получим. С большим напряжением можно повысить производительность труда на 15%. Повышение производительности труда на 17% должно вызвать в октябре и ноябре одновременное сокращение по всей промышленности 90 тыс. раб[очих]».

До каких пределов выросла оторванность проф- и партбюрократии от пролетариата, если от лица рабочего класса высшие органы, долженствующие представлять его интересы, намечают подобные перспективы... Поистине эти перспективы «не внесут большой радости в среду рабочего класса», как говорил тов. Севастьянов на сентябрьском пленуме МК и МКК (Стен[ографический] отчет, с. 40).

В особенности в тяжелом положении остаются рабочие остальных в отношении заработной платы отраслей промышленности. Правда, для этих категорий рабочих (горной, части металлической, текстильной и химической пром[ышленности]) делается исключение, а именно в порядке механического увеличения заработной платы им дается 35 млн. руб. Но сумма эта чрезвычайно мала и может дать в лучшем случае повышение заработной платы на 1—2%, в то время как заработная плата этих категорий рабочих стоит на столь низком уровне, что, например, «в горной промышленности расплывает квалифицированную рабочую силу, число забойщиков все уменьшается и из-за недостатка квалифицированной рабочей силы не выполнены программы» (речь тов. Беленького на пленуме ВЦСПС).

Тарифная реформа в этом отношении не выполнена и в малой степени. Если ленинградские текстильщики получали в прошлом году 25% средней заработной платы по губернии, то сейчас они отстают на 35,7%. Такие районы, как Урал, как были, так и остались отсталыми в отношении заработной платы. Средняя заработная плата металлистов Урала равна 54 руб. 67 коп., в то время как средняя заработная плата рабочих по СССР равна 70 руб. 50 коп. Это объясняется тем, что прошлогодняя 30-миллионная прибавка была совершенно недостаточна для проведения тарифной ре-

формы, почему она и проводилась в большей степени за счет понижения сдельных расценок, 25% полученной [таким] об[разом] экономии шло на проведение тарифной реформы, а остальные на снижение себестоимости. Таким образом, тарифная реформа была проведена преимущественно за счет увеличения интенсивности труда рабочего.

Не выполнена и вторая задача, возложенная на тарифную реформу. Удельный вес ставки в общей сумме заработка у сдельщиков в среднем по всей промышленности поднялся от 40% до 60%. Последние месяцы 1927/28 г. характеризуются падением удельного веса ставки. Рабочий напрягает свои силы, чтобы выработать возможно больше, ибо его гнетет растущая дороговизна жизни.

Выделенный фонд в размере 35 млн. руб. совершенно недостаточен для завершения тарифной реформы. Очевидно, в этом году повторится то же, что и в прошлом, тарифная реформа будет проводиться за счет снижения расценок и понижения зарплаты более высоко оплачиваемых групп рабочих.

Минувший хозяйственный год характеризовался огульным пересмотром норм выработки. Например, по Югостали были пересмотрены нормы 60% сдельщиков, но Юмту — 65%. В этом году предполагается пересматривать нормы в течение всего года. В передовой статье «Правды» от 29 сентября, подтверждение этой линии дано в передовой «Правды» и от 14/XI—28 г., по этому поводу сказано следующее: «В предстоящую колдоговорную кампанию, как правило, работа по конкретному установлению норм выработки и сдельных расценок должна быть отделена от кампании по перезаключению колдоговоров и проводиться систематически в течение всего года на основе более правильных методов нормирования».

Эта же линия проведена и в директивном письме к проведению колдоговорной кампании ВСНХ и ВЦСПС. Подобная линия совершенно неприемлема. Как общее правило, нормы не должны в этом году пересматриваться вовсе. Интенсивность труда рабочих теперь весьма велика, и с дальнейшим нажимом в эту сторону необходимо решительно бороться. Пересмотр норм может допускаться лишь в случае технических изменений в самом процессе производства, причем достаточность причин, побуждающих пересмотреть нормы выработки, должна быть предварительно констатирована РКК.

В общем и целом, перспективы, которые открывают пряхипартбюрократы рабочему классу, столь мало привлекательны, что все чаще и чаще на страницах печати выносятся предложения о продлении сроков действия колдоговоров. Немало защитников этого проекта было и на пленуме ВЦСПС. В итоге, там, «где нет достаточных оснований для пересмотра содержания и условий существующих коллективных договоров, признано целесообразным по соглашению между союзными и хозяйственными органами поставить на обсуждение рабочих вопрос о продлении полностью колдоговоров на 1929 г.».

Только боязнь рабочей массы может толкать на подобные решения. Действительно, с чем идти к рабочему классу, если: 1) Заработная плата не повышается. 2) «Правовая часть, нормы и расценки не будут подвергаться пересмотру» (нормы и расценки пересмотрят потом «в порядке текущей работы», когда можно будет не обсуждать этот вопрос с рабочими, а ставить перед свершившимися фактами то одну, то другую группу их. 3) «Серьезные улучшения в области охраны труда тоже не связаны с проведением колдоговорной кампании, а 4) «такие моменты, как повышение норм спецодежды не могут служить платформой для перезаключения колдоговоров».

Подобная аргументация профсоюзных чиновников, стоявших на пленуме ВЦСПС за продление действия колдоговоров, со всей последовательностью вытекает из общей не пролетарской позиции, занятой всей проф- и партбюрократией.

II

Если столь неутешительна предстоящая кампания перезаключения колдоговоров, то еще менее утешительна заканчивающаяся кампания проверки выполнения старых договоров. Результаты более чем печальные: нет ни одного договора, который был бы выполнен целиком. «Обследование Крайсовпрофа (Ростов), — пишет «Труд», — дало сплошное игнорирование со стороны администрации тех обязательств, какие возлагаются на нее советским трудовым законодательством и коллективным договором. Обследование подтвердило, что профорганизации от высших до низших звеньев не ведут систематической и упорной борьбы с этими извращениями».

Проверка выполнения колдоговоров, которая должна быть систематической и каждодневной в течение года, проводится

ныне или посредством специального обследования чисто аппаратным путем, или по истечении года, перед самым заключением нового колдоговора объявляется специальная кампания; не удивительно, что есть сообщения об еще совершенно не начавшемся выполнении колдоговора ни по одному пункту (Донбасс). По значительному большинству предприятий колдоговор выполняется менее чем на половину.

Газеты сообщают: «Коллективные договора по уральским металлургическим заводам Миусскому, Саткинскому, Кусинскому, Симскому и многим другим нарушаются в значительной части». «Нет ни одной шахты в Кузбассе, где был бы выполнен колдоговор», проверка правильности подсчетов зарплаты показала, что в 24 предприятиях из 28 обследованных имелись обсчеты рабочих (неправильная оплата ночных и предпраздничных часов и т. д.) (Донбасс). «Союзные организации проверяют, насколько предприятия и учреждения выполняют свои обязательства перед рабочими. Оказывается, что почти повсеместно многие пункты колдоговоров систематически нарушаются» (Харьков). «По крупнейшему Владимирскому хлопчатобумажному тресту из 50 пунктов колдоговора не выполнены полностью или частично 25».

Невыполнение и грубое нарушение колдоговоров носит повсеместный характер. Оно стало системой, посредством которой оторвавшиеся от рабочей массы парт- и профбюрократы пытаются найти обоснованный выход из хозяйственных затруднений за счет рабочего класса.

Главнейшие нарушения и невыполнения колдоговоров идут по линии зарплаты, охраны труда, рабочего времени, найма и увольнения рабочей силы, обязательств по отношению к подросткам и др.

Наиболее часто не выполняются следующие пункты колдоговоров:

1) Зарплата выдается не вовремя. Обычно в колдоговорах указывается, что зарплата должна выдаваться в рабочее время. Пункт этот грубо нарушается, рабочий должен затрачивать на получение зарплаты много времени за счет часов своего отдыха.

2) Зарплата выплачивается с задержкой, с опозданием на несколько дней. Встречаются случаи, что зарплата систематически выдается с опозданием на одну и более недель.

3) Происходит массовый обсчет рабочих. Для обсчета пользуются разными методами. Наиболее общепотребительны не-

выплата за простои, которые происходят не по вине рабочих, недовыработка норм опять же не по вине рабочих, как например, в Иваново-Вознесенске, где на хлопчатобумажных фабриках имели массовый характер недовыработки вследствие того, что хлопок был заражен широй (рвань). На металлургических заводах брак не по вине рабочих не оплачивается администрацией полностью. Не оплачиваются сверхурочные, не компенсируется работа в ночное и праздничное время, а подчас и просто происходит неправильное исчисление среднего заработка.

«Труд» пишет, что «по крупнейшим трестам Урала — Уралмету, Уралплатине, Уралцветмету,— новые расценки по вине администрации введены были лишь только с марта и даже с мая месяца, причем никаких доплат рабочим произведено не было.

1. ТНБ работают на «глазок». Рабочих не вовлекают в работу ТНБ.

2. Вместо того чтобы придать широкий общественный гласный характер работе ТНБ, их на деле превратили в бездушный и бюрократический аппарат.

3. ТНБ становится орудием в руках спецов и партчиновников, вызывая со стороны рабочих озлобление и недовольство.

4. Установление несправедливых расценок. Последние несвоевременно сообщаются рабочим. Произвольные расценки ТНБ нервируют рабочих. По громадному количеству заводов Урала и юга практикуется различная расценка в одном и том же предприятии по отношению к исполнению совершенно одинакового вида работ. Расценки часто не рассматриваются в РК.

5. Массовый характер имеют нарушения колдоговоров при переводах с одной работы на другую (вследствие простоев или срочности некоторых видов работ), причем переводимые рабочие оплачивались по выполняемой работе, а не по среднему заработку.

6. Практикуются переводы из одного разряда в другой низший, с уменьшением заработка. Администрация делает это под видом упрощения работ.

Практикуются частые переброски с одного вида работ на другой, причем рабочих не оплачивают по старой расценке, а выработка на новой работе, как бы квалифицирован рабочий ни был, должна в первое время упасть. В результате частых перебросок рабочие декоммуницируются.

При огульном пересмотре норм и расценок в прошлом году ссылались на рационализацию производства. В огромном большинстве случаев эта рационализация проводилась за счет рабочего и результатом ее было уплотнение работ.

7. Широко практикуется прием временных рабочих на постоянную работу. Временных рабочих держат по много месяцев и не зачисляют в штат. На этом администрация выгадывает спецодежду, не выплачивает выходного пособия и т. д. Экономия на этой статье пользуется достаточной популярностью. В Москве («Труд» от 24/X—[19]28 г.) спрос на рабочую силу приходится преимущественно на временные работы. Так, из 384958 мест, заявленных в Моск[овской] бирже труда за апрель—сентябрь, на временные работы падает 351057 мест.

8. Рабочее время удлиняется сверх 8 часов, несмотря на готовящийся переход к семичасовому дню. Сообщений об этом более чем достаточно. Сверхурочные работы применяются в ряде мест чрезвычайно широко. 42-часовой рабочий отдых сплошь и рядом сводится на нет.

«Шестичасовой рабочий день на шахтах в Донбассе еще до сих пор не проведен,— пишут газеты.— Там же, где он уже осуществлен, он проходит безобразно, со снижением заработной платы некоторых категорий рабочих». По 184 шахтам Донугля 34,8% угольных рабочих пересидживают свыше 6 часов от 10 минут до 2 часов» («Труд» от 6/XI). В то же время в «Черемхове» рабочий день загонщиков длится 8—9 часов.

9. Обязательства, налагаемые колдоговорами на администрацию по отношению к детям рабочих, подросткам, не выполняются. Начатая в центре борьба против фабзаучей докатилась на места в виде проведения ряда мер, направленных к сохранению фабрично-заводского ученичества, незаполнения брони, свертыванию профессионально-технических курсов и т. д. В ряде мест значительная часть молодежи остается без квалификации. Окончившие ФЗУ по несколько лет числятся в запасе. «Квалифицируют для бирж труда»,— как иронизирует печать рабочей молодежи. Не выводят подростков из брони, нанимая рабочих со стороны. Нажим на рабочую молодежь проявляется и в виде применения неправильных разрядов и несправедливых тарифов.

Недавно принятый закон о нормах брони подростков (от 1 августа 1928 года) значительно снижает существующие нормы.

10. Не выполняются колдоговора в части спецодежды. Спецодежда по ряду заводов вовсе не выдается. Зачастую выдается с опозданием на полгода и более. Качество спецодежды повсюду совершенно неудовлетворительное. Во многих предприятиях она не соответствует характеру работы. Спецодежда не заменяется по мере действительного ее износа, а в зависимости от действующих сроков носки.

11. Особенно часты случаи нарушения колдоговоров в части устройства яслей, бань, прачечных, столовых и т. д., затрагивающие наиболее забитую часть рабочей массы, женщин-работниц.

Совершенно не выполняются нормы Наркомздрава относительно охвата детей работниц яслями: вместо 180 мест в яслях на 1000 работниц приходится в настоящее время от 10 до 76 («Труд» от 13/XI [19]28 г.).

12. Повсеместно экономятся средства на проведение мероприятий по технике безопасности.

Т[оргово]п[ромышленная]г[азета] пишет: «Не использованы средства на технику безопасности по Днепропетровщине, на всех без исключения заводах металлопромышленности (зав[оды] им. Петровского, Коминтерна, Карла Либкнехта и др[угие]). Неудовлетворительное положение работ по технике безопасности ведет к тому, что за три квартала на металлургических заводах Днепропетровска зарегистрировано 7200 несчастных случаев. Травматизм составляет у металлистов 44% общей заболеваемости рабочих. На заводе им. Ленина на каждых 2 раб[очих] в году приходится 3 несчастных случая».

«Наркомтруд Украины выяснил, что из 12 млн. руб., ассигнованных на мероприятия по технике безопасности, израсходовано только 38%, а по некоторым предприятиям от 5 до 10%».

На Урале массовый характер носит невыполнение плана работ по охране труда. Из назначенных сумм израсходовано только 12—20%.

В результате, количество несчастных случаев сильно растет. Растут они и в Москве: на заводе «Трубо соединение» (Армтрест) число несчастных случаев за 26/27 г. на 1000 полных годовых рабочих с утерей трудоспособности более 3 дней — 1057, на пуговичной фабрике им Балакирева — 788, Машиностроительном заводе Красной Пресни — 610. Несмотря на это, МСНХ предусмотрел уменьшение затрат на охрану труда («Рабочая Москва»).

Только по РСФСР за 1926/27 г. остались неиспользованными 5,5 млн. руб., а за [19]27/[19]28 г.— 8,2 млн. руб. В результате «техника безопасности в большинстве своем существует только для регистрации несчастных случаев» («Торгово-промышленная газета» от 20/X 28 г.).

13. Достаточно известны тяжелые условия рабочего жилья. В ряде колдоговоров указывается на ремонт жилья. Этот пункт по крупнейшим рабочим районам не выполняется.

14. Вопиющие безобразия наблюдались при сокращении рабочих по рационализации. Выходное пособие по рационализации, как общее правило, получали только рабочие рационализированного цеха, тогда как увольняемые по причине рационализации в данном цехе рабочие других цехов получали лишь обычное выходное пособие. РКК должна внимательно изучать причины увольнения каждого рабочего и, если увольнение связано с рационализацией, хотя бы и не в том цехе, где работал увольняемый рабочий, РКК должна требовать выходного пособия по рационализации.

III

В платформе большевиков-ленинцев (оппозиции) было выставлено требование обеспечения восьмичасового рабочего дня, этого основного завоевания Октябрьской революции. Это серьезное обоснованное требование перекрыли демагогическими выкриками о семичасовом рабочем дне. Что же показывает действительность? «Труд» от 11 ноября 1928 г. в статье под многозначительным заголовком «Обеспечен ли рабочим 8-часовой рабочий день» пишет: «Оказывается, в текстильной промышленности нарушения 8-часового рабочего дня носят массовый хронический характер».

Очевидно, понадобился целый год после заявления оппозиции, для того чтобы ЦК текстильщиков начал интересоваться вопросом: «Гарантирован ли рабочим 8-часовой рабочий день»...

Одновременно практика перехода на 7-мичасовой рабочий день убедительно показала, насколько правы были большевики-ленинцы, когда указывали в свое время на несвоевременность перехода на сокращенное рабочее время и необходимость серьезнейшей экономической и технической подготовки этого мероприятия.

Председатель Правительственной комиссии по проведению 7-мичасового рабочего дня нарком труда Шмидт, перечислив

ряд «положительных моментов», вынужден был заявить, что, «к сожалению, все эти положительные моменты в значительной мере умаляются недочетами при проведении 7-мичасового рабочего дня». 7-мичасовой рабочий день проводился без достаточной, а в целом ряде случаев, вообще без всякой подготовки. Опыт перевода текстильных предприятий на 7-мичасовой рабочий день и три смены показал следующее: а) рабочие, набранные вновь на фабрику (числом около 20 тыс.), не были обеспечены жилищами; б) вследствие уплотнения работы были поставлены столь высокие требования интенсивности труда рабочих, что они, особенно в третьей ночной смене, оказались совершенно невыполнимыми; женщины (а в текстильном производстве женщины составляют до 60% всех рабочих), работая ночью, а днем будучи вынужденными заниматься домашним хозяйством, чрезвычайно сильно утомлялись и, таким образом, попадали в совершенно невыносимые условия; в) номинальная зарплата на предприятиях, переведенных на 7 часов, росла медленнее, нежели на предприятиях, не переведенных на 7 часов, что объясняется сильным нажимом на интенсивность труда путем повышения норм, снижения расценок и уплотнения труда; г) условия на предприятиях с точки зрения охраны труда были весьма неудовлетворительными: скверная вентиляция, высокая температура, особенно в третьей смене и т. п. 7-мичасовой рабочий день не был оправдан экономически и не нашел положительного политического отзвука в рабочем классе. Все это привело к тому, что политический эффект этого мероприятия был весьма мал, что должен был признать и Шмидт на пленуме ВЦСПС. У нас нет никаких гарантий, что старые ошибки не будут повторены и что самая идея перехода на 7-мичасовой рабочий день не будет окончательно скомпрометирована. В течение 1928—[19]29 г. намечено к переводу на 7-мичасовой рабочий день более 200 предприятий с числом рабочих около 250 тыс. 41 предприятие переводится к XI годовщине Октября. Уже это обстоятельство само по себе говорит за то, что перевод на 7-мичасовой рабочий день проводится без должной подготовки. Проводить такое мероприятие в порядке кампании нельзя — это надо заявить совершенно определенно. Если в прошлом году переход на 7-мичасовой рабочий день связывался с введением третьей смены, то в этом году в большинстве случаев, особенно в текстильной и табачной промышленности, дополнительная

смена введена не будет, вследствие сырьевых затруднений. Не трудно понять, что если предприятие переводится на 7-ми-часовой рабочий день по причине сырьевых затруднений, то в такой обстановке 7-мичасовой рабочий день не является достижением, а наоборот, свидетельствует о затруднениях в промышленности.

В связи с колдоговорной кампанией важно поставить вопрос о тарифе отчислений по социальному страхованию. Целый ряд страховых органов переживает серьезный финансовый кризис: в Харькове, Донбассе, Минске, Омске и т. д. И этот кризис переживался, несмотря на незначительность пособий по всем видам социального страхования, несмотря на ограниченное число лиц, получающих, например, пособия по безработице. 1927/28 г. снова принес повышение числа безработных. Безнадежность поисков работы и весьма низкое пособие, да и то небольшому числу безработных (не более 30% зарегистрированных на Бирже труда получает пособие), вызывали волнения безработных в ряде городов. В 1927/28 г. на помощь безработным было ассигновано 134,7 млн. руб., а средний размер пособия квалифицированного безработного был равен 14,5 руб. — цифра явно недостаточная. Средний размер союзного пособия был равен примерно 8—10 руб. В 1928/29 г., согласно К[онтрольная]Ц[ифра], ассигнования на безработицу будут увеличены до 165,8 млн. руб., а средний размер пособия квалифицированного безработного возрастет до 15,5 руб., т. е. реально останется в лучшем случае на уровне 1927/28 г. Подобное положение приведет к серьезным политическим последствиям. Необходимо требовать расширения круга безработных, получающих пособие, и увеличения фондов помощи безработным профсоюзам. Кризис финансов социального страхования, так же как и настоятельная необходимость усилить эту работу, должны заставить отказаться от применения льготных тарифов отчислений хозорганов на соцстрах. Хозорганы должны отчислять по нормальному, но не по льготному тарифу. Это требование должно быть оговорено в специальном пункте колдоговора.

Практика настоящего времени показывает, что из фондов социального страхования производится изъятие средств на посторонние социальному страхованию нужды. Эта практика должна быть решительно ликвидирована.

IV. Наши требования

Необходимо требовать механического увеличения зарплаты на 5%. При запроектированном Госпланом повышении зарплаты на 7%, из которых 1,5—2% падает на механическое повышение зарплаты, а на «самотек» —5%, общий рост зарплаты составит тогда 10%. Эта цифра соответствует запроектированному темпу роста доходов сельского населения (9,6%). Меньший процент повышения зарплаты означал бы понижение удельного веса дохода пролетариата в общем доходе страны, т. е. иными словами, — перераспределение национального дохода не в пользу рабочего класса.

Наряду с этим, необходимо требовать радикального пересмотра способов измерения реальной зарплаты, в частности радикального пересмотра ныне действующего индекса стоимости жизни, как находящегося в вопиющем противоречии с действительностью.

Находящийся в особенно тяжелом положении женский труд должен быть улучшен. В то время как средний заработок промышленного рабочего по всему Союзу равен 70 руб. 50 коп., средний заработок работницы составляет всего лишь 45 руб., т. е. около 65% среднего заработка рабочего. Зарплату работницы нужно подтянуть.

Неудовлетворительное проведение тарифной реформы заставляет требовать увеличения размера правительственного ассигнования на проведение реформы, отказа от огульного пересмотра норм и расценок и снижения заработка у скольких-нибудь значительных групп рабочих. В случае невозможности провести реформу за счет правительственного ассигнования и без пересмотра норм и расценок, — не проводить ее вовсе. Ввиду явной недостаточности ассигнований в [19]27/28 г. на охрану труда и неиспользования их по прямому назначению необходимо требовать увеличения ассигнований на мероприятия по охране труда, в частности на мероприятия по технике безопасности.

Нужно самым решительным образом возражать и не допускать удлинения сроков действия колдоговоров.

Нужно со всей решительностью начать борьбу с практикующимися в настоящее время массовыми обсчетами рабочих, незаконными приемами, увольнениями и установлением несправедливых расценок. Лозунг — равная зарплата за равный труд — остается в полной силе.

Нужно бороться против сокращения норм брони и ассигнований на школы фабзавуча, нужно поставить вопрос о своевременной квалификации подростков.

Нужно требовать прекращения злоупотреблений с временными рабочими, особенно опасными ввиду массового их характера. Мы выдвигаем требование, чтобы администрация согласовывала с профсоюзными органами перечень временных работ во избежание злоупотреблений в этой области.

Нужно требовать отказа от проведения 7-мичасового рабочего дня в порядке кампании.

Следует добиваться упразднения льготного тарифа по социальному страхованию.

В качестве общего требования нужно выставить лозунг «100% [ное] выполнение колдоговоров».

Наконец, в связи с колдоговорной кампанией нужно выставить требование улучшения снабжения рабочих продуктами питания и предметами первой необходимости, без чего подвергается опасности жизненный уровень рабочего.

Все эти требования предполагают самую решительную борьбу против профсоюзных и партийных бюрократов за действительную рабочую и партийную демократию.

СПРАВКА

о деятельности троцкистской оппозиции в празднование Одиннадцатилетия Октябрьской революции

12 ноября 1928 г.

Деятельность троцкистской оппозиции за время октябрьских торжеств была значительно слабее в сравнении с предыдущими выступлениями (см. сводку РК от 1 ноября с. г.)⁶²⁷.

На торжественных собраниях предприятий, посвященных Одиннадцатой годовщине Октября, в прениях по докладам оппозиционеров не было.

5 и 6 ноября разбрасывались и расклеивались листовки, посвященные празднику и якобы произведенным арестам троцкистов.

В воззваниях говорится, что оппозиция год назад требовала наступления на нэпмана и кулака. Требовала выполнения завещания Ленина, улучшения материального положения ра-

бочих и что прошедший год целиком подтвердил взгляды оппозиции. Руководство партии оказалось несостоятельным и неспособным на решительную борьбу с правой опасностью, и оно привело к осложнению международной и внутренней обстановки. В воззваниях требуется: повышения зарплаты, организации союза бедноты, созыва чрезвычайного партсъезда на основе тайного голосования, освобождения арестованных и высланных оппозиционеров и восстановления их в партии. Выдвинут лозунг выборов оппозиционеров в партийные и профессиональные организации и в Моссовет.

На фабриках №№ 2, 3 и 5 Москвошвей, «Пролетарский труд», имени Петра Алексеева⁶²⁸ и целом ряде других предприятий разбрасывались листовки.

На внешних стенах мебельной фабрики имени Рыкова вечером 6 ноября были наклеены листовки, ячейка их срывала, а утром 7 числа были вторично расклеены листовки.

В типографии «Гудок» в раздевальных ящиках были разбросаны листовки.

На заводе «Пролетарский труд» накануне праздника в 11 часов ночи неизвестно для чего пришел один рабочий завода — оппозиционер, а спустя некоторое время обнаружили листовки.

На фабрике № 5 Москвошвей по докладу об Одиннадцатой годовщине Октябрьской революции докладчику оппозиционерами поданы следующие вопросы:

1) Как фамилии возглавляющих правый уклон и почему их скрывают от партии. 2) Вы сказали: правая и левая опасность для страны вредны. Мы хотим знать, почему за левую опасность загоняют в Алма-Ату и в Нарым и сажают в тюрьмы, а правым дают руководящие посты. 3) Дорогой докладчик, хороши успехи у рабочего класса. Партийным и профбюрократам повышают партмаксимум три раза в год, теперь дошли до 275 рублей, а рабочему классу, ввиду отсутствия продуктов, приходится покупать их на частном рынке и реальная зарплата падает, а ее не повышают.

7 ноября листовки разбрасывались на Красной площади среди демонстрантов.

В колонну завода «Авиаприбор» около мавзолея Ленина неизвестным брошена пачка листовок (штук 40).

После прохождения колоннами трибуны около храма Василия Блаженного проходящим демонстрантам раздавались листовки.

Когда с Красной площади проходила фабрика «Пролетарский труд», один человек (по непроверенным сведениям, «Свердловец») ⁶²⁹ кинул в колонну пачку листовок.

Нужно заметить, что оппозиционеры — рабочие предприятий (фабрики щц 2, 3 и 5 Москвошвей) шли на демонстрацию в колоннах со всеми фабриками и никаких выступлений с их стороны не было.

8 ноября оппозиционерами разбрасывались листовки на работавших предприятиях. В хлебопекарне № 26 какая-то женщина бросила в окно через решетку пачку листовок и скрылась. В эти же дни листовки разбрасывались и по общежитиям.

Листовки большей частью печатались типографским шрифтом, но ручным способом, часть же на стеклографе. Особо отмечается, что на части листовок указывается, что печатались в Ленинграде.

Необходимо отметить, что ячейки приняли решительные меры для борьбы с распространением листовок.

Зав. Информ[ационным] П[од]отделом
(Гречушкин)

ОКТАБРЬСКАЯ ГОДОВЩИНА В МОСКВЕ

Одиннадцатая годовщина Октябрьской революции в Москве прошла в условиях чрезвычайных мер охраны, предпринятых трусливым партийным руководством. За десять дней до праздника начались аресты большевиков-ленинцев, обыски и засады в их квартирах, продолжавшиеся 29, 30 и 31 октября. Всего в эти дни арестовано было 50 товарищей. Не ограничившись этим, партийное руководство распорядилось через райкомы и ГПУ установить усиленное наблюдение за рабочими-оппозиционерами, о чем последние были предупреждены теми самыми партийцами, которым многомудрое начальство поручило вести наблюдение. Были «подтянуты» созданные месяца два назад дружины свистунов и громил, получившие наименование «дружин по борьбе с оппозицией». На обязанность этих дружин была возложена организованная охота за листовками оппозиции и теми, кто их расклеивает. Бюро ячеек посвятили очередной кампании борьбы с оппозицией спе-

циальные заседания, где обсуждались директивы начальства не допустить выступлений большевиков-ленинцев на вечерах воспоминаний. Вопросом чести для аппаратчиков было выполнить эту директиву, и они выполнили ее — отменив вечера воспоминаний вовсе. Собственно, вечера воспоминаний были, были докладчики и доклады, но рабочим вспоминать не разрешалось, т. к. нужно было выполнить директиву.

Несмотря, однако же, на все строгие предупредительные меры, листовка большевиков-ленинцев была распространена на многих предприятиях 5 и 6 ноября, разбрасывалась в колоннах демонстрантов и даже на Красной площади, перед трибуной. Об этом свидетельствует казенная сводка от 12 ноября за подписью некоего казенного информатора Гречушкина ⁶³⁰. Этот информатор меланхолично повествует: «5 и 6 ноября разбрасывались и расклеивались листовки, посвященные празднику и якобы (якобы!) произведенным арестам троцкистов» ... «На фабриках №№ 2, 3, 5 Москвошвей, «Пролетарский труд», имени Петра Алексеева и целом ряде других предприятий разбрасывались листовки. На внешних стенах мебельной фабрики имени Рыкова вечером 6 ноября были наклеены листовки, ячейка их срывала, а утром 7 числа были вторично расклеены листовки. В типографии «Гудок» в раздевальных ящиках были разбросаны листовки. На заводе «Пролетарский труд»... обнаружались листовки...» «7 ноября листовки разбрасывались на Красной площади среди демонстрантов. В колонну завода «Авиаприбор» около мавзолея Ленина неизвестным брошена пачка листовок. После прохождения колоннами трибуны, около храма Василия Блаженного, проходящим демонстрантам раздавались листовки. Когда с Красной площади проходила фабрика «Пролетарский труд», один человек кинул в колонну пачку листовок...» «8 ноября оппозиционерами разбрасывались листовки на работавших предприятиях. В Хлебопекарне № 26 какая-то женщина бросила в окно через решетку пачку листовок и скрылась. В эти же дни листовки разбрасывались и по общежитиям».

Это меланхолическое повествование казенного информатора заканчивается бурным бюрократическим аккордом: «Необходимо отметить, что ячейки приняли решительные меры для борьбы с распространением листовок».

Ну, еще бы. Разве напрасно тратится миллион рублей на бюрократически-паразитический аппарат партии и профсою-

зов? Разве напрасно попечительное начальство повысило перед праздником партийный максимум (и только испугавшись возмущения рабочих, задержало его проведение в жизнь)? Только и здесь, в деле борьбы с оппозицией, аппарат сфальшивил и не справился с задачей. Примеров достаточно приведено в казенной сводке. Но она далеко не полна. Мы можем прибавить многие десятки крупнейших предприятий Москвы, где были разбросаны тысячи оппозиционных листовок (среди них «Морзе», МОГЭС, «Икар», «АМО», «Динамо», «МЭМЗА», «Красная роза», «Каучук», трамвайные парки и многие др[угие]). И мы можем сообщить сотни случаев, когда рабочие, партийные и беспартийные, распространяли эти листовки и не потому ли всемогущие бюрократы оказались бессильными бороться с оппозицией перед 7-м, 7-го и после 7-го ноября, что с ней была рабочая масса.

Одиннадцатая годовщина Октябрьской революции в Москве свидетельствует, что никакими репрессиями, гонениями и издевательствами ленинской оппозиции от рабочего класса не оторвать.

*Большевики-ленинцы
(оппозиция)*

Товарищ, прочитав, передай другому!

[После 12 ноября 1928 г.]

Л. Троцкий. ЧТО ТАКОЕ СМЫЧКА?

Слово это вошло в международный обиход. Ни о чем так много не говорили после смерти Ленина, как о смычке. И, пожалуй, ни в одной области так много не путали, как в этой. В сущности, всю теорию социализма в отдельной стране вывели из смычки. Ход мыслей был таков: раз смычка есть правильное или становящееся все более правильным взаимоотношение между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством, то не ясно ли, что постепенное, хотя бы и медленное, развитие производительных сил на фундаменте смычки автоматически ведет к социализму (если не помешает интервенция).

Все это рассуждение построено на целом ряде ученических ошибок. Оно исходит, прежде всего, из того, будто смычка уже осуществлена. Кризис хлебозаготовок⁶³¹ явился решающим опытным опровержением этой мысли, которую мы задолго до

того подвергли теоретической критике. Но и действительно осуществленная смычка между промышленностью и крестьянским хозяйством представляла бы собой не фундамент будущего национального социалистического хозяйства, а лишь фундамент правильных и устойчивых взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством отдельной страны на весь период «передышки», т. е. либо до войны, либо до революций в других странах. Победа пролетариата в передовых странах означала бы для нас радикальную перестройку самого хозяйственного фундамента в соответствии с более продуктивным международным разделением труда, которое одно только и может создать настоящий фундамент для социалистического строя.

Наконец, третья ошибка состоит в том, что в течение переходного периода смычка, даже и достигнутая в том или другом виде, сегодня вовсе не включает в себе гарантии своей устойчивости на завтрашний день. От дисгармонического и потому кризисного капиталистического хозяйства мы стремимся перейти к гармоническому социалистическому хозяйству. Но переходный период вовсе не означает постепенного потухания противоречий и смягчения кризиса. Наоборот, уже и теоретический анализ должен предсказать, что сосуществование двух систем, капиталистической и социалистической, одновременно и борющихся между собой и питающих друг друга, должно, время от времени, придавать кризисам неслыханную остроту. Плановое начало и, не в последнем счете, регулировка цен если не парализуют, то крайне ослабляют механизм рынка, который по-своему преодолевает капиталистические противоречия.

Плановое начало в переходный период по самому существу своему является в известной мере инструментом обобщенных кризисов. Это совсем не парадокс. Плановое начало, в условиях переходной эпохи применяемое впервые, в отсталой стране, да еще с зыбкими международными экономическими отношениями, уже в самом себе заключает огромный риск просчетов. Лаплас⁶³² говорил, что мы могли бы предвидеть будущее во всех областях, если б имели ум, способный учитывать все процессы вселенной, понимать их взаимодействие и проецировать их будущее. Такого ума не было и у Лапласа. Не будем вдаваться в вопрос о том, каков процент Лапласов в нынешнем руководстве. Необходимость априорного разрешения хозяйственных за-

дач, которые формулируются уравнением с огромным числом неизвестных, неизбежно ведет к тому, что путем плановой регулировки и пригонки частей устраняют иногда частные затруднения, загоняя их внутрь и накапливая и подготавливая таким путем обобщенные кризисы, которые взрывают уже как будто наладившиеся экономические взаимоотношения.

Если прибавить к этому низкий теоретический уровень и практическое короткомыслие хозяйственного руководства, то нетрудно понять, что плановое начало может стать самоубийственным орудием, доводя кризисы до напряжения, угрожающего всей системе в целом.

Классическим примером является все тот же хлебозаготовительный кризис, ибо он идет по линии взаимоотношений между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством, т. е. именно по линии уже будто бы обеспеченной смычки. Все на том же Седьмом пленуме ИККИ, который осудил оппозицию, а с нею вместе и марксизм, Бухарин, как известно, выбрал как раз вопрос хлебозаготовок обеспеченность⁶³³ автоматического укрепления смычки и социализма. Бухарин говорил:⁶³⁴

Это его обличение, столь широко скомпрометированное дальнейшим ходом хозяйственной жизни, полностью вытекает из механического представления об экономике переходного периода как об экономике потухающих противоречий. Наиболее абстрактным и наиболее законченным в своей схоластической безжизненности выражением этого взгляда явилась та статья Бухарина, которая мотивировала постановление Седьмого пленума ИККИ о нашем социал-демократическом уклоне. Статья эта из абстракции оценки дедуктивно выводила абстракцию социализма в отдельной стране и требовала от нас, чтобы мы указали тот пункт, ту грань, где планомерный процесс укрепления смычки и ее перерастания в единое плановое хозяйство мог бы быть прерван какими-либо внутренними факторами. Бухарин писал:⁶³⁵

В эту схему возрастающей гармонизации взаимоотношений города и деревни и экономики вообще Бухарин без труда включал все практические хозяйственные вопросы. Крестьянство обогащалось, кулак вращался в социализм. Незачем говорить, что хлебозаготовки шли из года в год лучше. Мы говорим о бухаринской схеме. В речи своей на Седьмом пленуме ИККИ Бухарин выбрал вопрос о хлебозаготовках для иллюст-

рации противоречия между троцкистским и партийным пониманием хозяйственных проблем. Вот что сказал Бухарин:⁶³⁶

Рыкову пришлось в июле 1928 года признавать, что он на Пятнадцатом съезде давал неправильную оптимистическую картину хозяйства, не предвидя хлебозаготовительного кризиса и его остроты. Между тем, этот кризис был совершенно точно предсказан в ряде документов оппозиции, а еще раньше в нашем докладе о промышленности на Двенадцатом съезде, когда впервые была формулирована проблема ножиц.⁶³⁷

Предупреждение, несмотря на всю свою ясность, не было ни усвоено, ни даже понято. Наоборот, оно послужило основой для обвинений в сверхиндустриализме, которые в свете нашего хозяйственного опыта не могут быть иначе названы, как идиотскими.

Какой процент в хлебозаготовительном кризисе заложен в объективных противоречиях планового начала в крестьянской стране, а какой вытекал из мелкобуржуазного, пассивно-выжидательного хвостистского отношения к проблеме смычки, на этот вопрос, конечно, нельзя ответить с математической точностью. Но совершенно несомненно, что исключительное сгущение кризиса является результатом теоретической схоластики и практического короткомыслия.

Положительная проблема смычки с 1923 года встала, как отрицательная проблема ножиц. Административное регулирование цен при неправильной политике в области распределения национального дохода и в вопросе о диспропорции загоняло, до поры до времени, противоречия внутрь, скрывая их от глаз и питая бухаринскую иллюзию потухающих противоречий. От руководителя торговли Микояна мы слышали в 1926 году, что если государственные тресты с трудом поддаются регулировке, то в отношении хозяйственных функций в деревне задача осуществлена на 100%. Это то же самое, как если бы сказать, что...⁶³⁸

Таким образом, теоретическая схоластика переходного периода заполнялась практикой спиритизма в руководстве внутренней торговлей. Хлебозаготовительный кризис 1927 года явился оптовой расплатой за блуждания и ошибки предшествующих лет, вернее сказать, началом расплаты.

Проблема ножиц дает проблеме перерастания демократической революции в социалистическую совершенно точное рыночно-числовое выражение.

От уничтожения самодержавно-помещичьего режима крестьянство выгадало на земельной ренте и налогах около пятисот миллионов рублей. На ножницах, т. е. на изменении соотношения промышленных и сельскохозяйственных цен крестьянство теряет около полутора миллиардов в год. Таковы основные индексы смычки. Крестьянский выигрыш на земельной ренте есть окончательный баланс демократической революции. Крестьянский проигрыш на ножницах цен есть не окончательный, а сегодняшний баланс социалистической революции. Государственная промышленность обменивает продукты на продукты крестьянского труда с миллиардным минусом для крестьянина по сравнению с довоенным временем. Когда эти иллюстративные цифры были впервые приведены нами на одном из пленумов ЦК, их попытались, разумеется, оспорить. Яковлев, известный укротитель цифр, попытался свести ценностный дефицит крестьянского хозяйства к тремстам — четыреста миллионов рублей. Хлебная забастовка верхних слоев крестьянства показала, что справиться с хозяйственной материей труднее, чем с ее статистическим отражением. Но даже и укротитель арабских цифр Яковлев не решился отрицать, что баланс двух революций, демократической и социалистической, сводится пока для крестьянства — при одном положительном слагаемом и другом отрицательном — с итоговым минусом в несколько сот миллионов.

Разумеется, под демократической революцией я имею в виду не февральскую, которая ничего мужику не дала, а октябрьскую, которая радикально разрешила аграрный вопрос. Крестьянство очень четко различало демократический и социалистический этапы революции, высказываясь за большевиков, но против коммунистов. Отступление НЭПа явилось прямым результатом мужицкого подсчета выгод и убытков от демократической и социалистической революции.

Практически задача смычки на основах НЭПа формулировалась так: добиться того, чтобы государственная промышленность и торговля обменивали «социалистические» продукты на продукты распыленного крестьянского хозяйства по крайней мере в такой же пропорции, в какой это делал довоенный капитализм, а затем и в такой, в какой это делает мировой капиталистический рынок. Своевременное сжатие ножниц до довоенного уровня означало бы разрешение проблемы

смычки — не навсегда, но на некоторый период, [разрешение] задачи дальнейшего равнения по ценам мирового хозяйства.

Нет таких календарей, которые указывали бы сроки, в течение которых мы обязаны разрешить эти задачи. Но перетягивать сроки нельзя. Хронический хлебозаготовительный кризис свидетельствует о том, что сроки перетянуты и что чем дальше, тем более героические меры нужны для выхода из кризиса.

Подойдем теперь к этому противоречивому хозяйственному процессу с критерием Седьмого пленума ИККИ: чем является наша революция «сама по себе»? В свете основных экономических процессов и фактов на этот вопрос приходится ответить так: наша революция имеет противоречивый и двойственный характер. Даже если оставить в стороне вопрос о том, в какой мере революция справилась на двенадцатом году с вопросом о материальном положении промышленных рабочих, то остается тот неоспоримый факт, что социалистическая сторона октябрьской революции ложится пока еще тяжелым дефицитом на бюджет крестьянства, т. е. подавляющей массы населения. Замазывать этот факт могут только трусы из породы реакционных национал-социалистов или американизированные дельцы, которые из всей американской техники усвоили пока что главным образом технику пускания пыли в глаза.

Крестьянин пытался противопоставить большевика коммунисту, т. е. по существу — революционного демократа социалистическому реорганизатору хозяйства. Если бы это были действительно две разные политические породы, выбор не представлял бы для мужика никаких затруднений: он поддержал бы большевика, от которого получил землю, против коммуниста, который покупает у него задешево хлеб и доставляет ему по дорогой цене и в недостаточном количестве промышленный товар. Но вся суть в том, что большевик и коммунист — одно и то же лицо. Вытекает это из того, что демократический переворот явился лишь вступительной частью социалистической революции. Мы опять возвращаемся к марксовой формуле о диктатуре пролетариата, которая оказалась подперта крестьянской войной. Если бы крестьянин получил землю из рук демократической диктатуры, а не пролетарской, тогда советский режим при нынешнем соотношении цен не мог бы, вероятно, продержаться и года. Но дело в том, что тогда советский режим не мог бы и установиться. Об этом у нас с до-

статочной полнотой сказано в другой главе. Здесь мы вскрываем, какое полновесное содержание сохраняет и до сего дня вопрос о политических путях перерастания демократической революции в социалистическую. Только потому, что аграрный вопрос как революционно-демократический вопрос был разрешен не через демократическую, т. е. мелко-буржуазную, а через пролетарскую диктатуру, только благодаря этому факту [крестьянин] не только поддержал советскую власть в ожесточенной трехлетней гражданской войне, но и мирился с нею, несмотря на длительную убыточность для мужика государственной промышленности.

Демократическая и социалистическая революция в деревне еще не срослись. Не в том смысле не срослись, что деревня еще не перестала быть деревней — эта задача имеет пока что лишь перспективный и отдаленный характер. Даже не в том смысле, что социалистическая промышленность на деле доказала крестьянину свою возрастающую для него выгоду по сравнению с капитализмом. Нет, мы имеем в виду гораздо более скромный этап: социалистическая промышленность далеко еще не сравнялась с довоенной капиталистической в обслуживании деревни. Ножницы цен постоянно возобновляют разрез между демократической и социалистической революцией, придавая ему острый политический характер. До тех пор, пока этот разрез не зарубцевался, нельзя говорить о том, что создан фундамент — не фундамент самостоятельного социализма, а фундамент правильных взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством в течение того же периода, который отделяет нас от победоносной революции пролетариата в передовых капиталистических странах.

Из нашего анализа апологеты капитализма и мелкобуржуазные реакционеры, в первую голову меньшевики, сделают вывод о необходимости возврата к капитализму. Им попытаются помочь официозные клязники, которые скажут, что из моего анализа и нельзя сделать другого вывода. А так как мой анализ не может быть опровергнут, ибо он опирается на фундамент несомненных и правильно объясненных процессов, то официозные критики будут только с другого конца подталкивать мысль в сторону меньшевистских выводов. Между тем, из моего анализа вытекает не экономическая необходимость возвращения к капитализму, а политическая опасность реставрации капитализма. Это совсем не одно и то же. Сказать, что

государственная промышленность пока менее выгодна для крестьянина, чем довоенный капитализм, вовсе не значит сказать, что возвращение к капитализму в нынешних условиях было бы для крестьянина выгоднее даже сегодняшнего положения вещей. Нет, возвращение к капитализму означало бы прежде всего страшное напряжение борьбы внутри мирового империализма за право распоряжаться Россией № 2. Это означало бы, в свою очередь, включение России в цепь империализма как заведомо подчиненного звена, т. е. на полуколониальных началах. Это значило бы превращение крестьянина [в] данника империализма при чрезвычайной задержке развития производительных сил в стране. Другими словами, Россия заняла бы свое место не в ряду Соединенных Штатов, Англии, Франции и т. д., а в том ряду, где значатся Индия и Китай.

Но все эти соображения относятся к области исторического прогноза. Реакционность меньшевиков и оттобауэровщины в том и выражается, что они берут капитализм «в отдельной стране» вместо того, чтобы рассматривать вопрос о судьбах капиталистической России в свете международных процессов.

Трудно требовать и трудно ждать, чтобы крестьянин в своем отношении к советской власти руководствовался сложным историческим прогнозом, как бы ни был этот последний ясен и неоспорим для каждого серьезного марксиста. Даже пролетариат, тем более крестьянство исходит из жизненного опыта. Колониальная кабала есть историческая перспектива. Но вместе с тем жестокая реальность. Вот почему из нынешнего положения, которое все еще характеризуется отсутствием фундамента смычки, вытекает не историческая необходимость возврата к капитализму, а политическая опасность его реставрации.

[Ноябрь 1928 г.]

ИЗ ДОКЛАДА УГЛАНОВА НА ПЛЕНУМЕ МК И МКК

1. «В области внешней торговли пассивный баланс (минус 145 милл. руб.)».
2. «В области себестоимости продукции — в первом полугодии программное задание не выполнено».
3. «В области снижения цен» — реальных достижений «по понятным причинам» — нет.

4. Безработица увеличилась на пятьдесят с лишним тысяч человек.

5. «Товарный голод налицо». «Перспективы для будущего года еще не ясны. Снабжение по линии сельскохозяйственной продукции заметно ухудшилось».

6. «Посевная площадь под зерновыми культурами сократилась на 3,4% ([19]27 г.— 87 миллионов десятин, в [19]28 г. 84 мил. десятин)».

7. «В области текстильной промышленности: а) хлопка не хватает в общей сумме на 150 мил. руб.; б) положение со льном тяжелое, хотя цены на лен и подняты на 22%; в) в отношении шерсти неизбежно напряжение (шерстяная промышленность в нынешнем году будет стоять 5 — 6 дней)».

8. «Трудно сейчас сказать что-либо конкретное о перспективах на будущий год». «Все же ясно, что вряд ли удастся осуществить экспорт зерновых продуктов в будущем году».

«В такой же мере еще не ясна перспектива в отношении заработной платы». «Рискованно в этой области что-либо говорить — посмотрим».

9. «Индустриализация предполагает не только постройку новых фабрик и заводов, но и соответствующее оборудование существующих... Текстильные фабрики у нас оборудованы плохо; нужны солидные ремонты. Между тем, нам денег на это не дают. Мы обязаны требовать, и мы требовать будем.

В этом вопросе нам никто уклона не пришлет, вплоть до Красной профессуры: «враги, мол, тяжелой индустрии»...

10. «Оппозиция живуча. Ее философия захватывает кое-кого из наших партийцев, главным образом в верхушечном слое. Те, кто в последнее время увлекается пришиванием уклонов — должны четко представить себе всю перспективу этого дела. Это в перспективе — фракционная борьба, а там дальше — и раскол партии».

«Надо понять, что в партии у нас сейчас остается чрезвычайно небольшой слой⁶³⁹, которых страна знает и которым она верит...»

«Московская организация, выдержавшая на протяжении последних четырех лет борьбу со всякого рода оппозициями — имеет право выступить застрельщиком в борьбе с пришивателями уклонов...»

«Нечего заниматься свержением совершателей ошибок, давным-давно исправленных и осознанных...»

«Больше терпимости...»

«Оппозиция пытается влиять на нашу партийную политику и влияет». «Мы должны дать этому влиянию соответствующий отпор».

[Конец ноября 1928 г.]

Л. Троцкий. НА ЗЛОБЫ ДНЯ

1. О «блоке» с правыми и о чепухе вообще

Заключительные строки моей «Беседы с благожелательным партийцем»⁶⁴⁰ совершенно неожиданно вызвали смущение и даже почти возмущение у нескольких товарищей, живущих, правда, в одной и той же колонии. Им почудилось, что заключительные строки беседы могут быть поняты как прокладывание путей для «блока» с правыми. Не больше и не меньше. Эти товарищи стали даже посылать призывные телеграммы по другим колониям.

Мне сперва показалось — прошу прощения — что здесь перед нами некоторое проявление меряченья, болезни, вызываемой, как известно, однообразием природы и монолитностью жизни.

В нашем заявлении Шестому Конгрессу, написанном задолго до того, как борьба центристов с правыми вышла наружу, говорится:

«Может ли оппозиция поддержать правых против стоящих формально у власти центристов, чтобы помочь опрокинуть последних, чтобы «отомстить» им за безобразную травлю, за грубость и нелояльность, за врангелевского офицера, 58-ю статью и прочие заведомо темные дела?»

Такие комбинации левых с правыми бывали в революциях, и такие комбинации губили революцию. Правые представляют то звено внутри нашей партии, за которое буржуазные классы подспудно тянут революцию на путь термидора. Центр делает в данный момент попытку отпора или полупотпора. Ясно: оппозиция не может иметь ничего общего с комбинаторским авантюризмом, рассчитывающим при помощи правых опрокинуть центр.»

Заявление наше сохраняет и сейчас всю свою силу, вопреки некоторым торопливым голосам, которые после июльского пленума объявляли заявление «устаревшим» и считали, что

положение спасается только «Послесловием»⁶⁴¹. Неправильность такой оценки сейчас совершенно ясна. «Послесловие» реагировало на определенный — очень знаменательный — эпизод в борьбе центристов с правыми и реагировало правильно. Оно, вместе с другими документами и выступлениями наших единомышленников, несомненно ускорило кризис право-центристского блока, разъяснивши довольно широким кругам, в чем тут, собственно, дело. Можно сказать, и это во все не будет самоопровержением оппозиции, что такого рода документами мы чрезвычайно облегчили центристам их «победу» над правыми (не беря в то же время на себя и тени ответственности за центристов), ибо называли людей и вещи своими именами, что совершенно недоступно центристскому косноязычию. Если «Послесловие» брало определенный момент во взаимоотношениях центристов с правыми, то заявление рассчитано на более длительный период. Вот почему оно сохраняет всю свою силу и сейчас, когда кампания против правых приняла открытую форму и широкие аппаратные масштабы. Перечитайте его сейчас и сопоставьте с упражнениями децистов. Но об этом не стоит и говорить. Сохраняет, разумеется, свое значение и приведенное выше место, заранее отвергающее «комбинаторский авантюризм», который стал бы «пытаться при помощи правых опрокинуть центр».

В некоторых письмах товарищи спрашивали: «Неужели есть и такие?» Персонально я никого не имел в виду в нашей среде. Но логика борьбы может у известных элементов создать такие настроения. Предупреждение было тем более необходимо, что насчет зиновьевцев поручиться уж во всяком случае нельзя было, нельзя и сейчас. Недаром же Бухарин вступил от имени тройки в официальные переговоры с Каменевым⁶⁴², и не случайно Каменев и Ко об этих переговорах до сведения партии не довели, оставляя тем самым себе и этот путь открытым. Здесь, стало быть, нужно было заранее провести ясный и четкий водораздел, что и было сделано в заявлении. Какой-нибудь лихой децист скажет: «А вы разве отвечаете за зиновьевцев?» Нет, не отвечаем. Но мы живем жизнью партии и активно вмешиваемся во все ее внутренние отношения.

«Послесловие» цитирует слова Рыкова: «Главная задача троцкистов заключается в том, чтобы не дать этому правому крылу победить». Как замечательно звучат эти слова теперь,

когда Рыков с Углановым «монологично» голосуют за резолюции, в которых объявляется, что их собственная, Рыкова и Угланова, «главная задача заключается в том, чтобы не дать этому правому крылу победить». Вот он куда забрался, троцкизм. Большую сделал карьеру за короткий срок. Ноябрьский пленум монологично усыновил «главную задачу троцкистов». Но мы все же не обольщаемся. Голова у нас не кружится. Мы помним немецкую поговорку: «Когда два разных человека говорят одно и то же, то это совсем не одно и то же». Эти слова еще больше относятся к разным политическим группировкам. Однако, польза есть. Теперь и отсталый партиец должен будет шевельнуть мозгами: как же это Рыков с июля по ноябрь успел заделаться троцкистом, т. е. пламенным «борцом» против правого уклона?

В полном соответствии с заявлением Шестому Конгрессу «Послесловие» подтверждало грозное обвинение Рыкова:

«Именно так. Правильно. Победа правого крыла была бы последней ступенью термидора... Рыков прав. Главная наша задача сейчас заключается в том, чтобы не дать правому крылу победить.»

Таким образом, мы заняли в этом вопросе вполне своевременно ясную и отчетливую позицию, не оставляющую места никаким лжетолкованиям. Откуда же родилась столь внезапная тревога нескольких товарищей, которые, по французскому выражению Л. Толстого, сгоряча даже заставили «играть телеграф»? Тревога родилась из нескольких заключительных строк беседы. Воспользуемся же этим поводом, чтобы рассмотреть вопрос в том более конкретном виде, в каком он встает перед нами на нынешнем более развернутом этапе.

Что вся беседа в целом направлена против обывательской пошлости правого крыла (одна из его черт), этого не станут отрицать вышеуказанные товарищи. Что же в таком случае означают заключительные строки? Неужели же в них есть столь грубое противоречие не только с заявлением и «Послесловием», но и с самой беседой? Нет, противоречия нет и в помине. Строки эти требуют к себе живого и жизненного политического отношения, а не педантского.

В самом деле, беседа сводит все вопросы к вопросам партийного режима, т. е. «режима Ярославских», у которых в руках «большие ресурсы, не идейные, конечно, но в своем роде тоже действительные... до поры до времени. Они вас (правых) пы-

таются душить, проводя по существу вашу же политику, только с рассрочкой платежа...» и т. д. Мой корреспондент скулит по поводу всего того, что совершается в партии, и жалобно уговаривает меня вернуться на правильную стезю. Есть, значит, и такие правые. Надо вообще иметь в виду — замечу пока мимоходом — крайнюю разношерстность внутреннего состава и правой, и центристской группировок как результат подпольно-аппаратных форм партийной жизни. Всяких передвижек и перегруппировок будет еще немало. На этом ведь и основана в последнем счете наша политика по отношению к партии. Вот почему ясная и принципиально законченная характеристика правых и центристов должна на практике, т. е. в агитации и пропаганде, дополняться большой гибкостью в обращении с живым человеческим составом этих группировок. Один язык — с Рыковым или Углановым и другой — с таким же рядовиком или даже кадровиком, который по собственной инициативе обращается к вам с письмом и слезно умоляет оппозиционеров вернуться в партию.

Другой тон, другой язык — но линия, конечно, должна быть одна. И вот линии нашей я не нарушил ни в малейшей степени. Я ее только развил, конкретизировал и чуть продвинул дальше. Я говорю этому благожелательному и растерянному рыковцу: вы плачетесь на положение партии? Вы боитесь развала? Правильно. Опасности страшно велики. В партии нет возможности говорить по совести и начистоту. Самокритика означает попросту, что всем приказано сейчас самокритиковать Угланова. Опаснейшая, ибо непосредственнейшая из всех опасностей* — партийный режим. В чем же выход? В том, чтобы перевести партию на легальное положение. Уменьшить в 20 раз, т. е. свести к 5 — 8 миллионам партбюджет, который стал базой бюрократического самоуправства. Дать возможность партийцам тайно голосовать. Подготовить честно Шестнадцатый съезд, т. е. так, чтобы вся партия могла с полной свободой выслушать представителей всех трех течений, для чего, конечно, оппозицию надо вернуть в партию. Перечислив эти требования, беседа заключает:

«Вот строго практические предложения. На почве этих предложений мы были бы согласны даже и с правыми договориться, ибо осуществление этих элементарных предпосылок партийности дало бы пролетарскому ядру возможность по-настоящему призвать правых к ответу, и не только правых,

но и центристов, т. е. главную опору и защиту оппортунизма в партии».

Вот эти строки и вызвали смятение. Это-де может быть истолковано, говорят мне, как блок с правыми против центра. Нет, дорогие товарищи, вы тут не продумали вопрос до конца, не представили себе конкретно создающуюся обстановку. Да, по-видимому, недостаточно задумались и над тем, что такое блок. У нас был блок с зиновьевцами. Ради этого блока мы шли на отдельные частные уступки. Чаще всего это были, впрочем, уступки некоторым из наших ближайших единомышленников, которые сами политически или тактически тяготели к зиновьевцам. В отдельных случаях эти уступки были явно чрезмерны и дали отрицательные результаты, что мы твердо себе запомнили на будущее. Но во всем остальном блок объединился на почве идей пролетарской левой, т. е. на нашей почве.

Какой же блок может быть с правыми? На какой почве? Можно ли вообще, хоть на одну минуту, серьезно говорить или думать об общей с ними платформе? В переговорах с Каменевым Бухарин ставил вопрос так: «Заклучим блок против Сталина, а положительную платформу будем потом писать вместе». Буквально! Но так могут ставить вопрос либо лошадиные барышники, либо в конец запуганные, растерянные и опустошенные Балаболкины. Что у нас может быть общего с этими двумя «категориями» (если говорить философским языком теоретика Сталина)?

Что же в таком случае означает фраза о том, что «на почве этих предложений мы были бы готовы даже и с правыми договориться»? Она означает именно то самое, что в ней сказано. Конкретно говоря, она отвечает благожелательному партийцу: вместо того, чтобы ныть и скулить, потребуйте для начала возвращения оппозиции из ссылки, на этот счет у нас с вами будет полное «соглашение». Потребуйте еще честного созыва партийного съезда. А что же я обещаю правым в виде компенсации? Ответ дан в тех же строках: «По-настоящему призвать правых к ответу, и не только правых, но и центристов, т. е. главную опору и защиту оппортунизма в партии». Где же тут блок? Где тень намек? Или хотя бы тень этой тени? Нет, без «меряченья» тут дело не обошлось. Заключительное место беседы звучит злейшим издевательством над правыми: доигрались, мол, голубчики, туго приходится, аппарат жмет — не

хотите ли полакомиться демократией, попробуйте, попробуйте, а мы поддержим... как веревка — повешенного. Вот ведь какой смысл в заключительных строках. Только разве что злорадство в них слегка прикрито, чуть-чуть, ибо беседа ведь ведется с благожелательным партийцем.

Но кроме издевательства над правыми в этих строках есть и более серьезный смысл, предназначенный для наших единомышленников в партии. Исключена ли возможность того, что по вопросам партийного режима правые будут попадать в оппозицию к аппарату и повторять наши элементарнейшие требования на этот счет? Нет, такая возможность не исключена, она вероятна, а при развитии борьбы и неизбежна. Уже на ноябрьском пленуме, при всей его монолитности, раздавались чьи-то голоса протеста против того, что московские секретари смещались в порядке «самокритики», т. е. без конференций и без масс (см. газетный отчет о речи Сталина). Как же быть в этих случаях нашим единомышленникам в составе партийных ячеек? Обличать ли им узурпаторскую систему выборов? Требовать ли правильно подготовленных и созданных конференций? Да, обличать и требовать. Но ведь тут они «совпадут» с правыми? Не они совпадут с правыми, а правые в этой области будут иногда «совпадать» с нами, застенчиво отрекаясь от своей теории и практики вчерашнего дня и тем самым помогая нам разоблачать и их самих, и весь партийный режим. Что же в таком «совпадении» страшного, если мы не делаем при этом ни малейшей уступки, а продолжаем с удвоенной силой разворачивать нашу принципиальную линию? Именно в предвиденье того, что такого рода «совпадения» или «полусовпадения» голосований или выступлений по вопросам партийного права возможны, даже неизбежны, и написаны мною приведенные выше заключительные строки беседы.⁶⁴³

Если допустимо сравнение из совсем другой и нам совершенно чуждой области, то я взял бы пример дуэли, очень пригодный для освежения интересующего нас вопроса. Дуэль есть варварски-рыцарская и гнуснейшая форма разрешения личных конфликтов: тут дело идет попросту о том, чтобы перерезать друг другу глотку. Однако перед каждой дуэлью «цивилизованные» противники вступают друг с другом в «соглашение», непосредственно или через секундантов, насчет условий дуэли, т. е. насчет того, с какой дистанции и из какого револь-

вера враги будут палить друг в друга. Можно ли сказать по поводу этого «соглашения», что противники заключили блок? Как будто нельзя. Какой тут, к дьяволу, блок, когда дело идет о взаимоистреблении. Но в «цивилизованном» обществе и взаимоистребление совершается не из-за угла, а по известным нормам, требующим предварительного «соглашения».

Партийный устав представляет собою закрепленные нормы обсуждения, коллективного решения действия⁶⁴⁴, а также и внутренней идейной борьбы. Поскольку мы, оппозиция, хотим вернуться в партию и фактически большей своей частью входим в нее (см. речь Сталина), постольку мы признаем и устав как регулятор партийной жизни, а, значит, и нашей борьбы с правыми и центристами. Это и есть готовое соглашение. Но оно попрано, раздавлено, уничтожено. И мы готовы заключать «соглашение» с любой частью партии, в любом месте, в любом отдельном случае для частичного хотя бы восстановления партийного устава. По отношению к правым и центрам как политическим фракциям это означает, что мы готовы заключать с ними соглашение об условиях непримиримой идейной борьбы. Только и всего.

В своей ноябрьской горе-речи, о которой надо будет еще сказать особо, Сталин уже говорит о блоке левых с правыми — не то как о факте, не то как о возможности. С одной стороны, он тут явно намекает на переговоры Бухарина с Каменевым (и тут мы помогаем центристской борьбе против правых, разоблачая то, что центристы боятся назвать по имени); с другой стороны, он дает аппаратчикам «линию» на случай возможных совпадений в выступлениях или голосованиях правых и левых по вопросам элементарнейших партийных прав. Сталин хочет и нас, и правых этим испугать. А мы не боимся. В этом и состоит более серьезный смысл заключительных строк моей беседы. Пускай правые разоблачают узурпаторство, которое они помогали создавать и сегодня еще целиком поддерживают. От нас они будут получать только принципиальные удары, которые куда серьезнее сталинских организационных щипков. И пусть центристы, «монолитно» заседа с вождами правых в монолитном Политбюро, обвиняют нас в блоке с правыми — по той, видите ли, причине, что мы великодушно разрешаем правым требовать отмены 58-й статьи. Да ведь это же картина для богов олимпийских или для... «Крокодила»⁶⁴⁵,

если бы только у этого грозного по имени зверя оставался в пасти хоть один зуб.

2. Еще раз о лозунгах демократии для Китая

Некоторые товарищи, совершенно солидарные со мной в оценке движущих сил и перспектив китайской революции, возражают против парламентарно-демократического лозунга (Учредительное собрание). Разумеется, это разногласие не такого принципиального значения, как вопрос об оценке основных тенденций и сил революции. Однако и этот вопрос может для известного периода приобрести огромное значение, как в среде большевиков — вопрос об отношении к Третьей думе⁶⁴⁶. К великому удивлению моему, один из товарищей, критикующих лозунг Учредительного собрания, совершенно серьезно усматривает в нем с моей стороны маневр с целью «обмануть» китайскую буржуазию. Он приводит поэтому против меня из моей критики программы Коминтерна цитату, начинающуюся словами: «Классы обмануть нельзя» и т. д. Тут явное и крупнейшее недоразумение. О политическом смысле лозунга учредилки для Китая все существенное сказано в моей работе «Китайский вопрос после Шестого Конгресса»⁶⁴⁷. Повторяться здесь не буду. Если искать в «Критике программы» общетеоретического обоснования этого лозунга, то оно дано в параграфе «Об основных особенностях стратегии в революционную эпоху», где говорится:

«Без широкого, обобщенного, диалектического понимания нынешней эпохи как эпохи крутых поворотов невозможно действительное воспитание молодых партий, правильное стратегическое руководство классово-борьбой, правильное комбинирование ее тактических приемов и прежде всего — резкое, смелое, решительное перевооружение⁶⁴⁸ при очередном переломе ситуации».

Замечательно, хотя и не совсем неожиданно, что т. Радек оказался солидарен в этом вопросе как раз с теми товарищами, которых он обвиняет в ультралевиэзме: не в первый раз ультралевые лозунги, чисто формальные и негативные, вытекают из правых посылок. В полученной мною от т. Радека телеграмме — эта телеграмма, в виде исключения, дошла; не приходится ли из этого сделать вывод, что «сам» Менжинский против лозунга учредилки?⁶⁴⁹ — Радек заявляет: «Остается правиль-

ным лозунг уничтожения дудзюната⁶⁵⁰ и объединения Китая властью Советов».

Лозунг же учредилки «неприемлем». Если считать, что верна резолюция февральского пленума ИККИ, заявившая, что «остается правильным курс на вооруженное восстание», тогда, конечно, приходится признать правильным и лозунг Советов. Ибо надо связывать концы с концами. Но я считал и считаю, что провозглашение в феврале 1928 года курса на вооруженное восстание было преступнейшим безумием, какое вообще только можно себе представить. Задолго до февраля контрреволюция в Китае захлестывала рабочий класс и партию. В своем «Китайском вопросе после Шестого Конгресса» я выяснил основные хронологические вехи перелома обстановки в Китае на основании неоспоримых фактов и документов. Китай проходит сейчас не через революцию, а через контрреволюцию. В такой период лозунг Советов может иметь значение только для узких кадров как подготовка их к будущей, третьей китайской революции. Эта подготовка имеет, разумеется, огромное значение. Лозунг Советов должен стоять в ней рядом с лозунгом борьбы пролетариата за диктатуру, во главе всех обездоленных масс населения, и прежде всего — деревенской бедноты. Но, помимо теоретико-пропагандистской подготовки революционных кадров к будущей революции, остается вопрос о мобилизации возможно широких рабочих кругов для активного участия в политической жизни переживаемого периода. Страной сейчас управляет военная диктатура на службе верхов буржуазии и иностранных империалистов. Эта диктатура, поскольку она недавно вышла из революционной борьбы (нами постыдно и преступно проигранной), не может быть очень устойчивой. Она еще только идет [к] устойчивости, устанавливая «переходный режим» пяти палат Сунь Ятсена⁶⁵¹. Вздорно-реакционная выдумка Сунн Ятсена (которого у нас крайне некритически рекламировали даже в тот период, когда его идеи стали главным тормозом революционного развития в Китае). Филистерская фантазия пяти палат становится теперь орудием «национальной», «конституционной» маскировки фашистского режима, т. е. военного господства централизованной партии Гоминьдан, представляющей в самом концентрированном виде интересы капитала. Этим самым вопросы государственного строя и политического режима становятся в Китае в порядок дня. Вопросы эти не могут не

захватывать широкие круги рабочих. В неревOLUTIONной обстановке на эти вопросы нет других ответов, кроме лозунгов и формул политической демократии. Совершенно не могу понять, каким образом т. Радек, обвиняющий меня в неумении отличать буржуазную революцию от социалистической и отказывающийся даже для революционного подъема выдвинуть лозунг диктатуры пролетариата, как якобы несовместимый с этапом буржуазной революции, считает в то же время лозунг Советов совместимым с этапом буржуазной контрреволюции.

При подъеме массового движения, в условиях общереволюционного кризиса Советы, вырастая из этого движения, обслуживают текущие потребности его, становятся естественной, понятной, близкой, «национальной» формой объединения масс и помогают партии довести эти массы до вооруженного восстания. Но что будет означать лозунг Советов сейчас, в нынешних условиях Китая? Не забывайте, что никакой советской традиции там нет. Она могла бы быть, даже в случае поражения. Но ее нет. Причиной тому реакционное руководство Сталина и Бухарина. Лозунг Советов, не вырастающий сейчас из массового движения и даже не опирающийся на опыт прошлого, будет означать голый призыв: сделайте так, как в России, т. е. это есть лозунг социалистической революции в самом его чистом, абстрактном и абсолютном виде. Скромненькое ограничение роли Советов «против дудзюната» никакой реалистической поправки в себе не заключает, а только доводит ошибку до абсурда. Пропагандировать Советы надо для завоевания власти пролетариатом и беднотой, путем вооруженного восстания. А противопоставить сегодня фашистской механике Гоминьдана надо лозунги демократии, т. е. те лозунги, которые при господстве буржуазии открывают наиболее широкое поле для политической активности народа.

Этап демократии есть большой важности этап в развитии масс. При определенных условиях революция может позволить пролетариату перескочить через этот этап. Но именно для того, чтобы облегчить себе в будущем эту отнюдь не легкую и отнюдь не обеспеченную заранее операцию, нужно всемерно использовать межреволюционный период для того, чтобы исчерпать демократические ресурсы буржуазии, разворачивая лозунги демократии перед широкими массами и вынуждая буржуазию приходить на каждом шагу в противоречие с этими лозунгами. Этой марксистской политики никогда не

понимали анархисты. Не понимают ее и руководящие оппортунисты Шестого Конгресса, перепуганные насмерть плодами своих трудов. Но мы же, слава создателю, не анархисты и не переконфуженные оппортунисты, а большевики-ленинцы, т. е. революционные диалектики, понявшие смысл империалистической эпохи и динамику ее крутых поворотов.

[Декабрь 1928 г.]

Л. Троцкий. ПАКТ КЕЛЛОГА И БОРЬБА ЗА МИР

(Несколько беглых замечаний)

Вопросы международных отношений становятся всегда тем неотложнее и острее, чем прочнее себя чувствуют господствующие классы важнейших государств. Маркс отмечал, что Восточный вопрос⁶⁵², эта язва старой Европы, неизменно становится в порядок дня каждый раз после новых поражений революции. Так и сейчас: ряд международных поражений, последним звеном которых был разгром китайской революции 1925 — 1927 годов, привел к обнажению международных противоречий и снова выдвинул со всей силой вопросы международной политики СССР.

Нынешняя политика каждого государства является политикой его господствующего класса, стало быть, представляет собою продолжение и приспособление внутренней политики в сфере межгосударственных отношений. И наоборот: внутренняя политика является в той или другой степени функцией (производной величиной) его внешней политики.

Сказанное целиком относится и к политике пролетарского государства. Связь внутренней политики с международной идет здесь естественно по двум каналам: Коминтерна и дипломатии⁶⁵³. В период революционного подъема центр тяжести международной борьбы естественно переносится на Коминтерн, и роль советской дипломатии столь же естественно определяется как роль важного, но вспомогательного орудия. Наоборот, после поражений революции, неизбежно ослабляющих Коминтерн, дипломатическая работа получает видимость «самодовлеющего» фактора и обнаруживает стремление освободиться от слишком близкого и «компрометирующего» соседства Коминтерна. Изменчивое отношение между дипломатией (т. е. по существу Политбюро ЦК) и Коминтерном наблюда-

лось в течение всего последнего шестилетия не раз, в зависимости от хода международной революционной борьбы. Выселение Шестого Конгресса Коминтерна из Кремля в Колонный зал явилось «символическим» выражением победы дипломатического фактора над международно-революционным.

Во внутренних делах право-центристский курс давал до сих пор замедление темпа, увеличение трений, усугубление противоречий, т. е. пока что минусы экономически-количественного характера, лишь подготавливая политически-качественное проявление, в виде потрясений и катастроф. Об этом сказано было достаточно. На поле международной классовой борьбы право-центристский курс неизменно приводил к катастрофам везде и всюду, где складывалась революционная ситуация (Германия, Болгария, Эстония, Англия, Польша, Китай...).

Вот почему — отметим мимоходом — правильная оценка поворотов и зигзагов политики центризма мыслима только в том случае, если брать ее в международных масштабах.

Ряд жестоких поражений международной революции нанес, с одной стороны, тяжкие удары Коминтерну, а, с другой, ослабил международное положение Советского Союза. Если Коминтерн оказался выселен в Колонный зал, то правительство Советского Союза сочло себя вынужденным подписать пакт Келлога.

Откладывая пока общий обзор право-центристской дипломатии за шесть лет, остановимся на вопросе о пакте Келлога в связи с докладом Литвинова на декабрьской сессии ЦИК⁶⁵⁴. Что такое пакт Келлога о ненападении? Это двойная дипломатическая петля, которую сильнейшее в мире капиталистическое государство одним концом набрасывает на более слабые государства, а другим — на собственные трудящиеся массы. Пакт о ненападении есть в действительности пакт о таком ненападении, которое протекало бы в обстановке, наиболее благоприятной для буржуазии Соединенных Штатов и тех государств, которые будут действовать с ней заодно. Наиболее благоприятной будет та обстановка, при которой наиболее окажутся обмануты народные массы Соединенных Штатов, а по возможности, и других стран. Истолкование «нападения» и ответственности за него будет принадлежать буржуазии тех стран или той страны, в руках которой окажется наибольшее количество газет, кабеля, радио, пароходов, а главное — золота.

Отсюда ясно, что пакт Келлога в такой же мере может быть рассматриваем в качестве гарантии мира, как и Лига наций, которую он перекрывает, чтобы «контролировать» ее. В том или другом второстепенном конфликте Лига наций может предупредить войну (хотя, как показывает пример Боливии — Парагвая⁶⁵⁵, и на этот счет шансы невелики). Основное значение пакта Келлога еще более, чем Лиги наций, состоит, однако, в концентрации конфликтов, т. е. в подготовке условий для мировой сверхвойны, в которой окончательно будет решаться вопрос о мировом господстве Соединенных Штатов. Всякое пацифистское или полупацифистское использование пакта Келлога есть прямое прислужничество американскому империализму, т. е. помощь ему в деле «духовной» подготовки мировой сверхвойны.

Могло ли вообще в таком случае советское правительство подписать пакт Келлога? Решать этот вопрос безусловно отрицательно, на основании одной лишь принципиальной характеристики пакта как злостно империалистического замысла было бы неправильно. Тогда пришлось бы сделать вывод, что одинокое рабочее государство вообще не может подписывать никаких соглашений с империалистскими правительствами. Это вернуло бы нас к бухаринской постановке вопроса о Брест-Литовском мире. Правильная постановка вопроса будет такова: действительно ли нынешнее положение советского правительства вынуждало его в целях самосохранения подписать пакт Келлога? И если вынуждало, то сделано ли было все необходимое, чтоб честно выяснить цель и смысл этого вынужденного подписания и тем свести к минимуму отрицательные его стороны?

Единственная мотивировка подписания, допустимая с точки зрения революционно-пролетарской политики, могла бы быть только такой: наше международное положение крайне ухудшилось; нас окружают; военная опасность близка; отказ наш от подписания мирного пакта облегчит врагам возможность сегодня же обмануть рабочие массы насчет нашей виновности и обрушить на нас войну; присоединившись к волчьему пакту — без малейших иллюзий — мы выигрываем новую отсрочку, которую мы используем для разоблачения пакта и вообще для укрепления нашего международного положения.

Вопрос о подписании или неподписании пакта есть вопрос о соотношении сил и об остроте угрожающих нам опасностей. Принципиально подход тот же, что и к Брестскому миру. В том, первом, случае мы посредством подписания империалистского грабительского мира стремились на ближайшее время вырваться из войны; в нынешнем случае мы путем подписания хищнического пакта стремимся не дать нас в ближайший срок втолкнуть в войну. Только на этой линии можно было бы вообще искать доводов за подписание.

Но здесь, однако, выступает наружу большое различие условий и обстоятельств.

В Бресте мы стояли под военным ультиматумом, и договор давал непосредственные результаты: приостановку неприятельского наступления. Ни того, ни другого сейчас нет. Характер Брестского мира как акта военного насилия был очевиден. Характер пакта прикрыт маскировкой. Вернее сказать, сам пакт есть маскировка будущих военных насилий. Вынужденность нашего присоединения к пакту далеко не так очевидна, как в Бресте. Точно так же гораздо менее ясны непосредственные результаты. Все это само по себе способно придать в глазах масс подписанию пакта характер добровольной и демонстративной поддержки инициативы американского империализма как якобы действительно направленной на поддержание мира.

Посмотрим теперь, как дело обстоит с мотивировкой. «Правда» от 28 июня, т. е. до подписания, дала в передовой статье в основном правильную характеристику пакта. Она указывала, что «каждое из капиталистических правительств заинтересовано в том, чтобы пустить своему народу пыль в глаза, скрыть от него угрозу кровавых авантюр». Эту именно цель — «усыпить бдительность масс и отвлечь их внимание от самой жгучей, роковой проблемы капиталистического общества» — и преследует пакт, «новый документ буржуазной лжи и чудовищного лицемерия».

Ясно, что такого рода характеристика ни в каком смысле не предвещала подписания этого документа правительством рабочего государства.

Какие же это обстоятельства и соображения побудили подписать пакт? Все, что говорилось на этот счет в официозных заявлениях, речах и статьях, не может быть названо иначе как бюрократическим бормотанием. Ни одного ясного и члено-

раздельного слова. Представитель наркоминдела Литвинов в речи своей перед декабрьской сессией ЦИК мобилизовал, очевидно, все доводы, какие имелись налицо. Этим он только обнажил деляческую беспринципность и оппортунистическую беспомощность так называемой «генеральной линии» в вопросах мировой политики. Вот вся его аргументация:

«Наше правительство отнеслось критически к этому пакту (Келлога), отметив его недостаточность и ограниченность. Принцип отказа от войны заключался в наших проектах пакта о ненападении, которые мы предлагали ряду государств. Но наши проекты шире охватывали вопросы ненападения и не допускали никаких экивоков (двусмысленностей).

Тем не менее, усмотрев, что государства, подписывающие пакт Келлога, берут на себя известные моральные обязательства перед общественным мнением в смысле ненападения, что пакт некоторое, хотя и ограниченное значение имеет, наше правительство не колеблясь присоединилось к этому пакту... Наш Союз оказался, таким образом, в числе первых государств, ратифицировавших так называемый пакт Келлога, который до сих пор еще не ратифицирован даже ни одним из 14 государств, подписавших пакт в Париже и считающихся инициаторами пакта... Не считая нашего Союза и некоторых мелких и средних государств, пакт был принят весьма неохотно большинством его участников.»

Что общего имеет этот язык с языком пролетарской политики? Советский дипломат не всегда и не везде может говорить все то, что обязан сказать коммунистический агитатор. Тут есть известное разделение труда. Агитатор должен досказать то, чего полностью не может сказать дипломат. Но может ли дипломат, т. е. правительство рабочего государства становиться на позицию, диаметрально противоположную марксистской оценке международных отношений?

Оказывается, что пакт Келлога есть не инструмент будущей сверхвойны, а подлинный инструмент мира, хотя и имеющий свои недостатки. В июне «Правда» справедливо указывала, что такую оценку пакту Келлога — этому «словоизвержению дипломатов-мошенников» — дают Клайнсы⁶⁵⁶, Макдональды, «Форвертс» и прочие «социал-ханжи всех стран» («Правда», 28 июня 1928 г.). В декабре социал-ханжеская оценка официально предъявляется миру от имени советского правительства. Литвинов оговаривается: тот инструмент мира, который

мы предлагали, был лучше. Но так как и несовершенный пакт Келлога налагает «моральные обязательства перед общественным мнением» («Правда» это называла: «Пустить своему народу пацифистскую пыль в глаза»); так как пакт имеет значение «в смысле ненападения» («Правда» писала: «Скрывает от народа угрозу кровавых авантюр»), — то «наше правительство, — говорит Литвинов, — не колеблясь, присоединилось к этому пакту»... Миротворческое значение пакта так бесспорно, что правительство пролетарской диктатуры к нему присоединяется, «не колеблясь». «Пакт, — по словам Литвинова, — был принят весьма неохотно большинством его участников». Но это «не считая нашего Союза», который присоединился вполне «охотно».

Все с начала до конца опрокинуто на голову. Не потому мы присоединяемся к «документу чудовищного лицемерия», что вынуждены; что хотим попытаться отвести непосредственно угрожающий удар (хотя и тут еще оставалось бы объяснить, как и чем подписание нам может помочь, и от какого именно удара). Нет, мы охотно присоединяемся в деле умиротворения капиталистического мира к американской инициативе, от которой сторонится большинство буржуазных государств.

Не потому они сторонятся, что, как более слабые хищники, боятся американской петли, а потому, что они — в противовес Америке — «не хотят мира». Во время Вильсона⁶⁵⁷, а затем после 1923 г. европейская социал-демократия только и делала, что рекламировала мудрость и миролюбие американской буржуазии в противовес европейской. Теперь роль европейской социал-демократии перешла к советской дипломатии, т. е. к руководству ВКП. Разве это не постыдное падение?

Молотов на ленинградском активе объяснял, что пакт подписан нами «для разоблачения империалистского пацифизма» (Правда, 13 сент. 1928 г.). Но это лишь отвратительное «марксистское» звукоподражание, которого мы наслышались достаточно в период Гоминьдана, Англо-русского комитета и пр. С таким же успехом мы могли бы войти в Лигу наций или объединиться со Вторым Интернационалом — «для разоблачения». Центристы, развившиеся (переродившиеся) из большевизма и связанные его традициями, капитулируют перед буржуазией или ее⁶⁵⁸ агентурой не иначе как «для разоблачения». Если эта политика подвела безоружный шанхайский пролетариат под штыки Чан Кайши, то опять-таки во славу

«разоблачения». Надо беспощадно разоблачать центристский маскарад «разоблачителей»!

Ослабившее своей политикой советскую республику и Коминтерн; утратившее веру в международную революцию; запуганное трудностями, которые оно же усугубляет; само ослабляемое преступными разгромами растущего левого крыла, — центристское руководство ищет выхода на пути бесплодного международного приспособленчества, пытается принять покровительственную окраску, чтоб «нейтрализовать» мировую буржуазию. Врага оно этим не обманет, а революционный пролетариат усыпит, охладит или оттолкнет. Оно и здесь помогает врагу оттачивать нож против диктатуры пролетариата.

[Декабрь 1928 г.]

ПРИЛОЖЕНИЕ

НОВЫЙ КУРС

Предисловие

Настоящая брошюра выходит со значительным запозданием: нездоровье помешало мне выполнить работу более современно. Но, в конце концов, вопросы в протекавшей до сих пор дискуссии только поставлены. Вокруг этих вопросов, внутрипартийного и хозяйственного, подняты в дискуссии тучи пыли, которая во многих случаях образует почти непроницаемую завесу и жестоко ест глаза. Но это пройдет. Пыль оседет. Реальные очертания вопросов выступят наружу. Коллективная партийная мысль постепенно извлечет из прений то, что ей нужно, станет более зрелой и уверенной в себе. А это раздвинет базу партии и сделает устойчивее партийной руководство. В этом и состоит объективный смысл резолюции Политбюро о новом внутрипартийном курсе, каким бы задопытным истолкованиям она ни подверглась. Вся предшествующая работа по чистке партии, по повышению ее политической грамотности и теоретического уровня, наконец, по установлению стажа для партийных должностных лиц может получить свое завершение только в расширении и углублении самостоятельности всего партийного коллектива, как единственной серьезной гарантии против всех опасностей, связанных с новой экономической политикой и затяжным развитием европейской революции.

Но несомненно, что новый партийный курс может быть только средством, а не самоцелью. Для ближайшего периода можно сказать, что вес и ценность нового курса будут определяться тем, в какой мере он облегчит нам разрешение центральной хозяйственной задачи. Управление нашим государственным хозяйством по необходимости централизовано. Это приводило на первых порах к тому, что вопросы и разногласия, связанные с центральным хозяйственным руководством, сосредоточивались в крайне тесном кругу лиц. Партийная мысль в целом еще не подошла вплотную к основным вопросам и трудностям планового руководства государственным хозяйством. Даже на XII съезде вопросы планового руководства хозяйством прошли скорее формально. Этим объясняется в значительной мере то, что намеченные в резолюции XII съезда пути и методы почти не нашли до последнего времени своего применения, и что Центральному Комитету пришлось на днях снова поставить вопрос о необходимости воплотить в жизнь хозяйственные решения XII съезда, в частности — о Госплане. Но и на этот раз решение Центрального Комитета сопровождается с разных сторон скептическими суждениями по адресу Госплана и планового руководства вообще. За этим скептицизмом нет никакой творческой мысли, никакой теоретической подоплеки, вообще ничего серьезного. И если такой дешевый скептицизм терпится в партии, то это объясняется именно тем, что партийная мысль еще не подошла вплотную к вопросам централизованного планового руководства хозяйством. Между тем, от успешности такого руководства зависит судьба революции — полностью и целиком.

Эта брошюра только в заключительной главе подходит к вопросу планового руководства, исходя из частного примера, выбранного нами не произвольно, а нам навязанного в партийной дискуссии. Надо надеяться, что на ближайшем же этапе партийная мысль подойдет ко всем этим вопросам гораздо более конкретно, чем это происходит сейчас. Когда следишь за нынешней хозяйственной дискуссией со стороны, — а таково сейчас мое положение, — то кажется, будто партия вернулась на год назад, чтобы снова более критически проработать решения XII съезда. Это и значит, что вопросы, которые составляли как бы монополию тесного круга лиц, ныне становятся постепенно в центре внимания всей партии. Со своей стороны, могу только посоветовать товарищам, работающим

над хозяйственными вопросами, внимательно проштудировать дискуссию на XII съезде о промышленности и провести от нее необходимые нити к дискуссии нынешнего дня. Я надеюсь в ближайшее время к этим вопросам вернуться.

* * *

Надо признать, что во время партийной дискуссии — устной и письменной — пущено в оборот огромное количество «фактов» и сведений, которые не имеют ничего общего с действительностью, а представляют собою — мягко говоря — продукт мимолетных вдохновений. Доказательства этого имеются и в нашей брошюре. Потребность прибегать к таким сильно действующим средствам выражает, в сущности, неуважение к партии. И я думаю, что партия должна ответить на такие приемы тщательной проверкой цитат, цифр и фактов, брошенных в оборот. Это — одно из важных средств партийного воспитания и самовоспитания. Наша партия достаточно созрела, чтобы не быть вынужденной качаться между «штилем» и дискуссионным неистовством. Более устойчивый режим внутрипартийной демократии обеспечит надлежащий характер партийной дискуссии и приучит к тому, чтобы предъявлять партии только проверенные данные. На этот счет партийное общественное мнение должно выработать в себе критическую беспощадность. Заводские ячейки должны на своем повседневном опыте проверять и данные дискуссии и ее выводы. Было бы также весьма полезно, если бы учащаяся молодежь в основу своих работ — исторических, экономических, статистических — положила углубленную проверку для себя тех данных, которые введены в оборот нынешней партийной дискуссии, и на которых партия будет завтра и послезавтра основывать свои решения.

Еще раз повторяю: важнейшим завоеванием, которое партия сделала и которое она должна удержать в своих руках, является тот факт, что основные хозяйственные вопросы, разрешавшиеся в немногих учреждениях, ныне поставлены в фокусе внимания всей партийной массы. Этим самым мы входим в новый период. Полемическая пыль оседет, ложные данные будут извергнуты партийной мыслью, а основные вопросы хозяйственного строительства уже не сойдут более с партийного поля зрения. Революция будет в выигрыше.

Л. Троицкий.

Постскриптум. В эту книжку наряду с главами, печатавшимися в «Правде», вошло несколько новых глав, а именно: «Бюрократизм и революция», «Традиция и революционная политика», «Недооценка крестьянства», «Плановое хозяйство». Что касается ранее печатавшихся статей, то я не изменил в них ни одного слова: это позволит читателям легче судить, насколько чудовищно смысл этих статей искажался и искажается подчас во время дискуссии.

Л.Т.

Вопрос о партийных поколениях

В одной из резолюций, принятых во время московской дискуссии, я встретил жалобу на то, что вопрос партийной демократии осложнился спорами о взаимоотношении поколений, личными выпадами и пр. Эта жалоба свидетельствует о неясности мысли. Личные выпады — одно, а вопрос о взаимоотношении поколений — совсем другое. Ставить сейчас вопрос о партийной демократии без анализа состава партии — как в смысле социальном, так и в смысле возраста и политического стажа — значило бы рассеивать самый вопрос в пустоте.

Отнюдь не случайно вопрос о партийной демократии встал прежде всего, как вопрос взаимоотношения поколений. Такая постановка подготовлена всем прошлым нашей партии. Схематически эту историю можно разбить на 4 периода: а) четвертьвековая дооктябрьская подготовка, единственная в истории; б) Октябрь; в) пооктябрьский период и г) «новый курс», т. е. открывающийся период.

Что дооктябрьская история, несмотря на ее богатство, сложность и различие пройденных этапов, представляла только подготовительный период, это сейчас совершенно бесспорно. Октябрь дал идейную и организационную проверку партии и ее кадрового состава. Под Октябрем мы понимаем наиболее острый период борьбы за власть, начиная, скажем, с апрельских тезисов т. Ленина и кончая фактическим завладением государственным аппаратом. Октябрьская глава, измеряемая месяцами, по содержанию своему не менее значительна всего подготовительного периода, измерявшегося годами и десятилетиями. Октябрь не только дал безошибочную, единственную в своем роде проверку великого прошлого партии, но и сам стал источником величайшего опыта для будущего.

Через Октябрь дооктябрьская партия впервые узнала себе настоящую цену.

После завоевания власти начинается быстрый рост партии и даже нездоровое ее разбухание. К ней, как к могущественному магниту, тяготеют не только малосознательные элементы трудящихся, но и явно чуждые элементы: службисты, карьеристы и политические приживалы. В этот весьма хаотический период партия сохраняется, как большевистская партия, только силой фактической внутренней диктатуры старой гвардии, проверившей себя через Октябрь. В вопросах сколько-нибудь принципиального значения новые члены партии — не только из среды трудящихся, но и чужеродные элементы — почти безапелляционно принимают руководство старшего поколения. Карьеристские элементы считали, что таким послушанием они вернее всего обеспечат себе положение в партии. Эти элементы, однако просчитались. Путем сурового самоочищения партия освободилась от них. Ряды ее сузились. Но партийное самосознание поднялось. Можно сказать, что партийная самопроверка и чистка явились исходным моментом, когда новая пооктябрьская партия впервые сознала себя, как полумиллионный коллектив, который не только состоит под руководством старой гвардии, но и сам призван разбираться в основных вопросах политики, обдумывать и решать. В этом смысле чистка и весь связанный с нею критический период представляют собою как бы вступление к тому глубокому перелому, который намечается сейчас в жизни партии и войдет, вероятно, в ее историю под названием нового курса.

Однако нужно понять ясно с самого начала: суть переживаемых тренировок и затруднений не в том, что секретари кое-где переборщили, и что их нужно слегка осадить, а в том, что партия в целом собирается перейти в более высокий исторический класс. Партийные массы как бы говорят руководящему аппарату партии: «У вас, товарищи, есть дооктябрьский опыт, которого нам в большинстве не хватает; но под вашим руководством мы приобрели пооктябрьский опыт, который становится все более и более значительным. И мы хотим быть не только руководимы вами, но и вместе с вами участвовать в руководстве классом. Мы хотим этого не только потому, что это наше право, как членов партии, но и потому, что это жизненно необходимо для рабочего класса в целом. Без нашего низо-

вого опыта, не просто учитываемого сверху, а нами самими активно вносимого в жизнь партии, руководящий партийный аппарат бюрократизируется, а мы, низовики, не чувствуем себя в достаточной степени идейно вооруженными перед лицом беспартийных».

Нынешний перелом вырос, как сказано, из всего предшествующего развития. Незаметные, на поверхностный взгляд, молекулярные процессы в жизни и сознании партии подготовили перелом значительно ранее. Кризис сбыта дал большой толчок критической работе мысли. Приближение германских событий заставило партию встрепенуться. Именно в этот момент с особенной остротой обнаружилось, до какой степени партия живет на два этажа: в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях. Критический пересмотр внутрипартийного положения был, однако, отсрочен напряженным и тревожным ожиданием близкой развязки германских событий. Когда выяснилось что эта развязка ходом вещей отодвинута, партия поставила в порядок дня вопрос о новом курсе.

Как это нередко бывало в истории, «старый курс» именно за последние месяцы обнаружил наиболее отрицательные и прямо-таки нестерпимые черты аппаратной замкнутости, бюрократического самодовольства и игнорирования настроений, мыслей и запросов партии. По бюрократической инерции аппарат в целом враждебно столкнулся с первыми попытками поставить в порядок дня вопрос о критическом пересмотре внутрипартийного режима. Это не значит, конечно, что аппарат состоит сплошь из бюрократизированных элементов, а тем более из каких-либо закоренелых и неисправимых бюрократов. Нисколько! Подавляющее большинство аппаратных работников, пройдя через нынешний критический период и уяснив себе его смысл, многому научится и от многого откажется. Идейно организованная перегруппировка, которая вырастет из нынешнего переломного момента, будет иметь, в последнем счете, благотворные последствия как для рядовой массы партийцев, так и для аппарата. Но в аппарате, каким он казался на пороге нынешнего кризиса, черты бюрократизма достигли чрезвычайного, поистине опасного развития. И именно эти черты придают происходящей ныне идейной перегруппировке в партии столь острый характер, порождающий законные опасения.

Достаточно сказать, что еще 2–3 месяца тому назад само упоминание о бюрократичности партийного аппарата, о чрезмерности комитетского и секретарского зажима встречало у ответственных и авторитетных представителей старого партийного курса, в центре и на местах, высокомерной пожимание плеч или возмущенный протест. Назначенство? Ничего подобного! Казенщина? Выдумка, оппозиция для оппозиции и пр. Эти товарищи искренно не замечали бюрократической опасности, носителями которой они были сами. Только под решительными толчками снизу они стали постепенно признавать, что бюрократизм, пожалуй, есть, но лишь кое-где, по организационной периферии, в отдельных губерниях и уездах, что он представляет отклонение практики от правильной линии и пр. и пр. И этот бюрократизм они истолковывали, как простой пережиток военного периода, т.е. как нечто такое, что постепенно идет на убыль, хотя и недостаточно быстро. Незачем говорить о коренной фальши такого подхода и такого объяснения. Бюрократичность — не случайная черта отдельных провинциальных организаций, а общее явление. Идет оно не от уезда через губернию к центру, а скорее — наоборот, из центра через губернию в уезд. Оно вовсе не является «пережитком» военного периода, а представляет собою результат перенесения на партию методов и приемов администрирования, накопленных именно за последние годы. Бюрократизм военного периода, какие бы в отдельных случаях уродливые формы он ни принимал, представляется младенческим по сравнению с нынешним бюрократизмом, сложившимся в условиях мирного развития, когда партийный аппарат, несмотря на идейный рост партии, продолжал упорно думать и решать за нее.

В связи со сказанным единогласно принятая резолюция ЦК о партстроительстве получает огромное принципиальное значение, которое полностью должно быть учтено сознанием партии. Недостойно было бы, в самом деле, представлять себе дело так, будто вся суть решений сводится к более «мягкому», более «внимательному» подходу секретарей и комитетов к партийной массе и к некоторым организационно-техническим изменениям. Резолюция ЦК не даром ведь говорит о новом курсе. Партия готовится вступить в новый фазис развития. Дело идет, конечно, не о ломке организационных принципов большевизма, как пытается кое-кто изобразить, а об их приме-

нении к условиям нового этапа в развитии партии. Вопрос идет, прежде всего, об установлении более здоровых взаимоотношений между старыми партийными кадрами и послеоктябрьским большинством членов партии.

Теоретическая подготовка, революционный закал, политический опыт представляют собою основной капитал партии, и носителем этого капитала являются, прежде всего, старые кадры партии. С другой стороны, партия есть, по самому существу своему, демократическая организация, т.е. такой коллектив, который мыслью и волею всех своих членов определяет свою дорогу. Совершенно ясно, что в сложнейшей обстановке, на другой день после Октября, партия могла тем увереннее и правильнее прокладывать себе дорогу, чем полнее она могла использовать накопленный опыт старшего поколения, вверяя его представителям наиболее ответственные посты в партийной организации. С другой стороны, это приводило и приводит сплошь да рядом к тому, что старшее поколение, занимая в партии положение кадров и поглощенное вопросами управления, привыкает думать и решать за партию, выдвигая по отношению к партийной массе на первый план чисто школьные, педагогические методы приобщения к политической жизни: курс политграмоты, проверку партийных занятий, партшколы и пр. Отсюда-то и вырастает бюрократизация партаппарата, его замкнутость, его самодовлеющая внутренняя жизнь, словом все те черты, которые составляют глубоко отрицательную сторону старого курса. Об опасностях дальнейшей жизни партии на два резко разграниченных этажа я и говорил в письме о молодых и стариках в партии, при чем под молодыми я имею в виду, разумеется, не учащуюся только молодежь, но все вообще пооктябрьское поколение партии, начиная, прежде всего, с заводских и фабричных ячеек.

В чем выражалось то недомогание, которое все резче и резче стала ощущать партия? А в том, что масса членов партии говорила себе или чувствовала так: «Верно или неверно думают и решают в партийном аппарате, но там слишком часто думают и решают без нас и за нас. Когда же с нашей стороны раздается голос недоумения, сомнения, возражения, критики, мы слышим в ответ окрик, призыв к дисциплине, а чаще всего обвинение в оппозиционности и даже во фракционности. Мы партии преданы до конца и готовы все ей отдать. Но мы хотим активно и сознательно участвовать в выработке пар-

тийного мнения и в определении путей партийного действия!» Несомненно, что первые проявления этих низовых настроений не были своевременно подмечены и учтены руководящим аппаратом партии, и это обстоятельство явилось одной из важнейших причин тех антипартийных группировок в партии, значение которых не нужно, конечно, преувеличивать, но предостерегающий смысл которых было бы недопустимо преуменьшать.

Главная опасность старого курса, как он сложился в результате как больших исторических причин, так и наших ошибок, состоит в том, что он обнаруживает тенденцию ко всему большему противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры,— всей остальной партийной массе, как объекту воздействия. Если бы этот режим упорно сохранялся и дальше, то он несомненно грозил бы, в конце концов, вызвать перерождение партии — притом на обоих ее полюсах, т.е. и в партийном молодняке и в руководящих кадрах. Относительно пролетарской основы партии, заводских ячеек, учащихся и пр. характер опасности совершенно ясен. Не чувствуя себя активными участниками общепартийной работы и не получая надлежащего и своевременного ответа на свои партийные запросы, значительные круги партии стали бы искать для себя суррогата (фальшивой замены) партийной самодеятельности в виде всяких группировок и фракционных образований. В этом именно смысле мы и говорим о симптоматическом значении таких группировок, как «рабочая группа».

Но и на другом, на правящем полюсе не менее велика опасность того курса, который задержался слишком долго и предстал сознанием партии, как бюрократизм. Было бы смешной и недостойной политикой страуса не понимать или не замечать, что формулированное резолюцией ЦК обвинение в бюрократизме есть обвинение именно по адресу руководящих кадров партии. Дело не в отдельных отклонениях партийной практики от правильной идеальной линии, а именно в аппаратном курсе, в его бюрократической тенденции. Заключает ли в себе бюрократизм опасность перерождения или нет? Было бы слепотой эту опасность отрицать. Бюрократизация в своем длительном развитии грозит отрывом от массы, сосредоточением всего внимания на вопросах управления, отбора, перемещения, сужением поля

зрения, ослаблением революционного чутья, т.е. большим или меньшим оппортунистическим перерождением старшего поколения, по крайней мере, значительной его части. Такие процессы развиваются медленно и почти незаметно, а обнаруживаются сразу. Усматривать в этом предостережении, опирающемся на объективное марксистское предвидение, какое-то «оскорбление», «покушение» и пр. можно только при болезненной бюрократической мнительности и аппаратном высокомерии.

Велика ли, однако, опасность такого перерождения на деле? Тот факт, что партия поняла или почувствовала эту опасность и активно откликнулась на нее, чем и вызвала, в частности, к жизни резолюции Политбюро, свидетельствует о глубокой жизненности партии и тем самым вскрывает живые источники противоядия против бюрократической отравы. В этом главная гарантия революционного самосохранения партии. Но поскольку старый курс пытался бы удержать во что бы то ни стало, путем зажима, все более искусственного отбора, застраивания, словом, приемов, основанных на бюрократическом недоверии к партии, постольку фактическая опасность перерождения значительной части кадров неизбежно возросла бы. Партия не может жить только капиталом прошлого. Достаточно того, что прошлое подготовило настоящее. Но нужно, чтобы настоящее было идейно и практически на высоте прошлого, чтобы подготовить будущее. Задачей же настоящего является: передвинуть центр тяжести партийной активности в сторону основной толщи партии.

Могут сказать, что такого рода передвижки центра тяжести не совершаются сразу, путем прыжка; партия не может «сдать в архив» старшее поколение и зажечь сразу по-новому. Вряд ли стоит серьезно останавливаться на таком глупенько-демагогическом доводе. Говорить о сдаче в архив старшего поколения могли бы только сумасшедшие. Речь идет именно о том, чтобы старшее поколение сознательно переменило курс и тем самым обеспечило бы свое дальнейшее руководящее влияние во всей работе самостоятельной партии. Нужно, чтобы старшее поколение рассматривало новый курс не как маневр, не как дипломатический прием, не как временную уступку, а как новый этап в политическом развитии партии. Тогда окажутся в великом выигрыше и руководящее поколение и партия в целом.

Общественный состав партии.

Вопрос не исчерпывается, разумеется, взаимоотношением поколений. В более широком историческом смысле вопрос решается социальным составом партии, и, прежде всего, удельным весом в ней фабрично-заводских ячеек, пролетариев у станка.

Первой задачей класса, захватившего власть, было создание государственного аппарата, включая армию, органы управления хозяйством и пр. Но орабочение государственного, кооперативного и пр. аппаратов означало, по самому существу своему, ослабление и разжижение основных фабрично-заводских ячеек партии и чрезвычайный рост в партии администраторских элементов, как пролетарского, так и иного происхождения. В этом противоречие положения. Выход из него мыслим только по пути серьезных хозяйственных успехов, здорового пульсирования фабрично-заводской жизни и постоянного притока в партию рабочих, остающихся у станка. Каким темпом пойдет этот основной процесс, через какие он пройдет приливы и отливы, сейчас предсказывать трудно. Разумеется, и на данной стадии нашего хозяйственного развития нужно сделать все, чтобы вовлечь в партию как можно большее количество рабочих от станка. Но серьезное изменение партийного состава — в таком, примерно, размере, чтобы фабрично-заводские ячейки составляли две трети партии, — может быть достигнуто очень нескоро и лишь на основе очень серьезных хозяйственных успехов. Во всяком случае, мы обязаны считаться с еще очень продолжительным периодом, в течение которого наиболее опытные и активные члены партии — в том числе, разумеется, и пролетарского происхождения — будут заняты на различных постах государственного, профессионального, кооперативного и партийного аппарата. И этот факт сам по себе уже включает опасности, служа одним из источников бюрократизма»

Совершенно исключительное место занимает и будет занимать по необходимости в партии обучение молодежи. Воспитывая через посредство рабфаков, партийных университетов, высших специальных учебных заведений новую советскую интеллигенцию с высоким процентом коммунистического состава, мы тем самым отрываем молодые пролетарские элементы от станка не только на время обучения, но, по общему правилу, и на всю дальнейшую жизнь: рабочая молодежь, прошед-

шая через высшие школы, будет в свое время, очевидно, поглощена промышленным, государственным или тем же партийным аппаратом. Таков второй фактор нарушения внутреннего равновесия в партии к невыгоде для основных» фабрично-заводских ячеек.

Вопрос о том, происходит ли коммунист из пролетарской, интеллигентской или иной среды, имеет, разумеется, свое значение. В первый пореволюционный период вопрос о доктябрьской профессии казался даже решающим, ибо отвлечение от станка на те или другие советские должности представлялось чем-то временным. Сейчас в этом отношении уже определилась глубокая перемена. Нет сомнения, что председатели губисполкомов или комиссары дивизий представляют собою известный общественный советский тип. в значительной мере даже независимо от того, из какой среды вышел каждый отдельный предгубисполкома или комиссар дивизии. За эти шесть лет создались довольно устойчивые группировки советской общественности.

Мы имеем, следовательно, — и притом на сравнительно длительный срок — такое положение, что очень значительная и наиболее подготовленная часть партии поглощена различными аппаратами руководства и управления, хозяйствования и командования; другая значительная часть учится; третья часть рассеяна в деревнях, работая на пашне, и только четвертая часть (по численности в настоящее время менее 1/6) состоит из пролетариев, работающих у станка. Совершенно очевидно, что рост партийного аппарата и сопровождающие этот рост черты бюрократизации порождаются не фабрично-заводскими ячейками, которые объединяются через аппарат, а как раз всеми другими функциями партии, осуществляемыми ею через посредство государственных аппаратов управления, хозяйствования, командования, обучения. Другими словами, источником бюрократизма в партии является возрастающая передвижка внимания и сил в сторону правительственных аппаратов и учреждений при недостаточно быстром росте промышленности. В виду этих основных фактов и тенденций мы должны себе отдать тем более ясный отчет в опасностях аппаратного перерождения старых кадров партии. Было бы грубым фетишизмом думать, будто старые кадры только потому, что они вышли из лучшей в мире революционной школы, заключают в себе самодовлеющие гарантии против всех и вся-

ких опасностей идейного измельчания и оппортунистического перерождения. Нет! История делается через людей, но люди вовсе не всегда сознательно делают историю, в том числе и свою собственную. В последнем счете вопрос, конечно, будет разрешен большими факторами международного значения: ходом революционного развития в Европе и темпом нашего Хозяйственного строительства. Но фаталистически возлагать всю ответственность на эти объективные факторы так же неправильно, как и искать гарантий только в своем субъективном радикализме, унаследованном от прошлого. При одном и том же революционном заряде и при одних и тех же международных условиях партия может лучше или хуже противостоять разлагающим тенденциям, в зависимости от сознательности, с какой она относится к опасностям, и от активности, с какой она борется против них.

Совершенно очевидно, что порожденная всей обстановкой разнородность общественного состава партии не ослабляет, а, наоборот, чрезвычайно обостряет все отрицательные стороны аппаратного курса. Нет и не может быть другого средства к преодолению корпоративного и ведомственного духа отдельных составных частей партии, как их активное сближение в режиме партийной демократии. Поддерживая «штиль», разобщая всех и все, партийный бюрократизм одинаково тяжело, хотя и по-разному, бьет и по заводским ячейкам, и по хозяйственникам, и по военным, и по учащейся молодежи.

Особенно остро, как мы видели, реагирует на бюрократизм учащаяся молодежь. Не даром т. Ленин предлагал для борьбы с бюрократизмом широко привлекать учащихся. По своему составу и связям учащаяся молодежь отражает все социальные прослойки, входящие в нашу партию, и впитывает в себя их настроения. По молодости и отзывчивости она склонна этим настроениям немедленно же придавать активную форму. Как учащаяся молодежь, она стремится объяснять и обобщать. Этим вовсе не сказано, что молодежь во всех своих проявлениях и настроениях выражает здоровые тенденции. Если бы это было так, это означало бы одно из двух: либо в партии все обстоит благополучно, либо молодежь перестала отражать свою партию. Но нет ни того ни другого. Рассуждение о том, что базой нашей являются не ячейки учебных заведений, а ячейки фабрик и заводов, в принципе верно. Но когда мы говорим, что молодежь является барометром, этим самым

мы как раз и отводим ее политическим проявлениям не основное, а симптоматическое значение. Барометр не создает погоды, а только отмечает ее. Политическая погода создается в глубине классов и в тех областях, где классы соприкасаются друг с другом. Заводские ячейки создают прямую и непосредственную связь партии с основным для нас классом, с промышленным пролетариатом. Деревенские ячейки в гораздо более слабой степени создают связь с крестьянством. С ним же, главным образом, связывают нас военные ячейки, поставленные, однако, в совершенно особые условия. Наконец, учащаяся молодежь, вербуемая из всех слоев и прослоек советской общественности, отражает в своем пестром составе все плюсы и минусы наши, и мы были бы тупицами, если бы не прислушивались внимательнейшим образом к ее настроениям. К этому нужно еще прибавить, что значительная часть нашего нового студенчества состоит из членов партии с достаточно серьезным для молодого поколения революционным стажем. И совершенно напрасно сейчас наиболее ретивые аппаратчики фыркают на молодежь. Она — наша проверка и наша смена, и завтрашний день за нею.

Но вернемся, однако, к вопросу о партийном преодолении разнородности отдельных частей и групп партии, разобщенных своими советскими функциями. Мы сказали и снова здесь повторяем, что бюрократизм в партии вовсе не есть отмирающее наследие какого-либо предшествующего периода, наоборот, это явление по существу новое, вытекающее из новых задач партии, новых ее функций, новых трудностей и новых ее ошибок.

Свою диктатуру пролетариат осуществляет через советское государство. Коммунистическая партия является руководящей партией пролетариата, а, следовательно, и его государства. И весь вопрос в том, как осуществлять это руководство, не сплетаясь слишком тесно с бюрократическим аппаратом государства и не подвергаясь в этом сплетении бюрократическому перерождению.

Коммунисты внутри партии и внутри государственного аппарата сгруппированы по-разному. В государственном аппарате они находятся в иерархической зависимости друг от друга и в сложных персональных взаимоотношениях с беспартийными. Внутри партии все они являются равноправными, поскольку дело идет об определении основных задач и методов

работы партии. Коммунисты работают у станка, входят в завод, управляют предприятиями, трестом предприятий, синдикатом, стоят во главе ВСНХ и пр. Поскольку же дело идет о руководстве хозяйством со стороны партии, она учитывает — должна учитывать — опыт, наблюдение, мнение всех своих членов, размещенных на разных ступенях административно-хозяйственной лестницы. В этом и состоит основное, ни с чем не сравнимое преимущество нашей партии, что она имеет возможность в каждый данный момент взглянуть на промышленность глазами коммуниста-токаря от станка, коммуниста профессионалиста, коммуниста-директора, красного торговца и, сочетав воедино взаимно дополняющий опыт всех этих работников, определить линию своего руководства хозяйством вообще, данной его отраслью в частности.

Совершенно очевидно, что такого рода действительное партийное руководство осуществимо только на основах живой и активной партийной демократии. И, наоборот, чем больше преобладания получают аппаратные методы, тем больше руководство партии заменяется администрированием ее исполнительных органов (комитетов, бюро, секретарей и пр.). Мы видим, как при усилении такого курса все дела сосредоточиваются в руках небольшой группы лиц, иногда одного секретаря, который назначает, смещает, дает директивы, призывает к ответственности и пр. При таком перерождении руководства основное и неопценное преимущество партии — ее многообразный коллективный опыт — отступает на задний план. Руководство получает чисто организационный характер и вырождается нередко в простое командование и дергание. Партийный аппарат входит во все более детальные задачи и вопросы советского аппарата, живет его повседневными заботами, подвергается его воздействию и из-за деревьев перестает видеть лес. Если партийная организация, как коллектив, всегда богаче опытом, чем любой из органов государственного аппарата, то этого вовсе нельзя сказать об отдельных должностных лицах партаппарата. Наивно, в самом деле, думать, что секретарь, в силу своего секретарского звания, воплощает в себе всю сумму знаний и умений, необходимых для партийного руководства. На деле он создает себе подсобный аппарат, с бюрократическими отделами, с бюрократической информацией, бумажными справками, и этим аппаратом, сближающим его с советским аппаратом, отгораживается от живой партии.

И происходит по известному немецкому выражению: «Ты думаешь, что двигаешь других, а на самом деле двигают тебя». Весь переплет бюрократической повседневности советского государства вливается в партийный аппарат и создает в нем бюрократический сдвиг. Партия, как коллектив, не ощущает своего руководства, ибо не осуществляет его. Отсюда недовольство или недоумение даже в тех случаях, когда руководство по существу правильно. Но оно не может удержаться на правильной линии, поскольку разменивается на мелочи, не приобретающая систематического планомерного и коллективного характера. Таким образом, бюрократизм не только нарушает внутреннюю спайку партии, но и ослабляет правильное воздействие ее на государственный аппарат. Этого сплошь да рядом не замечают и не понимают те, кто громче всего кричат о руководящей роли партии по отношению к советскому государству.

Группировки и фракционные образования.

Вопрос о группировках и фракциях занял в дискуссии центральное место. На этот счет надо высказаться со всей ясностью, так как вопрос очень острый и ответственный. А ставится он сплошь да рядом фальшиво.

Мы являемся единственной партией в стране, и в эпоху диктатуры иначе быть не может. Различные потребности рабочего класса, крестьянства, государственного аппарата и его личного состава давят на нашу партию, стремясь найти через ее посредство политическое выражение. Трудности и противоречия развития, временная несогласованность интересов разных частей пролетариата, или пролетариата в целом и крестьянства — все это напирало на партию через ее рабочие и крестьянские ячейки, через государственный аппарат, через учащуюся молодежь. Даже эпизодические временные разногласия и оттенки мнений могут выражать в какой-то отдаленной инстанции давление определенных социальных интересов; эпизодические разногласия и временные группировки мнений могут, при известных условиях, превратиться в устойчивые группировки; эти последние могут, в свою очередь, раньше или позже развернуться в организованные фракции; наконец, сложившаяся фракция, противопоставляя себя другим частям партии, тем самым более поддается давлению, идущему извне партии. Такова диалектика внутривнутрипартийных группировок

в эпоху, когда коммунистическая партия по необходимости монополизировала в своих руках руководство политической жизнью. Каков же вывод? Если не хочешь фракций, — не нужно постоянных группировок; если не хочешь постоянных группировок, — избегай группировок временных; наконец, чтобы оберечь партию от временных группировок, нужно, чтобы в партии вообще не было разногласий, ибо где два мнения, там люди всегда группируются. Но как же, с другой стороны, избежать разногласий в полумиллионной партии, которая руководит жизнью страны в исключительно сложных и трудных условиях? Таково основное противоречие, коренящееся в самом положении партии пролетарской диктатуры, и от этого противоречия нельзя отделаться одними только формальными приемами.

Те сторонники старого курса, которые голосуют за резолюцию ЦК в уверенности, что все останется по-старому, рассуждают, примерно, так: вот чуть-чуть приподняли над партией крышку аппарата, и сейчас же обнаружилось тенденции ко всяческому группировкам; надо снова поплотнее привинтить крышку. Этой коротенькой мудростью проникнуты десятки речей и статей «против фракционности». Эти товарищи в глубине души считают, что резолюция ЦК есть либо политическая ошибка, которую можно замазать, либо аппаратная уловка, которую нужно использовать. Я думаю, что они грубейшим образом ошибаются. И если что может внести величайшую дезорганизацию в партию, так это упорство в старом курсе под видом почтительного принятия нового.

Партийное общественное мнение неизбежно вырабатывается в противоречиях и разногласиях. Локализовать этот процесс только в аппарате, преподавая затем партии готовые плоды в виде лозунгов, приказов и пр., значит идейно и политически обессиливать партию. Делать всю партию участницей формирования решений — значит идти навстречу временным идейным группировкам с опасностью их превращения в длительные группировки и даже во фракции. Как же быть? Неужели нет выхода? Неужели нет места для партийной линии между режимом партийного «штиля» и режимом фракционного расщепления партии? Нет, такая линия есть, и вся задача внутривнутрипартийного руководства состоит в том, чтобы ее каждый раз — особенно на повороте — найти, в соответствии с данной конкретной обстановкой. Резолюция ЦК прямо го-

ворит, что бюрократический режим в партии является одним из источников фракционных группировок. Вряд ли эта истина нуждается сейчас в доказательствах. Старый курс был очень далек от «развернутой» демократии, и однако же он немало не уберег партию не только от нелегальных фракционных образований, но и от того взрыва дискуссии, который сам по себе — смешно было бы закрывать на это глаза! — чреват образованием временных или длительных группировок. Для предотвращения этого требуется, чтобы руководящие партийные органы прислушивались к голосу широких партийных масс, не считали всякую критику проявлением фракционности и не толкали этим добросовестных и дисциплинированных партийцев на путь замкнутости и фракционности. Но ведь такая постановка вопроса о фракциях означает оправдание мясниковщины? — слышим мы голос высшей бюрократической мудрости. Разве? Но, во-первых, вся подчеркнутая нами фраза представляет собою точную цитату из резолюции ЦК. А, во-вторых, с какого это времени объяснение равносильно оправданию? Сказать, что нарыв явился результатом дурного кровообращения, вследствие недостаточного притока кислорода, вовсе не значит «оправдать» нарыв и признать его нормальной составной частью человеческого организма. Вывод только один: нарыв надо вскрыть и дезинфицировать, а кроме того — и это еще важнее — надо открыть окно, дабы свежий воздух мог лучше окислять кровь. Но в том и беда, что наиболее боевое крыло старого аппаратного курса глубоко убеждено в ошибочности резолюции ЦК, особенно в той ее части, где бюрократизм объявляется одним из источников фракционности. И если «старокурсники» не говорят этого вслух, то лишь по формальным соображениям, — как и вообще все их мышление проникнуто духом формализма, который является идейной подкладкой бюрократизма.

Да, фракции представляют собою величайшее зло в наших условиях, а группировки — даже временные — могут превратиться во фракции. Но совершенно недостаточно, как свидетельствует опыт, объявить группировки и фракции злом, чтобы этим самым сделать невозможным их возникновение. Нужна известная политика, нужен правильный курс, чтобы добиться этого результата на деле, применяясь каждый раз к конкретной обстановке.

Достаточно вдуматься, как следует быть, в историю нашей партии хотя бы за время революции, т.е. за то именно время, когда фракционность стала особенно опасной, — и станет ясно, что борьба с этой опасностью ни в каком случае не исчерпывается одним только формальным осуждением и запрещением группировок.

Наиболее грозное разногласие возникло в партии в связи с величайшей задачей мировой истории, задачей захвата власти осенью 1917 г. Острота вопроса, при бешеном темпе событий, почти немедленно придавала разногласиям остро-фракционный характер: противники захвата власти, даже не желая того, блокировались фактически с непартийными элементами, опубликовывали свои заявления на страницах непартийной печати и пр. Единство партии было на острие ножа. Каким образом удалось избежать раскола? Только быстрым развитием событий и победоносной их развязкой. Раскол был бы неизбежен, если бы события растянулись на несколько месяцев, а тем более, если бы восстание закончилось поражением. Бурным наступлением партия, твердо руководимая большинством ЦК, перешагнула через оппозицию, власть оказалась завоеванной, и оппозиция, очень малочисленная, но высоко квалифицированная в партийном смысле, встала на почву Октября. Фракционность и угроза раскола были в этом случае побеждены не формально-уставным порядком, а революционным действием.

Второе крупное разногласие возникло в связи с вопросом о брест-литовском мире. Сторонники революционной войны сплотились в подлинную фракцию, со своим центральным органом и пр. Я не знаю, какое подобие основания имеет всплывший недавно анекдот о том, как т. Бухарин почти что собрался арестовать правительство т. Ленина. Вообще говоря, это немножко похоже на плохую майнридовщину или на коммунистическую... пинкертоновщину. Надо думать, Испарт в этом разберется. Несомненно, однако, что существование лево-коммунистической фракции представляло чрезвычайную опасность для единства партии. Довести дело до раскола не представляло бы в тот период большою труда и не требовало бы со стороны руководства... большого ума: достаточно было просто объявить лево-коммунистическую фракцию запрещенной. Партия применила, однако, более сложные методы: дискуссии, разъяснения, проверки на политическом опыте, — мирясь временно с таким ненормальным и угрожаю-

щим явлением, как существование внутри партии организованной фракции.

Мы имели в партии довольно сильную и упорную группировку по вопросам военного строительства. По существу дела эта оппозиция была против построения регулярной армии, со всеми вытекающими отсюда последствиями: централизованным военным аппаратом, привлечением специалистов и пр. Моментами борьба принимала крайне острый характер. Но и здесь, как в Октябре, помогла проверка оружием. Отдельные угловатости и преувеличения официальной военной политики были, не без воздействия оппозиции, смягчены — не только без ущерба, но и с выгодой для централизованного строительства регулярной армии. Оппозиция же постепенно рассосалась. Очень многие ее активнейшие представители не только втянулись в военную работу, но и заняли в ней ответственные посты.

Резко обозначились группировки в период памятной дискуссии о профсоюзах. Сейчас, когда мы имеем возможность оглянуться на эту эпоху в целом и осветить ее всем последующим опытом, становится совершенно очевидным, что спор шел вовсе не о профсоюзах и даже не о рабочей демократии: через посредство этих споров находило свое выражение глубокое недоумение партии, причиной которого был слишком затянувшийся хозяйственный режим военного коммунизма. Весь экономический организм страны был в тисках безвыходности. Под покровом формальной дискуссии о роли профсоюзов и рабочей демократии шли обходные поиски новых хозяйственных путей. Действительный выход открылся в уничтожении продовольственной разверстки и хлебной монополии и в постепенном высвобождении госпромышленности из тисков главкратии. Эти исторические решения принимались единогласно, и они целиком покрыли дискуссию о профсоюзах, тем более, что на основе нэпа самая роль профсоюзов предстала в совершенно ином свете, и резолюцию о профсоюзах пришлось радикально менять через несколько месяцев.

Наиболее длительный и некоторыми своими сторонами крайне опасный характер имела группировка «рабочей оппозиции». В ней находили свое перекошенное отражение и противоречия военного коммунизма, и отдельные ошибки партии, и основные объективные трудности социалистического строительства. Но и здесь дело вовсе не ограничилось одним

лишь формальным запретом. В области решений по вопросам партийной демократии были сделаны формальные шаги, а в области чистки партии были сделаны фактические, в высшей степени важные шаги навстречу тому, что было правильно и здорового в критике и требованиях «рабочей оппозиции». А главное, благодаря тому, что партия своими хозяйственными решениями и мероприятиями исключительной важности покрывала в основном и существенном наметившиеся разногласия и группировки, стало возможным, т.е. обещающим реальные результаты, формальное запрещение фракционных образований на X съезде партии. Но само собою разумеется, — об этом свидетельствуют нам и опыт прошлого и здравый политический смысл, — одно лишь запрещение не заключало в себе не только абсолютной, но и вообще сколько-нибудь серьезной гарантии предохранения партии от новых идейных и организационных группировок. Основной гарантией является правильность руководства, своевременное внимание ко всем запросам развития, преломляющимся через партию, гибкость партийного аппарата, не парализующего, а организующего партийную инициативу, не пугающегося голосов критики и не застрачивающего призраком фракционности: застрачивание есть вообще чаще всего продукт испуга! Постановление X съезда, запрещающее фракционность может иметь только вспомогательный характер, но само по себе оно еще не дает ключа ко всем и всяким внутренним затруднениям. Было бы слишком грубым организационным фетишизмом думать, что одно лишь голое постановление — независимо от хода развития партии, от ошибок руководства, от консерватизма аппарата, от внешних влияний и пр. и пр. — способно оградить нас от группировок и фракционных потрясений. Такой подход сам по себе уже глубоко бюрократичен.

Ярчайший пример сказанного дает история петроградской организации. Вскоре после X съезда, которым были запрещены группировки и фракционные образования, в Петрограде вспыхнула острая организационная борьба, приведшая к двум резко противопоставленным друг другу группировкам. Самым простым было бы, на первый взгляд, объявить одну из группировок (по крайней мере, одну) вредной, преступной, фракционной и пр. Но ЦК категорически отказался от такого метода, предлагавшегося ему из Петрограда. ЦК взял на себя прямое посредничество между двумя петроградскими группировками

и, в конце концов, обеспечил — правда, не сразу — не только их сотрудничество, но и их растворение в организации. Этого примера исключительной важности не следовало бы забывать; он прямо-таки незаменим для прочищения кое-каких бюрократических голов.

Выше мы сказали, что каждая сколько-нибудь серьезная и длительная группировка в партии, тем более организованная фракция, имеет тенденцию стать выражением каких-либо особых социальных интересов. Каждый неправильный уклон, лежащий в основе группировки, может, при своем развитии, стать выражением интересов враждебного или полувраждебного пролетариату класса. Но все это относится целиком и даже в первую голову к бюрократизму. Отсюда и нужно начинать. Что бюрократизм есть неправильный, нездоровый уклон, это, надо надеяться, бесспорно. А раз так, то в развитии своем он грозит сдвинуть партию с правильного, т.е. классового пути. Именно в этом его опасность. Но чрезвычайно поучительно и, вместе с тем, очень тревожно, что те товарищи, которые резче, настойчивее и подчас грубее всего настаивают на том, что каждое разногласие, каждая группировка мнений, хотя бы и временная, представляют собою выражение различных классовых интересов, не хотят применять этот же критерий к бюрократизму. Между тем, здесь социальный критерий уместнее всего, ибо в бюрократизме мы имеем вполне определенное зло, явный и бесспорно вредный уклон, официально осужденный, но ни в какой степени не изжитый. Да и как его сразу изжить! Но если бюрократизм грозит, как говорит резолюция ЦК, отрывом партии от масс, а, следовательно, и ослаблением классового характера партии, то уже отсюда вытекает, что борьба против бюрократизма ни в каком случае не может быть заранее отождествлена с какими-либо непролетарскими влияниями. Наоборот, стремление партии сохранить свой пролетарский характер неизбежно должно порождать в самой же партии отпор бюрократизму. Разумеется, под флагом этого отпора могут проводиться разные тенденции, в том числе и неправильные, нездоровые, вредные. Раскрыть эти вредные тенденции можно только марксистским анализом их идейного содержания. Но подводить чисто формально отпор бюрократизму под группировку, которая-де служит каналом чуждых влияний, значит быть самому заведомым «каналом» бюрократических влияний.

Самую мысль, однако, что разногласия в партии, а тем более группировки, означают борьбу разных классовых влияний, не нужно понимать слишком упрощенно и грубо. По вопросу, скажем, о том, нужно ли было прощупать Польшу штыком в 1920 г., у нас были эпизодические разногласия. Одни были за более смелую политику, другие за более осторожную. Были ли тут разные классовые тенденции? Вряд ли кто-нибудь рискнет это утверждать. Тут были разногласия в оценке обстановки, сил, средств. Но основной критерий оценки был одинаков у обеих сторон. Партия может нередко разрешать одну и ту же задачу разными путями. И разногласия возникают насчет того, какой из этих путей будет лучше, короче, экономнее. Такого рода разногласия могут, в зависимости от характера вопроса, захватить широкие круги партии, но это вовсе не будет непременно означать, что тут идет борьба двух классовых тенденций. Можно не сомневаться, что у нас это еще случится не раз, а десятки раз впереди, ибо путь перед нами трудный, и не только политические задачи, но и, скажем, организационно-хозяйственные вопросы социалистического строительства будут создавать разногласия и временные группировки мнений. Политическая проверка всех оттенков марксистским анализом является для нашей партии всегда необходимейшей предохранительной мерой. Но именно конкретная марксистская проверка, а не косный шаблон, как орудие самообороны бюрократизма. Проверить и профильтровать то неоднородное идейно-политическое содержание, которое сейчас выступает против бюрократизма, и отместить все чуждое и вредное можно будет тем успешнее, чем серьезнее мы вступим на путь нового курса. А это, в свою очередь, не осуществимо без серьезного перелома в настроении и самочувствии партаппарата. Мы же присутствуем, наоборот, при новом наступлении партаппарата, который всякую критику старого, формально осужденного, но еще не ликвидированного курса безапелляционно отводит ссылкой на фракционность. Если фракционность опасна, — а это так, — то преступно закрывать глаза на опасность консервативно-бюрократической фракционности. Именно против этой опасности в первую голову направлена единогласно принятая резолюция ЦК.

Забота об единстве партии есть самая основная и жгучая забота подавляющего большинства товарищей. Но тут нужно прямо сказать: если есть сейчас серьезная опасность единству

или, по крайней мере, единодушию партии, так это неистовствующий бюрократизм. Именно из этого лагеря раздавались голоса, которые нельзя иначе назвать, как провокационными. Именно отсюда осмеливались говорить: мы не боимся раскола! Именно представители этого лагеря шарят в прошлом, выискивая все, что могло бы внести побольше ожесточения в партийную дискуссию, искусственно оживляя воспоминания о старой борьбе и старых расколах, чтобы незаметно и постепенно приучить мысль партии к возможности такого чудовищного, самоубийственного преступления, как новый раскол. Потребность партии в единстве хотят сшибить лбом с ее потребностью в менее бюрократическом режиме. Если бы партия вступила на этот путь и пожертвовала необходимейшими жизненными элементами своей собственной демократии, она не приобрела бы ничего, кроме обострения внутренней борьбы и расшатки основных своих скреп. Нельзя односторонне и ультимативно требовать от партии доверия к аппарату, не питая доверия к самой партии. В этом суть вопроса. Предвзятое бюрократическое недоверие к партии, к ее сознательности и дисциплинированности есть главная причина всех зол аппаратного режима. Партия не хочет фракций и не допустит их. Чудовищно думать, что партия разобьет или позволит кому-либо разбить свой аппарат. Партия знает, что в состав аппарата входят наиболее ценные элементы, в которых воплощается огромная часть прошлого опыта. Но она хочет обновить аппарат и напоминает ему, что он — ее аппарат, ею избирается и от нее не должен отрываться.

Если продумать создавшуюся в партии обстановку, особенно как она вскрылась в дискуссии, до конца, то станет совершенно ясна двойственная перспектива дальнейшего развития. Либо происходящая ныне в партии идейно-организационная перегруппировка по линии резолюции ЦК действительно послужит шагом на пути органического роста партии, началом — размоется, только началом — новой большой главы, — и тогда это будет наиболее желательный для всех нас и наиболее благоприятный для партии исход. Тогда с дискуссионными и оппозиционными излишествами, а тем более с вульгарно-демократическими тенденциями партия справится легко. Либо же перешедший в контрнаступление партаппарат в большей или меньшей мере подпадет под влияние своих наиболее консервативных элементов и под лозунгом борьба с фракционнос-

тью снова отбросит партию на вчерашние позиции «штиля». Этот второй путь будет несравненно более болезненным; он не задержит, разумеется, развития партии, но заставит оплатить это развитие большими усилиями и потрясениями, ибо даст лишнее питание вредным, разлагающим, антипартийным тенденциям. Таковы две объективно открывающиеся возможности. Смысл моего письма «Новый курс» состоял в том, чтобы помочь партии вступить на первый путь, как более экономный и здоровый. И на позиции этого письма я настаиваю целиком, отметая тенденциозные и ложные его истолкования.

IV. Бюрократизм и революция

(Конспект непрочитанного доклада)

1. Основные условия, которые не только затрудняют ход социалистического строительства, но ставят время от времени революцию перед тяжкими испытаниями и опасностями, достаточно известны. Это: а) наличие внутренних социальных противоречий в революции, которые при военном коммунизме были механически придавлены, а при нэпе неизбежно развертываются и стремятся найти политическое выражение; б) длительная контрреволюционная угроза со стороны империалистических государств.

2. Социальные противоречия революции — это ее классовые противоречия. Каковы основные классы нашей страны? — а) Пролетариат, б) крестьянство, в) новая буржуазия с обрастающей ее интеллигенцией буржуазного типа. По хозяйственной роли и политическому значению главное место принадлежит пролетариату, организованному в государство, и крестьянству, как создателю преобладающих в нашей экономике сельскохозяйственных благ. Новая буржуазия играет преимущественно посредническую роль как между государственной промышленностью и сельским хозяйством, так и между разными частями государственной промышленности и разными областями крестьянского хозяйства. От торгово-посреднической деятельности новая буржуазия переходит частично также и к производственно-организаторской роли.

3. Если оставить в стороне вопрос о темпе развития пролетарской революции на Западе, то дальнейший ход нашей революции определится относительным ростом трех основных

элементов нашего хозяйства: государственной промышленности, крестьянского земледелия и частного торгово-промышленного капитала.

4. Исторические аналогии с Великой Французской Революцией (крушение якобинцев!), которыми питаются и утешаются либерализм и меньшевизм, поверхностны и несостоятельны.

Гибель якобинизма была предопределена незрелостью социальных отношений: левое крыло — разоренные ремесленники и торговцы — лишено возможностей хозяйственного развития, не могло быть устойчивой опорой революции; правое крыло — буржуазия — неизбежно возрастало; наконец, Европа, экономически и политически более отсталая, не давала возможности революции развернуться за пределами Франции.

Во всех этих отношениях наше положение несравненно более благоприятно. Ядром революции и одновременно ее левым флангом является у нас пролетариат, задачи и цели которого целиком и полностью совпадают с задачами социалистического строительства. Пролетариат политически настолько силен, что, даже допуская рядом с собою в известных пределах образование новой буржуазии, он приобщает крестьянство к государственной власти не через посредство буржуазии и мелкобуржуазных партий, а непосредственно, преграждая буржуазии вообще доступ к политической жизни. Экономическое и политическое состояние Европы таково, что не только не исключает, но, наоборот, делает неизбежным перенесение революции на ее территорию. Если, следовательно, во Франции даже и более пронизательная политика якобинизма вряд ли могла бы радикально изменить дальнейший ход событий, то у нас, при неизмеримо более благоприятной обстановке, правильность политической линии, направляемой методами марксизма, является на продолжительный срок решающим фактором в деле ограждения революции от опасностей.

5. Возьмем условно худший, наименее для нас благоприятный исторический вариант. Быстрый рост частного капитала, если бы таковой стал наблюдаться, означал бы, что государственная промышленность и торговля, включая и кооперацию, не обеспечивают потребностей крестьянского хозяйства. Это означало бы, далее, что частный капитал все глубже вклинивается между рабочим государством и крестьянством, приобретая экономическое, а, следовательно, и политическое влия-

ние на это последнее. Незачем говорить, что такого рода перспектива разрыва между госпромышленностью и сельским хозяйством, между пролетариатом и крестьянством знаменовала бы грозную опасность делу пролетарской революции, предвещая возможность победы контр-революции.

6. Какими политическими путями могла бы прийти победа контр-революции при условно намеченных нами в предшествующем пункте экономических предпосылках? Путей этих могло бы быть несколько: либо прямое низвержение рабочей партии, либо ее постепенное перерождение, либо, наконец, сочетание частичного перерождения, расколов и контрреволюционных потрясений. Преобладание тех или других методов зависело бы главным образом от темпа экономического развития. В случае медленного роста перевеса частного капитала над государственным, политический процесс принял бы преимущественно характер перерождения государственного аппарата в буржуазном направлении с соответственными отсюда последствиями для партии. При быстром росте частного капитала и его смычки с крестьянством могли бы возобладать активные контрреволюционные тенденции, направленные против коммунистической партии.

Мы берем эти варианты развития в столь обнаженном и резком виде не потому, разумеется, что считаем их исторически вероятными, — наоборот, вероятность их минимальна, — а потому, что лишь такая постановка вопроса дает возможность более правильной и всесторонней исторической ориентировки, а следовательно, и принятия всех возможных предупредительных мер. Наше величайшее преимущество, как марксистов, в том, что мы улавливаем в зародыше новые тенденции и новые опасности.

7. Вывод, который вытекает из сказанного в области экономической, возвращает нас к проблеме ножниц, т.е. к правильной организации промышленности и обеспечению ее согласованности с крестьянским рынком. Упущение времени в этой области означает утрату темпа в борьбе с частным капиталом. Тут главная задача и главный ключ к проблеме революции и социализма.

8. Если контрреволюционная опасность вырастает, как сказано, из известных социальных отношений, то этим вовсе не исключается то, что сознательно рассчитанной политикой можно эту опасность — даже и при неблагоприятных для рево-

людии экономических условиях — уменьшить, оттянуть и отсрочить. А такого рода отсрочка может, в свою очередь, даже и при очень неблагоприятном варианте развития, спасти революцию, обеспечив ей либо благоприятный хозяйственный перелом внутри, либо же смычку с победоносной революцией в Европе. Вот почему, на основе указанной выше хозяйственной политики, нужна определенная государственная и партийная, в том числе и внутрипартийная политика, имеющая своей задачей до последней степени затруднить скопление и укрепление тенденций, питающихся трудностями и неудачами экономического развития и направленных против диктатуры рабочего класса.

9. В разнородности социально-группового состава нашей партии отражаются объективные противоречия развития революции со всеми вытекающими из них тенденциями и опасностями:

Фабрично-заводские ячейки, обеспечивающие связь партии с основным классом революции, составляют ныне одну шестую часть партии.

Советские ячейки, при всех своих отрицательных сторонах, обеспечивают партии руководство государственным аппаратом, чем и определяется большой удельный вес этих ячеек. Высокий процент старых работников участвует в партийной жизни через посредство этих советских ячеек.

Крестьянские ячейки дают партии некоторую, хотя и чрезвычайно распыленную пока, связь с деревней.

Военные ячейки осуществляют связь партии с армией и через нее преимущественно с деревней.

Наконец, в ячейках учебных заведений все эти тенденции и влияния сочетаются и пересекаются.

10. Фабрично-заводские ячейки по классовому составу своему являются, разумеется, коренными. Но тот факт, что они составляют одну шестую часть партии, и что наиболее активные элементы партии извлекаются из них и вводятся в партийный или государственный аппарат, не позволяет партии пока еще, к несчастью, опираться только или даже преимущественно на производственные ячейки. Рост этих последних будет надежнейшим измерителем успехов партии в области промышленности и вообще хозяйства и, вместе с тем, лучшей гарантией сохранения ее пролетарского характера. Но вряд ли можно надеяться на их быстрый рост уже в ближайшее время. Партии

придется, следовательно, в ближайший период обеспечивать свое внутреннее равновесие и свою революционную линию, опираясь на ячейки разного состава.

11. Возможной опорой контрреволюционных тенденций могут явиться возрождающийся кулак, посредник, скупщик, арендатор, словом, элементы, гораздо более способные обволакивать государственный аппарат, чем непосредственно партию. Более непосредственное влияние, вплоть до прямого проникновения, возможно со стороны кулацких элементов разве лишь по отношению к крестьянским и военным ячейкам. Здесь нам на помощь приходит, однако, самый факт дифференциации крестьянства. Недопущение кулаков в армию, в том числе и в территориальные дивизии, должно оставаться не только незыблемым правилом, но и стать важнейшей мерой политического воспитания деревенской молодежи, военных частей и особенно военных ячеек. Руководящая роль рабочих в военных ячейках должна осуществляться на почве политического противопоставления трудовых крестьянских масс и армии — возрождающемуся кулачеству. То же самое относится и к деревенским ячейкам. Разумеется, успешность этой работы будет, в последнем счете, определена тем опять-таки, в какой мере государственной промышленности удастся обслужить деревню. Но и независимо от того, как быстро будут развиваться наши хозяйственные успехи, основная политическая линия в военных ячейках должна быть направлена не просто против нэпманов, а, прежде всего, против возрождающегося кулака, единственной исторически мыслимой и серьезной опоры всех и всяких контрреволюционных попыток. В этом отношении нужен более тщательный анализ различных составных частей армии с точки зрения социально-областного состава.

12. Несомненно, что через крестьянские и красноармейские ячейки в партию вливаются и будут вливаться тенденции и настроения, отражающие в большей или меньшей мере деревню, в ее отличии от города. Если бы этого не было, крестьянские ячейки не имели бы для партии никакой цены. Те или другие изменения настроений в этих кругах являются для партий написанием или предостережением. Возможность вводить каждый раз их в партийное русло зависит от правильности общего партийного и внутрипартийного руководства,

а в последнем счете от того, подвигаемся ли мы к разрешению или к смягчению проблемы ножиц.

13. Величайшим источником бюрократизма является государственный аппарат. С одной стороны, он поглощает и впитывает в себя огромное количество наиболее активных элементов партии и приучает наиболее ответственных из них к методам администрирования людьми и вещами, вместо политического руководства массами. С другой стороны, он требует львиной доли внимания к себе со стороны партаппарата, воздействуя на этот последний своими методами администрирования. Отсюда уже в значительной мере вытекает бюрократизация партаппарата, грозящая отрывом партии от масс. Именно эта опасность является сейчас наиболее оформившейся, непосредственной, явной. Борьба со всеми другими опасностями должна в настоящих условиях начаться с борьбы против бюрократизма.

14. Недостойно марксизма считать, что бюрократизм есть только совокупность дурных канцелярских привычек. Бюрократизм есть социальное явление, как определенная система управления людьми и вещами. В основе бюрократизма лежит неоднородность общества, различие как повседневных, так и основных интересов различных групп населения. Бюрократизм осложняется некультурностью широких масс. У нас основным источником бюрократизма является необходимость создания и поддержания государственного аппарата, который принудительно сочетал бы интересы пролетариата и крестьянства, до гармонического хозяйственного согласования которых мы еще далеко и далеко не дошли. Необходимость содержания постоянной армии является другим немаловажным источником бюрократизма. Совершенно очевидно, что именно перечисленные нами отрицательные социальные явления, питающие ныне бюрократизм, могли бы в случае дальнейшего своего развития поставить революцию под угрозу. Об этом, как об одном из вариантов, сказано выше: рост несогласованности государственного и крестьянского хозяйства, рост кулацкого крыла в деревне, смычка его с частным торгово-промышленным капиталом — при низком культурном уровне трудящихся масс деревни, а отчасти и города — вот предпосылки возможных контрреволюционных опасностей.

Другими словами: бюрократизм в государственном аппарате и в партии есть выражение тех самых отрицательных тен-

денций нашей обстановки, минусов и уклонов нашей работы, которые, при известных социальных условиях, могут привести к подрыву революции. И здесь, как во многих других случаях, количество на известной стадии переходит в качество.

15. Борьба с бюрократизмом государственного аппарата есть исключительно важная, но длительная задача, более или менее параллельная другим нашим основным задачам: хозяйственному строительству и повышению культурного уровня масс.

Важнейшим историческим орудием для разрешения всех этих задач является партия. Разумеется, и партия не может вырвать себя искусственно из социальных и культурных условий страны. Но будучи добровольной организацией авангарда, лучших, активнейших, наиболее сознательных элементов рабочего класса, партия в несравненно большей степени, чем госаппарат, может оградить себя от тенденций бюрократизма. Для этого она должна ясно видеть опасность и непримиримо бороться с ней.

Отсюда же вытекает огромное значение самодеятельного воспитания партийной молодежи — для обслуживания госаппарата по-новому и для полного преобразования его.

Традиция и революционная политика

Вопрос о взаимоотношении партийной традиции и живой партийной политики совсем не простой вопрос, особенно в нашу эпоху. Не раз приходилось за последнее время говорить об огромном значении теоретической и практической традиции нашей партии и о том, что разрыва идейной преемственности мы допустить ни в каком случае не можем. Нужно только очень твердо условиться насчет того, что именно мы понимаем под партийной традицией. Придется — в значительной мере методом от обратного — начать с исторических примеров, чтобы найти опору для выводов.

Возьмем «классическую» партию Второго Интернационала, германскую социал-демократию. Ее «традиционная» полувекковая политика основана была на приспособлении к парламентаризму и на непрерывном росте организации, прессы и кассы. Здесь традиция, нам глубоко чуждая, имела полуавтоматический характер: сегодняшний день «естественно» вытекал из вчерашнего и столь же «естественно» подготовлял завтрашний. Росла организация, развивалась печать, обогащались кассы. В этом автоматизме воспиталось целое поколение, сле-

дующее после Бебеля, — поколение бюрократов, филистеров, тупиц, политический облик которых вскрывался целиком в первые часы империалистской войны. Каждый из съездов немецкой социал-демократии говорил неизменно о старой, освященной традицией тактике партии. И действительно, традиция была могущественна. Это была автоматическая, не-критическая, консервативная традиция, которая, в конце концов, задушила революционную волю партии.

В результате войны политическая жизнь Германии оказалась раз навсегда выбитой из привычного «традиционного» равновесия. Молодая коммунистическая партия с первых дней своего официального возникновения вошла в буржую эпоху быстро чередующихся кризисов и потрясений. Тем не менее, мы и на короткой сравнительно истории германской коммунистической партии видим не только творческую, но и консервативную роль традиции, которая сталкивается на каждом новом этапе и повороте с объективными потребностями движения и с критическим сознанием партии. Героической традицией германского коммунизма уже в первый период ее существования стала непосредственная борьба за власть. Грозные мартовские события 21 г. жестоко обнаружили, что у партии еще нет для этого сил. Понадобился резкий поворот — в направлении борьбы за массы, — прежде чем снова начать непосредственную борьбу за власть. Этот поворот дался нелегко, ибо шел против уже успевшей сложиться традиции. У нас сейчас вспоминают обо всех, даже пустяковых разногласиях, которые возникали в партии или в ее Центральном Комитете за последние годы. Не мешало бы вспомнить о капитальнейшем разногласии, разыгравшемся к моменту III конгресса Коминтерна. Теперь уже совершенно очевидно, что перелом, который был тогда достигнут под руководством т. Ленина, при жесточайшем сопротивлении значительной части, вначале большинства конгресса, буквально спас Интернационал от разгрома и распада, грозивших ему на пути той автоматической, некритической левизны, которая в короткий срок успела стать косной традицией.

После III конгресса германская коммунистическая партия довольно болезненно производит необходимый поворот. Открывается эпоха борьбы за массы под лозунгом единого фронта, с длительными переговорами и другими педагогическими приемами. Эта тактика длится свыше 2 лет и дает превосход-

ные результаты. Но вместе с тем затяжные пропагандистские приемы ее превращаются... в полуавтоматическую традицию, сыгравшую очень серьезную роль в событиях второго полугодия 23 г.

Сейчас уже совершенно бесспорно, что период с мая, с начала рурского сопротивления, или с июля, с провала этого сопротивления, до ноября, когда генерал Сект взял в руки власть, является в жизни Германии резко очерченным периодом небывалого кризиса. Сопротивление, которое полузадушенная республиканская Германия Эберта-Куно попыталась оказать французскому милитаризму, сорвалось и увлекло за собою жалкое, худосочное социальное и политическое равновесие страны. Рурская катастрофа сыграла по отношению к «демократической» Германии ту же до известной степени роль, какую разгром германских войск пять лет перед тем сыграл по отношению к режиму Югенцоллерна. Невероятной падение марки, хозяйственный хаос, всеобщее брожение, всеобщая неуверенность, развал социал-демократии, могущественный приток рабочих к коммунистам, всеобщее ожидание переворота. Если бы коммунистическая партия, резко изменив темп работы, использовала предоставленные ей историей 5–6 месяцев полностью и целиком для непосредственной политической, организационной, технической подготовки к захвату власти, развязка событий могла бы быть совсем не той, какую мы наблюдали в ноябре. Но в том-то и дело, что коммунистическая партия вошла в новый короткий период небывалого, пожалуй, в мировой истории кризиса с готовыми приемами предшествующего двухлетнего периода пропагандистской борьбы за влияние на массы. Тут нужны были новая ориентировка партии, новый тон агитации, новый подход к массе, новое истолкование и применение единого фронта, новые методы организации и технической подготовки — словом крутой тактический поворот. Пролетариат должен был увидеть в действии революционную партию, идущую непосредственно на завоевание власти. Между тем, партия в основном продолжала вчерашнюю, пропагандистскую политику, только в более широком масштабе. Лишь в октябре партия берет новый курс. Но у нее остается уж слишком мало времени для разгона. Партия придает подготовке лихорадочный темп, масса не поспевает за партией, неуверенность сообщается обоим сторонам, и в решающий момент партия отступает без боя. Важнейшей

причиной того, что германская коммунистическая партия сдала без сопротивления совершенно исключительные исторические позиции, является то, что партия не сумела на новом рубеже (май— июль 23 г.) стряхнуть с себя автоматизм вчерашней политики, рассчитанной на годы, и ребром поставить — в агитации, в действии, в организации, в технике — проблему захвата власти. Время есть важный элемент политики, особенно в революционную эпоху. Упущенные месяцы приходится иногда наверстывать годами и десятилетиями. Так было бы с нами, если бы наша партия не взяла надлежащего разбега с апреля 1917 г. и не овладела властью в октябре. Есть все основания рассчитывать, что германский пролетариат поплатится за упущение не слишком жестоко, ибо устойчивость нынешнего германского режима — особенно в виду международной обстановки — более, чем сомнительна.

Без дальнейшего ясно, что традиция, как консервативный элемент, как автоматическое давление вчерашнего дня на сегодняшний, представляет собою чрезвычайно важную силу на службе охранительных партий и глубоко враждебна революционной партии. Вся сила последней именно в свободе от консервативной традиционности. Означает ли это свободу от традиции вообще? Ни в каком случае. Но традиция революционной партии имеет совсем другую природу.

Если возьмем теперь нашу партию, в ее дореволюционном и в ее пооктябрьском прошлом, то основным и драгоценнейшим ее тактическим качеством надо признать непревзойденную способность к быстрой ориентировке и резкой перемене тактики, к перевооружению и применению новых методов, словом, к политике крутых поворотов. Бурная историческая обстановка сделала эту тактику необходимой. Гений Ленина придал ей форму высшего мастерства. Это не значит, конечно, что наша партия была совершенно свободна от консервативной традиционности. Такой идеальной свободой массовая партия обладать не может. Но сила и могущество партии выражались в том, что косность, традиционность, рутинность были сведены к минимуму дальнзоркой, насквозь революционной тактической инициативой, в одинаковой мере смелой и реалистичной.

Именно в этом состоит и должна состоять подлинная традиция партии.

Большая или меньшая бюрократизация партийного аппарата непременно сопровождается развитием консервативной традиционности со всеми ее последствиями. Эту опасность лучше преувеличить, чем недооценить. Тот несомненный факт, что более консервативные элементы аппарата все свои мнения, решения, приемы и ошибки склонны отождествлять со «старым большевизмом» и критику бюрократической замкнутости аппарата пытаются приравнять к подрыву традиции, — факт этот уже сам по себе является несомненным выражением известного идейного окостенения.

Марксизм есть метод исторического анализа, политической ориентировки, а не совокупность решений, заготовленных впрок. Ленинизм есть применение этого метода в условиях исключительной исторической эпохи. Именно этим сочетанием свойств эпохи и метода определяется та мужественная, зрелая, уверенная в себе политика крутых поворотов, высочайшие образцы которой дал Ленин, и которую он же не раз теоретически освещал и обобщал.

Маркс говорил, что передовые страны показывают, до известной степени, отсталым образ их будущего. Из этого условного положения пытались сделать абсолютный закон, который и лег, в сущности, в основу «философии» русского меньшевизма. Этим самым пролетариату ставились пределы, вытекающие не из хода революционной борьбы, а из механической схемы, и меньшевистский «марксизм» был и остается лишь приспособленным для запоздалой «демократии» выражением потребностей буржуазного общества. На самом деле, оказалось, что Россия, сочетающая в своей экономике и политике явления крайней противоположности, первой была выдвинута на путь пролетарской революции. Ни Октябрь, ни Брест Литовск, ни создание регулярной рабоче-крестьянской армии, ни продразверстка, ни нэп, ни Госплан не были и не могли быть предопределены или предрешены марксизмом или дооктябрьским большевизмом. Все эти факты и повороты выросли из самостоятельного, инициативного, критического применения методов большевизма в новой каждый раз обстановке. Все эти решения давались каждый раз не просто, а с боем. Голая апелляция к традиции ничего не решала и не давала. Ибо при каждой новой задаче, при каждом новом повороте дело сводится вовсе не к тому, чтобы навести справку в традиции и открыть там несуществующий ответ, а к тому, чтобы на основа-

нии всего опыта партии дать новое самостоятельное, отвечающее обстановке, решение и тем самым — обогатить традицию. Можно сказать еще резче, что ленинизм состоит в мужественной свободе от консервативной оглядки назад, от связанности прецедентами, формальными справками и цитатами. Ленин сам не так давно выразил эту мысль наполеоновскими словами: *on s'engage et puis on voit?* т.е. ведя борьбу, справляйся не с канонами и прецедентами, а врывайся в действительность, как она дана, и ищи в ней сил и путей к победе. Именно по этой линии Ленин подвергался не раз, а десятки раз внутри собственной партии обвинениям в нарушении традиции и в отказе от... «старого большевизма». Напомним, что отзовисты выступали неизменно под знаменем защиты большевистских традиций от ленинского уклона (об этом есть интереснейшие материалы в «Красной Летописи», № 9). Под знаком «старого большевизма», а на самом деле — формальной, мнимой, ложной традиции — поднялось против апрельских тезисов т. Ленина все, что было идейно-косного в партии. Один из наших партийных «историков» (на историков партии пока что, увы, не везет) говорил мне в самый разгар октябрьских событий: «Я не с Лениным, потому что я — старый большевик, и остаюсь на почве демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Борьба левых против брест-литовского мира и за революционную войну шла опять-таки под знаменем спасения революционных традиций партии, чистоты «старого большевизма» — от опасностей государственного оппортунизма. Незачем напоминать, что вся критика «Рабочей оппозиции» прошла под знаком обвинения партии в нарушении старых традиций. Мы видели совсем недавно, как официальнейшие истолкователи традиций партии в национальном вопросе приходили в явное противоречие как с потребностями партийной политики в национальном вопросе, так и с позицией т. Ленина. Число таких примеров — исторически менее значительных, но не менее доказательных — можно было бы умножить еще и еще. Но и из сказанного уже ясно, что каждый раз, когда объективные условия требуют нового поворота, смелого перелома, творческой инициативы, консервативное сопротивление обнаруживает естественную тенденцию противопоставить новым задачам, новым условиям, новому курсу — «старые традиции», якобы старый большевизм, а на самом деле — пустую оболочку оставленного позади периода.

Чем партаппарат замкнутее, чем более он пропитан духом своего самодовлеющего значения, чем с большим запозданием он реагирует на запросы, идущие снизу, тем больше он склонен противопоставлять новым запросам и задачам формальную традицию. И если что могло бы стать поистине смертельным для духовной жизни партии и для теоретического воспитания молодняка, так это — превращение ленинизма из метода, для применения которого нужны инициатива, критическая мысль, идейное мужество, — в канон, который требует только раз навсегда призванных истолкователей.

Ленинизм не мыслим прежде всего без теоретического охвата, без критического анализа материальных основ политического процесса. Оружие марксистского исследования нужно вновь и вновь оттачивать и применять. Именно в этом состоит традиция, а не в подмене анализа формальной справкой или случайной цитатой. С идейной поверхностностью и теоретической неряшливостью пуше всего не мирится ленинизм.

Нельзя Ленина раскроить ножницами на цитаты, пригодные на все случаи жизни, ибо для Ленина формула никогда не стоит над действительностью, а всегда лишь орудие, инструмент для овладения действительностью и для ее преодоления. Можно было бы без труда найти десятки и сотни цитат у Ленина, которые с формальной стороны кажутся противоречащими друг другу. Но вся суть не в формальном отношении одной цитаты к другой, а в реальном отношении каждой из них к той конкретной действительности, в которую эта формула была вдвинута, как рычаг. Ленинская истина всегда конкретна!

Ленинизм, как система революционного действия, предполагает воспитанное размышлением и опытом революционное чутье, которое в области общественной — то же самое, что мышечное ощущение в физическом труде. Но революционное чутье нельзя смешивать с демагогическим нюхом. Этот последний может давать преходящие успехи и даже очень эффективные. Но это политический инстинкт низшего порядка. Он всегда устремляется по линии наименьшего сопротивления. В то время как ленинизм направлен на постановку и разрешение основных революционных задач, на преодоление главных затруднений, демагогическая подделка под него направлена на обход задач, на ложное успокоение, на усыпление критической мысли.

Ленинизм есть, прежде всего, реализм, высший качественный и количественный учет действительности — под углом зрения революционного действия. Но именно потому с ленинизмом непримиримо прикрытое пустопорожним агитаторством пасование перед действительностью, пассивное упущение времени, высокомерное оправдание ошибок вчерашнего дня — под предлогом спасения партийной традиции.

Ленинизм есть подлинная свобода от формальных предрассудков, от морализующего доктринерства, от всех вообще видов духовного консерватизма, пытающегося связывать волю к революционному действию. Но было бы губительной ошибкой полагать, будто ленинизм означает: «все позволено». Ленинизм включает в себе не формальную, но подлинную революционную мораль массового действия и массовой партии. Ничто так не чуждо ленинизму, как аппаратное высокомерие и бюрократический цинизм. Массовая партия имеет свою мораль, которая есть связь бойцов в действии и для действия. Демагогия непримирима с внутренним духом пролетарской партии именно потому, что демагогия лжива: давая в том или другом случае упрощенное решение трудностей сегодняшнего дня, она неизбежно подкапывается под завтрашний день, ослабляя доверие партии к самой себе.

Демагогия подбита ветром и, столкнувшись с серьезной опасностью, легко разрешается в паникерство. А паникерство и ленинизм — их даже на бумаге трудно поставить рядом.

Ленинизм воинствен с ног до головы. А война немыслима без хитрости, без уловки, без обмана врага. Победоносная военная хитрость входит необходимым элементом в ленинскую политику. Но в то же время ленинизм есть высшая революционная честность перед лицом партии и класса. Никаких фикций, мыльных пузырей, мнимых величин!

Ленинизм ортодоксален, упорен, непреклонен, но в нем нет и намека на формализм, канон и казенщину. В борьбе он берет быка за рога. Пытаться сделать из традиций ленинизма сверхтеоретическую гарантию непрерываемости и непреложности всех мыслей и речений истолкователей традиции — значит издеваться над подлинной революционной традицией, превращая ее в казенщину. Смешна и жалка попытка гипнотизировать великую революционную партию повторением одних и тех же заклинаний, в силу коих правильную линию надо ис-

кать не в существе каждого вопроса, не в методах его постановки и разрешения, а в справках... биографического характера.

Поскольку я лично вынужден на минуту спуститься в эту область, скажу: я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути. Я шел к Ленину с боями, но я пришел к нему полностью и целиком. Кроме своих действий на службе партии, я никому никаких дополнительных гарантий дать не могу. И если уж ставить вопрос в плоскости биографических изысканий, то нужно это делать как следует быть. Тогда пришлось бы давать ответы на острые вопросы: всякий ли, кто был учителю верен в малом, оказывался ему верен и в большом? Всякий ли кто проявлял в присутствии учителя послушание, дает тем самым гарантии последовательности в отсутствие учителя? Исчерпывается ли ленинизм послушанием? У меня нет никакого намерения разбирать эти вопросы на примере отдельных товарищей, с которыми я, со своей стороны, намерен и впредь работать рука об руку.

Каковы бы ни были дальнейшие трудности и разногласия, победу над ними даст только коллективная работа партийной мысли, проверяющей себя каждый раз заново и тем именно охраняющей преемственность развития.

С таким характером революционной традиции связан особый характер революционной дисциплины. Где традиция консервативна, там и дисциплина пассивна и нарушается при первом серьезном толчке. Где, как в нашей партии, традиция состоит в высшей революционной активности, там и дисциплина достигает высшего напряжения, ибо решающее значение ее проверено много раз через действие. Отсюда неразрушимое сочетание революционной инициативы, смелой критической проработки вопросов — с железной дисциплиной действия. И только через высшую же активность молодежь может воспринять эту традицию дисциплины от стариков.

Традиции большевизма во всем их объеме нам не менее дороги, чем кому бы то ни было. Но пусть никто не смеет отождествлять бюрократизм с большевизмом, а традицию — с казенщиной!

«Недооценка» крестьянства

Некоторые товарищи усвоили себе очень своеобразный метод политической критики: они утверждают, что я в таком-то вопросе не прав сегодня, потому что в другом вопросе был

не прав 15 или сколько-то там лет тому назад. Этот метод очень упрощает задачу. Сегодняшний вопрос нужно было бы разобрать во всем его материальном содержании. А вопрос, который имел место много лет тому назад, давно исчерпан, историей освещен и, чтобы сослаться на него, не нужно больших мозговых усилий, — кроме, разумеется, некоторой памяти и добросовестности. Но и по этой части я не могу сказать, что все обстоит у моих критиков благополучно. И я это сейчас докажу на одном из важнейших вопросов.

Излюбленным аргументом, вошедшим в употребление в некоторых кругах за последнее время, является указание — преимущественно косвенное — на мою «недооценку» роли крестьянства. Тщетно стали бы вы, однако, искать какого-либо анализа этого вопроса, приведения фактов, цитат, вообще доказательств. Обыкновенно дело ограничивается глубокомысленным кивком на теорию «перманентной революции», да еще разве двумя-тремя кулуарными словечками. А между теорией «перманентной революции» и советскими кулуарами — ничего, пустота. Что касается теории «перманентной революции», то я решительно не вижу оснований отрекаться от того, что писал по этому поводу в 1904—5-гг. и позже. Я и сейчас считаю, что основной ход мыслей, развивавшихся мною тогда, несравненно ближе к действительной сущности ленинизма, чем многое и многое из того, что писалось рядом большевиков того времени. Термин перманентная революция есть Марксов термин, которым он пользовался по отношению к революции 48 года. В марксистской литературе, разумеется, не в ревизионистской, а в революционной, термин этот всегда располагал правами гражданства. Франц Меринг пользовался этим определением по отношению к революции 1905 — 7 гг. Перманентная революция в точном переводе означает постоянная или непрерывная революция. Какая политическая мысль вкладывается в эти слова? Та мысль, что для нас, для коммунистов, революция не заканчивается после достижения того или другого политического завоевания, той или другой социальной реформы, а развивается дальше, и пределом ее для нас является только социалистическое общество. Таким образом, раз начавшись, революция, — поскольку мы в ней участвуем и, тем более, руководим ею, — ни в каком случае не приостанавливается нами на каком-либо формальном этапе, наоборот, мы непрерывно и постоянно ведем ее вперед, разумеется, в соответ-

ствии со всей обстановкой, до тех пор, пока революция не исчерпает всех возможностей и ресурсов движения. Это относится как ко внутренним завоеваниям революции, в национальных пределах, так и к перенесению революции на международную арену. В условиях России это означало: не буржуазная республика, как политическое завершение, и даже не демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, а рабочее правительство, опирающееся на крестьянство и открывающее эру международной социалистической революции. (См. Л. Троцкий, «Итоги и перспективы»). Таким образом, идея перманентной революции полностью и целиком совпадает с основной стратегической линией большевизма. Этого можно было не видеть 18-15 лет тому назад. Но этого нельзя не понять и не признать теперь, когда общие формулы наполнились полнокровным историческим содержанием. Никакой попытки «перескочить» через крестьянство в моих тогдашних писаниях не было. Через теорию «перманентной революции» был прямой путь к ленинизму, в частности, к апрельским тезисам 1917 г. А эти тезисы, предопределившие политику нашей партии в Октябре и через Октябрь, заставили, как известно, панически отскочить очень и очень многих из тех, которые сейчас со священным ужасом говорят о теории «перманентной революции». Однако, препираться по всем этим вопросам с товарищами, которые давно перестали читать и пользуются только смутными воспоминаниями молодости, дело нелегкое, да и бесполезное. Но те товарищи, и в первую голову молодые, которые не устают учиться и уж во всяком случае не позволяют запугать себя не только словами «металл» и «жупел», но и словом «перманент», — эти товарищи хорошо сделают, если самостоятельно прочтут, с карандашом в руках, тогдашние работы за и против «перманентной революции» и попытаются провести от этих работ нити к Октябрю, что не так уж трудно.

Гораздо важнее все-таки практика октябрьская и послеоктябрьская. Здесь все можно проверить шаг за шагом. Незачем говорить, что по поводу политического усыновления нами «эсеровской» земельной программы у меня не было с т. Лениным и тени разногласий. Точно так же и относительно декрета о земле. Правильна или неправильна была наша советская крестьянская политика в тех или в других частностях, — разногласий у нас она не возбуждала. Курс на середняка был взят

при активнейшем моем участии. Думаю, что не последнее место в этом курсе занимали опыт и выводы военной работы. Да и как можно было недооценивать роль и значение крестьянства при построении революционной армии из крестьян при посредстве передовиков рабочих? Достаточно просмотреть нашу военно-политическую литературу, чтобы убедиться, насколько она проникнута той мыслью, что гражданская война есть, в политической основе своей, борьба пролетариата с контрреволюцией за влияние на крестьянство, и что победу может обеспечить только правильная установка взаимоотношений рабочих к крестьянам: в отдельном полку, в районе военных действий, во всем государстве.

В марте 1919 г., в докладной записке в ЦК с Волги, я отстаивал необходимость более принципиального проведения курса на середняка — против невнимательного или поверхностного отношения, еще наблюдавшегося в партии в этом вопросе. В докладе, внушенном мне непосредственно дискуссией и в сенгилеевской организации, я писал: «Временная, хотя, может быть, и длительная политическая ситуация является, однако, гораздо более глубокой социально-экономической реальностью, ибо и при наличии победоносной пролетарской революции на Западе, нам в нашем социалистическом строительстве придется в огромной степени исходить из того же середняка втягивая его в социалистическое хозяйство».

Однако, курс, взятый на середняка в его первоначальной форме («относись внимательно к крестьянину», «не командуй», и пр.), оказался недостаточным. Явно нарастала необходимость перемены хозяйственной политики. Под влиянием опять-таки настроений армии и опыта хозяйственной поездки на Урал, я писал в ЦК в феврале 1920 г.: «Нынешняя политика уравнилительной реквизиции по продовольственным нормам, круговой поруки при ссыпке и уравнилительного распределения продуктов промышленности направлена на понижение земледелия, на распыление промышленного пролетариата и грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны». В качестве основной практической меры я предлагал: «Заменить изъятие излишков известным процентным отчислением — своего рода подоходно-прогрессивный налог — с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляли все же выгоду». Весь текст в целом 1) представляет довольно законченное предложение перехода к новой

экономической политике в деревне. С этим предложением было связано другое, касающееся новой организации промышленности, гораздо более черновое и осторожное, но направленное, по существу, против главкократического режима, разбившего все связи между промышленностью и сельским хозяйством. Предложения эти были тогда Центральным Комитетом отклонены: это и было пожалуй, единственное разногласие по крестьянскому вопросу. Можно сейчас по-разному оценивать в какой мере переход к новой экономической политике был целесообразен уже в феврале 1920 г. Я лично не сомневаюсь, что от такого перехода мы были бы в выигрыше. Но уж, во всяком случае, из приведенных мною документов никак нельзя вывести игнорирования мною крестьянства или недооценки его роли. Дискуссия о профсоюзах выросла из хозяйственной безвыходности на основании продрозверстки и главкократии. Могло ли помочь «сращивание» профсоюзов с хозяйственными органами? Разумеется, нет. Но и никакие другие меры не могли помочь, доколе сохранялся хозяйственный режим «военного коммунизма». Эти эпизодические споры были целиком покрыты решением привлечь на помощь рынок, причем это капитальнейшее решение не вызвало никаких разногласий. Новая резолюция, посвященная задачам профсоюзов на основе нэпа, была выработана т. Лениным между X и XI съездами и принята опять-таки единогласно.

Я мог бы привести добрый десяток других фактов, менее значительных по своему политическому весу, но не менее ярко опровергающих легенду о так называемой «недооценке» мною крестьянства. Но нужно и можно ли, в конце концов, опровергать утверждение, ничем не подкрепляемое, совершенно не доказываемое, не имеющее за собою ничего, кроме недоброй воли или, в лучшем случае, дурной памяти?

* * *

Верно ли, что основной чертой международного оппортунизма является «недооценка» роли крестьянства? Нет не верно. Основной чертой оппортунизма, в том числе и нашего русского меньшевизма, является недооценка роли пролетариата, или, еще точнее, недоверие к его революционной силе. Меньшевики все свои возражения против захвата власти пролетариатом строили на многочисленности крестьянства и его огромной у нас социальной роли. Эсеры считали, что крестья-

янство создано для того, чтобы стоять под их руководством и через них, эсеров, руководить страной. Большевики, шедшие рука в руку с эсерами в самые ответственные

1) Я печатаю основную часть этого документа, как приложение к этой главе

...моменты революции, считали, что крестьянство, по самой природе своей, предназначено служить главной опорой буржуазной демократии, и, со своей стороны, всячески шли ей на помощь, как в лице эсеров, так и в лице кадетов. Как меньшевики, так и эсеры выдавали при этом крестьянство с головой буржуазии. Можно, правда, сказать, — и это будет вполне верно, — что меньшевики недооценивали возможную роль крестьянства по сравнению с ролью буржуазии; но еще более они недооценивали пролетариат по сравнению с крестьянством. И именно из этой последней, основной недооценки вытекала первая, производная. Большевики категорически отвергали, как утопию, как фантазию, как бессмыслицу, руководящую роль пролетариата по отношению к крестьянству, со всеми вытекающими отсюда последствиями, т.е. завоеванием власти пролетариатом, опирающимся на крестьянство. Здесь Ахиллесова пята меньшевизма, который, впрочем, только пятой и похож на Ахиллеса.

Каковы, наконец, были в нашей собственной партии главные доводы против завоевания власти перед Октябрем? Неужели же недооценка роли крестьянства? Наоборот, переоценка — по сравнению с ролью пролетариата. Товарищи, противившиеся захвату власти, больше всего указывали на то, что пролетариат захлебнется в мелкобуржуазной стихии, основой которой является многомиллионное крестьянство.

Гольый термин «недооценка» ни теоретически, ни политически ничего не выражает, ибо дело идет не о каком-либо абсолютном весе крестьянства в истории, а об его роли и значении в отношении к другим классам: с одной стороны — к буржуазии, с другой стороны — к пролетариату. Вопрос может и должен ставиться конкретно, т.е. о динамическом соотношении сил разных классов. Политически для революции имеет большое значение — в некоторых случаях решающее, но далеко не везде одинаковое — вопрос о том, перетянет ли пролетариат в революционный период на свою сторону крестьянство, и какую часть его. Экономически огромное значе-

ние — в некоторых странах, как у нас, решающее, но во всяком случае далеко не всюду одинаковое — имеет вопрос о том, в какой мере стоящему у власти пролетариату удастся сочетать свое социалистическое строительство с крестьянским хозяйством. Но во всех странах и во всех условиях основной чертой оппортунизма является переоценка силы буржуазных и промежуточных классов и недооценка силы пролетариата.

Смешной, чтобы не сказать нелепой, является претензия создать какую-то универсальную большевистскую формулу крестьянского вопроса, одинаково, будто бы, пригодную и для России 1917 г., и для России 1923 г., и для фермерской Америки, и для помещичьей Польши. Большевизм начал с программы возвращения крестьянам земельных отрезков, сменил ее затем программой национализации, усыновил в 1917 г. эсеровскую земельную программу, установил продразверстку, заменил ее продналогом... А мы, ведь, еще очень и очень далеки от разрешения крестьянского вопроса, и впереди предстоит много перемен и поворотов. Не ясно ли, что практические задачи сегодняшнего дня нельзя растворять в общих формулах, созданных опытом вчерашнего дня; нельзя решение организационно-хозяйственных задач заменять голой апелляцией к традиции; нельзя при определении исторического пути кормиться и кормить воспоминаниями и аналогиями.

Самая большая хозяйственная задача настоящего времени состоит в том, чтобы установить такое соотношение между промышленностью и сельским хозяйством, а, стало быть, и внутри промышленности, при котором промышленность развивалась бы с минимальными кризисами, толчками и потрясениями и с возрастающим перевесом государственной промышленности и торговли над частным капиталом. Такова общая задача. Она распадается на ряд частных вопросов: каковы методы для установления необходимого соотношения между городом и деревней? между транспортом, финансами и промышленностью? промышленностью и торговлей? Какие учреждения призваны применять эти методы? Каковы, наконец, конкретные цифровые данные, на которых в каждый данный момент можно построить наиболее здоровые хозяйственные планы и расчеты? Все эти вопросы, очевидно, не предрешаются какой-либо общей политической формулой. Тут нужно найти конкретный ответ в процессе строительства. Крестья-

нин требует от нас не повторения правильной исторической формулы классовых взаимоотношений («смычка» и пр.), а более дешевых гвоздей, ситцу и спичек. К удовлетворению этих его требований мы сможем подойти лишь на пути все более точного применения методов учета, строительства, производства, сбыта, проверок сделанного, поправок и радикальных изменений. Имеют ли эти вопросы принципиальный, программный характер? Нет, поскольку ни программа, ни теоретическая традиция партии нас на этот счет не связали и не могли связать — за отсутствием необходимого опыта и его обобщения. Велико ли практическое значение этих вопросов? Неизмеримо. От правильного решения их зависит судьба живой революции. В этих условиях стремление растворять каждый практический вопрос и вытекающие из него разногласия в партийной «традиции», превращаемой в абстракцию, есть чаще всего отказ от самого важного и значительного в этой традиции: постановки и разрешения каждой задачи во всей ее реальности и конкретности.

Надо перестать болтать о низкой оценке крестьянства. Надо добиться на деле понижения расценки крестьянских товаров.

Предложение, вносившееся в ЦК в феврале 1920 года.

Основные вопросы продовольственной и земельной политики

Помещичьи и казенные земли переданы крестьянству. Вся политика направлена против многолошадных, многопосевных крестьян (кулаков). С другой стороны, продовольственная политика построена на отобрании излишков (сверх потребительской нормы). Это толкает крестьянина к обработке земли лишь в размерах потребности своей семьи. В частности, декрет относительно изъятия 3-й коровы, как излишней, на деле приводит к тайному убою коров, к спекулятивной распродаже мяса и к разрушению молочного хозяйства. В то же время полупролетарские и даже пролетарские элементы городов оседают в деревне, где заводят свои продовольственные хозяйства. Промышленность теряет рабочую силу, земледелие эволюционирует в сторону увеличения числа самодовлеющих продовольственных хозяйств. Этим самым подрывается

основа продовольственной политики, построенной на извлечении излишков. Если нынешний продовольственный год показывает значительный успех заготовок по сравнению с прошлым, то это нужно отнести за счет расширения советской территории и некоторого улучшения продовольственного аппарата. В общем же продовольственные ресурсы грозят иссякнуть, против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата. Борьба против таких тенденций хозяйственной деградации возможно следующими методами:

1) заменив изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подоходно-прогрессивный натуральный налог) с таким расчетом чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляли выгоду;

2) установив большее соответствие между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством ссыпанного ими хлеба не только по волостям и селам, но и по крестьянским дворам.

Привлечение к этому местных промышленных предприятий. Частичная расплата с крестьянами за доставляемое ими сырье, топливо и продовольствие продуктами промышленных предприятий.

Во всяком случае, очевидно, что нынешняя политика уравнительной реквизиции по продовольственным нормам, круговой поруки при ссыпке и уравнительного распределения продуктов промышленности направлена на понижение земледелия, на распыление промышленного пролетариата и грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны.

VII. Плановое хозяйство

(«№1042»)

В нынешней дискуссии, и печатной и устной, почему-то совершенно неожиданным вниманием пользовался приказ №1042. Откуда? Почему? Вероятно, большинство членов партии вообще забыло, что это за таинственный номер. Поясню, что речь идет о приказе, изданном Нар. Ком. Путей Сообщения 22-го мая 1920 г. и посвященном ремонту паровозов. Казалось бы, с того времени немало воды утекло под железнодорожными и иными мостами. Казалось бы, сейчас имеется немало вопросов, куда более животрепещущих, чем вопрос о том, пра-

вильно или неправильно мы организовали ремонт паровозов в 20 г. Существуют гораздо более свежие плановые приказы в области металлургии, машиностроения, сельскохозяйственного — в частности. Есть вынесенная XII съездом ясная и точная резолюция о смысле и задачах планового руководства. Есть свежий опыт плановой работы за 23 г. Почему же именно теперь выскочил план, относящийся к периоду военного коммунизма, — выскочил, как «бог из машины», говоря словами римского театра? Бог из машины высказывал потому, что за машиной стояли режиссеры, которым появление бога нужно было для развязки. Каким же режиссерам и для чего понадобился неожиданно приказ №1042? Совершенно непонятно. Остается допустить, что он понадобился лицам, которые страдают непреодолимой заботой об исторической истине. Разумеется, и они знают, что есть много более жизненных и актуальных вопросов чем план железнодорожного ремонта, изданный почти 4 года тому назад. Но разве можно — судите сами! — идти вперед, разве можно строить новые планы, разве можно отвечать за их неправильность, неудачу, непредусмотрительность, если не растолковать всем, всем, всем, что приказ № 1042 был ложным приказом, основанным на игнорировании крестьянства, на неуважении к партийной традиции и на стремлении создать фракцию! Это ведь только на первый взгляд кажется, что цифра «1042» есть простой канцелярский номер. Если же взглянуть в дело попроницательнее, то окажется, что «1042» ничуть не лучше апокалипсической цифры «666», связанной со зверем. Надо предварительно стереть главу апокалипсического зверя, тогда можно будет на досуге поговорить и о других хозяйственных планах, не успевших покрыться четырехлетней давностью...

Признаюсь, мне вначале была совершенно чужда мысль занимать сегодняшнего читателя железнодорожным приказом за №1042. Тем более, что дискуссионные выпады против этого приказа имеют характер обиняков и неопределенных намеков, долженствующих показать, что намекатель знает гораздо больше, чем говорит, тогда как на самом деле бедняга ничего не знает. В этом смысле «обвинения» против №1042 немногим отличаются от 1041-го других обвинений. Количество тут должно возместить качество. Факты в этих обвинениях безжалостно искажены, цитаты исковерканы, пропорции попораны, все нашвыряно в кучу без ладу и складу. Чтобы разобраться

задним числом в тех или других старых разногласиях и ошибках, нужно было бы восстановить прошлую обстановку во всей ее конкретности. До того ли? А если так, то стоит ли, не откликаясь на многие другие фальшивые в самом своем существе намеки и обвинения, реагировать на выпущенный из режиссерской машины «приказ №1042»? Стоит ли?

Поразмысливши, я решил все же, что стоит, ибо здесь мы имеем перед собою случай, в своем роде классический... по злостному легкомыслию обвинения. Дело с приказом № 1042 происходило не в идеологической области, а в материальной, в производственной, и потому измерялось числом и весом. Здесь легче и проще всего навести точную справку, привести фактические доводы, и, стало быть, в этом случае наиболее уместна хотя бы простая осторожность, ибо тут легче всего обнаружить, что говоришь о том, чего не знаешь и не понимаешь. И если, тем не менее, даже на этом конкретном, ясно очерченном, точном примере обнаружилось бы, что выпущенный из машины «бог» есть на деле легкомысленный шут, то это облегчит, может быть, многим читателям понимание режиссерских методов, которые скрываются за другими «обвинениями», не допускающими, увы, и на одну сотую такой точности проверки, как приказ №1042.

Я постараюсь в то же время при изложении дела не оставаться в рамках исторических справок, а попробовать связать вопрос о приказе №1042 с задачами планового строительства и руководства вообще. Очень может быть, что иллюстрация вопроса на конкретном примере поможет внести в дело несколько больше ясности.

Приказ №1042, введший ремонт паровозов в рамки систематического и планомерного использования всех ремонтных сил и средств железнодорожного ведомства и государства в целом, разрабатывался в течение продолжительного времени лучшими специалистами железнодорожного дела, которые и сейчас в области управления техникой железнодорожного транспорта играют руководящую роль. Фактически осуществление ремонта паровозов по приказу №1042 началось с мая—июня, формально — с 1-го июля 1920 г. В рамки плана были включены не только ж.д. мастерские, но и соответственные заводы ВСНХ. Мы даем ниже таблицу, рисующую фактический ход выполнения плана, с одной стороны, по железнодорожным мастерским, с другой — по заводам ВСНХ.

Цифры наши воспроизводят совершенно бесспорные официальные данные, представлявшиеся периодически в СТО Основной Транспортной Комиссией (межведомственной) за подписями представителей как НКПС, так и ВСНХ.

**Выполнение приказа №1042
(в процентах по отношению к плану)**

	в жел.-дор. мастерских	на заводах ВСНХ при т. Емшанове в качестве НКПС
1920 г.		
Июль	135	40,5
Август	131,6	74
Сентябрь	139,3	80
Октябрь	130	51
Ноябрь	124,6	70
Декабрь	120,8	66
Итого	129,7	70
1921 г.		
Январь	95	36
Февраль	90	38
Март	98	
Апрель	101	26

Таким образом, успешный ход ремонта по мастерским НКПС дал возможность уже с октября повысить задание на 28%. Тем не менее, выполнение за второе полугодие 20 г. дало почти 130 % по отношению к заданию. В первые 4 месяца 21 г. выполнение лишь несколько ниже 100 % задания. Но затем уже при т. Дзержинском в дело вторгаются обстоятельства, лежащие за пределами НКПС: с одной стороны, недостаток материала и продовольствия для обслуживания самого ремонта, а с другой — крайний недостаток топлива, делавший невозможным использование даже и наличных паровозов. Вследствие этого постановлением СТО от 22-го апреля 1921 г. решено было нормы ремонта паровозов по плану № 1042 на остаток 21 года значительно сократить. Фактическое исполнение за последнее 8 месяцев 21 г. по НКПС составляло 88% по отношению к сокращенному плану; по ВСНХ — 44%.

Результаты работы по приказу 1042 за первое, наиболее критическое для транспорта, полугодие следующим образом

выражены в тезисах к VIII съезду Советов, одобренных Политбюро ЦК:

«Программа ремонта получила, таким образом, точный календарный характер, притом не только для железнодорожных мастерских, но и для заводов ВСНХ, обслуживающих транспорт. Установленная путем длительной подготовительной работы и согласованная через Основную Транспортную Комиссию программа ремонта дала, однако, совершенно различный процент выполнения в железнодорожных мастерских (НКПС) и на заводах (ВСНХ): в то время, как в мастерских капитальный и средний ремонт, выраженный в единицах среднего ремонта, повысился в течение этого года с 258 паровозов до тысячи с лишним, то есть в четыре раза, и давал в среднем до 130 проц. установленной месячной программы, заводы ВСНХ снабжали ж.д. материалом и запасными частями в размере одной трети программы, установленной по соглашению обоих ведомств Основной Транспортной Комиссией».

Мы видим, однако, что с известного момента выполнение установленных норм приказа №1042 становится невозможным, вследствие недостачи сырых материалов и топлива.— Но это же и показывает, что приказ был неправилен! — готовы воскликнуть критики, которые, впрочем, только что узнали от меня об этом факте. На это приходится ответить: приказ №1042 регулировал ремонт паровозов, но ни в каком случае не производство металлов и добычу угля. Эти процессы регулировались совершенно другими приказами и другими учреждениями. Приказ №1042 был не универсальным хозяйственным планом, а транспортным.— Но ведь необходимо было его согласовать с углем, топливом и пр.? Бесспорно. Именно для этого и была

1) В виду успешного хода ремонта задание повышается с октября на 28 %.

2) Что касается снабжения ж.д. мастерских материалами и запасными частями, то заводы ВСНХ выполняли лишь около 30 % принятой ими на себя программы.

создана Основная Транспортная Комиссия, в которую на равных началах входили представители НКПС и ВСНХ. Согласование ремонта с возможным наличием материалов достигалось постольку, поскольку представители ВСНХ заявляли: могут или не могут они дать необходимые материалы.

Следовательно, если здесь был просчет, то он целиком произошел по линии ВСНХ. Может быть, впрочем, критики именно это и хотели сказать? Сомнительно, очень сомнительно! Хотя «критики» и заботятся исключительно об исторической истине, но под тем все-таки условием, чтоб истина позаботилась о них. А между тем — увы, увы — среди критиков задним числом мы встречаем людей, которые в тот период несли ответственность за ВСНХ. Они со своей критикой просто шли в комнату, а попали в другую. Это бывает. В качестве смягчающего обстоятельства надо, впрочем, указать на то, что плановое предвидение в области добычи угля, производства металла и пр. было в тот период несравненно труднее, чем ныне. Если предвидения НКПС в области ремонта отличались несравненно большей точностью, чем предвидения ВСНХ, то это объясняется, — по крайней мере, до известной степени, — более централизованным характером железнодорожного хозяйства и большими навыками централизованного управления. Мы все это охотно признаем. Но это ни в малейшей степени не отменяет и не меняет того факта, что просчет, поскольку он имел место, шел целиком по линии ВСНХ.

Однако, плановый просчет ВСНХ, вызвавший необходимость снижения ставок плана, но ни в каком случае не упразднение самого плана, ни прямо, ни косвенно не говорит против приказа № 1042, ибо приказ этот, по самому существу своему, имел ориентировочный характер и был заранее рассчитан на внесение в него периодических поправок на основе материального опыта. Регулировка перспективного плана является одной из важнейших сторон его производственного осуществления. Мы видели выше, что производственные нормы приказа были с октября 1920 г. повышены на 28 % ввиду того, что фактическая производственная мощь мастерских НКПС оказалась, благодаря принятым мерам, выше предполагаемой. Мы видели далее, как нормы эти были с мая 1921 г. сильно понижены под влиянием производственных условий, лежащих вне НКПС. Но и повышение и понижение производится в плановом же порядке, и приказ № 1042 создает для них необходимую основу. Это максимум того, что можно вообще требовать от ориентировочного плана. Разумеется, наиболее реальное значение для дела имели цифры ближайших месяцев, полугодия ближайшего года; дальнейшие цифры имели только перспективное значение. При создании приказа никто

не думал, что выполнение его действительно произойдет ровнехонько в 41/2 года. Когда оказалось возможным повышение нагрузки, перспективный срок сократился до 31/2 лет. Недостаток материалов опять отодвинул срок. Но факт остается фактом: на наиболее острый, критический в жизни транспорта период — на 20—21 гг. — приказ оказался вполне реальным, ремонт был введен в упорядоченные рамки и повысился в четыре раза, и железнодорожное хозяйство выбралось из непосредственно угрожавшей ему катастрофы.

Мы не знаем, с какими-такими идеальными планами почтенные критики сравнивают приказ № 1042? Нам кажется, что сравнивать нужно бы с тем положением, какое было в ремонтном хозяйстве до этого приказа. А положение это было таково, что паровозы раздавались в ремонт любому заводу, любой фабрике — для подвоза продовольствия. Мера эта была мерой отчаяния, означала распыление транспорта и совершенно чудовищное расходование труда на ремонт. Приказ № 1042 снова собрал паровозное хозяйство воедино, внес в ремонт первоначальные элементы правильной организации труда, приурочивая определенные серии паровозов к определенным мастерским, и поставил, таким образом, дело ремонта в зависимость не от распыленных усилий рабочего класса в целом, а от более или менее правильного и точного учета сил и средств транспортного хозяйства. В этом было принципиальное значение приказа № 1042, независимо даже от степени совпадения цифр предположения с цифрами выполнения. Но, как мы видели выше, и по этой части дело обстояло вполне благополучно.

Разумеется, сейчас, когда факты забыты, можно по поводу плана № 1042 говорить всяческую отсебятину, в расчете на то, что никто проверять не будет, а какой-нибудь клейкий мусор в результате «говорения» все-таки в головах останется. Но в тот период дело было совершенно ясно и бесспорно. Этому можно было бы привести десятки свидетельств. Мы выберем три — разной авторитетности, но характерных каждое по-своему.

3-го июня «Правда» следующим образом оценивала положение с транспортом: «...Сейчас дело с транспортом в некоторых отношениях подвинулось вперед. Всякому даже случайному наблюдателю бросается в глаза тот — хотя бы и элементарный — порядок, который теперь есть и которого раньше не было.

Впервые создан точный производственный план, дана определенная задача для мастерских, заводов и депо. За все время революции только теперь произведен полный и точный учет всех производственных возможностей, которые существуют в действительности, а не на бумаге. В этом отношении «приказ №1042», подписанный т. Троцким, представляет поворотный пункт в нашей работе по транспорту»...

Можно возразить, что это свидетельство является только предварительной оценкой, и что, подписанное буквами И. Б., оно могло исходить от т. Бухарина. Мы не оспариваем ни того, ни другого. Тем не менее, цитата эта правильно оценивает самый факт внесения элементов упорядоченности в хаотическое дело железнодорожного ремонта.

Но мы приведем сейчас свидетельство более авторитетное и основанное уже на полугодовом опыте. На VIII съезде Советов т. Ленин говорил:

«...Вы видели уже между прочим из тезисов т. Емшанова и т. Троцкого, что здесь, в этой области (восстановление транспорта), мы имеем дело с настоящим планом, на много лет разработанным. Приказ № 1042 был рассчитан на 5 лет, мы в 5 лет наш транспорт восстановить можем, число больных паровозов уменьшить можем, и, пожалуй, как самое трудное, я подчеркну в 9-м тезисе указание на то, что мы этот срок уже сократили.

И когда появляются большие планы, на много лет рассчитанные, бывают нередко скептики, которые говорят: где уж там нам на много лет рассчитывать, дай бог сделать и то, что нужно сейчас. Т.е., нужно уметь соединять и то и другое; нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период, на серьезный успех. Что это необходимо, это показывает несомненное улучшение работы транспорта. Я хочу обратить внимание на то место в 9-м тезисе, где говорится, что срок был бы года для восстановления, но он уже сокращен, потому что мы работаем выше нормы: срок уже определяется 31/2 годами. Так нужно работать и в остальных хозяйственных отраслях»...

Наконец, уже через год после издания приказа №1042, в принципиальном приказе т. Дзержинского «Об основах дальнейшей работы НКПС» от 27-го мая 1921 года читаем:

«Исходя из того, что сокращение норм приказов №1042 и №11571), явившихся первым и блестящим опытом плановой

хозяйственной работы, есть временное и вызвано переживаемым топливным кризисом... принять меры к поддержанию и восстановлению оборудования и мастерских»...

Таким образом, мы видим, что после годового опыта и после вынужденного снижения норм ремонта, новый (после т. Емшанова) руководитель Железнодорожного транспорта признает приказ №1042 «первым и блестящим опытом плановой хозяйственной работы». Я очень сомневаюсь, чтобы можно было переделать историю задним числом, — хотя бы даже историю одного только железнодорожного ремонта. В настоящее время некоторые лица очень усердно предаются этому «ремонту»: исправлению вчерашней истории применительно к «потребностям» сегодняшнего дня. Я не думаю, однако, чтобы этот ремонт (тоже с «планом»!) был общественно полезным, и чтобы он в последнем счете дал какие-либо ощутительные результаты.

Правда, Маркс называл революцию паровозом истории. Но, в отличие от железнодорожного, — паровоз истории нельзя подвергать ремонту, тем более... задним числом. Напоминаем, что в просторечии такие попытки ремонта истории называются фальсификацией.

* * *

Как мы выше видели, Основная Транспортная Комиссия выполняла частично и ошупью ту работу согласования смежных отраслей хозяйства, которая ныне, в гораздо более широком и обобщенном виде, должна составлять содержание работ Госплана. Приведенный нами пример указывает, вместе с тем, в чем задачи и в чем трудности планового руководства хозяйством.

Ни одна отрасль промышленности, широкая или узкая, ни одно предприятие не могут правильно распределить свои средства и силы, не имея перед собою ориентировочного хозяйственного плана. В то же время все эти частные планы относительно, друг от друга зависят, друг друга обуславливают. Эта относительность должна, по необходимости, быть основным критерием при самой выработке планов, а затем и при проведении их в жизнь, т.е. при периодической проверке планов на основе производственного опыта. Очень легкая и дешевая вещь — отпустить шуточки насчет многолетних планов, которые потом оказываются мыльными пузырями. Таких планов было не мало, и незачем говорить, что фанта-

зерство в хозяйстве — вещь мало привлекательная. Но суть-то в том, что нельзя добраться до правильных планов иначе, как исходя от примитивных и грубых, подобно тому, как до стальной ножа можно дойти лишь начиная с каменного топора.

Нужно прямо сказать, что во многих головах по вопросу о хозяйственном плане господствуют и сейчас еще в высшей степени ребяческие представления: «Нам, мол, не нужно многочисленных (?) планов, у нас есть план электрификации, — давайте его выполнять!». Такой подход к делу свидетельствует о непонимании азбуки вопроса. Перспективный план электрификации целиком соподчинен перспективным планам основных отраслей промышленности, транспорта, финансов, наконец, перспективам сельского хозяйства. Все эти частные планы должны быть согласованы между собой уже в предварительном, априорном порядке, на основе всех тех данных, какими мы располагаем в отношении наших хозяйственных ресурсов и возможностей. На такого рода согласованный, скажем, годовой план (в него входят годовые отрезки отдельных перспективных трехлетних, пятилетних и пр. планов, представляющих собою лишь рабочие гипотезы) может и должно

1) Приказ №1157 имел такое же значение для ремонта вагонов, как № 1042 — для паровозов.

2) Чтобы запутать вопрос, можно, конечно, не отвечая на цифры и факты, поговорить о Цектроне или о заказах паровозов за границей. Считаю бесполезным по этому поводу отметить, что вопросы эти не находятся ни в какой связи. Приказ №1042 продолжал регулировать работу ремонта при т. Емшанове, а затем при т. Дзержинском, когда состав Цектрона был совершенно изменен. Что касается заказа паровозов за границей, то вся эта операция была решена и проведена вне НКПС и вне какой бы то ни было зависимости от приказа №1042 и его исполнения. Или может быть, кто-нибудь посмеет это оспаривать?

...опираться практическое искусство руководящего планового органа, который вносит необходимые изменения уже в процессе осуществления хозяйственного плана. Такое руководство, при всей своей необходимой гибкости и маневренности, не вырождается (то есть не должно вырождаться) в ряд случайных импровизаций, поскольку оно опирается на связанное представление о ходе хозяйственного процесса в целом и,

внося необходимые изменения, проникнуто стремлением к уточнению хозяйственного плана, в соответствии с материальными условиями и ресурсами.

Такова лишь самая общая схема плановой работы в области государственного хозяйства. Но эта работа чрезвычайно усложняется наличием рынка. На периферии своей государственное хозяйство смыкается, или, по крайней мере, ищет смычки с мелкотоварным крестьянским хозяйством. Непосредственным органом смычки является торговля продуктами легкой и отчасти средней промышленности, и лишь косвенно, частично и во вторую очередь — вовлекается в смычку тяжелая промышленность, непосредственно обслуживающая государство (армию, транспорт, госпромышленность). Крестьянское хозяйство не плановое, а стихийно развивающееся товарное хозяйство. Государство может и должно на него воздействовать, толкая его вперед, но ни в коем случае еще не способно ввести его в рамки единого плана. Пройдут долгие годы, пока эта цель будет достигнута (вероятнее всего — на технических основах электрификации). На ближайший период — а о нем практически идет речь — мы будем иметь государственное плановое хозяйство, все более смыкающееся с крестьянским рынком и, следовательно, приспособляющееся к рынку в процессе его роста. Хотя рынок развивается стихийно, но приспособление к нему государственной промышленности вовсе не должно совершаться стихийным порядком. Наоборот, успехи наши в области хозяйственного строительства будут в огромной степени измеряться тем, в какой мере нам будет удаваться, путем правильного познания, правильного учета рынка и хозяйственного предвидения, достигнуть максимальной согласованности государственной промышленности с сельским хозяйством — в порядке планового руководства. Известная конкуренция между отдельными государственными заводами или между трестами не отменяет того факта, что государство является владельцем всей национализированной промышленности и, в качестве владельца, администратора и планового руководителя, рассматривает свое достоинство, как целое по отношению к крестьянскому рынку.

Разумеется, предварительный учет крестьянского рынка, а также и мирового, связь с которым будет расти прежде всего через вывоз хлеба и сырья, ни в каком случае не может быть точным. Здесь неизбежны серьезные просчеты уже хотя

бы в виду колебания урожая и пр. Просчеты эти будут обнаруживаться через рынок же, в виде частичных и даже общих нехваток, заминок, кризисов. Однако же, совершенно ясно, что кризисы эти будут тем менее острыми и длительными, чем серьезнее плановое руководство проникает во все отрасли государственного хозяйства, сочетая их непрерывно между собою. Если в корне неправильно было учение брентанистов (последователей немецкого экономиста Луйо Брентано) и берштейнианцев о том, что господство капиталистических трестов «урегулирует» рынок, сделав невозможным торгово-промышленные кризисы, то, в применении к рабочему государству, как тресту трестов и банку банков, эта мысль вполне правильна. Иначе сказать: усиление или ослабление размаха кризисов будет в нашем хозяйстве наиболее ярким и безошибочным измерителем относительных успехов государственного хозяйства сравнительно с частнокапиталистической стихией. В борьбе государственной промышленности за преобладание на рынке плановое руководство является важнейшим оружием. Без этого самый факт национализации превратился бы в помеху экономическому развитию, и частный капитал неизбежно подмыл бы устои социализма.

Когда мы говорим о государственном хозяйстве, мы имеем, разумеется, в виду, наряду с промышленностью, транспорт, внешнюю и внутреннюю государственную торговлю и финансы. Весь этот «комбинат» — и в целом и по частям — приспособляется к крестьянскому рынку и к отдельному крестьянину, как налогоплательщику. Но это приспособление имеет своей основной целью поднять, усилить, развить государственную промышленность, как краеугольный камень диктатуры пролетариата и базу социализма. В корне неправильно думать, будто можно изолированно развивать и доводить до совершенства отдельные части этого «комбината»: транспорт, финансы и пр. Их успехи и неудачи взаимозависимы, соотносительны. Отсюда огромное принципиальное значение Госплана, понимание чего дается у нас так медленно и с таким трудом.

Госплан должен согласовывать, т.е. планомерно сочетать и направлять все основные факторы государственного хозяйства в их правильном соотношении с народным, т.е. прежде всего крестьянским хозяйством, при чем стержнем работ Госплана должна быть забота о росте и развитии государственной (социалистической) промышленности. Именно в этом

смысле мне приходилось говорить, что внутри государственного комбината «диктатура» должна принадлежать не финансам, а промышленности. Разумеется, слово «диктатура» — как я пояснял — имеет здесь очень ограниченный и условный характер, — в противовес той «диктатуре», на которую претендовали финансы. Другими словами: не только внешняя торговля, но и работа по восстановлению устойчивой валюты должна быть строго соподчинена интересам государственной промышленности. Само собой разумеется, что это нимало не направлено против смычки, т.е. правильных взаимоотношений всего государственного «комбината» и крестьянского хозяйства. Наоборот, только при такой постановке дела «смычка» из области парадной фразеологии может быть переведена постепенно в область хозяйственной действительности. Утверждение, будто только что охарактеризованная постановка вопроса означает «игнорирование» крестьянства или попытку дать государственной промышленности такой размах, который не отвечает состоянию народного хозяйства в целом, представляет собой чистейший вздор, который не становится убедительнее от повторения.

Насчет того, кто и какого требовал и ждал размаха от развития промышленности в ближайшее время, лучше всего свидетельствуют следующие слова из моего доклада на XII съезде:

«Я сказал, что мы работали в убыток. Это не моя личная только оценка. Ее разделяют очень авторитетные хозяйственники. Я рекомендую взять вышедшую к съезду книжку т. Халатова «О заработной плате». В ней имеется предисловие т. Рыкова, который говорит: «Вступая в третий год новой экономической политики, необходимо признать, что успехи истекших двух лет еще недостаточны, что они нам не сумели обеспечить даже полной приостановки процесса уменьшения основного и оборотного капитала, не говоря уже о переходе к накоплению и увеличению производительных сил Республики. Третий год должен сделать нашу промышленность и транспорт в их главных частях доходными». Значит, тов. Рыков констатирует, что основной и оборотный капиталы за этот год продолжали уменьшаться. «Третий год, — говорит он, — должен сделать нашу промышленность и транспорт в их главных частях доходными». К пожеланию т. Рыкова я присоединяюсь охотно, что же касается оптимистической надежды на третий год, я воздержусь. Чтобы уже на третий год мы сделали основные

отрасли нашей промышленности прибыльными, я этого не думаю, и считаю, что будет очень хорошо, если, мы, во-первых, лучше подсчитаем наши убытки в третьем году нэпа, чем мы это сделали во втором; и если мы сможем доказать, что в третьем году наши убытки по важнейшим отраслям хозяйства — транспорту, топливу и металлургии будут меньше, чем во втором году. Здесь самое важное — установить тенденцию развития и — помочь ей. Если убыток уменьшается, а промышленность растет, то наше дело в шляпе, — тогда мы дойдем до победы, т.е. до прибыли, но нужно, чтобы кривая разворачивалась в нашу пользу».

Таким образом, совершеннейшим опять-таки вздором является утверждение, будто вопрос сводится к темпу развития и почти что определяется... «темпераментом». На самом деле вопрос идет о направлении развития.

Но очень трудно спорить с людьми, которые каждый новый, точный, более конкретный вопрос тянут назад, на предыдущую ступень, растворяя его в более общем вопросе, уже разрешенном. Огромная часть нашей дискуссии заключается в этой борьбе за конкретизацию: от общей формулы «смычки» — к более конкретной проблеме «ножниц» (XII съезд); от проблемы ножниц — к действительному плановому регулированию хозяйственных факторов, определяющих цены (XIII съезд). Это есть — пользуясь старой большевистской терминологией — борьба с хозяйственным хвостизмом. Без успеха этой идейной борьбы не может быть и хозяйственных успехов¹⁾.

Ремонт транспорта ставился весной 1920 года не как составной элемент всего хозяйственного плана, ибо о таком плане тогда, несмотря на вавилонскую башню главкократии, не было еще и речи. Рычаг плана был приложен к транспорту, т.е. к той отрасли хозяйства, которая составляла в тот период минимум и угрожала свернуться до нуля. Так именно и ставился тогда нами вопрос. «В тех условиях, в каких находится советское хозяйство в целом, — писали мы в тезисах к VIII съезду Советов, — т.е. когда выработка и проведение единого хозяйственного плана не вышли еще из периода эмпирического согласования отдельных наиболее тесно друг от друга зависящих частей этого будущего плана, железнодорожное ведомство ни в каком случае не могло строить свой план ремонта и эксплуатации из данных единого экономического плана, еще только подлежащего выработке». Поднявшись благодаря упорядоче-

нию ремонта, транспорт перестал быть минимумом и наталкивался по очереди на другие «минимумы»: металл, хлеб, уголь. Этим самым план №1042 ставил в своем развитии вопрос об общехозяйственном плане. Нэп изменил условия постановки этого вопроса, а, следовательно, и методы его разрешения. Но самый вопрос остался во всей своей силе. Об этом свидетельствуют повторные решения о необходимости превратить Госплан в штаб советского хозяйства.

Но об этом мы еще поговорим особо, — так как хозяйственные задачи требуют самостоятельного конкретного рассмотрения.

1) Еще раз советуем всем товарищам, серьезно интересующимся вопросом, прочитать, а, по возможности, и проштудировать прения о промышленности на XII съезде партии.

Наша историческая справка показала, надеюсь, что критики совершенно напрасно ворошили приказ № 1042. На самом деле судьба этого приказа доказывает прямо противоположное тому, что им хотелось бы доказать. Так как мы уже знакомы с их методами, то остается только ждать, что они теперь поднимут вопль: какой-де смысл поднимать старые вопросы и заниматься исследованием приказа, изданного 4 года тому назад! Ужасно трудно удовлетворить людей, которые решили во что бы то ни стало подвергнуть плановому ремонту нашу вчерашнюю историю. Но мы собственно и не собираемся их удовлетворять. Мы рассчитываем на читателя, не заинтересованного в ремонте истории, но стремящегося к тому, чтобы добраться до правды, превратить ее в завоеванную частицу своего опыта и, опираясь на нее, — строить дальше.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1-Е

Новый курс

(Письмо к партийным совещаниям)

Дорогие товарищи!

Я твердо рассчитывал, что не сегодня завтра смогу принять участие в обсуждении внутривнутрипартийного положения и новых задач. Но заболевание пришло на этот раз более не вовремя, чем когда бы то ни было, и оказалось более длительным, чем предполагали первоначально врачи. Мне не остается ничего другого, как высказать свои мысли в настоящем письме.

Резолюция Политбюро по вопросу о партийном строительстве имеет исключительное значение. Она знаменует, что партия подошла к серьезному повороту на своем историческом пути. На поворотах, как справедливо указывалось на многих собраниях, нужна осторожность, но наряду с осторожностью нужна твердость и решительность. Выжидательность, бесформенность на поворотах были бы худшим видом неосторожности.

Некоторые консервативно настроенные товарищи, склонные переоценивать роль аппарата и недооценивать самостоятельность партии, критически отзываются о резолюции Политбюро. Они говорят: ЦК берет на себя невыполнимые обязательства; резолюция посеет-де только ложные иллюзии и приведет к отрицательным результатам. Ясно, что такой подход к вопросу пропитан насквозь бюрократическим недоверием к партии. Новый курс, провозглашенный в резолюции ЦК, в том и состоит, что центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне, при новом курсе, должен быть передвинут в сторону активности, критической самостоятельности, самоуправления партии, как организованного авангарда пролетариата. Новый курс вовсе не значит, что на партийный аппарат возлагается задача в такой-то срок декретировать, создать или установить режим демократии. Нет. Осуществить этот режим может сама партия. Кратко задачу можно формулировать так: партия должна подчинить себе свой аппарат, ни на минуту не переставая быть централизованной организацией.

В прениях и статьях очень часто указывалось за последнее время на то, что «чистая», «развернутая», «идеальная» демократия неосуществима, и что демократия для нас вообще не самоцель. Это совершенно бесспорно. Но с таким же точно правом и основанием можно сказать, что чистый или абсолютный централизм не осуществим и не совместим с природой массовой партии, и что ни централизм, ни партаппарат ни в каком случае не являются самоцелью. Демократия и централизм представляют собой две стороны в строительстве партии. Задача состоит в том, чтобы эти две стороны были уравновешены наиболее правильным, т. е. наиболее отвечающим обстановке путем. За последний период этого равновесия не было. Центр тяжести был неправильно передвинут на аппарат. Самодеятельность партии была сведена к минимуму. Это создавало навыки и приемы управления, в корне противоречащие духу революционной партии пролетариата. Чрезмерное усиление аппаратного централизма за счет партийной самостоятельности породило в партии ощущение недомогания. Оно нашло себе на крайнем фланге чрезвычайно болезненное выражение, вплоть до создания нелегальных группировок в партии под руководством явно враждебных коммунизму элементов. В то же время во всей партии повысилось критическое отношение к аппаратным методам решения вопросов. Понимание или, по крайней мере, ощущение того, что партийный бюрократизм грозит завести партию в тупик, стало почти всеобщим. Поднялись предостерегающие голоса. Первым официальным и в высшей степени важным выражением происшедшего в партии перелома является резолюция о новом курсе. Она осуществится в жизни в той мере, в какой партия, т. е. 400 тысяч членов ее, захочет и сумеет ее осуществить.

В ряде статей настойчиво проводится та мысль, что основным средством оживления партии является поднятие культурного уровня ее рядовых членов, после чего все остальное, т. е. рабочая демократия, приложится уж естественным путем. Что нам нужно поднимать идейный и культурный уровень нашей партии, в виду стоящих перед нею гигантских задач, это совершенно бесспорно, но именно потому такая чисто педагогическая, наставническая постановка вопроса совершенно недостаточна и, следовательно, неправильна, и если в ней упорствовать, то она может вызвать только обострение кризиса. Партия может поднимать свой уровень, как партия,

лишь выполняя полностью и целиком свои основные задачи путем коллективного, самостоятельного руководства рабочим классом и государством рабочего класса. Нужен не педагогический, а политический подход. Нельзя ставить вопрос так, будто применение партийной демократии должно быть поставлено (кем?) в зависимость от степени «подготовки» к ней членов партии. Партия есть партия. Можно предъявлять очень строгие требования к каждому, кто хочет вступить в нашу партию и оставаться в ней; но вступивший является уже тем самым активным участником всей работы партии.

Убивая самостоятельность, бюрократизм тем самым препятствует повышению общего уровня партии. И в этом его главная вина. Поскольку в партийный аппарат входят неизбежно более опытные и заслуженные товарищи, постольку бюрократизм аппарата тяжелее всего отзывается на идейно-политическом росте молодых поколений партии. Именно этим объясняется тот факт, что молодежь — вернейший барометр партии — в резче всего реагирует на партийный бюрократизм.

Было бы, однако, неправильным думать, будто чрезмерность аппаратных методов решения партийных вопросов проходит бесследно для старшего поколения, воплощающего в себе политический опыт партии и ее революционные традиции. Нет, опасность очень велика и на этом полюсе. Говорить об огромном — не только в российском, но и в международном масштабе — значении старшего поколения в нашей партии не приходится: это общеизвестно и общепризнано. Но было бы грубой ошибкой оценивать это значение как самодовлеющий факт. Только постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим, в рамках партийной демократии, может сохранить старую гвардию, как революционный фактор. Иначе старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма.

Перерождение «старой гвардии» наблюдалось в истории не раз. Возьмем наиболее свежий и яркий исторический пример: вожди и партии II Интернационала. Мы ведь знаем, что Вильгельм Либкнехт, Бебель, Зиңгер, Виктор Адлер, Каутский, Бернштейн, Лафарг, Гед и многие другие были прямыми и непосредственными учениками Маркса и Энгельса. Мы знаем, однако, что все эти вожди — одни отчасти, другие целиком — переродились в сторону оппортунизма в обстановке парламентских реформ и самодовлеющего роста партийного и профессио-

нального аппарата. Мы видим, особенно ярко накануне империалистской войны, как могущественный социал-демократический аппарат, прикрытый авторитетами старшего поколения, стал величайшим тормозом революционного развития. И мы должны сказать — именно мы, «старики», — что наше поколение, естественно играющее руководящую роль в партии, не заключает в себе, однако, никакой самодовлеющей гарантии против постепенного и незаметного ослабления пролетарского и революционного духа, — если допустить, что партия потерпела бы дальнейший рост и упрочение аппаратно-бюрократических методов политики, превращающих молодое поколение в пассивный материал для воспитания и поселяющих неизбежно отчужденность между аппаратом и массой, между стариками и молодыми. Против этой несомненной опасности нет другого средства, как серьезная, глубокая, радикальная перемена курса в сторону партийной демократии, при все большем и большем вовлечении в партию пролетариев, остающихся у станка.

Я не буду здесь останавливаться на тех или других юридических уставных определениях партийной демократии и юридических ограничениях ее. Как ни важны эти вопросы это все же вопросы второй очереди. Мы их обсудим на основании имеющегося опыта, и что нужно, изменим. Но прежде всего нужно изменить тот дух, который господствует в организациях. Нужно, чтобы партия, в лице всех своих ячеек и объединений, вернула себе коллективную инициативу, право свободной товарищеской критики — без опаски и без оглядки, — право организационного самоопределения. Необходимо освежить и обновить партийный аппарат, заставив его почувствовать, что он является исполнительным механизмом великого коллектива.

В партийной печати последнего времени приводилось не мало примеров, характеризующих далеко зашедшее бюрократическое перерождение партийных нравов и отношений. В ответ на голос критики — «покажите ваш партбилет!» До того, как было опубликовано постановление ЦК о новом курсе, обюрократившиеся представители аппарата считали самое упоминание о необходимости изменения внутривнутрипартийной политики ересью, фракционностью и расшаткой дисциплины. Сейчас они также формально готовы принять новый курс «к сведению», т.е. бюрократически свести его на нет. Обнов-

ление партийного аппарата — разумеется, в отчетливых рамках устава — должно быть произведено с целью замены оказавшихся и обюрократившихся свежими элементами, тесно связанными с жизнью коллектива или способными обеспечить такую связь. И, прежде всего, должны быть устранены с партийных постов те элементы, которые, при первом голосе критики, возражения, протеста, склонны требовать партбилет на предмет репрессий. Новый курс должен начинаться с того, чтобы в аппарате все почувствовали, снизу доверху, что никто не смеет терроризировать партию.

Совершенно недостаточно, чтобы молодежь повторяла наши формулы. Нужно, чтобы молодежь брала революционные формулы с боем, претворяла их в плоть и кровь, вырабатывала себе собственное мнение, собственное лицо, и была бы способна бороться за собственное мнение с тем мужеством, которое дается искренней убежденностью и независимостью характера. Пассивное послушание, механическое равнение по начальству, безличность, прислужничество, карьеризм — из партии вон! Большевик есть не только человек дисциплины, нет, это человек, который, глубоко сверля, вырабатывает себе в каждом данном случае твердое мнение и мужественно и независимо отстаивает его не только в бою прошив врагов, но и внутри собственной организации. Он сегодня окажется в своей организации в меньшинстве. Он подчиняется, потому что это его партия. Но это, разумеется, не всегда значит, что он не прав. Он, может быть, только ранее других увидел или понял новую задачу или необходимость поворота. Он настойчиво поднимает вопрос и второй раз, и третий, и десятый. Этим он оказывает услугу партии, помогая ей встретить во всеоружии новую задачу, или совершить необходимый поворот без организационных потрясений и фракционных конвульсий.

Да, наша партия не могла бы выполнить своей исторической миссии, если бы она распалась на фракционные группировки. Этого не должно быть, и этого не будет. Этому воспрепятствует партия в целом, как самодеятельный коллектив. Но партия с успехом может справиться с опасностями фракционности только развив, укрепив и упрочив курс на рабочую демократию. Именно аппаратный бюрократизм является одним из важнейших источников фракционности. Он подавляет критику и загоняет недовольство в глубь. Он склонен накла-

дывать ярлык фракции на каждый индивидуальный или коллективный голос критики или предостережения. Механический централизм дополняется неизбежно фракционностью, которая есть в одно и то же время злая карикатура на партийную демократию и грозная политическая опасность.

В ясном понимании всей обстановки партия совершит необходимый поворот со всей твердостью и решительностью, которые вызываются глубиной стоящих перед нами задач. Партия возведет тем самым на более высокую ступень свое революционное единство, как залог того, что она справится с хозяйственными и международными задачами неизмеримого значения.

Я ни в каком смысле не исчерпал вопроса. Я сознательно отказался от рассмотрения многих его существенных сторон, из опасения отнять у вас слишком много времени. Но я надеюсь, что мне удастся вскоре справиться с малярией, которая — сузу по себе — находится в явной оппозиции к новому партийному курсу, и тогда я попытаюсь в более свободной устной речи дополнить и уточнить то, чего не досказал в этом письме.

С товарищеским
приветом
Л. Тройский.

8/XII—23 г.

P. S. Пользуясь тем, что настоящее письмо появляется в «Правде» с запозданием на два дня, хочу сделать несколько дополнительных замечаний.

Мне сообщали, будто отдельные товарищи, при оглашении моего письма на районных собраниях, выражали опасение, как бы мои соображения относительно взаимоотношений «старой гвардии» и молодых поколений не были использованы для противопоставления (!) молодежи старикам. Можно смело за глаза поручиться, что такого рода мысль приходит в голову тем товарищам, которые еще два-три месяца тому назад в ужасе отшатывались от самой постановки вопроса о необходимости перемены курса. Во всяком случае, выдвигание на первый план опасений такого рода в данной обстановке и в данный момент может вызываться лишь неправильной оценкой действительных опасностей и их очередности. Нынешнее настроение молодежи, имеющее, как ясно всякому

мыслящему члену партии, в высшей степени симптоматический характер, порождено теми самими методами «штиля», осуждением которых является единогласно принятая резолюция Политбюро. Другими словами, именно «штиль» заключал в себе опасность возрастающей отчужденности между руководящим слоем партии и более молодыми ее членами, т. е. огромным ее большинством. Тенденция партийного аппарата думать и решать за партию ведет о своем развитии к стремлению укрепить авторитет руководящих кругов только на традиции. Уважение к партийной традиции есть, бесспорно, необходимейший составной элемент партийного воспитания и партийной спайки; но этот элемент может быть жизненным и стойким только в том случае, если он постоянно питается и укрепляется самостоятельной и активной проверкой партийной традиции, путем коллективной выработки партийной политики сегодняшнего дня. Без этой активности и самостоятельности уважение к традиции может выродиться в казенную романтику или прямо в голую казенщину, т. е. в форму без содержания. Незачем и говорить, что такого рода связь поколений была бы совершенно недостаточна и неустойчива. Внешним образом она может казаться прочной за пять минут до того, как в ней вскрываются угрожающие щели. Именно здесь лежит опасность аппаратного курса, опирающегося на «штиль» в партии. И поскольку революционно сохранившиеся, не оказавшиеся представителями старшего поколения, т. е. — как мы твердо уверены — подавляющее его большинство, отдадут себе ясный отчет относительно охарактеризованной выше опасной перспективы и, став на почву резолюции Политбюро ЦК, приложат все усилия к тому, чтобы помочь партии претворить эту резолюцию в жизнь, постольку исчезнет главный источник возможного противопоставления разных поколений в партии. Те или другие «излишества» или увлечения молодежи по этой линии будет тогда сравнительно легко преодолеть. Но нужно, прежде всего, создать предпосылки для того, чтобы партийная традиция не в аппарате концентрировалась, а жила и обновлялась в живом опыте партии. Этим самым будет избегнута и другая опасность: расщепления самого старшего поколения на «аппаратные», т. е. пригодные к поддержанию «штиля», и неаппаратные элементы. Незачем говорить, что аппарат партии, т. е. ее организационный костяк, выйдя из самодовлеющей замкнутости, не ослабнет, а ок-

репнет. О том же, что нам необходим мощный централизованный аппарат, в нашей партии не может быть двух мнений.

Можно еще, пожалуй, возразить, что приведенная в письме ссылка на аппаратное перерождение социал-демократии не правильна, — в виду глубокого различия эпох: тогдашней застойно-реформистской, и нынешней революционной. Разумеется, пример есть только пример, а никак не тождество. Однако же, это огульное противопоставление эпох само по себе еще ничего не решает. Не даром же мы указываем на опасности нэпа, тесно связанные с затяжным характером международной революции. Повседневная государственно-практическая работа наша, все более детализированная и специализированная, таит в себе, как указано в резолюции ЦК, опасности сужения горизонта, т. е. оппортунистического перерождения. Совершенно очевидно, что эти опасности становятся тем более серьезными, чем более партийное руководство заменяется замкнутым «секретарским» командованием. Мы были бы плохими революционерами, если бы надеялись на то, что со всеми трудностями и, прежде всего, с внутренними, нам поможет справиться «революционный характер эпохи». Надо как следует быть помочь «эпохе» правильным осуществлением нового партийного курса единогласно провозглашенного Политбюро ЦК.

В заключение еще одно замечание. Месяца два-три тому назад, когда вопросы, составляющие предмет нынешней дискуссии, только вносились, так сказать, в порядок дня партии, некоторые ответственные провинциальные товарищи склонны были снисходительно пожимать плечами: это, мол, все московские выдумки, в провинции все благополучно. И сейчас в кое-каких корреспонденциях из провинции слышится та же нота. Противопоставление зараженной или взбаламученной Москвы спокойной и разумной провинции представляет собою не что иное, как яркое выражение того же бюрократизма, хотя бы и провинциального издания. На самом деле московская организация нашей партии является самой обширной, наиболее богатой силами и наиболее жизненной. Даже в самые глухие моменты так называемого «штиля» (словечко очень выразительное, и не миновать ему войти в нашу партийную историю!) в московской организации самостоятельная жизнь и активность все же были выше, чем где бы то ни было. Если Москва сейчас чем-нибудь отличается от других пунктов, так только тем, что она взяла на себя инициативу пересмотра партийного

курса. Это не минус ее, а заслуга. Вся партия пройдет, вслед за Москвою, через необходимую стадию переоценки кое-каких ценностей истекшего периода. Чем меньше провинциальный партийный аппарат будет этому противиться, тем более планомерно провинциальные организации пройдут через неизбежную и прогрессивную стадию критики и самокритики. Партия пожнет результат в виде возросшей сплоченности и повышенного уровня партийной культуры.

Л. Троицкий

ПРИЛОЖЕНИЕ 2-е

О казенщине, военной и всякой иной

I

В течение последнего года я не раз, и устно и письменно, обменивался мнениями с военными работниками насчет тех отрицательных явлений в армии, которые можно в общем назвать ржавчиной казенщины. Об этом же вопросе я довольно подробно говорил на последнем съезде политических работников армии и флота. Но вопрос настолько серьезен, что мне представляется уместным поговорить о нем и на страницах общей нашей печати, тем более, что самая болезнь ни в каком случае не ограничивается рамками армии.

Казенщина очень сродни бюрократизму. Можно даже сказать, что она представляет собою лишь известное его проявление. Когда люди из-за привычной формы перестают думать о содержании, самодовольно употребляют условные фразы, не задумываясь об их смысле, отдают привычные распоряжения, не спрашивая себя об их целесообразности, и, наоборот, пугаются каждого нового слова, критики, инициативы, самостоятельности, независимости,— то это и значит, что в отношении въелась опаснейшая ржавчина казенщины.

На совещании военно-политических работников я приводил в качестве невинного, на первый взгляд, примера казенной идеологии кое-какие исторические очерки наших воинских частей. Самый факт появления этих книжек, рассказывающих боевую историю армий, дивизий, полков, есть, несомненно, ценное приобретение. Он свидетельствует о том, что красноармейские части оформились в боях и в учебе не только организационно, но и духовно, как живые организмы, и проявляют

интерес к своему собственному вчерашнему дню. Но значительная часть этих исторических очерков,— нечего греха таить,— написана на мелодию: «Гром победы раздавайся».

Скажу еще прямее. Иные книжки, посвященные нашим красноармейским частям, прямо-таки напоминают исторические очерки блаженной памяти гвардейских и кавалергардских полков. Можно не сомневаться, что это сравнение вызовет радостное ржание эсеро-меньшевистской и вообще белогвардейской печати. Но мы были бы никуда не годными тряпками, если бы отказывались от самокритики из опасения бросить мимоходом подачку нашим врагам. Выгоды от освежающей самокритики несравненно значительнее, чем ущерб, могущий проистечь от того, что Дан или Чернов пожуют отбросы нашей мастерской. Да будет это известно всем благочестивым (и неблагочестивым) старушкам, которые при первых звуках самокритики готовы впасть в панику (или посеять ее вокруг себя)!

Конечно, наши полки и дивизии и вся страна вместе с ними имеют право гордиться своими победами. Но не одни победы были у нас, да и к победам своим мы шли не прямыми, а очень извилистыми путями. В нашей гражданской войне были дела великого героизма, тем более великого, что в большинстве случаев — безыменного, коллективного; но были и явления слабости, паники, малодушия, неумелости и даже предательства. История каждого из наших «старых» полков (4—5 лет — это уже старый возраст в революции) чрезвычайно интересна и поучительна, если рассказать ее правдиво, жизненно, т.е. по возможности так, как она разворачивалась в поле и в казарме. Вместо этого мы нередко находим героическую легенду, при чем легенда-то — самого казенного образца. Почитаешь: в наших рядах — сплошь герои, все до единого рвутся в бой, враг всегда имеет численный перевес, все наши приказы всегда разумны, исполнение — на высоте, и пр. и пр. Кто думает, что такими приемами можно поднять воинскую часть в своих собственных глазах и благотворно повлиять на воспитание молодняка, тот явно уже захвачен язвой казенщины. На самом деле такая военно-канцелярская романтика в лучшем случае пройдет бесследно, т.е. красноармеец будет читать или слушать эту «историю» так, как его отец слушал жития святых: нравоучительно, благолепно, но к жизни неприменимо. Кто постарше и сам принимал участие в гражданской войне, или кто просто подгадливей, тот скажет себе: эге, без пускания пыли

в глаза, попросту — без вранья, военное дело, как видно, не обходится. Кто понаивнее, попроще и примет все за чистую монету, тот скажет себе: «где уж мне, слабому, равняться с этими героями»... Дух у него, следовательно, не воспрянет, а, наоборот, упадет¹⁾.

Историческая правдивость имеет для нас отнюдь не исторический только интерес. Самые эти исторические очерки нужны ведь нам, прежде всего, как воспитательное средство. А если, скажем, молодой командир приучится к примеси условной лжи по отношению к прошлому, то он непременно допустит ее и в практической своей, даже боевой деятельности. У него на фронте вышла, скажем, незадача, оплошность, неустойка, — можно ли о них правдиво донести? Должно! Но он воспитан на казенщине. Ему не хочется ударить лицом в грязь по сравнению с теми героями, о которых он читал в истории своего полка, или же попросту чувство ответственности притушилось в нем: и вот он подчищает, т.е. искажает факты и вводит в заблуждение вышнюю, более ответственную инстанцию. А ложные донесения снизу не могут, в конце концов, не вести к неправильным приказам и распоряжениям сверху. Наконец, хуже и гаже всего — это когда командир попросту боится донести правду вышестоящим. Тут уже казенщина получает самое отвратительное выражение: солгать, чтобы потрафить.

Величайший героизм в военном деле, как и в революционном — это героизм правдивости и ответственности. Мы говорим здесь о правдивости не с точки зрения какой-либо отвлеченной морали: человек, мол, не должен никогда лгать и обманывать ближнего своего. Такие идеалистические принципы являются чистейшим лицемерием в классовом обществе, где есть противоречия интересов, борьба и война. В частности, военное дело немисливо без хитрости, без маскировки, без внезапности, без обмана. Но одно дело — сознательно и преднамеренно обмануть врага во имя дела, которому человек отдаст свою жизнь, а другое дело — из ложного самолюбия или угодничества, прислужничества, или же просто под общим влиянием режима бюрократической казенщины, убивающей чувство ответственности, давать с ущербом для дела ложные сведения: я все, мол, обстоит благополучно»...

1) Сторонники условной — «нас возвышающей» — лжи имеются, конечно, не только в военном деле, но везде и всюду,

вплоть до области искусства. Критика и самокритика кажутся им, видите ли, «кислотой», разъедающей их волю. Что отяжелевший обыватель нуждается в ложноклассических утешениях и не выносит критики, это мы знаем давно. Но нам, революционной армии, революционной партии, это совсем не подстать. Молодежь должна беспощадно гнать из своей среды такие настроения.

II

Почему мы заговорили о казенщине сейчас? И как обстояло на этот счет дело в первые годы революции? Мы имеем здесь по-прежнему в виду армию, но необходимые аналогии читатель сделает сам для всех других областей нашей работы, ибо известный параллелизм процессов наблюдается во всем развитии класса, его партии, его государства его армии.

Новый командный состав наш пополнялся из революционеров, боевиков, партизан, проделавших Октябрьскую революцию, имевших за собой уже известное прошлое и, главное, сложившийся характер. Основной отличительной чертой этих командиров являлся не недостаток самостоятельности, а скорее избыток ее или, вернее, недостаток понимания необходимости согласованных действий и твердой дисциплины («партизанщина»). Первый период военного строительства заполнен борьбой против всяких видов военной «самостийности», — за установление правильных отношений и устойчивой дисциплины. Годы гражданской войны были в этом отношении серьезной, в нередки и суровой школой. В конце концов, у лучших из этих революционных командиров первого призыва выработалось необходимое равновесие между личной независимостью и дисциплинированностью.

Совсем другими путями идет развитие молодого нашего командного состава в годы передышки. Юношей вступает будущий командир в военную школу. У него нет за собой ни революционного, ни боевого прошлого. Он новичок. Красной армии он уже не строит, как строило старшее поколение, а входит в нее, как в готовую организацию — с определенным внутренним режимом и традициями. Здесь есть явные черты сходства с теми взаимоотношениями, какие имеются, скажем, между партийным молодняком и партийной гвардией. Именно поэтому огромное значение имеет тот способ, каким молодняку передается боевая традиция армии или революционная

традиция партии. Без преемственности, а стало быть, и без традиции, нет устойчивого движения вперед. Но традиция не есть мертвый канон или казенная романтика. Традицию нельзя заучивать на зубок, нельзя воспринимать ее, как евангелие, нельзя просто верить старшему поколению «на честное слово», — нет, традицию нужно завоевывать глубокой внутренней работой, нужно самостоятельно, критически прорабатывать ее и активно усваивать. Иначе все здание окажется построенным на песке. Я уже как-то писал о тех «старых гвардейцах» (обычно второго и третьего сорта), которые внушают молодняку традиции по примеру Фамусова: «Учились бы, на старших глядя: мы, например, или покойник-дядя «... Ни у дяди этого, ни у племянников его ничему хорошему научиться нельзя.

Несомненно, что авторитет нашего старшего командного состава, имеющего за собой поистине бессмертные заслуги перед делом революции, чрезвычайно высок в глазах военного молодняка. И это прекрасно, ибо обеспечивает нерасторжимую связь высшего и низшего командного состава как между собою, так и со всей красноармейской массой. Но при одном необходимом и крайне важном условии: авторитет старших ни в каком случае не должен обезличивать, а тем более терроризировать младших.

В военном деле легче и заманчивее, чем где бы то ни было, установить принцип: молчать и не рассуждать! Но и в военном деле этот «принцип» так же пагубен, как во всяком ином. Главная задача состоит в том, чтобы не помешать, а, наоборот, помочь молодому командиру выработать собственное мнение, собственную волю, собственную личность, в которой правдивая независимость сочетается с внутренней дисциплинированностью. Тип командира, да и вообще человека, который знает только «точно так», никуда не годится. Об этих людях старый сатирик (Салтыков) сказал: «Такали, такали, да и протакали»... Военно-административный аппарат, т. е. совокупность военных канцелярий, на таких людях («такальщиках») может еще держаться не без успеха, по крайней мере, по видимости. Но армии, как боевой массовой организации, нужны не чиновники-подхалимы, а люди с нравственным закалом, проникнутые чувством ответственности, которое заставляет их в каждом важном вопросе выработать добросовестно собственное мнение и безбоязненно отстаивать его всеми теми способами,

которые не нарушают правильно, т. е. не бюрократически, принимаемой дисциплины и единства действий.

История Красной армии, как и история отдельных ее частей, есть один из важнейших способов установления взаимного понимания и преемственной связи между старшим поколением командного состава и младшим. Вот почему здесь особенно недопустима бюрократическая прилизанность, наведение сусальной позолоты и все прочие приемы мнимого, фальшивого, пустопорожнего благомыслия, которому грош цена. Критика нужна, проверка фактов, самостоятельность мысли, проработка прошлого и настоящего собственными мозгами, независимость характера, чувство ответственности, правдивость перед собою и своим делом. Всему этому смертельно враждебна казенщина. Давайте же выметать, выкуривать и выжигать ее изо всех углов!

«Правда», 4 декабря 1923 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3-е

О смычке

(Точнее: о смычке и о ложных слухах)

Несколько раз уже за последние месяцы партийные товарищи спрашивали меня, в чем состоит особенность моих взглядов на крестьянство, и в чем именно эти взгляды отличаются от взглядов тов. Ленина. Другие товарищи ставили этот вопрос точнее и конкретнее: правда ли, — спрашивали они, — что я недооцениваю крестьянство, его роль в нашем хозяйственном развитии, а тем самым, следовательно, не придаю надлежащего значения хозяйственной и политической смычке между пролетариатом и крестьянством? Такие вопросы мне задавали и устно, и письменно.

— Да откуда вы это взяли? — спрашивал я в величайшем недоумении, — на каких фактах основываете вы такое заявление? — В том и дело-то, — отвечали мне в таких случаях, — что фактов мы не знаем, а слухи ходят.

Сперва я не придавал этим разговорам большого значения. Но полученное мною новое письмо на эту тему заставило меня задуматься. Откуда бы этим слухам взяться? И совершенно случайно я вспомнил, что такого рода слухи довольно широко бродили по советской земле 4–5 лет тому назад. Тогда это вы-

ражалось проще: Ленин за крестьян, а Троцкий против. Вспомнив, я разыскал печатные выступления по этому вопросу: мое от 7 февраля 1919 г. в «Известиях ВЦИК» и тов. Ленина от 15 февраля в «Правде». Тов. Ленин непосредственно отвечал на письмо крестьянина Г. Гулова, который рассказывал, — я привожу дальше слова тов. Ленина — «про распространяемые слухи, будто Ленин с Троцким не ладят, будто между ними есть крупные разногласия и как раз насчет середняка-крестьянина».

В своем письме я разъяснял общий характер нашей крестьянской политики, отношение к кулакам, середнякам и бедноте и в заключение писал: «Никаких разногласий на этот счет в среде советской власти не было и нет. Но контрреволюционерам, дела которых идут все хуже и хуже, ничего другого не остается, как обманывать трудовые массы насчет мнимой борьбы, раздирающей будто бы Совет Народных Комиссаров изнутри».

В статье тов. Ленина, появившейся через неделю после моего письма, читаем: «Тов. Троцкий говорит, что слухи о разногласиях между мною и им (в вопросе о крестьянстве) самая чудовищная и бессовестная ложь, распространяемая помещиками, капиталистами и их вольными и невольными пособниками. Я, со своей стороны, целиком подтверждаю заявление тов. Троцкого».

Слухи, однако, как видим, живучи. На этот счет есть даже французская поговорка: «клеветайте, клеветайте, всегда что-нибудь да останется». Сейчас, конечно, такого рода слухи на руку не помещикам и капиталистам, ибо этой братии у нас за 5 почти лет, протекавших с начала 19 года, поубавилось. Но зато появился эзман, а в деревне торгош и кулак. Несомненно, они чрезвычайно заинтересованы в сеянии путаницы и смуты насчет отношения коммунистической партии к крестьянству. Ведь именно кулак, скупщик, новый торговец, городской посредник ищут рыночной смычки с крестьянином, как производителем хлеба и покупателем промышленных продуктов, стремясь оттеснить от этой смычки органы советского государства. Ведь именно по этой линии главный бой сейчас и разворачивается. Политика и тут служит экономическим интересам. Частный посредник, ища связи с крестьянином и стремясь завоевать доверие его, очень охотно, надо думать, подхватывает и пускает со своей стороны в оборот старые помещичьи враки — только потише и поосторожнее, потому что советская власть с того времени покрепче стала.

Ясное, простое и вместе с тем исчерпывающее изображение экономической взаимозависимости пролетариата и крес-

тьянства или государственной промышленности и сельского хозяйства дано в известной статье т. Ленина «Лучше меньше, да лучше». Напоминать или цитировать ее нет надобности. Все помнят и без того. Основная мысль статьи такова. На ближайшие годы надо нам советское государство, сохраняя его, как рабочее государство, всемерно приладить к нуждам-потребностям и силе крестьянства; советскую промышленность, сохраняя ее, как государственную, т.е. социалистическую промышленность, всемерно приладить к крестьянскому рынку, с одной стороны, к налогообеспособности крестьянства, с другой. Только так не нарушим равновесия у себя, в советском государстве, — доколе революция не нарушит равновесия в странах капитализма. Не повторение слова «смычка» на все лады (хотя слово само по себе хорошее), а фактическая пригонка промышленности к сельскохозяйственной основе способна дать действительное разрешение центрального вопроса нашей экономики и политики.

Здесь мы подходим к вопросу о ножницах. Пригонка промышленности к крестьянскому рынку ставит перед нами в первую голову задачу всемерного снижения себестоимости промышленных продуктов. Себестоимость зависит, однако, не только от постановки работы на данном заводе, но и от всей организации государственной промышленности, государственного транспорта, государственных финансов, государственного торгового аппарата. Если у нас между разными частями промышленности есть несоответствие, непропорциональность, то это значит, что у государства есть много мертвого капитала, который давит на всю промышленность и повышает цену каждого аршина ситца, каждой пачки спичек. Если в кадке клепки разной длины, то воду в нее можно налить лишь до уровня самой короткой клепки: дальше, сколь ни лей, вода будет выливаться вон. Также и с государственным хозяйством. Если отдельные его части (уголь, металл, машины, хлопок, ткани и пр.) не согласованы между собой, а также с транспортом и кредитом, то издержки производства будут включать и расходы на самые раздувшиеся отрасли промышленности, а конечный результат будет определяться наименее развитыми отраслями. Нынешний кризис сбыта и есть такое суровое предостережение нам со стороны крестьянского рынка: не калякайте о смычке, а осуществляйте ее!

При капитализме кризис есть естественный и в последнем счете единственный способ регулирования хозяйства, т.е. приведения в соответствие разных отраслей промышленности между собой и всей ее продукции — с емкостью рынка. Но в нашем, советском — переходном от капитализма к социализму — хозяйстве торгово-промышленные кризисы никак не могут быть признаны нормальным или даже неизбежным способом пригонки составных частей народного хозяйства друг к другу. Кризис уносит, уничтожает или распыляет известную часть государственного достояния, и часть этой части попадает в руки посредника, скупщика, вообще частного капитала. Так как мы получили в наследство от прошлого промышленное хозяйство, чрезвычайно расстроенное, да к тому же части его в довоенное время обслуживали друг друга совсем в других пропорциях, чем это требуется ныне, то налаживание хозяйства, согласовывание отдельных частей промышленности — с тем, чтобы вся промышленность в целом была по возможности согласована через рынок с сельским хозяйством, — представляет собою труднейшую задачу. Если бы мы решили производить необходимую перестройку только действием таких грозных толчков, как кризисы, то это заранее означало бы дать все очки вперед частному капиталу, который и без того втирается между нами и деревней, т.е. крестьянином и кустарем¹⁾.

Частный торговый капитал извлекает ныне большие барыши. Чем дальше, тем меньше он ограничивается одними посредническими операциями. Он делает попытки организовать производителя-кустаря или арендовать промышленное предприятие у государства. Другими словами, он вторично проделывает историю первоначального накопления, сперва в области торгового оборота, а затем и в области промышленности. Совершенно очевидно, что всякая наша неудача, всякий наш убыток являются выигрышем для частного капитала, во-первых, одним уже тем, что ослабляют нас, а, во-вторых, и тем, что значительная часть нашего убытка неизменно прилипает к рукам нового капиталиста.

Какое же орудие в наших руках для успешной борьбы с частным капиталом в этих условиях? Существует ли оно вообще? Существует: это сознательно рассчитанный плановый подход к рынку и вообще к задачам хозяйства. В руках рабочего государства находятся основные производительные силы промышленности и средства транспорта и кредита. Нам нет надобно-

сти дожидаться, когда частный или общий кризис обнаружит несогласованность разных элементов нашего хозяйства. Мы имеем возможность играть не вслепую, так как важнейшие карты рыночной игры у нас в руках. Мы можем — и должны этому научиться! — все лучше и лучше учитывать все основные элементы хозяйства, предвидеть их дальнейшее взаимоотношение в процессе производства и на рынке и, пользуясь нашим учетом и предвидением, согласовывать все отрасли хозяйства, прилаживая их друг к другу количественно и качественно и устанавливая необходимую пригонку между промышленностью в целом и сельским хозяйством. Это и есть настоящая работа над смычкой.

Культурное шефство над деревней превосходная вещь. Но базой смычки все-таки являются дешевый плуг и гвоздь, дешевый ситец, дешевые спички. Путь к удешевлению продуктов промышленности — через правильную (т.е. рассчитанную, систематическую, плановую) организацию промышленности в соответствии с развитием сельского хозяйства.

1) Само собой разумеется, что до окончательного установления гармонического социалистического хозяйства нам предстоит еще немало кризисов. Творческая задача состоит в том, чтобы свести это число к минимуму и сделать каждый кризис наименее болезненным.

Кто говорит: «все дело в, смычке, а не в плане промышленности», — тот не понимает самой сути дела, ибо путь к смычке лежит через правильное согласование промышленности, через плановое руководство ею. Другого пути нет и не может быть.

Правильная постановка работ нашей государственной плановой комиссии (Госплан) является прямым и непосредственным подходом к более правильному и успешному разрешению вопросов смычки — не в отмену рынка, а на основе рынка¹⁾. Крестьянин этого сегодня еще не понимает. Но мы-то должны понять, каждый коммунист должен понять, каждый передовой рабочий должен понять. Крестьянин же раньше или позже почувствует работу Госплана на своем хозяйстве. Разумеется, задача эта очень трудная и чрезвычайно сложная. Росчерком пера ее не решить. Нужна длительная система мер, все более точных и решительных. Из школы нынешнего кризиса нужно нам выйти умудренными. Разумеется, не менее важно поднятие сельского хозяйства. Этот процесс, однако, совершается

гораздо более стихийно и, следовательно, гораздо более независимо от нашего государственного воздействия, чем восстановление промышленности. Рабочее государство должно помочь крестьянину и сельскохозяйственным кредитом (насколько хватит средств!), и такой агрономической помощью, которая облегчила бы продуктам сельского хозяйства выход на мировой рынок (пшеница, мясо, масло и проч.). Однако же, путь воздействия на сельское хозяйство пролегает опять-таки, главным образом, через промышленность, если не прямо, то косвенно. Нужно дать деревне доступные по цене сельскохозяйственные орудия и машины. Нужно дать ей искусственное удобрение. Нужно дать дешевые предметы домашнего крестьянского обихода. Чтобы поставить и развить сельскохозяйственный кредит, государству нужны крупные оборотные средства. Для этого нужно добиться, чтобы государственная промышленность стала прибыльной, что, в свою очередь, невозможно без правильного согласования составных ее частей. Таков путь действительной, не словесной, не показной, а деловой заботы о смычке рабочего класса с крестьянством.

Чтобы обслуживать эту смычку политически и, в частности, противодействовать ложным слухам и сплетням, которые пролагают себе путь через посреднический, торгашеский аппарат, нужна подлинная крестьянская газета. Что означает подлинная? Такая, которая доходит до крестьянина, которая понятна ему и которая сближает его с рабочим классом. Газета, с тиражом в 50 или 100 тысяч экземпляров, может быть, и будет газетой, благодушно толкующей о крестьянстве, но ни в каком случае не крестьянской газетой, ибо она не дойдет до крестьянина, а прилипнет по дороге к бесчисленным рукам всяких наших аппаратов. Нам нужна еженедельная крестьянская газета (ежедневная — не по карману и не по средствам сообщения), с тиражом на первый год этак в 2 миллиона экземпляров. Такая газета должна не «поучать» крестьянина, не, «призывать» его, а толково рассказывать ему о том, что происходит в Советском Союзе,

Во избежание кривотолков подчеркиваю, что дело идет именно о правильном подходе, так как, само собой разумеется, вопрос ни с какой стороны не исчерпывается существованием Госплана. Есть десятки факторов и условий, от которых зависит ход промышленности и всего хозяйства. Но правильный учет этих факторов и условий и соответственное направление

всей нашей деятельности осуществимы только при наличии крепкого, компетентного, непрерывно работающего Госплана.

...за пределами его, особенно в тех областях жизни, которые близко и непосредственно касаются крестьянина и его хозяйства. Новый пореволюционный крестьянин очень быстро приохотится к чтению, если только мы сумеем создать для него надлежащую газету. Тираж ее будет из месяца в месяц расти, обеспечивая хотя бы еженедельное на ближайший период общение советского государства с многомиллионным крестьянством. Но и газета приводит нас к промышленности. Нужно, как следует быть, поставить технику. Крестьянская газета должна быть не только в редакционном, но и в типографском отношении образцовой, ибо было бы срамом каждую неделю посылать крестьянам образцы нашего городского неряшества.

Вот все, что я могу пока ответить на поставленные мне вопросы насчет крестьянства. Если бы эти объяснения не удовлетворили обращавшихся ко мне товарищей, я готов дать дальнейшие разъяснения, более конкретные, с точными данными, почерпнутыми из всего опыта нашей шестилетней советской работы. Ибо вопрос этот — первостепенной важности.

«Правда», 6 декабря 1923 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4-е

К вопросу о двух поколениях¹⁾

В происходящую партийную дискуссию вмешалась и активная руководящая верхушка Комсомола. Считая, что постановка вопросов, данная в статье 9-ти товарищей («К вопросу о двух поколениях» — «Правда» №1) и обращении питерского актива, неверна и может оказаться вредной для партии в случае, если это выступление вызовет широкую дискуссию в союзе, — мы находим необходимым разобрать эти заявления и их мотивировку.

Питерское обращение и статья 9-ти доказывает, что нельзя льстить молодежи, что молодежь не является контролером партии, что нельзя противопоставлять молодяк старшему поколению партии, что нам ни в коей мере не грозит никакое перерождение, и что во всех этих смертных грехах повинен т. Троцкий. Поглядим: так ли это?

В своей статье девять товарищей говорят о том, что тов. Троцкий притянул вопрос о молодежи за волосы вообще (об

этом еще будет речь ниже), и что тов. Троцкий подлаживает-ся под молодежь, льстит ей. Послушаем, что говорит на этот счет тов. Ленин:

«Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся. Эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат».

Зачем понадобилось тов. Ленину так говорить о молодежи? Что им здесь руководило? Желание лести, подлаживание, заискивание перед молодежью или серьезное понимание? Менее всего приходится говорить о «лести» т. Троцкого, и нет решительно никакой нужды противопоставлять его другим вождям нашей партии. Девять товарищей говорят, что Ленин учил критически относиться к молодежи, не потакать ей. Не следует ли т. Троцкий этому доброму совету, когда он на XI съезде партии и теперь говорит: «этим вовсе не сказано, что молодежь во всех своих проявлениях и настроениях выражает здоровые тенденции», или же в другом месте: «учающаяся молодежь, вербуемая из всех слоев и прослоек советской общест-венности, отражает в своем пестром составе все плюсы и минусы наши». Судя по этим цитатам выходит, что т. Троцкий и не льстит и не критикует.

Также неправильно изложен вопрос о перерождении. Тов. Троцкий говорит об угрозе перерождения для обоих полюсов: и для молодняка и для старшего поколения. Редакция «Правды», отвечая на эти слова, заявляет: «Теоретическая опасность будущего перерождения у нас есть. Она дана возможностью постоянной и медленной победы капиталистической экономики над социалистическими островками и возможным постепенным сращиванием наших административных кадров с новой буржуазией. Но у нас нет ни одного человека, кото-рый не видел бы этой опасности».

Но с этим заявлением абсолютно не вяжется то, что пишет-ся в статье 9-ти товарищей: «у нас же этой опасности политиче-ского перерождения не может существовать». И тут, следова-тельно, и обвинение и защита совершенно неправильны. Перейдем к самому тяжелому обвинению: тов. Тов. Троцкий противопоставляет два поколения, натравливает одно на дру-гое, «хочет подорвать руководящее влияние испытанного боль-шевистского штаба».

«Говорить о сдаче в архив старшего поколения могли бы только сумасшедшие. Речь идет именно о том, чтобы старшее поколение сознательно переменяло курс и тем самым обеспе-чило бы свое дальнейшее руководящее влияние во всей рабо-те партии». (Троцкий).

Имеется ли здесь то противопоставление и стремление к подрыву старых кадров, которыми более всего оперируют в обоих документах? Нам сдается, что при спокойном, серьез-ном рассмотрении вышеприведенных заявлений т. Троцкого, более чем трудно усмотреть и найти в них какое-либо направ-ление. Наоборот, новый курс и понимается тов. Троцким, как наилучший путь к упрочению и углублению влияния старых большевистских кадров.

Но если отбросить все эти легенды, побочные, легкие пере-держки и искажения, а взять вопрос по существу о путях вос-питания в ленинском духе партийного молодняка,— правота тов. Троцкого совершенно очевидна.

И если 9-ть выступивших работников в Комсомоле подума-ют и присмотрятся к более близкой им части партийного мо-лодняка, то они встретятся с тем явлением, что комсомоль-цы — члены партии — чувствуют себя не партийцами в союзе, а «комсомольцами в партии». Факт, неоднократно указывав-шийся крупнейшими партийными работниками.

В чем корень этого явления? В том, что в условиях сверну-той партийной общественности молодняк не имеет возможно-сти приобщиться к кладу, накопленному десятилетиями рабо-ты нашей партии. Лучший способ передачи большевистских революционных традиций, всех качеств, присущих основному кадру партии,— это новый курс внутрипартийной демократии, проводимой «сознательно старшим поколением партии в ин-тересах обеспечения его руководящего влияния».

Таким образом, и по существу вопроса не тов. Троцкий «притянул за волосы» вопрос о молодежи (у него это связано со всей мотивировкой нового курса партии), а авторы писем занимаются выдергиванием и навязыванием тов. Троцкому никогда им не защищавшейся точки зрения.

Девять товарищей на деле (хотя бы объективно против сво-ей воли), придвинув Комсомол к дискуссии, свели последнюю только к вопросу о двух поколениях, вне всякой связи со всей дискуссией и всеми вопросами, которые поставила сейчас пе-ред собой партия. В условиях же, когда и самый вопрос о по-

колениях поставлен искаженно, неправильно, все выступления являются неудачным шагом; и если это приведет к дискуссии в комсомольском активе, то она развернется по неправильной линии и будет вбивать тот самый клин, против которого выступает т. Троцкий.

ЦК РКСМ постановил не обсуждать вопросов партдискуссии особо среди членов партии, работающих в союзе. Мы считаем это решение вполне правильным. Менее всего из него вытекает необходимость вышеупомянутой статьи. Если правильно было постановление о неперенесении дискуссии в союз, а работники ЦК сочли нужным ринуться в партдискуссию, не сказав ничего нового по существу, кроме разве неуклюжего обвинения т. Троцкого в поклонении какому-то «триединому божеству», то чем диктовалось это выступление, как не желанием лягнуть т. Троцкого «со стороны молодежи»?

Никто (и меньше всего т. Троцкий) не оспаривал необходимости сохранения руководящего влияния старых кадров партии. Желательность и необходимость этого более чем ясна и очевидна для каждого из нас. Не об этом мы спорим со статьей 9-ти.

Мы против того, чтобы приписывать руководящим товарищам в нашей партии мысли, которых они не высказывали, и тем самым против неправильного и искаженного освещения этого вопроса, особенно перед партийным молодежком. Мы против того, чтобы затушевывать необходимость создания такой обстановки внутри партии, которая дала бы возможность воспитывать настоящих ленинцев, а не таких, о которых говорил на нашем III съезде РКСМ т. Ленин: «Если бы коммунист вздумал хвастать коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись,— такой коммунист был бы очень печален».

Мы за единство, за безусловно большевистское руководство партией. Мы далеко не закрываем глаз на все опасности, которые стоят перед молодежью. И именно серьезно учитывая эти опасности,— мы против затушевывания вопроса о новом курсе под предлогом защиты исторических прав старой партийной гвардии от несуществующих посягательств.

ПРИМЕЧАНИЯ

445. Автор не обозначен. Установлен по тексту данного письма и письма Радека Врачеву от 16 сентября 1928 г.

446. Установить, о каком «известном и влиятельном друге» идет речь, не удалось. Во всяком случае, эта дефиниция и полуконспиративный тон является дополнительными свидетельствами того, что в руководящих партийных кругах были лица, которые поддерживали тайные связи с оппозиционерами, являясь, по ходкому большевистскому выражению, «двурушниками».

447. Речь идет о документе «Что же дальше? (VI конгрессу Коминтерна)», датированном Л. Д. Троцким 12 июля 1928 г.

448. Цитируется (с небольшими неточностями) «Циркулярное письмо» Л. Д. Троцкого от 17 июля 1928 г. (*Троцкий Л. Письмо из ссылки. 1928, с. 123–127*).

449. Так в тексте.

450. Теория офензивы (Теория наступления) рассматривалась на III конгрессе Коминтерна (см. примеч. 362).

451. Письмо Л. Д. Троцкого от 5 мая 1928 г. «о левом курсе» в архиве отсутствует.

452. Письма от 9 мая и 21 июня 1928 г. см.: *Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 42–47, 89*. Возможно, под письмом от 3 июня имеется в виду «Циркулярное письмо» от 2 июня (там же, с. 75–83). Письмо от 22 мая в архиве отсутствует. Имеются письма Белобородову (23 мая) и Преображенскому (24 мая) (там же, с. 53–56).

453. См.: *Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 137–139*. Троцкий сопроводил свой архивный экземпляр письма примечанием: «Может быть, старику Эльцину? В письме говорится о «сыне»... (там же, с. 137). Сомнение Троцкого обоснованно, так как «старика Эльцина» звали Борис Михайлович.

454. Цитата неточна. См.: *Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 134*.

455. *Мехаевщина* — течение в российском революционном движении, возникшее в конце XIX в. и получившее широкое распространение. Его лидер В.К. Михайский считал интеллигенцию враждебным революции, паразитическим классом, а базой революции деклассированные элементы.

456. Обширная статья Н. И. Бухарина «Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года» была опубликована в «Правде» 30 сентября 1928 г. В ней подчеркивалось, что партийная теория не дает ответа на многие «жгучие вопросы». Автор пытался вовлечь партийные кадры в обсуждение некоторых из них. Пафос «Заметок экономиста» состоял в том, что Бухарин выступал против чрезмерно высоких темпов индустриализации, фактически против сталинской группы, но замаскировал это, впрочем, весьма зыбко, выпадами против Троцкого, используя обращение последнего к VI конгрессу Коминтерна, разумеется, не опубликованное в печати. Сталин добился принятия решения политбюро по поводу статьи, в котором говорилось, что, ввиду спорных положений, «Заметки экономиста» не следовало бы публиковать без ведома политбюро. Это был существенный этап на пути формирования конфронтации Сталина и его сторонников с группой умеренных в политбюро, причем соотношение сил стало складываться в пользу Сталина.

457. Имеется в виду система взглядов Богданова (настоящая фамилия Малиновский) Александра Александровича (1873–1928) — деятеля российского революционного движения, философа и экономиста. Богданов был участником социал-демократического движения в 1896–1909 гг. В 1903–1905 гг. большевик. В 1908 г. отзовист. Пытаясь расширить философские представления марксизма, он разработал свой вариант теории «эмпириокритицизма», допускавший некоторые отступления от прямолинейных материалистических взглядов, свойственных большевикам. За это он был подвергнут грубой критике Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». В 1918 г. Богданов стал идеологом Пролеткульта, выступавшим за разрыв с культурным населением и создание новой культуры. Будучи по профессии врачом, он с 1926 г. стал организатором Института переливания крови. Погиб в результате эксперимента, произведенного на себе самом.

458. *Чернов Виктор Михайлович* (1873–1952) — один из основателей партии эсеров, ее руководитель и теоретик. В 1917 г. министр земледелия Временного правительства. Председатель Учредительного собрания. В 1920 г. эмигрировал. В эмиграции опубликовал ряд исторических трудовых документов. Во время Второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления во Франции.

459. Так в документе.

460. *Физиократы* — представители классической политической экономии во Франции второй половины XVIII в. (Ф. Кено, А.Р. Тюрго и др.). Физиократы перенесли центр внимания экономиста из сферы обращения в сферу производства, начали анализ воспроизводства и распределения общественного продукта. Они делили общество на классы, выступали против меркантилизма, за свободную торговлю.

461. Речь идет о славянофилах — представителях того направления русской общественной мысли середины и второй половины XIX в., которые выступали за иной путь развития России по сравнению с Западной Европой. Славянофилы аргументировали это самобытностью России. Они идеализировали общественный строй Древней Руси, крестьянскую общину. Вели острую и длительную полемику с западниками. Виднейшими представителями славянофилов были И. С. Аксаков, И. В. Кириенский, А. С. Хомяков. В ходе подготовки реформы 1861 г. позиции славянофилов и западников несколько сблизились, они вошли в лагерь либерализма. Однако полное слияние не произошло.

462. Гражданская война в США между прогрессивным Севером и рабовладельческим Югом происходила в 1861–1865 гг. Южане спровоцировали войну, подняв мятеж и провозгласив Конфедерацию южных штатов с целью сохранения рабства. Вначале война велась Севером нерешительно, что привело к ряду поражений его вооруженных сил. Второй этап войны (с 1862 г.) придал ей революционный характер. Этот переход был связан с изданием президентом Авраамом Линкольном прокламации об отмене рабства и появлением акта о гомстедах (свободных участках земли), которые могли фактически бесплатно получить для личной обработки желающие. Победа Севера в войне (она завершилась взятием в апреле 1865 г. столицы рабовладельческих штатов г. Ричмонда) способствовала бурному развитию США в экономическом отношении и утверждению демократических принципов политического развития.

463. *Иловайский Дмитрий Иванович* (1832–1920) — русский историк и публицист. Автор пятитомной «Истории России», монографии «Разыскания о начале Руси», учебников по истории России и всеобщей истории.

454. Так в тексте.

465. *Тартарен* — главный герой трилогии французского писателя Альфонса Доде (1840—1897) «Необычайные приключения Тартарена из Тараскона» (1872—1890) — мелочного хвастуна и стяжателя.

456. Обращение «Ко всем членам Московской организации ВКП(б). От ЦК ВКП(б)» (Правда, 1928, 19 октября) фактически было принято на заседании политбюро 18 октября. Обращение носило лицемерный характер. Хотя перед этим ряд руководителей московских райкомов и других московских партийных работников вызывались в ЦК, где Молотов и другие «боссы» (Сталин до 3 октября отдыхал) выкручивали им руки, заставляя отмежеваться от «примиренца» Угланова и других руководителей горкома, хотя ряд партийных работников Москвы в первой половине октября был снят с работы, обращение «защищало» горком, как проводящий «партийную линию», и призывало немедленно положить конец «конфликтам» в организации. Эти действия подготавливали расправу с руководством горкома, которая состоялась в декабре 1928 г.

457. Вопрос этот подробнее освещен в нашей работе «К годовщине платформы». — И. С. — *Примеч. автора.* Эту работу опубликовать не удалось.

458. Монолог Ленского из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и ария Ленского из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

469. Так в тексте.

470. «Сухой гильотиной», то есть политической а не физической казнь, оппозиционеры называли свое исключение из партии и ссылку.

471. В тексте пропущена одна строка.

472. *Кржижановский Глеб Максимилианович* (1872—1959) — советский государственный деятель. Социал-демократ с 1893 г. В 1920 г. председатель Комиссии государственной электрификации России. В 1921—1923, 1925—19130 гг. был председателем Госплана, в 1930—1932 гг. председатель Главэнерго СССР. С 1930 г. директор Энергетического института АН СССР. Академик (1929), вице-президент АН СССР в 1930—1939 гг. Кржижановский был избран в Академию наук в результате жестокого нажима со стороны партийной верхушки 12 января 1929 г. вместе с Н. И. Бухариным, И. М. Губкиным, М. Н. Покровским

и Д. Б. Рязановым перевесом в один голос. А. М. Деборин, Н. М. Лукин и В. М. Фриче были забаллотированы. Под массивным давлением 13 февраля провели повторное голосование, в результате которого названные три коммуниста были признаны избранными.

473. Имеется в виду кампания по избранию Бухарина и Кржижановского в Академию наук СССР.

474. Автор документа неизвестен.

475. Имеются в виду резкое усиление контроля ОГПУ за перепиской ссыльных оппозиционеров, перехватывание писем, их конфискация или задержание доставки адресатам в течение длительного времени. Наблюдавшиеся в течение всего периода ссылки, эти действия стали особенно циничными осенью 1928 г. Из текста документа следует, что с 10 ноября 1928 г. большинству оппозиционеров было запрещено вести политическую переписку.

476. С первых месяцев 1928 г. руководители Московского комитета партии в главе с Углановым выступали против чрезвычайных мер и форсированных темпов индустриализации. Возникла возможность их коалиции с «правыми» в политбюро. В марте—июле 1928 г. состоялись несколько встреч Угланова и других руководителей столичной организации со Сталиным, на которых московские деятели выражали обеспокоенность экономическим курсом политбюро. На сентябрьском пленуме МК и МКК руководство столичной парторганизации было обвинено в «замазывании правой опасности», а вслед за этим были инспирированы партийные собрания и партийные активы, посвященные борьбе против «правой опасности». Этими акциям исподтишка дирижировал Сталин. По его инициативе в ЦК вызывались отдельные партийные работники Москвы, где им «вправляли мозги», инспирировались слухи об Угланове как «правом», ведущем борьбу против ЦК. В октябре Угланов выступил с письмом «Ко всем членам Московской организации ВКП(б) с ближайших задачах», в котором, наряду с ритуальными выпадами против «троцкистов» и «правых», содержались требования внутрипартийной критики и поощрения самостоятельной мысли. Письмо послужило поводом к обвинению Угланова в «примиренчестве», в отношении правого уклона. После снятия Угланова с после первого секретаря Московского

горкома партии его судьбу разделили ряд секретарей райкомов в Москве.

477. Имеются в виду акции саботажа. Выражение происходит от «итальянской забастовки» – формы выступления рабочих, когда они являются на предприятия, но не приступают к работе. Эта форма борьбы впервые получила распространение в Италии.

478. Академия коммунистического воспитания существовала в Москве в 1923–1935 гг. как высшее учебное заведение для подготовки в основном руководящих работников народного образования. Носила имя Н. К. Крупской. В 1935 г. была преобразована в Коммунистический педагогический институт им. Н. К. Крупской и переведена в Ленинград.

479. 18–19 октября 1928 г. состоялся внеочередной пленум Московского комитета партии и Московской контрольной комиссии. Пленум был связан в связи со слухами о том, что руководители столичной парторганизации оказались «правыми оппортунистами» (эти слухи инспирировались Сталиным). 18 октября Сталин явился на пленум и выступил с обширным докладом «О правой опасности в ВКП(б)» (*Сталин И.* Соч., т. 11, с. 222–238). Основными признаками «правого уклона» он назвал выступления против борьбы с кулаком и за снижение темпов индустриализации, но конкретных носителей уклона назвать отказался, добавив, что в политбюро нет ни правых, ни левых, ни примиренцев к ним. В то же время Сталин поддерживал «самокритику снизу», потребовавшую преодоления «шатаний» в верхушке московской парторганизации. Таким образом, получалось, что основными носителями правового уклона были именно московские руководители. Некоторые из них вынуждены были выступить с признанием своих ошибок. В постановлении Московский комитет партии обвинялся в примиренчестве к правому уклону. Через месяц Угланов и второй секретарь МК Котов были сняты и заменены соответственно Молотовым и Бауманом.

480. *Яглом Я. К.* – деятель российского социал-демократического движения, один из руководителей еврейской социалистической организации Бунд. После Октябрьского переворота 1917 г. перешел к большевикам. В 20-е годы работал в ВЦСПС, был редактором газеты «Труд». В 1980 г. был обвинен в правовом

уклоне и снят с ответственных постов. Арестован во время «большого террора» и расстрелян без суда.

481. *Гитзбург А. М.* – в рассматриваемый период заведующий отделом ВЦСПС.

482. Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) – орган, осуществлявший руководство профсоюзами СССР между их съездами. Был образован на Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1918 г. Тогда же был принят устав ВЦСПС. На протяжении всех лет существования (до 1991 г.) ВЦСПС фактически являлся подсобным органом ЦК ВКП(б) (ЦК КПСС), беспрекословно исполнявший волю последнего.

483. *Лобов Семен Семенович* (1888–1937) – советский государственный деятель. Большевик с 1913 г. В 1918–1920 гг. работал в ВЧК. В 1926–1936 гг. нарком лесной промышленности, в 1936 г. нарком пищевой промышленности СССР. Арестован во время «большого террора» и расстрелян без суда.

484. VIII съезд профсоюзов СССР состоялся 10–24 декабря 1928 г. На съезде Сталин провел принятую перед этим резолюцию политбюро ЦК ВКП(б) об «укреплении ВЦСПС». Л. М. Каганович стал «профсоюзным лидером № 2» вместе с М. П. Томским, фактически осуществляли контроль за его деятельностью. В конце декабря Томский заявил о своей отставке. Хотя в этом ему было отказано, на местах началось устранение «правых» профсоюзных деятелей со своих постов.

485. Осенью 1928 г., накануне VIII съезда профсоюзов, безусловно, по команде высших партийных иерархов, в «Комсомольской правде» была развернута кампания нападок на ВЦСПС, возглавляемый М. П. Томским, под лозунгами самокритики, выступлений «легкой кавалерии», «культурного похода» и т. д. Подборки недружественных материалов публиковались 11, 14, 20, 23, 17 ноября.

486. Имеется в виду Сталин. Критическо-ироническое определение «трусиска евразиец» имеет в виду склонность Сталина к русскому национализму, восхвалению величия России и в то же время существовавшую, по мнению оппозиционеров, тенденцию к отходу от социалистических принципов. Евразийство – идейно-философское направление, возникшее в среде русской эмиграции в начале 20-х годов (филолог Н. С. Трубецкой, историки М. М. Шахматов, Г. В. Вернадский и др.). Евразийцы выпустили ряд монографий и сборников.

Являясь одной из ветвей сменовеховства, евразийство содержало широкий спектр мнений на основе признания советской власти как воплощения особого пути России, отправной точки становления могучей Евразии. Мнение, что в СССР по существу дела проводится «евразийский курс», выражали и ведущие представители сменовеховства. Устрялов, например, неоднократно оценивал Красную Армию как выразительницу нового курса советского руководства, собирательницу земель российских с целью восстановления исконной исторической миссии России в качестве «Евразии». В то же время монархист В. Шульгин еще в 1920 г. писал о неизбежности прихода к власти в России нового лидера, который будет большевиком по своей энергии и националистом по убеждению.

487. Речь идет об объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г. Рассматривался вопрос о контрольных цифрах на 1928/29 хозяйственный год. При подготовке этого вопроса в комиссии политбюро Бухарин, Рыков и Томский подали в отставку, но затем отказались от нее и согласились с максимальным налогообложением «кулаков» и высокими темпами промышленного развития страны. Заявление Бухарина в комиссии о «военно-феодалной эксплуатации крестьянства» было встречено издевательскими репликами. Сталин добился решения политбюро, чтобы все его члены декларировали на пленуме полное единство. На пленуме были заслушаны доклады Рыкова, Кржижановского и Куйбышева по разным аспектам контрольных цифр. Рыков заявил, что рост коллективных и государственных хозяйств на селе не может подменить индивидуального хозяйства крестьян. Сталин выступал с речью «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)» (Соч., т. 11, с. 245–252), в которой основной мишенью избрал М. И. Фрумкина. Пленум утвердил установки на резкое увеличение капиталовложений в тяжелую. Промышленность и на борьбу против «бешеного сопротивления кулака». В решениях, однако, сохранялись еще элементы компромисса, в частности, линия на развитие индивидуального крестьянского хозяйства. Пленум принял резолюцию о наборе в партию промышленных рабочих и регулировании роста партии, которая была использована для дальнейшего формирования партийной структуры, целиком подчиненной Сталину.

488. В. Р. Менжинский регулярно докладывал на заседаниях политбюро о внутренней политической ситуации в СССР.

М. Вейман опубликовал текст его доклада в конце февраля 1928 г. (*Reiman M. Op. cit.*, p. 133–135). Очевидно, в данном случае идет речь о выступлении Менжинского по тому же вопросу в сентябре 1928 г. Позиция Менжинского полностью определялась пожеланиями Сталина.

489. В 1928 г. группа московская сторонников Л. Д. Троцкого опубликовала ряд номеров своего «Бюллетеня». Они были предшественниками «Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)», который стал издаваться в Париже, затем в Берлине и снова в Париже под руководством Л. Д. Троцкого после его изгнания из СССР.

490. *Эпикур* (341–270 до н.э.) — древнегреческий философ, основатель философской школы в Афинах. Делил философию на физику (учение о природе), канонику (учение о познании) и этику. Цель жизни, по Эпикуру, — здоровье тела и безмятежность духа, стремление к познанию природы, освобождение от страхов.

491. *Лукреций* (*Тит Лукреций Кар*) — римский поэт и философ I в. до н. э. Автор поэмы «О природе вещей», давшей систематическое изложение материалистической философии древности.

492. Так в тексте.

493. *Краснознаменец* — лицо, награжденное орденом Красного Знамени.

494. Так в тексте.

495. Письмо в архиве отсутствует.

496. КПС — расшифровать не удалось.

497. Так в тексте.

498. Так в тексте.

499. Так в тексте.

500. Так в тексте.

501. Одно слово не ясно.

502. Автор документа неизвестен.

503. *Пеньков М. А.* — работник ВКП(б), сторонник Н. И. Бухарина. Осенью 1928 г. был снят с поста секретаря Рогожско-Симоновского райкома ВКП(б) в Москве. Дальнейшая судьба неизвестна.

504. Контрольные цифры развития экономики СССР на 1928/29 год были представлены в докладе Рыкова на пленуме

ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г. Перед этим проект контрольных цифр несколько раз рассматривался в политбюро и был полностью переработан специальной комиссией, состоявшей почти полностью из сталинистов (Кржижановский, Куйбышев, Микоян, Орджоникидзе). В комиссию входил и сам Сталин. Бухарин, являвшийся членом комиссии, в ее работе не участвовал, так как был в отпуске. Единственным «умеренным» ее членом оказался Рыков. Контрольные цифры предусматривали резкое ускорение развития промышленности и значительное увеличение числа колхозов и совхозов. Отставка, о которой заявили перед пленумом Бухарин, Рыков и Томский, была отвергнута. «Умеренные» отступили почти без сопротивления (*Reiman M. Op. cit., p. 94–96*).

505. Постепенное введение семичасового рабочего дня было декларировано Манифестом ЦК СССР к 10-летию Октябрьской революции.

506. Имеется ввиду брешь подростков на производстве.

507. *Школы Фабзавуча* — школы фабрично-заводского ученичества, непосредственно обучавшие подростков на рабочих местах.

508. *Мороз Г. С. (? — 1937)* — партийный работник в Москве, сторонник Н. И. Бухарина. В первой половине 20-х годов служил в ВУК. Во второй половине 20-х годов секретарь контрольной комиссии Московской организации ВКП(б). В октябре 1928 г. был исключен из состава бюро Московского горкома партии и выведен из контрольной комиссии. Арестован во время «большого террора» и расстрелян без суда.

509. *Бутов Георгий (? — 1928)* — руководитель секретариата Л. Д. Троцкого в период его деятельности в качестве лидера объединенной оппозиции. В конце 1927 г. исключен из ВКП(б) и арестован. Отказался признать и подписать выдвинутые против Троцкого и против него самого обвинения. Объявил голодовку. Умер в заключении во время голодования.

510. Приписка к листовке написана от руки. Ее вторая фраза неразборчива.

511. *Т. Ч.* расшифровать можно предположительно как тягловую часть.

512. ВПШ расшифровать не удалось. Во всяком случае, речь идет не о Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), которая была основана в 1939 г.

513. *МСПС* — Московское сельское потребительское общество.

514. Речь идет о записке В. И. Ленина «К вопросу о национальностях, или об «автономизации» (30 декабря 1922 г.), в которой ставился вопрос, «приняли мы с достаточной заботливостью меры, чтобы действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды?» (*Ленин В. И. Соч., 5 изд., т. 45, с. 357*).

515. Употребляя термин «национал-социализм» применительно к руководству ВКП(б). Троцкий не проводил в 1928 г. никаких сравнений или аналогий с идеологией и политическом курсом Национал-социалистической рабочей партии Германии в главе с А. Гитлером. Сопоставления сталинизма и гитлеризма в его публицистике появились после прихода нацистов к власти в Германии в 1933 г.

516. Речь идет о В. М. Чернове.

517. «Влеченье, род недуга» — цитата из «Горе от ума» А. С. Грибоедова.

518. Цитируется документ «Об единстве партии», написанный Л. Д. Троцким (Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Benson, Vermont, Chalidze. Publications, 1988, т. 2, с. 77–82).

519. Речь идет о Сталине. В документе приводится высказывания Бухарина в беседе с Каменевым 9 июля 1928 г. — см. т. 2, примеч. 515.

520. *Ларин Ю. (настоящие фамилия, имя и отчество Лурье Михаил Зальманович)* (1882–1932) — советский государственный деятель, экономист. Социал-демократ. С 1900 г. С 1917 г. был членом президиума ВСНХ. Автор ряда экономических трудов и многих публицистических выступлений. Отец последней жены Бухарина Анны.

521. *Керженцев (настоящая фамилия Лебедев) Платон Михайлович* (1881–1940) — советский государственный деятель, историк и журналист. Социал-демократ с 1904 г. В 1919–1920 гг. был руководителем Российского телеграфного агентства. В 1921–1923 гг. полномочный председатель в Швеции, в 1925–1926 гг. — в Италии. С 1933 г. председатель Радиокomiteта в 1936–1938 гг. — Комитета по делам искусств при Совнарком СССР. Принимал активное участие в преследовании творческой интеллигенции во время «большого террора». Автор догматической книги по новой зарубежной истории (о чартистском движении, Парижской Коммуне и др.).

522. *Ключевский Василий Осипович* (1841–1911) — русский историк, академик Петербургской Академии наук с 1900 г., по-

четный академик с 1908 г. Автор многотомного «Курса русской истории», исследований о боярской думе Древней Руси, крепостном праве, сословиях, а также историографических трудов.

523. Имеется в виду Социалистический Рабочий Интернационал.

524. Это не мешает тому, что ныне тот же Яковлев, в замаскированной полемике против Бухарина, усердно списывает доводы из старых тетрадей оппозиции, выдавая эти тетради за блокнот РКИ (см. «Правда», № 252. Я. Яковлев. «К вопросу о хозяйственных задачах предыдущего года (из блокнота РКИ)»). Хотя Яковлев пользуется только «осколками» и «обломками» оппозиционной платформы это оказывается достаточно точным, чтобы справиться с бухаринскими «Заметками экономиста». Лиха беда — начало.— *Примеч. Автора.*

525. Предисловие В. И. Ленина к книге И. И. Скворцова-Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» (М., 1922) — *Ленин В. И. Соч.*, изд. 5, т. 45, с. 51–52 — содержало высокую оценку книги как «учебного пособия» для всех учебных заведений РСФСР.

506. Сталин внес предложение об ослаблении монополии внешней торговли в декабре 1926 г. Тогда оно не получило полной поддержки, хотя заключенные соответственно 2 июня и 1 октября 1927 г. договоры СССР с Латвией и Персией содержали статьи, реально смягчавшие монополию. Эти договоры вызвали интерес на Западе (Документы внешней политики СССР. М., Политиздат, т. 10, 1965, с. 67–70, 396–434), 27 декабря 1927 г. Сталин обратился с секретным письмом в политбюро, в котором настаивал при поддержке наркома иностранных дел Г. В. Чичерина на «модификации вопросов внешней торговли с целью получения средств, в которых мы нуждаемся для реконструкции, и помощи иностранной промышленности...» Конкретная «модификация» предлагалась Чичериным. Текст письма опубликован в кн.: *Peiman M. Op. cit.*, p. 128–133. Конкретные перипетии дальнейшего развития предопределили отказ Сталина от относительно умеренной политики и переход его к курсу насильственной и кровавой революции сверху, к которой он внутренне тяготел.

527. После XIV съезда партии, на котором была осуждена «новая оппозиция» Зиновьева и Каменева, последовал раз-

гром руководства ленинградской партийной организации. Зиновьев был снят с руководящих постов в городе, в начале 1926 г. первым секретарем губкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) стал верный сталинец С. М. Киров. В ленинградской партийной организации был установлен режим грубого запугивания, пристального бюрократического контроля и слежки за инакомыслящими, зажима критики.

528. Речь идет о Brentano Луйо (1844–1931) — германском экономисте, иностранном члене Петербургской Академии наук (1895). Теория Brentano предусматривала отказ от классово-вой борьбы и возможность существенного улучшения положения рабочего класса при капитализме путем повышения заработной платы.

529. Определение фашизма как движения и власти мелкой буржуазии получило распространение в коммунистических кругах в первой половине 20-х годов. В дальнейшем оно было подвергнуто острой критике. XIII пленум Исполкома Коминтерна (1933) и затем VII конгресс Коминтерна (1935) определили фашизм у власти как открытую террористическую, агрессивную и шовинистическую диктатуру наиболее реакционных сил монополистического капитала. Исследования, проведенные после Второй мировой войны, убедительно показали, что фашизм (в узком смысле слова итальянский и в широком смысле — любая правототалитарная диктатура, в частности в Германии) не имел единой социальной базы, а был связан с самыми различными слоями населения.

530. «Бытие определяется знанием» — ироническая перефразировка тривиального марксистско-большевистского суждения «бытие определяется сознанием».

531. *Третья республика* — республиканский государственный строй во Франции, существовавший со времени свержения Наполеона III в 1870 г. и закрепленный серией конституционных законов 1875 г. Третья республика была ликвидирована в результате капитуляции Франции перед нацистской Германией в 1940 г.

532. Раскольниками официально называли сторонников старообрядчества в России, отказавшихся признать церковную реформу патриарха Никона 1653–1656 гг. Во второй половине XVII–XVIII в. раскол был идейным знаменем антифеодалных оппозиционных движений. До 1906 г. раскольники преследовались властями России. Делились на ряд течений

(поповцы, беспоповцы и др.). Заявляя, что раскольники «давали себя сжигать за описки в евангелии», автор имеет в виду их крайний фанатизм.

533. Речь идет об особенностях содержания и структуры статей и докладов Сталина.

534. Троцкий анализирует определение ленинизма, данное в лекциях Сталина «Об основах ленинизма». Лекция «Об основах ленинизма» Сталин прочитал в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова в начале апреля 1924 г. (Соч., т. 6. М., Госполитиздат, 1947, с. 69–188). Есть предположение, что основные положения были им взяты из рукописи сотрудника секретариата ЦК РКП(б) Ксенофонтова, позже уничтоженного во время «большого террора». Троцкий назвал «Об основах ленинизма» «коллекцией нумерованных пошлостей».

535. Совещание большевиков, о котором идет речь, состоялось 27 марта – 4 апреля 1917 г. в Петрограде. Проходило фактически под руководством Л. Б. Каменева. По его предложению, совещание оценило буржуазно-демократическую революцию в России незавершенной, а движение к социалистической революции преждевременным. Оно взяло курс на условную поддержку Временного правительства и оказание давления на него, на объединение с меньшевиками. Было принято предложение Сталина начать соответствующие переговоры с меньшевиками на базе принципов Циммервальдской конференции 1915 г. Сталин полностью поддержал на совещании позицию Каменева и был избран в состав комиссии для переговоров с меньшевиками. Приезд Ленина поначалу не внес изменений в эту позицию. Ленин выступил на совещании с докладом по «Апрельским тезисам» в ночь на 4 апреля. Тем не менее уже после доклада Ленина совещание приняло резолюцию об условной поддержке Временного правительства. «Апрельские тезисы» были опубликованы в «Правде» с примечанием, что они отражают личную точку зрения автора. Протоколы мартовского совещания опубликованы в книге: *Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации: Поправки и дополнения к литературе эпигонов*. М., 1990, с. 225–290.

536. *Жордания Ной Николаевич* (1869–1953) – российский политический деятель, один из лидеров меньшевиков и грузинских социал-демократов. Участвовал в социалистическом движении с 1893 г. В 1907–1912 гг. был членом ЦК РСДРП.

В 1917 г. председатель тифлисского совета, а с 1918 г. председатель правительства независимой Грузии. После захвата Грузии советскими войсками эмигрированы. В эмиграции продолжал политическую деятельность в Социалистическом Рабочем Интернационале и зарубежных меньшевистских организациях.

537. *Засулмич Вепа Ивановна* (1849–1919) – деятельница русского революционного движения. С 1868 г. народница, в 1878 г. предприняла покушение на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, была арестована, но признана судом присяжных невиновной. С 1879 г. член народнической организации «Черный передел». Выехав за границу, перешла на марксистские позиции и была одним из организаторов группы «Освобождение труда» (1883). С 1803 г. являлась одним из лидеров русского меньшевизма.

538. «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса был написана не в 1847, а в феврале 1848 г.

539. Цитата отсутствует.

540. Цитата отсутствует.

541. «*Крестьянская война в Германии*» – работа Ф. Энгельса (1850), посвященная событиям 1524–1526 гг., когда крестьянские восстания переплелись с Реформацией. Энгельс характеризовал крестьянскую войну как первый акт буржуазной революции в Европе.

542. Имеется в виду период, когда российские социал-демократы выдвигали лозунг возвращения крестьянам «отрезков» – земель, отрезанных от их владений после реформы 1861 г. в пользу помещиков (они отрезались, если надел превышал высшую норму, установленную положением 19 февраля 1861 г.). «Отрезки» составляли около 18% дореформенного землепользования крестьян. Этот лозунг был выдвинут на II съезде РСДРП (1903) и дополнен на IV съезде (1906) лозунгом раздела помещичьих земель.

543. Дискуссии о лозунгах в аграрном вопросе, о том, добиваться ли раздела земли в частную собственность крестьян или же национализации всей земли шли в течение длительного времени. На IV съезде РСДРП (1906) часть большевиков выступила за раздел земли (Ленин добивался выдвижения лозунга национализации). Требование национализации стало общим для большевиков только после Февральской революции 1917 г.

544. Текст, выделенный курсивом, вычеркнут Троцким.

545. Имеется в виду всеобщая Октябрьская стачка 1905 г.

546. Текст, выделенный курсивом, вычеркнут Троцким.

547. *Катаяма Сэн* (1859–1933) — деятель японского социалистического и коммунистического движения. В 1897 г. участвовал в создании первого профсоюза Японии, а затем в создании политических кружков и организаций. Был одним из инициаторов создания компартии Японии (1922). С 1922 г. член Исполкома Коминтерна и его Президиума.

548. Текст, выделенный курсивом, вычеркнут Троцким.

549. *Бакунин Михаил Александрович* (1814–1876) — русский революционер, теоретик анархизма, один из идеологов народничества. С 1840 г. жил за границей участвовал в революции 1848–1849 гг. Был арестован австрийскими властями и выдан России в 1851 г. Находился в заключении в Петропавловской крепости, а затем в ссылке, откуда в 1861 г. бежал за границу. С 1864 г. был одним из руководителей Международного товарищества рабочих (I Интернационала), в котором вел борьбу против стремления Маркса навязать международному рабочему движению свои взгляды и монополизировать руководство. В 1872 г. Бакунин был исключен из I Интернационала, однако продолжал руководить международной организацией, сохранившей то же название.

550. *Дарвинизм* — теория эволюции органического мира Земли, основанная на исследованиях британского естествоиспытателя Чарлза Роберта Дарвина (1809–1882). Сущность дарвинизма состояла в том, что основным фактором эволюции являются изменчивость, последовательность и естественный отбор, что ведет к образованию новых видов. Дарвин выдвинул гипотезу происхождения человека от обезьяноподобного предка.

551. *«Капитал» К. Маркса* — экономический труд основоположника марксизма в четырех томах, посвященных соответственно процессу производства капитала, его обращению, капиталистическому производству в целом и теориям прибавочной стоимости. Опубликован в 1867, 1888, 1894, 1905–1910 гг. Маркс выдвинул положение о прибавочной стоимости, создаваемой неоплаченным трудом рабочих. Именно этот труд был в первую очередь основанием для утверждений о том, что Маркс превратил социалистическую теорию в науку, о «научном социализме» и «научном коммунизме».

552. *Менделеев Дмитрий Иванович* (1834–1907) — русский химик, педагог и общественный деятель. Открыл периодический закон химических элементов (1869). Автор «Основ химии» (1869–1871) — первого полного изложения курса неорганической химии. Был автором многих открытий и изобретений в области химии, химической технологии и других областей. Профессор Петербургского университета (1865–1890). Ушел в отставку в знак протеста против притеснений студентов. Организовал Главную палату мер и весов (1893) и был ее первым директором.

553. *Римское право* — система правовых норм Древнего Рима, содержавшая частное право и публичное право, стройную систему регулирования имущественных отношений. Римское право было заимствовано во многих странах Западной Европы и является классической базой современной юриспруденции.

554. Имеется в виду работа К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.» (1850), в которой кратко излагалась история французской революции 1848–1849 гг. с точки зрения марксистской концепции. Особое внимание уделялось событиям в Париже в июне 1848 г. (в частности, попытке рабочего восстания), победе «партии порядка» и отмене всеобщего избирательного права. Марксистско-ленинская историография характеризовала эту работу как «классическое произведение научного коммунизма», в основном в связи с тем, что здесь впервые был употреблен термин «классовая диктатура пролетариата» как переходная ступень к уничтожению классовых различий. Продолжением этой работы явился труд Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (конец 1851 — начало 1852 г.).

555. *Австромарксизм* — течение, сложившееся в австрийской социал-демократии в начале XX в. (сторонники Р. Гильфердинг, О. Бауэр, М. Адлер и др.), характеризовавшиеся стремлением развить марксизм, дополнить его достижениями других течений гуманитарных наук. Влияние на австромарксизм оказали концепции неокантианства и новейшие экономические теории. Достижением его сторонников была программа культурно-национальной автономии, охватывавшая вопросы просвещения, школы, языка и в целом культуры, решаемые постепенно и мирным путем. Австромарксисты в политической жизни периода между мировыми войнами занимали промежуточную между социал-демократическим и коммунистическим

движениями. Они подвергались ожесточенным нападкам со стороны В. И. Ленина и его последователей, клеймивших их как реформистов, прикрывавшихся левой фразеологией.

556. Имеется в виду работа В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916), в которой автор считал империализм (монополистический капитализм) не только высшей, но и последней стадией капитализма, кануном социалистической революции. Сформулировав пять признаков империализма, которые логические частично покрывали друг друга, Ленин догматически утверждал, что империализму свойственны паразитизм, загнивание и политическая реакция, подверг грубой критике теории империализма Д. Гобсона, Р. Гильфердинга и др. Приспосабливая ленинские высказывания к своим потребностям, Сталин утверждал, что из книги Ленина вытекает вывод о одновременности революций в различных странах и о возможности победы социалистической революции и построения социализма первоначально в одной отдельно взятой стране.

557. *Фома Аквинский* (1225 или 1226 – 1274) – теолог и философ. Систематизировал основные положения схоластики на базе учения Аристотеля, сформулировал доказательства бытия бога. Признавал относительную самостоятельность естественного бытия и разума.

558. *Лукач Дьёрдь* (1885–1971) – венгерский политический деятель, философ и литературный критик. С 1918 г. коммунист. В 1919 г. был наркомом по делам культуры Венгерской советской республики. После разгрома советской власти эмигрировал. В 1980–1945 гг. жил в Москве. Лукач опубликовал ряд работ, в которых пытался преодолеть догматическую. Ограниченность марксистско-ленинской философии и литературоведения. Подвергался за это нападкам, но остался на свободе. Возвратившись в Венгрию после Второй мировой войны, продолжал позволять себе «свободомыслие» в рамках марксистской парадигмы. В 1956 г. поддержал правительство Имре Надя, возникшее в ходе революционных событий. В конце 50-х – 60-е годы вновь подвергся политическим нападкам как «идеалист» «ревизионист» и т.д. Д. Лукач – один из немногих философов-марксистов, чьи труды ценит мировая наука.

559. Как уже отмечалось, этот документ был написан в феврале 1848 г.

560. *Катедер-марксисты* – термин, примененный автором на основании распространенного в марксистских кругах термина «катедер-социалисты» (от немецкого слова *Kathedern* – кафедра). Катедер-социалистами называли группу немецких интеллектуалов, в основном профессоров университетов 60–70-х годов XIX в. (Г. Шлюмер, Л. Brentano, А. Вагнер и др.), которые считали возможным осуществление социализма мирным путем при помощи государственных реформ.

561. *Бернштейн Эдуард* (1850–1932) – один из лидеров Социал-демократической партии Германии и II Интернационала, в 1881–1830 гг. редактор газеты «Социал-демократ». Неоднократно был депутатом рейхстага. В конце XIX в. выступил с призывом в ревизию, критическому пересмотру устаревших положений марксизма и в брошюре «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» обосновал необходимость отказа от некоторых его положений (об абсолютном и относительном обнищании пролетариата, обострении классовой борьбы, необходимости диктатуры пролетариата и т. д.). Положение Бернштейна «Движение все, конечная цель ничто» формулировало взгляды умеренной части социал-демократии. В этом смысле Берштейн был виднейшим предшественником современного социалистического движения. Левые социал-демократы и особенно экстремисты во главе с В. И. Лениным клеймили Бернштейна как реформиста и «ревизиониста».

562. *Белинский Виссарион Григорьевич* (1811–1848) – русский литературный критик и публицист, автор многочисленных статей в журналах «Отечественные записки» и «Современник». Разрабатывал принципы реалистической эстетики, защищал идеи натуралистической школы – литературного направления, критически относившегося к современной действительности.

563. *Добролюбов Николай Александрович* (1836–1861) – русский литературный критик и публицист. Занимал левые политические позиции, выступал за ликвидацию монархии и крепостного права, пропагандировал идеи крестьянской революции. Отстаивал реализм художественной литературы. Был автором сатирических стихов и пародий.

564. *Чернышевский Николай Гаврилович* (1828–1889) – русский писатель, ученый и революционный деятель. Был руководителем революционного движения интеллигенции конца 50-х – начала 60-х годов. В 1862 г. арестован и до 1883 г. находился в заключении и в ссылке. В трудах по философии, поли-

тический экономии, социологии выдвинул концепцию перехода России к социализму через крестьянскую общину. Автор романов «Что делать?» и «Пролог», в которых созданы идеализированные образы революционеров.

565. Имя математика или естествоиспытателя Юффона не удалось обнаружить в специальных справочных изданиях. Видимо, Л. Д. Троцкий перепутал фамилию.

566. *Шекспир Уильям* (1564–1616) — английский драматург и поэт. Автор жизнеутверждающих трагедий, комедий и исторических хроник, романтизированных драм. Шекспир создал глубоко лирические поэмы и сонеты. Его творчество — величайший вклад в развитие человеческой культуры.

567. Так в документе. По смыслу «в свет».

568. Так в документе. По смыслу «идей».

569. *Аристотель* (384–322 до н.э.) — древнегреческий философ, ученик Платона. Воспитатель Александра Македонского. Сочинения Аристотеля охватывают все основные области знания. Он был основателем формальной логики, разрабатывал учение об основных принципах бытия: возможности и реальности, форме и материи, причине и цели. Центральными принципами этики Аристотеля были разумное поведение и умеренность. Наилучшими формами государства он считал монархию, аристократию, умеренную демократию, наихудшими — тиранию, олигархию, охлократию (господство толпы). Под влиянием учения Аристотеля находились многие философские течения вплоть до XVII–XVIII вв.

570. *Бебель Август* (1840–1913) — один из основателей (1869) и долгие годы руководитель Социал-демократической партии Германии, один из лидеров II Интернационала. Был депутатом рейхстага. Подвергался репрессиям. Около шести лет пробыл в заключении. Занимая центристские позиции, подвергал критике «ревизионистов» марксистской теории, но считал недопустимым их изгнание из партии.

571. *Адлер Виктор* (1852–1918) — один из организаторов и руководителей Социал-демократической партии Австрии, автор ее первой программы. В 1918 г. был министром иностранных дел. Был одним из авторов идеи культурно-национальной автономии народов Австро-Венгерской империи, с помощью которой надеялся найти конструктивное решение национальной проблемы.

572. *Лафарг Поль* (1842–1911) — французский политический деятель, социалист. Один из основателей Французской рабочей партии, сторонник К. Маркса. Автор трудов по философии, политической экономии и другим гуманитарным дисциплинам. Вместе со своей женой Лаурой (дочерью Маркса) покончил жизнь самоубийством, полагая, что в связи со старостью он не сможет в будущем вести активную работу в социалистическом движении.

573. Имеется ввиду введение в состав редколлегии газеты «Правда» в качестве редакторов язык сталинистов Г. И. Крумина и М. А. Савельева взамен учеников Бухарина.

574. *Чартизм* — политическое течение в Великобритании в 30–50-е гг. XIX в. опиравшееся на рабочее движение. В 1838 г. чартисты выдвинули законопроект («народная хартия»), направленный на демократизацию избирательной системы. В 1840 г. была основана Национальная чартистская ассоциация. В следующие годы в парламент вносились петиции с требованиями введения всеобщего избирательного права для мужчин, ограничения рабочего дня, повышения заработной платы и т.д., которые неизменно отвергались. Чартистский конвент 1851 г. выдвинул социалистические требования. В следующие годы движение постепенно ослабело и сошло со сцены.

575. Что имел в виду Троцкий в этой фразе (какую страну — Англию или Америку — он считает победительницей и какую побежденной, в чем именно), авторы примечаний понять не смогли.

576. Имеется в виду доклад И. В. Сталина «Об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б)».

577. «*Laissez faire, laissez passer*» («Пусть само делается, пусть идет само собой» (*франц.*) — девиз французских физиократов.

578. «Получается старый лозунг французских либералов: «Лессе фер, лессе пассе», т. е. не мешайте буржуазии делать свое дело, не мешайте буржуазии двигаться свободно. Этот лозунг выставляли старые французские либералы во время Французской революции, во время борьбы с феодальной властью, которая стесняла буржуазию и не давала ей развиваться (Сталин. Речь на ноябрьском пленуме ЦК ВКП 19 ноября 1928 г.— Правда, № 273). Хотят свою образованность показать.— *Примеч. автора.*

579. *Фритредеры* — участники движения английской промышленной буржуазии за свободу торговли (free trade). Движе-

ние возникло в Манчестере в последней трети XVIII в. и распространилось не только в Великобритании, но и в других странах. Основным требованием фритредеров было невмешательство государства в частнопредпринимательскую деятельность.

580. *Протекционизм* — государственная экономическая политика, направленная на защиту национальной экономики от иностранной конкуренции. Средства протекционизма — финансовое поощрение отечественной промышленности, стимулирование экспорта, ограничение импорта, в частности путем высоких пошлин на ввозимые товары.

581. *Первый Интернационал* (официальное наименование Международное товарищество рабочих) — международная организация (1864—1876). В Интернационале шла острая борьба марксистского, прудонистского, лассальянского, бакунинского течений. К началу 70-х годов победу удалось сдержать Марксу. В 1972 г. в связи с упадком деятельности Интернационала в Европе его руководящие органы были перенесены в США и организация фактически перестала функционировать, хотя формально просуществовала еще четыре года. В рамках I Интернационала началось формирование социал-демократических партий отдельных стран.

582. *Ветхий Завет* — составная часть Библии — сборника сочинений VIII в. до н.э. — 2 в. н.э. Ветхий Завет является священным писанием и множество легендарных и исторических повествований.

583. Эпоха реакции — отношение к Марксу и Ленину. Примеры сталинских теорий. — Приписка Л. Д. Троцкого на полях.

584. *Флогистон* (воспламеняющийся, горючий — греч.) — по представлениям химиков конца XVII—XVIII в., составная часть вещества, которую оно теряет при горении. Эта гипотеза была опровергнута трудами французского химика А. Лавуа.

585. *Витализм* — течение в биологии, признающее существование в живых организмах нематериальной силы (души, энтелихии, жизненной силы и др.), управляющей жизненными явлениями.

586. См. определение политического смысла этих понятий в нашей «Критике проекта программы Коминтерна», которая сохраняет всю свою силу и в качестве критики самой программы. — *Примеч. автора.*

«Критика программы Коммунистического Интернационала» опублик. в кн.: *Троцкий Л.* Коммунистический Интернационал после Ленина. М., 1993, с. 64—233.

587. Имеется ввиду работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» (1909), направленная против философов Э. Маха и Р. Авенариуса, разрабатывавших, в числе других авторов, теорию эмпириокритицизма, полагавших, что без субъекта не существует объекта, что мир — комплекс ощущений и задача науки — их описание. В книге подвергались грубой, мало доказательной критике российские социал-демократы А. А. Богданов, А. В. Луначарский и др.

588. «*Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом*» — работа Ф. Энгельса (1878), содержащая критику взглядов немецкого философа Дюринга. Энгельс попутно дал свою схему развития философии и изложил понимание Марксом и им самим диалектики, проблем материи и сознания, а также экономической теории и социологии Маркса.

589. *Сихофант* — в Древней Греции число, сообщавшее о заперении вывода смоквы (инжира) из Аттики. С V в. до н.э. так называли профессиональных доносчиков и клеветников. Термин приобрел стабильный международный характер, став нарицательным.

590. *Народничество* — идеология и политическое движение революционной интеллигенции в России второй половины XIX в. Народники выступали против развития России по капиталистическому пути, за крестьянскую революцию. Непосредственными идейными предшественниками народничества были А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, главными идеологами М. А. Бакунин, П. Л. Лавров., П. Н. Ткачев. Основные организации — «Земля и воля», «Народная воля», «Черный передел». В начале XX в. народники положили начало Партии социалистов-революционеров.

591. Государственный автомобильный завод (ГАЗ) был основан в 1919 г. под названием АМО. Позже носил имя Сталина, а затем Лихачева. В 70-е годы — 90-е годы головное предприятие производственного объединения ЗИЛ.

592. *МГСРС* — Московский городской совет профессиональных союзов.

593. ТСХА расшифровать не удалось.

594. *Держинский Феликс Эдмундович* (1877–1926) — деятель польского социалистического движения, советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1895 г. С 1917 г. председатель ВЧК (с 1922 г. ГПУ, затем ОГПУ), с 1924 г. председатель ВСНХ.

595. В верхней части первого листа документа рукой Троцкого написано: «Видимо, Солнцев». Солнцев Элеазар — ссыльный оппозиционер. Сведений о нем обнаружить не удалось (известно лишь, что он умер во время голодовки в новосибирской тюремной больнице в январе 1936 г.). Автором «Письма из Берлина» Солнцев быть не мог. Какова связь между надписью Троцкого и письмом, не ясно.

596. Так в тексте.

597. *Social-Demokratische Partei Deutschlands (SPD)* — Социал-демократическая партия Германии — *нем.*

598. Утрачено слово, очевидно, на немецком языке.

599. Речь идет о том, что в 1928 г. германское правительство Г. Мюллера начало строительство броненосца А — первого в серии кораблей данного типа, что означало восстановление военной мощи Германии. Компартия и другие левые силы развернули широкую пропагандистскую кампанию против этой акции. Кампания оказалась безуспешной.

600. «Прежде, чем объединяться, и для того чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться» (*Ленин В. И.* Заявление редакции «Искры». — Соч., изд. 5, т. 4, с. 358).

601. Имеется в виду М. Истмен.

602. Инициалы расшифровать не удалось.

603. Книга Л. Д. Троцкого «*Real Situation in Russia*» («*Действительное положение в России*» — *англ.*) была выпущена в Нью-Йорке издательством Harcourt, Prace and Co в марте 1928 г. Книга содержала статьи и выступления. Перевод и подготовку к печати осуществил М. Истмен.

604. Инициал Л. расшифровать не удалось.

605. Речь идет о журнале Magazine — журнал (*англ.*).

606. Так в тексте. Смысл не ясен. Судя по содержанию абзаца, речь идет о газете или журнале, выпускавшейся в США сторонниками левокоммунистической оппозиции.

607. Выяснить, что собой представлял упомянутый Штейнберг, не удалось.

608. *Балабанова Анжелика Исаковна* (1877 или 1878 — 1965) — писательница, деятельница социалистического и коммунистического движения. Из России. Получила высшее образование в Германии. С конца XIX в. жила в Италии, где вступила в социалистическую партию, была избрана в ее ЦК и стала одним из руководителей социалистической газеты «Аванти» в 1912 г. Поддерживала тесные политические и личные контакты с Б. Муссолини. Участвовала в циммервальдовском движении. Летом 1917 г. приехала в Россию, вступила в большевистскую партию. С 1919 г. работала в органах Коминтерна. Вскоре разочаровалась в политике советского руководства и в 1921 г. покинула Россию. В 20–30-е годы жила в Вене и Париже, затем в США. Публиковала поэтические произведения и политическую публицистику. После войны возвратилась в Италию. Написала несколько мемуарных книг.

609. В данном виде аббревиатуру расшифровать не удалось. Можно предположить, что в тексте допущена ошибка и речь идет о Социалистической рабочей партии США (Socialist Workers Party), основанной в 1876 г. В 1919 г. часть членов партии, выйдя из нее, присоединилась к коммунистическому движению. Социалистическая рабочая партия сохранилась как малочисленная группа, связанная с левой интеллигенцией.

610. Видимо, идет речь о газете «*Tagliche Volkszeitung*» («Ежедневная народная газета»), издававшейся на немецком языке в г. Омаха, штат Небраска (США) немецкими социалистами-эмигрантами в 1928–1941 гг. Газета несколько раз меняла названия.

611. У — инициал, который расшифровать не удалось.

612. Одно слово пропущено, видимо, название города или страны.

613. Идентифицировать лицо под именем «Борис» не удалось.

614. *Монатт Пьер* (1881–1960) — деятель французского социалистического и коммунистического движения. Коммунист с 1923 г. В 1924 г. был исключен из компартии за синдикалистские взгляды. В 1925 г. основал журнал «*La Revolution Proletarienne*» («*Пролетарская революция*» франц.), носивший синдикалистский характер. Журнал выходил до смерти Монатта.

615. Так в тексте. Слово пропущено.

616. Одно слово пропущено.

617. Речь идет о подавлении восстания в Марокко.

618. *Arbeitsgemeinschaft* — рабочее сообщество (*нем.*).

619. «*Redressement*» («Очищение» — *франц.*) — бюллетень, издававшийся недолгое время А. Трэнном во второй половине 20-х годов.

620. Речь идет о публикациях документов Л. Д. Троцкого в связи с VI конгрессом Коминтерна.

621. Речь идет о крупной растрате средств в гамбургской организации компартии Германии, в причастности к которой правые деятели компартии обвиняли Э. Тельмана, ранее возглавлявшего эту организацию, тем более, что Тельман долгое время брал под защиту лиц, виновных в растрате, с которыми у него были близкие личные отношения.

622. *Laul* — берлинское издательство второй половины 20-х годов.

623. Сокращенную фамилию «В-ов» идентифицировать не удалось.

624. Речь идет о проектировавшейся международной конференции левых организаций и деятелей, сочувствовавших объединенной оппозиции в СССР, которые были исключены из компартий или сами порвали с ними.

625. *Колчак Александр Васильевич* (1873—1920) — российский адмирал. В 1916—1917 гг. командующий Черноморским флотом. Один из руководителей вооруженной борьбы против советской власти. Был провозглашен верховным правителем России (1918—1920). Расстрелян большевиками.

626. Автор документа неизвестен.

627. Сводка опубликована в настоящем томе.

628. *Алексеев Петр Александрович* (1849—1891) — русский рабочий, участник народнического движения. Известен речью на суде, проникнутой верой в будущую революцию.

629. *Свердловец* — слушатель Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова.

630. См. предыдущий документ.

631. Хлебозаготовительный кризис 1927—1928 гг. был вызван комплексом причин и не сводился, как заявляли Сталин и близкие к нему деятели, к саботажу со стороны кулачества. Обширные данные о кризисе и его причинах приведены в книге: Reiman M. Op. cit. Согласно докладу наркома земледелия Кубяка Рыкову от 19 марта 1928 г., опубликованному в приложениях к книге, за первую половину марта было получено лишь 30% намечаемых хлебозаготовок (*Ibid.*, p. 148). Кризис показал глубину противоречий между ограниченной рыночной по-

литикой, проводившейся во время нэпа, и сущностью всевластия ВКП(б), закодированного «диктатурой пролетариата». Российский драматург и историк Э. Радзинский уместно замечает: «Семидесятью годами позже случай Горбачева вновь доказал, что тюрьма не может самофинансироваться. Однопартийное управление не могло выжить даже при элементарной экономической свободе» (Rdzinsky E. Stalin. New York, Doubleday, 1966, p. 232) Сталин использовал экономический кризис 1927—1929 гг. для развязывания кровавой «революции сверху».

632. *Лаплас Пьер Симон* (1749—1827) — французский астроном, математик, физик. Автор трудов по теории вероятности, небесной механике, дифференциальным уравнением и другим отраслям знания. Многие открытия Лапласа названы его именем (Закон Лапласа, оператор Лапласа, уравнение Лапласа).

633. Так в документе. Возможно, следует читать «хлебозаготовок, чтобы показать обеспеченность».

634. Цитата из речи Бухарина отсутствует.

635. Цитата в документе отсутствует.

636. Цитата отсутствует.

637. На XII съезде РКП(б) (17—25 апреля 1923 г.) Л. Д. Троцкий выступил с докладом о промышленности, в котором поставил вопрос об ускорении индустриального развития СССР. Троцкий заявил о существовании «ножниц цен» на продукты сельского хозяйства и промышленности и о необходимости их преодоления путем снижения заготовительных цен на сельскохозяйственную продукцию.

638. Фраза не окончена.

639. Так в документе. Видимо, следует читать «слой людей».

640. Опубл. в книге Л. Д. Троцкого «Письма из ссылки. 1928», с. 155—176. Документ называется «Беседа начистоту с доброжелательным партийцем».

641. Имеется ввиду документ «Июльский пленум и правая опасность. (Послесловие к письму «Что же дальше?»).

642. По-видимому, не соответствует истине утверждение, что Бухарин вступил в переговоры с Каменевым «от имени тройки» (то есть не только от своего имени, но и от имени Рыкова и Томского). Во всяком случае, опубликованные тексты (*Фельдшпильский Ю. Г.* Разговоры с Бухариным: Комментарии к воспоминаниям А. М. Лариной (Бухариной) «Незабываемое» с приложениями. М., изд-во гуманитарной л-ры 1993, с. 30—37) оснований для такого предположения не дают.

643. Надо отметить, что известная часть правых, добросовестно обманутая и доведившая свой «троцкизм» до конца, т.е. до устрядовщины, может повернуть и к нам. Но это будет, конечно, лишь маленькое меньшинство. Генеральная линия правых ведет в противоположном направлении. Ожидать прироста мы должны главным образом за счет центристских рядов, вернее сказать, за счет той недифференцированной массы рабочих-партийцев, которые составляют автоматическую опору центризма.— *Примеч. автора.*

644. Так в тексте. Имеется в виду либо «решения и действия», либо «решения действовать».

645. «Крокодил» — сатирический журнал, начавший выходить в издательстве газеты «Правда» в 1922 г. Широко использовался советскими властями для создания социально-психологической атмосферы, благоприятной проведению сталинского курса.

645. В Третьей Государственной Думе (1 ноября 1907 — 9 июня 1912 г.) было большинство депутатов от правых партий и октябристов (из 422 депутатов 154 примыкал к Союзу 17 октября и 147 к различным правым группам, кадеты имели 54 места и социал-демократы 32). Большевики совместно с меньшевиками входили в единую социал-демократическую фракцию.

647. Работа Л. Д. Троцкого «Китайский вопрос после VI конгресса» датирован 4 октября 1928 г. (*Троцкий Л.* Коммунистический Интернационал после Ленина: Великий организатор поражений, с. 234—280).

648. Отмечу, кстати, что и здесь слово «перевооружение», как и в «Предисловии» 1922 г. к книге «1905», как и во многих других случаях, употреблено мною не в смысле отвержения старой линии как ошибочной, а в смысле своевременной и крутой смены центрального лозунга в соответствии с переменной обстановки (примечание главным образом для т. Радека).— *Примеч. автора.*

649. Ирония. Намек на то, что ОГПУ перлюстрирует и похищает письма Троцкого и других ссыльных.

650. *Дудэонат* — власть военных группировок в китайских провинциях.

651. Лозунг «пяти палат» Сунь Ятсена был провозглашен в его заявлении от 12 апреля 1924 г. Он был основан на принципе демократии основанной на «пятысилловой конструкции». Смысл ее состоял в том, что центральное правительство должно быть разделено на пять самостоятельных органов

(юаней), добавив к законодательной, исполнительной и судебной властям, заимствованным из политической системы США, палаты контроля и цензуры, существование в китайской политической традиции в течение долгого времени. Сунь Ятсен обращал внимание на необходимость сохранения власти в руках революционных партий в течение продолжительного периода. Эти принципы легли в основу организации центрального правительства в Нанкине в 1928 г.

652. *Восточный вопрос* — комплекс международных противоречий, дипломатических и военных акций, национально-освободительных движений в XVIII — начале XX в., связанных с кризисом и намечавшимся распадом Османской империи, борьбой европейских держав за раздел ее владений. Восточный вопрос оказался исчерпанным после Первой мировой войны в связи с потерей Турцией ее европейских, азиатских и африканских владений и образованием национальной Турецкой республики.

653. Для всей истории советской внешней политики был характерен партийно-государственный «дуализм» с решительным преобладанием партийных установок на подрыв «мировой капиталистической системы», использование с этой целью компартий капиталистических стран как главной подрывной агентуры Москвы. В то же время эти установки маскировались Наркоминделом (с 1916 г. МИДом), проводившим, якобы, курс на развитие взаимовыгодных отношений с ведущими странами мира — политику «мирного сосуществования» и т.д. Когда представители западных держав обращали внимание на подрывную деятельность советской агентуры, излюбленным приемом оправдания были ссылки на то, что она проводится не по государственной линии, разговоры об «отдельности Коминтерна» и т.п. Именно так следует понимать высказывания о том, что дипломатия стремится освободиться от «компрометирующего соседства Коминтерна». Видный американский историк Р.Пайпс пишет: «На одном уровне — уровне государства — оно (советское государство — *авторы примечаний*) проводило формально корректную внешнюю политику, соблюдая принятые дипломатические стандарты. На другом уровне — уровне партии — оно проводило крайне неортодоксальную внешнюю политику, обращаясь через голову правительств непосредственно к их гражданам с подстрекательскими лозунгами. Когда другие государства протестовали против такого поведения, Комиссариат иностранных дел отмечал, что большевистская партия — это частная организа-

ция, за которую советское правительство не несет ответственности. Уловка обманывала немногих, но она создавала «уважительную причину» для других государств, которые по тем или иным критериям считали целесообразным иметь дело с советским правительством» (*Pipes R. A Concise History of the Russian Revolution*. New York, Alfred A. Knopf, 1995, p. 167).

654. Исполняющий обязанности наркома иностранных дел М. М. Литвинов выступил на IV сессии ЦИК СССР 4-го созыва с докладом о международных отношениях 10 декабря 1928 г. Доклад и резолюция были выдержаны в сравнительно мирных тонах, хотя содержали требование «внимательно наблюдать за всеми попытками, направленными к нарушению мира и вовлечению человечества в новую бойню...» (Документы внешней политики СССР. М., Политиздат. 1966, т. 11, с. 609).

655. Речь идет о военных столкновениях между Боливией и Парагваем за спорные земли, продолжавшиеся длительное время. Настоящая война возникла позже (1932–1935). Боливия потерпела поражение и потеряла значительную часть территории, богатой оловом, селитрой и нефтью.

656. *Клайвс Джон Роберт* (1869–1949) — британский политический деятель, один из лидеров Лейбористской партии. Министр в 1924 г. и 1929–1931 гг. Председатель Национального союза рабочих государственных и муниципальных предприятий (1912–1937).

657. *Вильсон Томас Вудро* (1856–1924) — президент США в 1913–1921 гг. от Демократической партии. По профессии историк, автор ряда научных трудов. Будучи президентом, провел ряд законов либерально-демократического характера. Был инициатором вступления США в Первую мировую войну в 1917 г. В январе 1918 г. выдвинул программу мира («Четырнадцать пунктов»), носившую в целом демократический характер, но в то же время содержавшую претензии на более активную руководящую роль США в мире.

658. В документе «его».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамский 227, 405 (ч. 1), 9 (ч. 2)
 Авенариус Р. 355 (ч. 2)
 Авилов — см. Глебов-Авилов Н. П. 6—7, 364 (ч. 1)
 Агальцов 43 (ч. 1)
 Адамов 291 (ч. 1)
 Адлер В. 173, 310, 352 (ч. 2)
 Адлер М. 349 (ч. 2)
 Айхенвальд А. 400 (ч. 1)
 Аксаков И. С. 335 (ч. 2)
 Аксельрод П. Б. 55, 195, 196, 413 (ч. 1)
 Александр Македонский 396 (ч. 1), 352 (ч. 2)
 Алексеев П. А. 219, 221, 358 (ч. 2)
 Алексинский Г. А. 379 (ч. 1)
 Алимин 320 (ч. 1)
 Альский А. О. 106 (ч. 2)
 Альтер 54 (ч. 2)
 Альфонсо 319, 418 (ч. 1)
 Андреев А. А. 206, 208 (ч. 1)
 Анненский Н. Ф. 411 (ч. 1)
 Анохин 343 (ч. 1)
 Армстронг 399 (ч. 1)
 Аристотель 172, 350, 352 (ч. 2)
 Асташев 202 (ч. 2)
 Астров В. И. 83, 163, 210, 212, 400 (ч. 1), 23 (ч. 2)
 Бабурин 187 (ч. 2)
 Бакунин М. А. 374, 397 (ч. 1), 162, 173, 347, 348, 355 (ч. 2)
 Балабанова А. И. 196, 357 (ч. 2)
 Балакирев 213 (ч. 2)
 Барбэ А. 138 (ч. 2)
 Барский 327 (ч. 1)
 Барышев 54 (ч. 2)
 Бауман К. Я. 204, 207, 209, 212 (ч. 1), 338 (ч. 2)
 Баумгарнер 129 (ч. 1)
 Бауэр О. 304 (ч. 1), 349 (ч. 2)
 Бебель А. 173, 278, 310, 352 (ч. 2)
 Белинский В. Г. 170, 351 (ч. 2)
 Белобородов А. Г. 229 (ч. 1), 7, 106, 115, 333 (ч. 2)
 Бендеровский 58 (ч. 1)
 Беннет 19, 50, 280, 319, 336 (ч. 1)
 Бернштейн Э. 170, 173, 310, 351 (ч. 2)
 Бетхер 129 (ч. 1)
 Бисмарк фон Шенхаузен О. 231, 407 (ч. 1)
 Биттельман А. 327, 421 (ч. 1)
 Богданов А. А. 379 (ч. 1), 334, 355 (ч. 2)
 Бонапарт Л. Н.— см. Наполеон III
 Бонапарт Н.— см. Наполеон I
 Бордига А. 130 (ч. 1)
 Бородин М. М. 378 (ч. 1)
 Бранд Х. 313, 327, 333, 418 (ч. 1)
 Брандлер Г. 17, 138, 374 (ч. 1), 196 (ч. 2)
 Brentano Л. 143, 304, 345, 351 (ч. 2)
 Бриан А. 404 (ч. 1)
 Брюханов Н. П. 107, 383, 407 (ч. 1)
 Бубнов А. С. 347, 360, 361, 426 (ч. 1)
 Бутов Г. 106, 342 (ч. 2)
 Бухарин Н. И. 15, 16, 17, 21—23, 26—40, 42—45, 51, 61, 69, 70, 87, 95—100, 123—125, 127, 130, 131, 135, 138, 139, 140, 141, 143, 144, 171, 204, 208—212, 236, 255, 277, 279, 281, 286, 287, 293—299, 300—304, 306—323, 327, 328, 331—336, 352, 356, 363, 367, 368, 370—376, 380, 385, 400, 403, 414, 416, 418, 419, 421—423 (ч. 1), 19—30, 32—46, 68, 98, 105, 106, 111, 122—124, 148, 154, 162, 168, 224, 225, 232, 235, 237,

- 240, 265, 300, 334, 337, 340 – 344, 354, 358 (ч. 2)
 Бухарцева В. 121, 384 (ч. 1)
 Вагнер А. 351 (ч. 2)
 Вайнкоп Д. 335 (ч. 1)
 Вальхер Я. 124, 385 (ч. 1)
 Ван-Оверштратен Е. 130 (ч. 1)
 Ванцетти Б. 358, 426 (ч. 1)
 Ван Цзинвей 47, 53, 324 (ч. 1)
 Варга Е. 36, 100 (ч. 1)
 Вардин И. В. 77, 114, 118 (ч. 1)
 Варейкис И. М. 209 (ч. 1)
 Варский А. 333 (ч. 1)
 Васильев Б. Н. 122, 135, 212 (ч. 1)
 Васильев, сотрудник ЦК ВКП(б) 351, 426 (ч. 1)
 Васильев, секретарь Московского комитета комсомола 352, 398 (ч. 1)
 Васин 343 (ч. 1)
 Вебер 129 (ч. 1)
 Вернадский Г. В. 339 (ч. 2)
 Ветцер 137, 138, 387 (ч. 1)
 Виккерс 193, 399 (ч. 1)
 Виленский-Сибиряков В. Г. 5, 106 (ч. 2)
 Вили 138 (ч. 1)
 Вильсон Т. В. 246, 362 (ч. 2)
 В-ов 200, 358 (ч. 2)
 Воровский 124 (ч. 1)
 Ворошилов К. Е. 208, 212, 255, 288, 356, 358 (ч. 1), 98, 105, 148 (ч. 2)
 Врачев И. Я. 9, 76, 231, 232, 245, 246, 400 (ч. 1), 12, 333 (ч. 2)
 Вуйович В. 118 (ч. 1), 5, 12 (ч. 2)
 Вурм 422 (ч. 1)
 Вязниковцев 5 (ч. 2)
 Гаврилин 344 (ч. 1)
 Гаммер – деятель компартии Германии 124, 341, 346 – 348, 361 (ч. 1)
 Гаммер – см. Хаммер А. 425 (ч. 1)
 Ганецкий Я. С. 173, 264, 394 (ч. 1)
 Ганнибал 393 (ч. 1)
 Гапон Г. А. 147, 151, 390, 391 (ч. 1)
 Гарденберг К. 158 (ч. 1)
 Гегель Г. В. 178, 405 (ч. 1), 153, 163 (ч. 2)
 Гед 310 (ч. 2)
 Гейне Г. 416 (ч. 1)
 Геман 138 (ч. 1)
 Гендерсон А. 19, 49, 51, 368 (ч. 1)
 Герострат 370 (ч. 1)
 Герцен А. И. 355 (ч. 2)
 Гете И. В. 368 (ч. 1), 170, 173 (ч. 2)
 Гильфердинг Р. 142, 310 (ч. 1), 167, 170, 349, 350 (ч. 2)
 Гинденбург П. 303, 419 (ч. 1)
 Гинзбург А. М. 50, 77, 339 (ч. 2)
 Гитлер А. 417 (ч. 1), 343 (ч. 2)
 Глинский 228 (ч. 1)
 Гобсон Д. 40, 375 (ч. 1), 350 (ч. 2)
 Гоголь Н. В. 381, 384 (ч. 1)
 Голощекин Ф. И. 207, 401 (ч. 1)
 Гольденберг Э. 3. 26, 204, 370 (ч. 1)
 Горбачев М. С. 359 (ч. 2)
 Гордый 399 (ч. 1)
 Гоц А. Р. 248, 409 (ч. 1)
 Грав Ж. 40, 375 (ч. 1)
 Гречушкин 190, 220, 221 (ч. 2)
 Григорьев Н. А. 415 (ч. 1)
 Губкин И. М. 336 (ч. 2)
 Гудкова 102 (ч. 1)
 Гулов Г. 322 (ч. 2)
 Гусев С. И. 62, 125 (ч. 2)
 Гусев 362, 427 (ч. 1)
 Гучков А. И. 175, 183, 267, 268, 272 (ч. 1)
 Гюнтер Г. 369 (ч. 1)
 Далин В.
 Дарвин Ч. Р. 164, 172, 348 (ч. 2)
 Дан 317 (ч. 2)
 Дамокл 364 (ч. 1)
 Дауэс Ч. Г. 34, 373, 378 (ч. 1)
 Дашковский И. К. 81 (ч. 1)
 Деборин А. М. 367 (ч. 1), 337 (ч. 2)
 Дейч Л. Г. 413 (ч. 1)
 Делюсин Ф.
 Джан Готао 336, 424 (ч. 1)
 Дзержинский Ф. Э. 189, 296, 300, 302, 356 (ч. 2)
 Димитров Г. 336, 424 (ч. 1)
 Дингельштедт Ф. Н. 4, 72, 76, 220, 232, 244, 265, 272, 273, 364 (ч. 1)
 Дионисий Старший 364 (ч. 1)
 Добролюбов Н. А. 170, 351 (ч. 2)
 Догадов А. И. 121, 122, 255, 385 (ч. 1)
 Доде А. 336 (ч. 2)
 Дорио Ж. 138, 211, 387 (ч. 1)
 Достоевский Ф. М. 407 (ч. 1)
 Дугачев М.
 Дункер Г. 97, 98, 385 (ч. 1)
 Дурново П. Н. 192, 401 (ч. 1)
 Дюдилье 138 (ч. 1)
 Дюринг О. 322, 420 (ч. 1), 355 (ч. 2)
 Емшанов 300 – 302 (ч. 2)
 Енукидзе А. С. 255, 342, 343 (ч. 1)
 Ермолин 202 (ч. 2)
 Ефретов 113, 384 (ч. 1)
 Жиро С. 328, 335, 422 (ч. 1)
 Жозеф Ж. 138 (ч. 1)
 Жордания Н. Н. 156, 346 (ч. 2)
 Жорес Ж. 391 (ч. 1)
 Жук А. Б. 188 (ч. 2)
 Жуликов 122 (ч. 1)
 Зайцев А. Д. 212, 400, 403 (ч. 1)
 Зарге 4, 5 (ч. 2)
 Засулич В. И. 413 (ч. 1), 156, 347 (ч. 2)
 Зингер 310 (ч. 2)
 Зиновьев Г. Е. 7, 28, 37, 78, 127, 129, 130, 143, 163, 166, 189, 213, 219, 221 – 223, 240, 295, 296, 316, 328, 364, 379, 380 (ч. 1), 17, 23, 162, 168, 176, 200, 344, 345 (ч. 2)
 Иванов Н. И. 7, 366 (ч. 1)
 Иванов 207 (ч. 1)
 Икрамов А. И. 100, 383 (ч. 1)
 Иловайский Д. И. 27, 335 (ч. 2)
 Ионин
 Истмен М. 356 (ч. 2)
 Ищенко А. Г. 76, 79, 88, 113, 114, 118, 241, 245, 246, 380, 406 (ч. 1), 9, 51 (ч. 2)
 Каганович Л. М. 98, 208, 255, 341 (ч. 1), 123, 130, 339 (ч. 2)
 Калинин М. И. 210, 212, 214, 255, 283, 285, 337, 352, 357 – 359, 407 (ч. 1), 98, 105 (ч. 2)
 Каменев Л. Б. 4, 5, 73, 74, 75, 78, 176, 183, 185, 187 – 189, 222, 240, 271, 281, 364, 368, 369, 379, 380, 392, 395, 397, 411 (ч. 1), 17, 232, 235, 237, 343, 344, 346, 359 (ч. 2)
 Каминский Г. Н. 209, 402 (ч. 1)
 Каминский 54 (ч. 2)
 Каплинский Л. 54 (ч. 2)
 Каплинский Ю. 54 (ч. 2)
 Карпинский В. А. 58, 83 (ч. 1)
 Каспаров В. Д. 115 (ч. 2)
 Катаяма С. 160, 347 (ч. 1)
 Каутский К. 32, 319 (ч. 1), 24, 170, 173, 310 (ч. 2)
 Кашен М. 138, 335, 388 (ч. 1), 160 (ч. 2)
 Кваренги Д. 396 (ч. 1)
 Квачадзе 188 (ч. 2)
 Квиринг Э. И. 208, 255 (ч. 1)

- Кейман 210 (ч. 1)
 Келлог Ф. Б. 213, 404, 423 (ч. 1), 241 – 245 (ч. 2)
 Кено Ф. 334 (ч. 2)
 Керенский А. Ф. 7, 263, 280, 412 (ч. 1)
 Керженцев П. М. 125, 343 (ч. 2)
 Кириенский И. В. 335 (ч. 2)
 Киров С. М. 203, 401 (ч. 1), 345 (ч. 2)
 Кисилев
 Китаев 54 (ч. 2)
 Кицис 209 (ч. 1)
 Клайн Д. Р. 245, 362 (ч. 2)
 Клемансо Ж. 192 (ч. 1)
 Клименко И. Е. 208, 401 (ч. 1)
 Ключевский В. О. 125, 343 (ч. 2)
 Коларов В. 313, 336, 418 (ч. 1)
 Колечка Балаболкин — см. Бухарин Н. И. 14, 19, 367 (ч. 1), 236 (ч. 2)
 Коллонтай А. М. 46, 377 (ч. 1)
 Колчак А. В. 202, 358 (ч. 2)
 Комаров Н. П. 203, 208, 400 (ч. 1)
 Комаров 343 (ч. 1)
 Комиссаров 363 (ч. 1)
 Кондратьев Н. Д. 209, 381 (ч. 1), 25 (ч. 2)
 Косиор С. В. 107, 121, 208, 255 (ч. 1), 104 (ч. 2)
 Костржева В. 302, 327, 333, 416 (ч. 1)
 Костров Т. 212, 286, 351, 404, 414 (ч. 1)
 Коул Д. 40, 375 (ч. 1)
 Кофман 57 (ч. 2)
 Краваль И. 400 (ч. 1)
 Краснов П. Н. 366 (ч. 1)
 Креме Ж. 138, 389 (ч. 1)
 Кржижановский Г. М. 255, 407 (ч. 1), 46, 125, 335, 336, 339, 341 (ч. 2)
 Кривошин А. В. 192, 398 (ч. 1)
 Криницкий А. И. 212, 255, 351, 403 (ч. 1)
 Кропоткин П. А. 40, 374, 375 (ч. 1)
 Крумин Г. И. 212, 337 (ч. 1), 352 (ч. 2)
 Крупская Н. К. 100, 254, 380, 383 (ч. 1), 337 (ч. 2)
 Крылов 212 (ч. 1)
 Ксенофонтов Ф. А. 66, 83 (ч. 1), 345 (ч. 2)
 Кубяк Н. А. 209, 255, 381 (т. 3), 358 (ч. 2)
 Куйбышев В. В. 212, 288, 407 (ч. 1), 20, 51, 339, 341 (ч. 2)
 Куликов 351 (ч. 1)
 Кун Б. 415, 421 (ч. 1)
 Куно 279 (ч. 2)
 Купферблум 345, 346 (ч. 1)
 Куусинен О. В. 141, 143, 211, 319 – 321, 336, 403 (ч. 1)
 Кухарев 343 (ч. 1)
 Лавров П. Л. 355
 Лавуа А. 354
 Лапин Д. 14, 19, 20, 370, 372, 374 – 376, 378, 425 (т. 3)
 Лапинский С. 35, 425 (т. 3)
 Лаплас П. С. 223, 358 (ч. 2)
 Ларин Ю. 125, 342 (ч. 2)
 Ларина А. М. 359 (ч. 2)
 Лассаль Ф. 231, 385 (ч. 1), 157, 173 (ч. 2)
 Лафарг П. 173, 310, 352 (т. 4)
 Ла Фоллет Р. 381 (ч. 1)
 Лебедев 255, 344 (ч. 1)
 Лебедев 342 (ч. 2)
 Левине Э. 372 (ч. 1)
 Лежава А. М. 212, 407 (ч. 1)
 Леже 205 (ч. 1)
 Ленин В. И. 4, 5, 7, 8, 12, 14, 15, 20 – 25, 27 – 32, 36 – 39, 44 – 46, 49, 51, 56, 59, 65 – 70, 73 – 75, 77 – 79, 85, 87, 92, 93, 97, 116, 123, 127, 131 – 134, 145 – 148, 151 – 154, 159 – 167, 169 – 191, 193, 195 – 197, 206, 224, 228 – 231, 237, 238, 246, 248, 251, 256 – 285, 295, 308, 310 – 312, 316, 317, 319, 354, 367, 368 – 370, 372, 374, 376 – 378, 381 – 384, 386, 393 – 398, 400, 408 – 410, 414 – 416, 418, 421 (ч. 1), 9, 21 – 24, 29 – 31, 44, 52, 66, 99, 106, 112 – 114, 122, 138, 139, 141, 154 – 156, 159 – 161, 167 – 174, 179, 181, 184 – 186, 190, 192, 193, 218, 222, 250, 259, 265, 278, 280 – 283, 285, 287, 289, 300, 321 – 323, 328, 330, 333, 342, 343, 345, 347, 349, 350, 354, 356, 360 (ч. 2)
 Ленский — см. Лещинский Ю. 125, 327, 333, 389 (ч. 1)
 Лепешинский П. Н. 7 (ч. 1)
 Лещинский Ю. 389 (ч. 1)
 Либкнехт В. 381 (ч. 1), 310 (т. 4)
 Либкнехт К. 238, 398 (ч. 1), 213 (ч. 2)
 Лившиц Б. 256, 413 (ч. 1)
 Ли Лисань 427 (ч. 1)
 Литвинов М. И. 426 (ч. 1), 242, 245, 246, 361 (ч. 2)
 Лихачев И. А. 340, 428 (т. 3), 355 (ч. 2)
 Ллойд-Джордж Д. 401 (ч. 1)
 Лобов С. С. 50, 338 (ч. 2)
 Лобода 54 (ч. 2)
 Ловлер П.
 Ловстон Д. 336 (ч. 1)
 Лозовский С. А. 28, 42, 100 (ч. 1), 50 (ч. 2)
 Лозэрэ А. 138, 391 (ч. 1)
 Лолсвиль
 Ломинадзе Б. 135, 137 – 139, 141, 142, 204, 210, 211, 212, 320, 326, 352 (ч. 1)
 Ломов Г. И. 250 (ч. 1)
 Линкольн А. 334 (ч. 2)
 Лорио Ф. 193, 197 (ч. 2)
 Лукач Д. 168, 349, 350 (ч. 2)
 Лукин Н. М. 336 (ч. 2)
 Лукреций 53, 340 (ч. 2)
 Луначарский А. В. 254 (ч. 1), 354 (ч. 2)
 Львов Г. Е. 7, 182, 267 (ч. 1)
 Люксембург Р. 78, 95, 164, 165, 171, 196, 197, 238, 384, 398 (ч. 1), 54, 170 (ч. 2)
 Лядов М. Н. 283, 363, 364 (ч. 1), 45, 48, 125 (ч. 2)
 М.
 Магид М. 54 (ч. 2)
 Макдональд Д. Р. 18, 19, 49 – 51, 300, 325, 327 (ч. 1), 8, 245 (ч. 2)
 Мак-Магон М. 396 (ч. 1)
 Мандельштам Н. Н. 416 (т. 3), 67, 104, 108 (ч. 2)
 Мануильский Д. З. 100, 106, 131, 134, 135, 145, 204, 320, 321, 325, 329, 386, 422 (ч. 1)
 Марецкий Д. П. 15, 83, 403 (ч. 1), 11, 23 (ч. 2)
 Маркевич 83, 84 (ч. 1)
 Марков Н. Е. 257, 259, 263, 414 (ч. 1)
 Маркс В. 419 (ч. 1)
 Маркс К. 40, 69, 97, 99, 154, 155 – 164, 171, 177, 179, 189, 266, 274, 282, 311, 322, 368, 385, 395, 398, 406, 413, 416, 423 (ч. 1), 137, 156 – 159, 163 – 174, 178, 181, 182, 184, 186, 241, 281, 286, 301, 310, 346 – 348, 352 – 354 (ч. 2)

- Марти А. 138, 392 (ч. 1)
 Мартов Л. 195, 196, 402 (т. 3)
 Масарик Т. 124, 388 (ч. 1)
 Мартынов А. С. 51, 55, 135, 148, 195, 211, 320, 321, 415, 426 (ч. 1), 125 (ч. 2)
 Маслов А. 18, 304, 335 (т. 3)
 Мах Э. 354 (ч. 2)
 Михайловский В. К.
 Медведев А. В. 208, 404 (т. 3)
 Межлаук В. И.
 Мейер 138 (ч. 1),
 Мельничанский Г. Н. 203, 207 (ч. 1), 50 (ч. 2)
 Менделеев Д. И. 165, 348 (т. 4)
 Менжинский В. Р. 51, 238, 340 (ч. 2)
 Меринг Ф. 179, 231, 398 (т. 3), 286 (ч. 2)
 Мерфи Д. 19, 49, 50, 327, 371 (ч. 1)
 Метерицкий 54 (ч. 2)
 Микалек — см. Варский А. 44 (ч. 1)
 Микоян А. И. 106 — 108, 205, 207, 210, 255, 336, 339, 340, 363, 410 (ч. 1), 41, 225, 341 (ч. 2)
 Мильеран А. 411 (ч. 1)
 Мильчаков А. И. 212, 407 (ч. 1)
 Милюков П. Н. 7, 175, 183, 192, 267, 268, 272 (ч. 1)
 Милютин В. П. 100, 208, 209, 225 (ч. 1)
 Минц С. 290, 418 (ч. 1)
 Михайлов В. М. 121, 388 (т. 3), 49, 72 (ч. 2)
 Михалец 130 (ч. 1)
 Молотов В. М. 5, 7, 86, 87, 132, 203, 205, 210, 211, 255, 256, 285, 286, 336, 337, 352, 354, 356, 357, 363, 383, 417 (т. 3), 20, 51, 117, 118, 129, 142, 246, 335, 337 (ч. 2)
 Мольтке Х. 396 (ч. 1)
 Монатг П. 357 (ч. 2)
 Монмуссо Г. 138, 392 (т. 3)
 Мороз Г. С. 104, 341 (ч. 2)
 Мрачковский С. В. 115, 232, 382, 387 (ч. 1), 106, 115 (т. 4)
 Муралов Н. И. 209 (ч. 1), 98, 115 (ч. 2)
 Мусни 4, 8, 224 (ч. 1)
 Муссолини Б. 33 (ч. 1), 356 (ч. 2)
 Мюллер Г. 370 (ч. 1), 355 (т. 4)
 Мякотин В. А. 414 (ч. 1)
 Надь И. 350 (ч. 2)
 Наполеон I 157, 158 (ч. 1), 130 (ч. 2)
 Наполеон III 395, 396 (ч. 1), 344 (ч. 2)
 Нейман Г. 141 (ч. 1)
 Некрасов Н. А. 201 (ч. 1)
 Нефель 187 (ч. 2)
 Нечаев Н. В. 408 (ч. 1)
 Нечаев 220, 221, 228, 231, 246, 408 (ч. 1), 10, 13 (ч. 2)
 Н. И.
 Никон 345 (ч. 2)
 Новиков 344 (ч. 1)
 Новиков 202 (ч. 2)
 Ногин В. П. 188, 399 (ч. 1)
 Ольминский Н. С. 7, 230, 369, 409, 410 (ч. 1)
 Оранж 40, 378 (ч. 1)
 Орджоникидзе Г. К. 204, 337 (ч. 1), 50, 52, 341 (ч. 2)
 Осинский Н. 98 — 100, 106, 205 — 209, 254, 372 (ч. 1), 22, 200 (ч. 2)
 Отцов 224, 225 (ч. 1)
 Павлова И. 387 (ч. 1)
 Паз 130 (ч. 1), 197, 198, 200 (ч. 2)
 Пайпс Р. 393 (ч. 1), 361 (ч. 2)
 Парвус А. Л. 78, 148, 149, 151, 157, 256, 259, 383, 393 (т. 3), 170 (ч. 2)
 Паркер Д. 376 (т. 3)
 Пейро Г. — см. Креме Ж.
 Пенти 40, 378 (ч. 1)
 Пенькин 62 (ч. 2)
 Пеньков М. А. 67, 340 (ч. 2)
 Пеньков Н. 104 (ч. 2)
 Пеппер Д. 139, 140, 281, 327, 328, 333, 336, 424 (ч. 1)
 Пернерсторф 304 (ч. 1)
 Персель А. 47, 304, 305, 325, 328 (ч. 1), 8 (ч. 2)
 Петерс Я. Х. 255 (ч. 1)
 Петрашевский М. В. 410 (т. 3)
 Петров 54 (ч. 2)
 Петровский Г. И. 208 (ч. 1), 123, 125, 211 (ч. 2)
 Петровский Д. — см. Беннет
 Петровский П. Г. 403 (ч. 1)
 Пешехонов А. В. 414 (ч. 1)
 Пийо 124, 137, 138, 390 (т. 3)
 Пилсудский Ю. 304, 305, 326 (ч. 1), 128 (ч. 2)
 Платон 243, 411 (ч. 1), 351 (ч. 2)
 Плеханов Г. В. 154, 162, 177, 258, 394, 416 (ч. 1), 24, 170 (ч. 2)
 Подвойский Н. И. 6, 340, 341, 368 (ч. 1)
 Преображенский Е. А. 9, 75, 78, 79, 81, 82, 88 — 90, 97, 113, 200, 223, 227, 241, 243, 256, 266, 270, 277 — 282, 411, 413 (ч. 1), 9, 17, 25, 48, 51, 98, 115, 332 (ч. 2)
 Покровский М. Н. 336 (ч. 2)
 Поляков 57 (ч. 2)
 Попов В. 424 (ч. 1)
 Попов Н. Н. 212, 406 (ч. 1)
 Постышев П. П. 98, 403 (ч. 1)
 Потресов А. Н. 414 (ч. 1)
 Прозоровская Г. 81, 383 (ч. 1)
 Прудон Ж. 377 (ч. 1)
 Пуанкаре Р. 303, 305, 420 (ч. 1)
 Путилов Н. И. 402 (ч. 1)
 Пятаков Г. Л. 114, 118, 171, 203, 221, 222, 240, 246, 277 (ч. 1), 51, 53 (ч. 2)
 Пятницкий И. А. 255, 325, 330, 423 (ч. 1)
 Рабников 117 (ч. 1)
 Радек К. Б. 4, 9, 14, 19, 36 — 38, 42, 44, 45, 55, 72, 76, 79, 82, 90, 113, 128, 145, 198, 199, 215, 227, 231, 245, 265, 272, 279, 280, 297, 320, 384, 402, 407, 408 (ч. 1), 6, 15, 48, 51, 98, 106, 115, 159, 238, 240, 332, 360 (ч. 2)
 Радек Р.
 Радзинский Э. 358 (ч. 2)
 Разгулина 62 (ч. 2)
 Ракамон Ж. 138 (ч. 1)
 Раковский Х. Г. 48, 98, 106, 115 (ч. 2)
 Рафес М. Г. 125 (ч. 2)
 Рено Ж. 138, 211, 326, 328, 391 (ч. 1)
 Ризе 129 (ч. 1)
 Рикк 327, 424 (ч. 1)
 Ринг 424 (ч. 1)
 Розенгольц А. 255 (ч. 1),
 Рой М. 51, 381 (ч. 1)
 Роланд-Гольст ван дер Схалц Х. 44, 379 (т. 3)
 Романов Михаил 263 (ч. 1)
 Романов 343 (ч. 1)
 Романовы, династия 263 (ч. 1)
 Росмер
 Ротштейн Ф. А. 319, 421 (ч. 1)
 Рубашкин 228 (ч. 1), 10 (ч. 2)
 Рудзутак Я. В. 255 (ч. 1)
 Румянцев 343 (ч. 1)
 Рухимович М. Л. 255 (ч. 1)
 Рывкин О. Л. 337, 427 (ч. 1)

- Рыков А. И. 7, 11, 12, 86, 116, 131, 132, 138, 139, 145, 188, 204, 205, 208, 209, 211 – 213, 329, 336, 343, 352, 355, 425 (ч. 1), 98, 105, 111 – 113, 122, 123, 148, 190, 219, 221, 225, 232 – 234, 305, 339, 341, 358, 359 (ч. 2)
- Рютин М. Н. 100, 370 (ч. 1), 48, 67, 104 (ч. 2)
- Рязанов Д. Б. 254, 413 (ч. 1), 336 (ч. 2)
- С. 354 (ч. 1)
- Савельев М. А. 337, 406 (ч. 1)
- Сакко Н. 359, 429
- Салтыков-Щедрин М. Е. 320 (ч. 2)
- Сандомирский 54 (ч. 2)
- Сапронов Т. В. 128, 228 (ч. 1), 13, 14, 16, 17 (ч. 2)
- Саркис С. А. 118 (ч. 1)
- Сафаров Г. И. 79, 114, 118, 222 (ч. 1)
- Сахновский Р. 53, 54 (ч. 2)
- Свердлов Я. М.
- Седов Л. Л. 200, 255 (ч. 1)
- Седова-Троцкая Н. И. 285 (ч. 1)
- Селор П. 138, 390 (ч. 1)
- Семар П. 133, 138, 210, 211, 335, 391 (ч. 1)
- Семашко Н. А. 285, 417 (ч. 1)
- Семешкин 189 (ч. 2)
- Серебряков Л. П. 114 (ч. 1), 7, 9, 51 (ч. 2)
- Симбирский 254, 413 (ч. 1)
- Скворцов-Степанов И. И. 162, 395 (ч. 1), 139, 140, 143 (ч. 2)
- Скобелев М. И. 397 (ч. 1)
- Скряпник Н. А. 96, 99, 135 (ч. 1)
- Слащов Я. А. 248, 411 (ч. 1)
- Слепков А. Н. 72, 119, 204, 212, 403 (ч. 1), 11, 23, 67, 123 (ч. 2)
- Смилга И. Т. 10, 75, 79, 81, 113, 224, 231 (ч. 1), 98 (ч. 2)
- Смирнов В. М. 72, 76, 77, 81, 119 – 121, 206, 220, 221, 232 (ч. 1), 5, 8, 13 – 16, 19 (ч. 2)
- Смирнов И. Н. 48, 115, 132 (ч. 2)
- Смирнов 62 (ч. 2)
- Снегирев 344 (ч. 1)
- Сокольников Г. Я. 11, 22, 100, 106, 207 – 209, 212, 428 (ч. 1), 142 (ч. 2)
- Солнцев Э. 355 (ч. 2)
- Сократ 411 (ч. 1)
- Сосновский Л. С. 77, 351, 357, 359, 362 (ч. 1), 48, 98, 115 (ч. 2)
- Сталин И. В. 5, 7, 12, 68, 73, 74, 78, 79, 95, 98, 100, 115, 131, 138, 139, 142, 188, 189, 198, 203 – 205, 208 – 213, 236, 239, 242 – 245, 271, 279, 304, 312, 329, 335, 341, 354, 367, 369, 372, 382 – 386, 390, 399, 403, 404, 406, 412, 417, 425 – 429 (ч. 1), 19 – 21, 23, 24, 49 – 52, 58, 104, 105, 109, 112 – 114, 117, 118, 121 – 124, 129, 132, 136, 137, 139, 140, 142, 154 – 156, 160 – 162, 168 – 170, 175 – 183, 186, 235 – 237, 240, 333, 335 – 345, 349, 353, 358 (ч. 2)
- Стеклов Ю. М. 182, 183, 185, 260, 397, 399 (ч. 1)
- Стецкий А. И. 207, 208, 212, 403 (ч. 1), 11, 23 (ч. 2)
- Стиннес Г. 375 (ч. 1)
- Стольшин П. А. 398, 400 (ч. 1)
- Страхов 211, 302, 336, 405 (см. Цюй Цюбо)
- Струве П. Б. 196 (ч. 1)
- Стэн Я. Э. 10, 212, 369, 370, 403, 417 (ч. 1), 123 (ч. 2)
- Суварин Б. 130 (ч. 1)
- Султан-Заде А. С. 135, 389 (ч. 1)
- Сунь Ятсен 239, 360 (ч. 2)
- Суслов 188 (ч. 2)
- Суханов Н. Н. 397 (ч. 1)
- Сырцов С. И. 241 (ч. 1)
- Тальгеймер А. 38, 376, 377, 418 (ч. 1)
- Танхилевич О. 53 (ч. 2)
- Тельман Э. 138, 141, 210, 326, 335, 363, 419 (ч. 1), 160, 357 (ч. 2)
- Теплов 200, 245, 246, 402 (ч. 1), 7, 9 (ч. 2)
- Тер-Ваганян В. А. 77, 382 (ч. 1)
- Террачини У. Э. 45, 379 (ч. 1)
- Тигель 124 (ч. 1)
- Ткачев П. Н. 355 (ч. 2)
- Толстой Л. Н. 233 (ч. 2)
- Толстопятов 122 (ч. 1)
- Тольятти П. 393 (ч. 1)
- Томас Д. Г. 47, 49, 304, 325 (ч. 1)
- Томский М. П. 121, 122, 203, 204, 210, 212, 290, 337, 352, 417 (ч. 1), 24, 50, 98, 105, 106, 111, 122, 123, 124, 130, 338, 339, 341, 359 (ч. 2)
- Торез М. 138, 143, 211, 329, 335, 390, 391 (ч. 1)
- Трейвас Б.
- Трепов Ф. Ф. 346 (ч. 1)
- Троцкий Л. Д. 5, 10 – 14, 37, 38, 44, 45, 72, 75 – 81, 87, 97, 105, 113, 119, 120, 127, 128, 131, 141 – 144, 148, 149, 151, 163 – 165, 167, 171, 173, 174, 194 – 198, 200, 201, 208, 209, 213, 216 – 225, 228, 229 – 233, 237, 245 – 248, 256, 261, 266, 269, 270, 274, 277, 279, 281 – 285, 287, 294 – 297, 299, 303, 306, 307, 315, 317, 322, 335, 336, 344, 345, 349, 351, 353, 357 – 359, 362, 367, 370, 371, 373, 377, 382 – 385, 393 – 396, 402, 407 – 410, 412 – 415, 418, 429 (ч. 1), 7, 9 – 11, 14 – 19, 23, 30, 31, 38, 45, 48, 49, 52, 53, 98, 102, 106, 115, 124, 159, 160, 186, 192, 249, 287, 300, 313, 316, 322, 328 – 330, 332, 333, 340 – 342, 345 – 347, 351, 352, 354 – 357, 359, 360 (ч. 2)
- Трубецкой Н. С. 339 (ч. 1)
- Трэн А. 129, 130, 389 (ч. 1), 357 (ч. 2)
- Тюрго А. Р. 334 (ч. 2)
- Тышко Л. 395 (ч. 1)
- У. 197, 198, 200, 201 (ч. 2)
- Уланов Н. А. 203, 207, 209, 212, 255, 283, 284, 340 – 342, 351, 352, 356, 357, 359, 360 (ч. 1), 45, 49, 51, 51, 110, 123, 124, 134, 148, 233, 234, 335 – 337 (ч. 2)
- Уншлихт И. С. 255 (ч. 1)
- Урбанс Г. 17, 389 (ч. 1)
- Устрялов Н. В. 125, 339 (ч. 2)
- Фалкин 352 (ч. 1)
- Фарбман Р. Б. 113, 386 (ч. 1)
- Федоров М.
- Фельдман, братья 54 (ч. 2)
- Фельштинский Ю. Г. 3 (ч. 1), 3 (ч. 2)
- Фишер Р. 229, 304, 335 (ч. 1)
- Флямер 189, 190 (ч. 2)
- Фома Аквинский 167, 168, 349 (ч. 2)
- Фомин Н. В. 320, 422 (ч. 1)
- Фостер У. 125, 139, 327, 333, 336, 392 (ч. 1), 197 (ч. 2)
- Фриче В. М. 336 (ч. 2)
- Фрумкин М. И. 10, 107, 203, 209, 340 (ч. 1), 108, 339 (ч. 2)
- Фрунзе М. В. 428 (ч. 1)
- Халатов 305 (ч. 2)
- Хаммер А. 428 (ч. 1)
- Хатаевич М. М. 207 (ч. 1)
- Хвостов А. Н. 263, 415 (ч. 1)
- Хейдар 321 (ч. 1)
- Хомяков А. С. 334 (ч. 2)

- Церетели И. Г. 182, 183, 185, 188, 260, 397 (ч. 1)
 Цеткин К. 72, 97 – 99 (ч. 1), 160 (ч. 2)
 Цеглин Е.
 Цюй Цюбо 405 (ч. 1)
 Чайковский П. И. 335 (ч. 2)
 Чан Кайши 47, 53, 56, 142, 321, 324, 415 (ч. 1), 246 (ч. 2)
 Чемберлен С. 353 (ч. 1), 8 (ч. 2)
 Чернов В. М. 397 (ч. 1), 23, 317, 333, 342 (ч. 2)
 Чернышев В. 200, 201, 402 (ч. 1)
 Чернышевский Н. Г. 399 (ч. 1), 170, 351, 355 (ч. 2)
 Чжан Цзолин 282 (ч. 1)
 Чубарь В.Я. 205, 403 (ч. 1)
 Чугреев 189 (ч. 2)
 Чхеидзе Н. С. 183, 185, 258, 260, 397, 399, 409 (ч. 1)
 Шахматов М. М. 339 (ч. 2)
 Шацкий Л. А. 28, 29, 375, 417, 429 (ч. 1)
 Шверник Н. М. 208, 405 (ч. 1)
 Шеболдаев Б. П. 209, 404 (ч. 1)
 Шейдеман Ф. 237, 410 (ч. 1)
 Шекспир У. 382 (ч. 1), 170, 351 (ч. 2)
 Шипов Д. Н. 398 (ч. 1)
 Шлюмер Г. 350 (ч. 2)
 Шляпников А. Г. 5 – 7, 368 (ч. 1)
 Шмераль Б. 328, 335 (ч. 1), 160 (ч. 2)
 Шмидт В. В. 122, 388 (ч. 1), 79, 80, 214, 215 (ч. 2)
 Шмидт О. Ю. 121, 370
 Шнейдер 193, 402 (ч. 1)
 Шохин А.
 Шпицберг 106 (ч. 1)
 Штейн Г. 158 (ч. 1)
 Штейнберг 196, 356 (ч. 2)
 Штирнер М.
 Шубин-Шацкий П. А. 135, 211, 320, 389, 422, 425, 426 (ч. 1)
 Шульгин В. В. 339 (ч. 2)
 Эберг Ф. 237, 303, 419 (ч. 1), 279 (ч. 2)
 Эверт А. 138, 140, 141, 326, 327, 335, 363 (ч. 1)
 Эйхе Р. И. 208 (ч. 1),
 Эльцин В. Б. 72, 76, 220, 221, 228, 232, 246 (ч. 1), 332 (ч. 2)
 Эльцина В. 54 (ч. 2)
 Эмбер-Дро Ж. 137, 138, 389 (ч. 1)
 Энгельс Ф. 40, 69, 157, 158, 189, 274, 322, 368, 369, 379, 382, 395, 413, 416, 423 (ч. 1), 28, 156 – 158, 163, 165, 167 – 170, 173, 181, 185, 310, 346, 354 (ч. 2)
 Эпикур 53, 340 (ч. 2)
 Эрколи 142, 329, 336, 393 (ч. 1) – см. Тольятти П.
 Эррио Э. 420 (ч. 1)
 Юзефский 288 (ч. 1)
 Юффон 170, 351 (ч. 2)
 Яглом Я. К. 50, 337 (ч. 2)
 Яковин В. 54 (ч. 2)
 Яковлев Я. А. 204, 209 (ч. 1), 133, 226, 343 (ч. 2)
 Яковлев 51, 57 (ч. 2)
 Янсон Н. М. 255 (ч. 1)
 Ярославский Е. М. 118, 135, 212, 218, 255, 337, 344, 357 (ч. 1), 11, 233 (ч. 2)
 Яцек 54 (ч. 2)
 Molotov V. V. – см. Молотов В. М.
 Pipes R. – см. Пайпс Р.
 Rodzinsky E. – см. Радзинский Э.
 Reiman M. – см. Рейман М.
 Stalin I. V. – см. Сталин И. В.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Австрия 147, 301, 304, 305, 333, 424 (ч. 1), 114, 152 (ч. 2)
 Азия 163, 262 (ч. 1),
 Азия Малая 373 (ч. 1)
 Азия Средняя 45, 191 (ч. 2)
 Алма-Ата 120, 200, 247, 248, 285, 287, 358, 359 (ч. 1), 49, 106, 186, 219 (ч. 2)
 Америка 14, 25, 26, 33, 34, 57, 125, 126, 137, 147, 213, 306, 315, 323, 328, 331, 333, 390, 392, 424, 426 (ч. 1), 27, 108, 176, 177, 195, 196, 246, 291, 352 (ч. 2)
 Англия — см. Великобритания
 Аргентина 96 (ч. 1)
 Артемовск 61 (ч. 2)
 Астраханская губерния 418 (ч. 1)
 Астрахань 107, 290, 291 (ч. 1), 106, 138 (ч. 2)
 Афганистан 4 (ч. 2)
 Баку 52, 201 (ч. 2)
 Барнаул 52, 121, 359 (ч. 1), 138 (ч. 2)
 Башкирия — см. Башкирская АССР
 Башкирская АССР 254, 413 (ч. 1)
 Белоруссия 336, 406 (ч. 1)
 Бельгия 130 (ч. 1), 200 (ч. 2)
 Берлин 129, 285, 373, 385, 427 (ч. 1), 193, 196, 197, 200, 201, 340, 355 (ч. 2)
 Бирск 254, 255, 413 (ч. 1)
 Бобруйск 214 (ч. 1)
 Богородск 340 (ч. 1)
 Болгария 47, 301, 313, 314, 317, 380, 421, 428 (ч. 1), 12, 114, 242 (ч. 2)
 Бразилия 96, 390 (ч. 1)
 Бранденбург 158 (ч. 1)
 Брест-Литовск 243 (ч. 2)
 Брянск 107 (ч. 1), 55 (ч. 2)
 Бугульма 383 (ч. 1)
 Варшава 126, 210 (ч. 1)
 Великобритания 315, 371, 380, 401, 402, 407, 420, 422, 425 (ч. 1), 352, 353 (ч. 2)
 Вена 33, 215, 298, 299, 304, 409 (ч. 1), 12, 350 (ч. 2)
 Венгрия 301, 314 (ч. 1), 201, 356 (ч. 2)
 Верейская волость 101, 105 (ч. 1)
 Волга 288 (ч. 2)
 Волоколамский уезд 101, 103, 105, 108, 110 (ч. 1)
 Воронеж 19 (ч. 2)
 Воскресенский уезд 101 — 105, 108 — 110 (ч. 1)
 Владимир 107 (ч. 1)
 Гамбург 215, 420 (ч. 1)
 Германия 13, 15, 18, 25, 26, 33 — 35, 37, 42, 43, 47, 48, 58, 124 — 126, 129, 131, 138, 140, 147, 154 — 156, 158, 159, 161 — 163, 166, 167, 188, 210, 238, 239, 301, 303, 304, 317, 331, 332, 334, 335, 363, 372, 375, 376, 377, 378, 380, 381, 383, 385, 388 — 391, 398, 402, 407, 408, 410, 418 — 420, 423, 425 (ч. 1), 114, 128, 140, 157, 158, 165, 176, 177, 181, 194, 198, 242, 278, 279, 342, 344 — 346, 350, 352, 355, 356 (ч. 2)
 Германия Средняя 418 (ч. 1)
 Гота 423 (ч. 1)
 Грузия 399 (ч. 1), 346 (ч. 2)
 Днепропетровск 288, 289 (ч. 1), 81, 106, 213 (ч. 2)
 Донбасс 415 (ч. 1), 61, 181, 210, 212, 216 (ч. 2)
 Донская область 373 (ч. 1)
 Дузгаринская волость 110 (ч. 1)
 Европа 25, 38, 41, 43, 46, 145, 153, 160, 164, 170, 171, 174, 242, 257, 262, 267, 288, 295, 300, 301, 304 — 307, 315, 331, 377, 381, 418 (ч. 1), 156, 165, 176, 179, 180, 181, 241, 259, 272, 274, 346, 353 (ч. 2)
 Европа Западная 119, 140, 197, 204, 424 (ч. 1), 19, 334, 348 (ч. 2)
 Европа Средняя 303 (ч. 1)
 Египет 51, 321, 422, 423 (ч. 1)
 Егорьевский уезд 108 — 111, 113 (ч. 1)
 Екатеринослав — см. Днепропетровск
 Екатеринославская губерния 418 (ч. 1)
 Енакиево 61 (ч. 2)
 Женева 373, 374, 394, 398, 416 (ч. 1)
 Закавказье 107, 404 (ч. 1)
 Запорожье 55, 61 (ч. 2)
 Захарьинская волость
 Звенигородский уезд 103 (ч. 1)
 Златоустовский район 205 (ч. 1)
 Иваново-Вознесенск 55, 62, 211 (ч. 2)
 Ивановская волость 110 (ч. 1)
 Индиана 373 (ч. 1)
 Индия 4, 24, 38, 51, 57, 99, 142, 320, 321, 367, 381, 422 — 424 (ч. 1), 126, 229 (ч. 2)
 Индонезия 326, 421 (ч. 1)
 Иран 389 (ч. 1)
 Италия 33, 301, 304, 305, 326, 331, 375, 379, 393, 396, 424 (ч. 1), 337, 342, 356 (ч. 2)
 Кабардино-Балкарская автономная область 404 (ч. 1)
 Кавказ Северный 118, 202, 207, 338, 404 (ч. 1),
 Казань 290 (ч. 1)
 Калифорния 373 (ч. 1)
 Калеевская волость 105 (ч. 1)
 Калуга 107 (ч. 1),
 Канны 169, 396 (ч. 1)
 Канск 113, 242, 367, 386 (ч. 1)
 Кантон 47 (ч. 1)
 Каширский уезд 101 — 103, 108 — 110 (ч. 1)
 Кельн 154, 395, 398 (ч. 1),
 Киев 287, 288, 404, 417 (ч. 1), 51, 53 — 55, 57, 60, 61, 106, 201 (ч. 2)
 Киевская область 202, 290 (ч. 1)
 Кимры 214 (ч. 1)
 Китай 4, 8, 13, 14, 24, 47, 51, 53, 54, 56, 73, 78, 96, 97, 99, 124, 211, 223, 230, 233, 242, 278 — 283, 317, 318, 321, 322, 381, 392, 405, 413, 415, 423, 425, 427 (ч. 1), 4, 21, 114, 126, 128, 130, 159, 178, 229, 238 — 240, 242 (ч. 2)
 Козловская волость 110 (ч. 1)
 Козловский район 110 (ч. 1)
 Кокчетав 199, 200, 402 (ч. 1),
 Коломенский уезд 102 (ч. 1),
 Колпашево 243, 408 (ч. 1),
 Колтовская волость 102 (ч. 1)
 Коммунистическая волость 112 (ч. 1)
 Кострома 55 (ч. 2)
 Краков 419 (ч. 1)
 Красноярск 415 (ч. 1)
 Красный Яр 291, 418 (ч. 1)
 Кременчуг 55, 61 (ч. 2)
 Крым 107, 202, 412 (ч. 1)
 Кубань 283 (ч. 1)
 Кудымкор 5 (ч. 2)
 Лелечи 109 (ч. 1)
 Ленинград 107, 118, 211, 255, 287, 363, 367, 373, 402, 408 (ч. 1), 5, 47, 51 — 53, 75, 106, 142, 201, 205, 220, 337 (ч. 2)
 Лучинская волость 101 (ч. 1)
 Мадрас 321 (ч. 1)
 Мамошинская волость 109 (ч. 1)

- Марокко 420 (ч. 1), 357 (ч. 2)
 Марьино 214 (ч. 1)
 Мексика 380, 381 (ч. 1)
 Минск 81, 216 (ч. 2)
 Минусинск 45, 46 (ч. 2)
 Можайский уезд 101, 105, 108 (ч. 1)
 Москва 115, 116, 119, 120, 123, 128, 131, 135, 201, 203, 211, 212, 215, 225, 247, 248, 255, 284, 326, 344, 348, 359, 361, 368, 372, 374, 379, 381, 383, 386, 387, 392, 398, 399, 407, 413 – 415, 424, 427, 429 (ч. 1), 4, 5, 7, 47, 48, 51, 52, 62, 73, 100, 103, 106, 138, 193, 195, 197, 201, 212, 213, 220, 222, 315, 316, 335 – 337, 340, 341, 349, 361 (ч. 2)
 Московский уезд 110 – 112 (ч. 1)
 Нанкин 415 (ч. 1), 360 (ч. 2)
 Нидерланды 379, 426 (ч. 1)
 Нижний Новгород 55 (ч. 2)
 Николаев 55, 61 (ч. 2)
 Никольская волость 103 (ч. 1)
 Новороссийск 415 (ч. 1)
 Норвегия 380 (ч. 1)
 Нью-Джерси 373 (ч. 1)
 Одесса 117, 252, 404 (ч. 1), 52, 55, 61, 106 (ч. 2)
 Одесская область 107 (ч. 1)
 Омск 216 (ч. 2)
 Османская империя – см. Турция
 Осташевская волость 103,
 Павловская волость 102, 103 (ч. 1)
 Палестина 321, 422 (ч. 1),
 Париж 124, 157, 394 – 396, 407 (ч. 1), 245, 340, 348, 356 (ч. 2)
 Пенза 383 (ч. 1)
 Перу 96 (ч. 1)
 Персия – см. Иран
 Петербург – см. Ленинград
 Петроград – см. Ленинград
 Поволжье 226 (ч. 1)
 Поволжье Среднее 202 (ч. 1)
 Позен 158 (ч. 1)
 Полтава 422 (ч. 1)
 Польша 58, 99, 125, 126, 138, 140, 210, 304, 305, 313, 314, 326, 328, 331, 333, 379, 389, 419, 420, 424 (ч. 1), 128, 130, 242, 269, 291 (ч. 2)
 Померания 158 (ч. 1)
 Прага 201 (ч. 2)
 Приокский горный округ 75, 205 (ч. 2)
 Пруссия 158, 395, 410 (ч. 1)
 Путиловская волость 109, 193 (ч. 1)
 Пятницкая волость 102, 103 (ч. 1)
 Раменская волость 104 (ч. 1)
 Рига 387 (ч. 1),
 Рим Древний 348 (ч. 2)
 Ричмонд 334 (ч. 2)
 Рогачевская волость 108 – 110 (ч. 1)
 Россия 4, 14, 23, 52, 54, 58, 74, 134, 145, 146, 148, 149, 151, 161 – 165, 167, 169 – 174, 176, 178, 181, 183, 184, 187, 188, 191, 192, 195 – 197, 214, 256 – 258, 261 – 265, 267, 275, 277, 278, 281, 283, 291, 301, 313, 314, 367 – 369, 377, 382, 393, 394, 397, 400, 401, 408, 412, 414, 415, 419, 428 (ч. 1), 26, 139, 140, 158, 160, 179, 229, 240, 281, 287, 291, 334, 335, 338, 339, 345, 347, 351, 355, 356, 358 (ч. 2)
 Ростов-на-Дону 368 (ч. 1)
 РСФСР – см. Россия
 Рубцовск 227, 408 (ч. 1)
 Румыния 213 (ч. 1)
 Рур 48, 301, 380 (ч. 1),
 Рязанская губерния 336, 338 (ч. 1)
 Саксония 418 (ч. 1), 12 (ч. 2)
 Саратов 52 (ч. 2)
 Седан 169, 395, 396 (ч. 1)
 Семипалатинск 118, 203 (ч. 1),
 Сергиевский уезд 101, 102, 108 – 110 (ч. 1)
 Серединская волость 101 – 103 (ч. 1)
 Серпухов 108, 109 (ч. 2)
 Сибирский край 404 (ч. 1)
 Сибирь 199, 220, 226 (ч. 1), 41, 45, 106, 191 (ч. 2)
 Сибирь Восточная 369, 386, 413 (ч. 1)
 Силезия 158 (ч. 1)
 Сирия 420 (ч. 1)
 Смоленск 107 (ч. 1)
 Смоленская губерния 336 (ч. 1)
 Сормово 75, 205 (ч. 2)
 Сочи 242 (ч. 1)
 СССР 14, 16, 17, 59, 64, 66 – 68, 71, 83, 96, 97, 102, 106, 107, 124, 132, 133, 135, 136, 139, 140, 142 – 145, 204, 209, 213, 214, 239, 249, 252, 253, 283, 307, 314, 330, 359, 359, 363, 368, 370, 373, 379, 380, 381, 383, 384, 386 – 389, 392, 393, 397, 403 – 407, 410, 412, 413, 419, 421, 422, 426 – 428 (ч. 1), 4, 5, 6, 23, 28, 32, 33, 36, 37, 39, 41, 73, 77, 84, 99, 114, 131, 159, 186, 190, 192, 196, 207, 241, 335, 338 – 343, 357, 359, 361, 362 (ч. 2)
 США 376, 381, 385, 392, 407, 424, 426, 428, 429 (ч. 1), 334, 353, 356, 357, 360, 362 (ч. 2)
 Таращанский район 290 (ч. 1)
 Ташкент 389 (ч. 1)
 Тверская губерния 214 (ч. 1)
 Тверь 55 (ч. 2)
 Тифлис 201 (ч. 2)
 Тобольск 241 (ч. 1)
 Томск 9, 75, 81, 231, 245, 247 (ч. 1)
 Тула 55 (ч. 2)
 Турция 51, 412 (ч. 1), 360 (ч. 2)
 Тюрингия 418 (ч. 1)
 Украина 83, 107, 202, 205, 211, 226, 252, 288, 336, 368, 386, 403, 404, 406 (ч. 1), 55, 61, 104, 132, 213 (ч. 2)
 Урал 214 (ч. 1), 5, 77, 81, 118, 207, 211, 213, 288 (ч. 2)
 Уругвай 211 (ч. 1)
 УССР – см. Украина
 Уфа 254 (ч. 1)
 Ухтомская волость 111, 112 (ч. 1)
 Франция 33, 35, 42, 124, 126, 129, 130, 138, 140, 149, 152, 154, 156, 157, 175, 188, 211, 213, 267, 268, 302 – 305, 325, 326, 328, 331, 335, 377, 390, 391, 392, 396, 401, 402, 407, 411, 420 (ч. 1), 128, 152, 158, 165, 176, 177, 193, 197, 229, 272, 334, 344, 345, 348 (ч. 2)
 Фуцзянь 415 (ч. 1)
 Ханькоу 423 (ч. 1)
 Харьков 252, 289, 415, 418 (ч. 1), 47, 51, 52, 55, 61, 81, 106, 201, 210, 216 (ч. 2)
 Харьковская губерния 418 (ч. 1)
 Харьковская область 202 (ч. 1)
 Херсонская область 336 (ч. 1)
 Хребтовская волость 102, 109 (ч. 1)
 Хубэй 415 (ч. 1)
 Хунань – см. Чанша

Центрально-промышленный район 54 (ч. 2)	Шахты 61 (ч. 2)
Центрально-Черноземная область 202 (ч. 1)	Швейцария 147, 173, 370, 390 (ч. 1)
Цзянск	Швеция 125, 380 (ч. 1), 342 (ч. 2)
Циммервальд 237, 370 (ч. 1)	Эквадор 96 (ч. 1)
Чанша 324 (ч. 1)	Эрфурт 381 (ч. 1)
Черемушки 214 (ч. 1)	Эстония 47, 317, 426 (ч. 1), 12, 114, 242 (ч. 2)
Чехословакия 130, 138, 140, 304, 305, 328, 330, 334, 335, 389, 420 (ч. 1), 128 (ч. 2)	Эфес 373 (ч. 1)
Чили 96 (ч. 1)	Югославия 126, 138 (ч. 1)
Чита 415 (ч. 1)	Янцзы 80 (ч. 1)
Шанхай 324, 415 (ч. 1)	Япония 33, 57, 321, 407 (ч. 1), 347 (ч. 2)

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Листовка «Позорная политика». 1 октября.	4
<i>И. Врачев</i> . Письмо Радеку. 2 октября.	6
К товарищам группы «15». 12 октября.	13
<i>И. Смилга</i> . Платформа правого крыла ВКП(б). (Н. Бухарин. «Заметки экономиста»). 23 октября.	19
Промышленность и сельское хозяйство	25
Правое крыло (Бухарин)	25
Центристское болото	28
Пролетарский путь	29
Темп индустриализации	32
Позиция центристов	35
Точка зрения оппозиции	37
Бухарин и вопросы партийной и рабочей демократии ..	43
Послесловие	46
Листовка «Ко всем членам московской организации ВКП и рабочим Москвы». 24 октября.	47
Циркулярное письмо. [Октябрь].	48
Циркулярное письмо. [Октябрь].	63
Внимание к перевыборам завкомов. [Октябрь].	69
О положении рабочих СССР в 1928 г. [Октябрь].	73
Состояние денежного обращения и покупательной силы денег к началу 1928/29 г. [Октябрь]	83
Листовка «Ко всем членам партии». Октябрь.	97
Листовка «Ко всем членам партии-рабочим». Октябрь. 100 Как помочь партии и советской власти обеспечить рабочие центры хлебом	101
Что делать, чтобы не только не допустить падения зарплаты, но и поднять ее	101
Как бороться за то, чтобы хозяином в партии был рабочий-большевик	101
Где искать сознательным рабочим-коммунистам опоры в этой борьбе	102
Листовка «Ко всем членам коморганизации». [Октябрь]. 103 О настроениях в парторганизациях в связи с пленумом МК и МКК. [Октябрь].	107
Сводка МК	107

Правые настроения	107
Отношение к правой опасности	108
2. Характерные выступления	109
Выступления оппозиции	109
Отношение к оппозиции	109
О положении в партии	110
О ЦК и ПБ	111
<i>Л. Троцкий. Одиннадцатая годовщина Октября.</i>	
[Октябрь].	111
<i>Л. Троцкий. Кризис правоцентристского блока</i>	
<i>и перспективы. [Конец октября]</i>	116
1. Кризис блока	116
2. Пятилетие общественно-политической реакции	
на основах пролетарской диктатуры	119
3. Бюрократический режим как орудие реакционных	
тенденций и сил	122
4. Что такое центризм?	126
5. Что такое правое крыло?	133
6. В чем разногласия центристов с правыми?	135
Каков же идейный багаж центристской борьбы	
с правыми?	135
<i>Л. Троцкий. О философских тенденциях бюрократизма.</i>	
[Конец октября]	150
Справка о деятельности бывшей троцкистской	
оппозиции по Краснопресненскому району. 1 ноября.	186
Листовка «Ко всем рабочим, ко всем членам партии».	
7 ноября.	190
Письмо из Берлина. [Первая половина ноября].	193
Листовка «К рабочим завода № 1 имени Авиакима».	
[Первая половина ноября].	201
Задачи колдоговорной кампании. [Первая половина	
ноября].	203
Справка о деятельности троцкистской оппозиции	
в празднование Одиннадцатилетия Октябрьской	
революции. 12 ноября	218
Октябрьская годовщина в Москве. Листовка.	
[После 12 ноября]	220
<i>Л. Троцкий. Что такое смычка? [Ноябрь]</i>	222
Из доклада Уланова на пленуме МК и МКК.	
[Конец ноября]	229
<i>Л. Троцкий. На злобы дня. [Декабрь]</i>	231

1. О «блоке» с правыми и о чепухе вообще	231
2. Еще раз о лозунгах демократии для Китая	238
<i>Л. Троцкий. Пакт Келлога и борьба за мир. (Несколько бег-</i>	
<i>лых замечаний)</i>	241
Приложение. <i>Л. Троцкий. Новый курс</i>	247
Предисловие	247
Вопрос о партийных поколениях	250
Общественный состав партии.	257
Группировки и фракционные образования.	262
Бюрократизм и революция (Конспект	
непрочитанного доклада).	271
Традиция и революционная политика	277
«Недооценка» крестьянства	285
Предложение, внесенное в ЦК в феврале 1920 года. 292	
Основные вопросы продовольственной	
и земельной политики.	292
Плановое хозяйство	293
Выполнение приказа №1042 (в процентах	
по отношению к плану)	296
<i>Приложения</i>	308
Приложение 1-е. Новый курс (Письмо к партийным	
совещаниям).	308
Приложение 2-е. О казенщине, военной и всякой иной ..316	
Приложение 3-е. О смычке. (Точнее: о смычке	
и о ложных слухах)	321
Приложение 4-е. К вопросу о двух поколениях)	327
<i>Примечания</i>	331
Указатель имен	362
Указатель географических названий	375

Научное издание

Архив Троцкого

[Серия публикаций
«КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ
В СССР»]

Том 3, часть 2

Научные редакторы *М. Г. Станчев, Ю. Г. Фельштинский*

Редактор *А. П. Томаровский*

Художественный редактор *Е. Л. Шамрай*

Компьютерная верстка *В. В. Людвинской*

Корректор *И. Г. Желанишкова*

Подписано к печати 30.09.2002. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура NewBaskerville. Усл. печ. л. 30,5.
Издательство «ОКО». 61002 Харьков, ул. Артема, 44.